

ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА
ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

«Хочется написать тебе, пока свободен. Полк ушел на репетиционный смотр. Я как дежурный остался. Я пишу, у печки притулились два моих товарища и тихо болтают с одним из денщиков, мы совсем обеднели. Нет ни табаку, ни сахару, ни свеч и достать буквально негде. Писать тороплюсь, через четверть часа мой огарок догорит и в хате воцарится темнота. Теперь я в пулеметной команде. Совсем неожиданно назначили. Попасть в эту команду считается очень лестным».

Анастасия Сироткина, г. Тверь

«В самом центре села растет ветла. Никто не может назвать ее возраста. Ее кора испещрена уродливыми шрамами и трещинами. Такие же глубокие шрамы и на роду Повериновых.

Ветла была свидетельницей всех событий, происходящих в селе в XX веке. Жаль, не может о них рассказать. Так же долго ничего не рассказывали об истории своего рода Повериновы. Шелестят листья на ветвях дерева. Их не сосчитать. Так и род Ивана Фомича Повереннова. Он словно ствол ветлы, а его потомки – множество листьев на ветках».

Марина Беляева, с. Ельники, Мордовия

БЫЛИ И ЖИЛИ

БЫЛИ И ЖИЛИ

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»
Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева
Союз краеведов России
Кафедра региональной истории и краеведения
Российского государственного гуманитарного университета

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век»

БЫЛИ И ЖИЛИ

ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса
исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век» 2016 года

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕМОРИАЛ, 2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
Б95

Издательская программа Международного общества «Мемориал»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век» проводится при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (ФРГ) в Российской Федерации, Фонда Кёрбера (ФРГ)

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 г. № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Движением «Гражданское достоинство» (<http://civildignity.ru>)

Издание осуществлено при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ)

Редакционная коллегия Александр Даниэль, Лариса Еремина, Елена Жемкова, Татьяна Касаткина, Никита Охотин, Ян Рачинский, Арсений Рогинский (председатель)

Редактор-составитель Ирина Щербакова

Редактор Николай Gladких
Подготовка текста Любовь Гришина, Оксана Михайлова
Дизайн обложки Георгий Кизевальтер
В оформлении обложки использованы фотографии из архива НИПЦ «Мемориал»

Б95 Были и жили
История России XX века глазами школьников
М.: Мемориал; 2016. — 410 с.: ил.

ISBN 978-5-9902341-5-4

В сборник вошли работы российских школьников — лауреатов Всероссийского исторического конкурса «Человек в истории. Россия — XX век» 2016 года, посвященные событиям Первой и Второй мировой войны, политическим репрессиям в СССР, отношениям церкви и государства, судьбам советских и российских деревень. Работы основаны на уникальных источниках, найденных школьниками: дневниках, воспоминаниях, материалах следственных дел.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-9902341-5-4

© Международный Мемориал, 2016

Содержание

Людмила Улицкая. Предисловие 7

Из семейного архива

Мария Ямбикова. Драма без антрактов 13
Екатерина Рязанова. Дневник моего прапрадеда 31
Владимир Сынков. Жизнь и деятельность
Михаила Никоноровича Басова,
учителя Наумовского земского училища 39

Дело о...

Юлия Фомина. «Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»:
(перипетии судьбы главного врача больницы Челябинского
тракторного завода Г. К. Шастина) 57
Анна Аксютичева. Дело о «контрреволюционной группе» 82
Александра Калиненко, Диана Кравцова. Дочки-матери 97

На фронте и в тылу

Владимир Алов. Просто он не вернулся из боя
(«без вести пропавшие») 121
Ирина Корнеева, Артем Чилингаров. И напоследок попросил
не осуждать... (служба в РККА и фронтовая жизнь
Николая Федоровича Телешева) 135
Светлана Семунина. Судьба ленинградки
(о Галине Генриховой, обычной советской девушке) 148
Анжелика Маторина. История одного детства
(жизнь в оккупации и послевоенном детском доме
по воспоминаниям Жанны Петровны Дубовик) 169
Никита Денисов, Артем Сапелкин, Виктория Сапелкина.
«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть» 181
Елена Кройтор. «Алатырский дневник» 213

Исчезающая деревня

Оксана Елисова. Из недосказанного...
(особенности жизни некоторых татарских сел
в Ельниковском районе Республики Мордовии) 233
Владимир Жевлаков, Ярослава Сидорова, Борис Тимофеев.
И коллективизация, и оптимизация (эксперимент
по раскрестьяниванию продолжается) 251
Даниил Мочалов. «Герои колхозных полей» 263

Николай Гавриловец. «Я живу на земле Новгородской,
край Батецкий, деревня Смыч...» 279

Дарья Гальцова, Софья Караборчева. Дела давно
минувших дней 296

Алина Хетчикова. Род Хетчиковых
в истории деревни Огурцы 321

Человек и его история

Алина Ворончихина, Анастасия Мельникова.

«Благородные по происхождению»
(дворяне в истории Абанского района) 333

Мария Передок. «Бархатный орешек с металлом внутри»:
Исаак Моисеевич Зальцман в Челябинске. 1941–1949 гг. 343

Александр Филиппов. Протоиерей Георгий Эдельштейн
и советская религиозная политика 372

Светлана Зверева. Они войну не выбрали
(мои земляки в Чечне) 385

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век» 407

Жюри конкурса «Человек в истории. Россия — XX век» 409

Предисловие

Если бы мы попытались ответить на вопрос, какая из наук самая древняя, вероятнее всего, самой древней наукой пришлось бы признать историю. В те времена, когда люди еще и не подозревали о том, что существует научное познание, история уже существовала. Конечно, не в современном виде. Наши предки едва-едва научились фиксировать время, еще не вполне освоились с календарем, но уже передавали друг другу память о недавнем и более далеком прошлом. Правда мешалась с вымыслом, в пересказах события часто искажались, но все-таки это уже была ИСТОРИЯ.

Задачей профессиональных историков более позднего времени стало внимательное и критическое исследование древних источников, часто анонимных. На помощь приходили и археологи, и архивисты, и представители естественных и точных наук. Даже истории, рассказанные в Библии, подверглись такой серьезной проверке — и многие невероятные события получили научное подтверждение.

Но сейчас речь идет об истории сравнительно недавней — об истории XX века. И хотя еще живы последние участники событий, живы их дети и внуки, но споры о том, что же произошло с нашей страной и с нашим народом за прошедшее столетие, до сих пор не утихают.

Войны сопровождают человечество с незапамятных времен, но в давние времена между собой воевали отдельные народы и отдельные страны. В XX веке разразились две войны, которые стали называть мировыми: Первая мировая — с 1914-го по 1918-й год, и Вторая мировая — с 1939-го по 1945-й. Обе эти войны, следовавшие одна за другой с небольшим перерывом, унесли множество человеческих жизней: в Первой мировой было убито около 10 миллионов человек, во Второй погибло больше 54 миллионов. Точно оценить военные потери едва ли возможно. Кроме миллионов солдат и офицеров, убитых на полях боев, погибли миллионы людей в оккупированных фашистами странах, в концлагерях. Голод и болезни унесли еще множество жизней, и это те жертвы войны, которые даже не поддаются подсчету. А сколько людей стали инвалидами в результате тяжелых ранений...

Война — величайшее несчастье человечества. Но, в отличие от стихийных бедствий — извержений вулканов, пожаров и наво-

дней, любая война планируется и осуществляется безумными людьми, наделенными обаянием зла. Когда такие люди достигают власти, это оказывается соблазном для целых народов. История богата такими примерами.

Сможет ли человечество прожить без войн? Научатся ли люди решать сложные проблемы сосуществования путем переговоров и взаимных уступок? Извлекут ли поколения внуков и правнуков тех, кто погиб во Второй мировой, уроки из опыта войны? Войти в будущее невозможно без пристального изучения истории, причем не только «большой истории» учебников, но и «малой истории» отдельных людей.

Книга, которую мы вам предлагаем, не претендует на принципиально новое освещение фактов. Но она рассказывает о событиях и людях, которые обычно остаются вне поля зрения официальной истории. Она составлена из работ школьников, живущих в самых разных областях России, от западных до восточных границ, — это подлинные истории их предков, родственников, земляков, соседей. Это рассказы о «маленьком человеке». Был такой термин в русской литературе. В реальности, этот «маленький человек» и есть подлинный герой истории войны — не только Второй мировой, но и не менее важной и почти забытой Первой.

Большая история страны складывается, в конечном счете, из историй частных людей, выживших и погибших в этих кровопролитных войнах. Самые тяжелые и самые, на мой взгляд, важные страницы этой книги посвящены тем, кто погиб за родину во Второй мировой войне, но память о них выветрилась, имена их забыты.

Владимир Алов, выпускник Петрозаводской школы, сделал огромной важности изыскание, касающееся большого региона — Республики Карелии. По ее территории проходил Карельский фронт. Здесь погибло 257 тысяч бойцов и офицеров Красной Армии, но числятся захороненными около 60 тысяч. Более семидесяти лет прошло с окончания войны, но все остальные до сих пор считаются «пропавшими без вести». Восемнадцатилетний Владимир, работая вместе с поисковиками и используя их данные, установил, что сложности идентификации останков связаны с тем, что далеко не у всех бойцов имелись так называемые «солдатские медальоны». Оказалось, что эти медальоны были сначала заменены солдатскими книжками, а потом, в ноябре 1942-го, и вовсе отменены приказом № 376, подписанным генерал-лейтенантом Хруле-

вым. Благодаря этому приказу, семь тысяч *погибших* солдат получили извещение, что их кормилец *«пропал без вести»*, а значит, были лишены помощи от государства. К сожалению, и по сей день из 60 тысяч захороненных в Карелии бойцов 5 тысяч не опознано. И мы до сих пор не знаем, сколько тысяч пропали безымянными в карельских лесах и болотах...

Таков вклад школьников, участников конкурса, в историю Второй мировой войны, в дело восстановления памяти о погибших.

Но война унесла не только миллионы солдат. На старых географических картах мы можем найти названия деревень и поселков, которые уже не существуют. Несколько работ, представленных на конкурс, как раз и повествуют о таких исчезнувших или исчезающих деревнях. Эти малые населенные пункты были родиной и тех, кто ушел отсюда на войну, и тех, кто после войны перебрался в город.

Яркое сочинение написано школьницами Дарьей Гальцовой и Софьей Караборчевой — о судьбе деревни Новый Курлак Воронежской области: девочкам удалось найти документы о небольшом деревенском восстании против местного помещика, намеревавшегося продать землю, принадлежавшую общине, о последующем наказании участников этого народного бунта, случившегося в 1902 году. Очень интересно Николай Гавриловец рассказывает о деревне Смыч Новгородской области, откуда родом его предки. Катерина Рязанова, школьница из города Полевской Свердловской области, написала свою работу на материале хранимого в семье дневника ее прапрадеда Ивана Терентьевича Соколова. Этот интереснейший документ показывает, как изменилось отношение молодого крестьянина, восторженно встретившего революцию, к новой власти. Точкой поворота для Ивана Терентьевича стало постановление об изъятии церковных ценностей. Каждое из сочинений такого рода — историческое свидетельство о взаимоотношениях частного человека, общества и государства.

В 2015–2016 годах общество «Мемориал» в семнадцатый раз проводило конкурс сочинений по истории среди старшекласников. Семнадцатый раз мы издаем сборник лучших работ конкурса. Это энциклопедия российской жизни, рассказанная ее молодыми гражданами, и история эта не парадная, а повседневная. Здесь нет риторических и полных фальшивого пафоса слов о патриотизме, а есть важная работа, цель которой — восстановить историческую справедливость по отношению к тем, кто погиб в больших и малых

войнах, был раскулачен и сослан, стал жертвой государственного террора.

Каждый такой конкурс, кроме того, что дает ценный материал историкам, имеет и еще одну удивительную черту — он оказывается школой воспитания полноценных граждан, способных к самостоятельному суждению, к различению добра и зла, что и является основой всякого педагогического процесса. Далеко не все молодые люди, участвующие в нашем конкурсе, станут профессиональными историками. Но про каждого из тех, кто прошел опыт такого исторического исследования, можно с уверенностью сказать: он стал настоящим гражданином России.

Людмила Улицкая,
писатель, председатель Жюри Всероссийского конкурса
исторических исследовательских работ старшекласников
«Человек в истории. Россия — XX век»

из семейного архива

Драма без антрактов

Мария Ямбикова

гимназия № 4, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл
научный руководитель Татьяна Юрьевна Нерода

В жизни каждого из нас случаются встречи, многие из которых заставляют по-новому взглянуть на себя, на прошлое своей семьи. Не знаю, когда бы я дозрела до столь серьезного и важного дела, если бы не счастливая случайность. В июле нынешнего года в гости к моему деду приехала его двоюродная сестра Татьяна Юрьевна Нерода, в девичестве Ямбикова. Они практически не знали друг друга, хотя их отцы были родными братьями. У них общие дедушка и бабушка, которых оба очень хорошо помнят. Татьяна Юрьевна, тетя Таня, не просто разбудила мое любопытство, она помогла раскопать в нашем семейном архиве письма моего деда с фронта, увлекла меня идеей сохранения семейной памяти через написание исследования по истории нашей семьи. В моем распоряжении оказались письма, фотографии, архивные документы и воспоминания деда и его двоюродных сестер Татьяны и Елизаветы Ямбиковых.

ГЕНЕРАЛИССИМУС И ИМПЕРАТРИЦА

Свою работу я начала с судеб моих прапрадедушки и прапрабабушки. Их пару близкие друзья в шутку называли союзом императрицы и генералиссимуса, не только за совпадение по именам с известными историческими личностями, но и за особенность характеров. Александр Васильевич — «главнокомандующий» в любой ситуации, в том числе и в семейных отношениях. Елизавета Петровна — красивая, хорошо образованная женщина, прекрасно владела французским и немецким языками, глубоко разбиралась в искусстве, любила театр...

Александр Васильевич и Елизавета Петровна Ямбиковы родились в конце XIX века. По рождению они принадлежали к разным сословиям: Александр — из семьи зажиточного крестьянина, Лиза воспитывалась у дяди, дирижера Казанского оперного театра. Объединяло то, что родители их хотели дать образование своим детям и сделали это, исходя из своих возможностей.

Александр первоначальное образование получил в церковно-приходской школе, немного поработал земским писарем, затем по-

шел учиться в открывшееся земское училище, которое позволило ему сменить свое «скучное», как ему казалось, занятие в управе на службу ветеринарным фельдшером. Работал увлеченно, практиковал в селе Сумки, поселке Юрино и окрестных селах. Многие из его друзей, бывших крестьянских отпрысков, становились в то время баржевладельцами, записывались в купеческое и мещанское сословие. Высокий (2 м с лишним), широкоплечий, уверенный в себе, он покориł белокурую, хрупкую Лизу. Трудно сказать, что привлекло ее, «тургеневскую» девушку, владеющую в совершенстве французским и немецким, играющую на фортепиано, в Александре. Говорят, противоположности притягиваются. Видимо, в нашем случае так и произошло. Не смутило Лизу и «глубокое оканье», напротив, это позволило сравнивать его с Максимом Горьким, которого она так обожала.

Их встреча произошла в оперном театре, куда случайно пришел молодой ветеринар, чтобы «занять» свободный вечер в один из служебных приездов в Казань.

К этому времени Лиза окончила Казанский институт благородных девиц и уже обучалась на юридическом факультете Казанского университета. (Того самого, откуда был исключен в свое время вождь пролетариата Владимир Ульянов). Лиза рано потеряла родителей и воспитывалась в семье дяди, где не было собственных детей. Росла в любви, на ее имя были «отписаны» пять доходных домов в Казани, ее окружали книги, театр. Уже в юности она сочиняла стихи, которые даже публиковались на страницах местных газет. В 1909 году они поженились. Лиза завершала образование, Александр практиковал ветеринарным фельдшером. Лиза в 1910 году родила сына Василия, моего прадеда, полную копию своего отца. Уже в восемь лет он пытался переплыть Волгу, мерялся силой в драках с мальчишками вдвое старше его, любил лошадей и еще в подростковом возрасте мог укротить рысака, оседлать которого не рисковали и взрослые мужчины. Елизавета Петровна воспитывала увещеваниями и просьбами, а отец нет-нет да и охаживал ремнем. И он был всегда для всех сыновей (позже родятся Коля и Юра) непререкаемым авторитетом. Жили счастливо, но уже понимали, что надвигается что-то страшное.

Началась Первая мировая. Александр Васильевич ушел в действующую армию в первый год войны. В одном из боев потерял ступню — был награжден, комиссован и всю оставшуюся жизнь ходил на деревянном протезе. Это было трудно физически — при весе в 120 кг. Но тяга к жизни и желание доказать свою состоятельность позволили остаться таким же уверенным в себе, как и до войны.

Уже в 1915 году он открыл первую ветеринарную клинику в Сумках. Подтверждение этому есть и в некоторых архивах и публикациях по истории Марий Эл (komanda-k.ru/2010/mariiel). Располагалось село в устье реки Сумка, на правом ее берегу, при впадении в Волгу. Выгодное географическое расположение села Сумки на старинном сухопутном Московско-Казанском (Сибирском) тракте и вблизи волжского пути сыграло важную роль в том, что здесь исстари проводились базарные дни и ярмарки. Ежегодно осенью, на Покрова, сюда приезжали купцы, крестьяне-торговцы, коробейники, бакалейщики, лотошники из соседних уездов и губерний. На базарной площади шумел балаган, играла гармонь; народ катался на каруселях и самокатах. Елизавета Петровна не очень любила «разгул простолюдинов», но Александр Васильевич «ставил на место» свою жену. Как вспоминал позже сын Юрий, достаточно было его хмурого взгляда, чтобы жена ретировалась: «Прости, Саша, я что-то не то сказала...» И они, одевшись понаряднее (Александр в «выходном» костюме, в светлой рубашке-косоворотке, обув единственную ногу в начищенный хромовый сапог, заметно прихрамывая, поблескивая цепочкой от карманных часов; Лиза в своем «выходном» платье из синего бархата), вышагивали рука об руку по шумной, пестрой праздничной базарной площади. Их узнавали, кланялись, радостно улыбались. Население окрестных деревень и Сумок не только праздники любило, у большинства были крепкие хозяйства: свои лошади, коровы, овцы, большие пашни. Работы для ветврача было предостаточно. Александр Васильевич никогда не отказывал в помощи. Профессию любил фанатично. Позже, уже вместе с сыном Василием, он поступил в Казанский ветеринарный институт имени Баумана и получил высшее образование. Впоследствии его блестящие знания и человеческая порядочность дадут право Александру Васильевичу возглавить ветеринарную службу одного из лучших в стране конезаводов (в Починках Горьковской области).

Елизавета Петровна же никогда не оставляла надежды вернуться назад, в родную Казань. Она была юристом по диплому и не теряла надежды реализовать свою мечту — сделать адвокатскую карьеру. Так потом и случится, Елизавета Петровна станет одним из лучших адвокатов, будет зачислена в члены Коллегии Марийского республиканского суда. И придется ее адвокатское становление на самые сложные 20–30-е годы: защита «врагов» — кулаков, вредителей, священников. Но это будет позже.

В конце августа того же 1918 года, находясь в Казани, едва не лишился жизни Александр Васильевич. В город вошли белые, отыскивали красноармейцев, подозрительных. Словом, поступали ничуть не лучше, чем красные до этого. Александр Васильевич был схвачен на улице. Расстреливали прямо у стены одного из каменных зданий. Когда молодой солдат повел его к этой стене, Лиза с криками бросилась к стоявшей поодаль группе офицеров и упала на колени прямо в пыль. И случилось чудо: один из стоявших с удивлением воскликнул: «Лиза? Что такое? Встань!» Оказалось, что этим офицером был брат Лизиной подруги по институту благородных девиц. А Елизавета только и смогла прокричать — там Саша, мой муж! Последовало резкое «Отставить!» и Александра Васильевича без каких-либо проверок вывели из толпы обреченных. Наверное, самое страшное, что может быть в любой гражданской войне — это то, что люди оказываются втянутыми в смертельную бойню за какое-то мистическое счастье, лишаясь при этом простого человеческого благополучия, семейных будней и радостей... Вечером семья поспешила назад, в Сумки.

Сегодня от самого села Сумки осталось совсем немного домов, говорят, всего четыре. Во время постройки Чебоксарского водохранилища оно попало в зону затопления. К сожалению, в советское время интересы «каких-то» полутора тысяч людей оказывались такой мелочью по сравнению с масштабами соцстроительства! Сохранилась каменная церковь, построенная в 1824 году и относящаяся по своим формам к архитектурным памятникам XVIII века — она повторила облик простоявшей здесь более ста лет деревянной церкви. В 1939 г. Сумская церковь была закрыта. Здание превратили, как это случалось повсеместно в период воинствующего атеизма, в зерносклад.

Семья Ямбиковых прожила в Сумках, затем в Юрино — ориентировочно до 1929 года, до поступления Александра Васильевича и Васи в Казанский ветеринарный институт. О казанском периоде их жизни информации мало, в основном это то, что сохранилось в памяти дочери Юрия по его рассказам. Был свой дом-пятистенок, богатая библиотека. Адвокатская практика Елизаветы Петровны позволяла не бедствовать, но излишеств тоже не было, учитывая какими голодными были 30-е, особенно для Поволжья. Юрий запомнил, что вокруг них всегда было много нищих, голодных. Они знали, что Ямбиковы всегда «подают». И, действительно, милосердие отличало в семье всех: и родителей, и детей. Это качество они сумели передать и нам, их потомкам.

В 1929 году семья отправляется в Починки Горьковской области. Александр Васильевич и Василий назначаются на ветеринарную службу в элитный конезавод, основанный еще императрицей Елизаветой Петровной.

ПОЧИНКОВСКАЯ СТРАНИЦА: И ПЕСНЬ ВО СЛАВУ КОММУНИЗМА, И МЕТКА ЧЕРНАЯ «ВРАГА»

С 1929 по 1937 год семья Ямбиковых жила обычной жизнью советских граждан. Отец и старший сын работали с большим вдохновением. Лошади были центром внимания, любви и заботы. Вася под началом отца осваивал практику. Юрка и Коля днями пропадали в конюшнях, купали в волжских водах своих любимцев, «объезжали» молодых жеребцов. Для мальчишек лошадь стала на всю жизнь символом красоты и верности. Юра (Юрий Александрович, ставший уже после Великой Отечественной зоотехником) мог с закрытыми глазами нарисовать силуэт летящего скакуна.

Василий стал хорошим специалистом. Не очень щедрый на похвалу отец делился с Лизой тем, что «Васька у нас молодец, хороший врач получился, толковый». Юра вспоминал, что в свои 10–12 лет они с Колей прекрасно знали, что такое сап, сибирская язва, осознавали опасность слова эпидемия и пр. Они знали, как правильно ухаживать за лошадью и могли отличить здоровую от больной, в случае надобности оказать ей первую помощь. Надо сказать, что на фоне разразившегося страшного голода опасность возникновения эпидемий была вполне реальной: народ раскапывал скотомогильники, страх терялся в условиях мучительной голодной смерти. Сам же Александр Васильевич прекрасно понимая опасность инфекционных болезней, запретил захоронения туш животных без сжигания. Но в случае, если можно было после хорошей термической обработки мясо павшей лошади употреблять, его отдавали людям, ежедневно стоящим в ожидании спасения у ворот конезавода. Засуха, неурожай 1932–1933 годов сказывались и на лошадях, кормов катастрофически не хватало. Ветеринар не мог спасти животных от голода. Это понимали все, но было ясно и другое: виновный будет рано или поздно назначен. Это произошло, когда, казалось, и падеж прекратился, и кормов стало больше — в 1937 году: погибли сразу три лошади. Уже на следующий день Александра Васильевича и его сына вызвали по повестке в отдел НКВД. Допрашивали отдельно. Мало что известно о допросах, но они сводились к одному: при-

знать в причастности к вредительской группе и отравлении животных. Александра Васильевича допрашивали, не позволяя сесть, это продолжалось в течение всего первого дня. Учитывая, что он был на одной ноге (вместо второй — протез), это было мучительно. Показали заявление-донос, написанный фельдшером конезавода неким Виноградовым. (Эту фамилию помнят и Лиза, и Татьяна — дети Юрия). Знают они о нем и то, что он был человеком недалеким и завистливым, а еще подворовывал медпрепараты, содержащие наркотические вещества, за что получил уже не одно серьезное предупреждение от Ямбикова-старшего. Вот и нашел способ отомстить.

Я нашла материалы, подтвержденные документами архивов, что массовые репрессии проводились в это время во всех сельскохозяйственных районах Горьковской области. В последние месяцы 1937 г. в ряде районов прошли судебные процессы над «вредителями сельского хозяйства». «Врагов народа» разоблачали в земельных органах, МТС. Работники облзо (областного земельного отдела) во главе с начальником управления С. М. Тихоновым были обвинены в уничтожении колхозного скота, срыве строительства 13 МТС, выводе из строя тракторного парка и т. д. По делу о «контрреволюционной организации правых» в облзо арестовали 116 человек¹. Когда я читала документы, указывающие на вредительскую деятельность тех или иных «врагов», то многое просто поражало своей абсурдностью. Например, руководитель Дивеевского района Безденежных обвинялся в том, что он специально выводил район в передовики, чтобы потом получить высокий прием в Кремле и совершить покушение на кого-либо из вождей... Быть слишком хорошим тоже получается опасно!

Вернемся к судьбе Ямбиковых. Александра Васильевича промучили допросами неделю и на удивление и радость отчаявшейся жены и младших детей выпустили. Вернулся под вечер... абсолютно седой. Слезы, вопросы. А он молчал. Елизавета Петровна, боясь его гнева, притихла. Ждала, когда сам захочет что-то сказать. Сказал мало: о том, что пережил, — он много позже расскажет Юрию, уже студенту Горьковского сельхозинститута. Тогда же он сообщил Елизавете Петровне, что Васю надо спасать, а для этого установить и доказать точную причину гибели последних лошадей. Ему этого не дали сделать сразу, так как забрали неожиданно. От работы отстранили, взяли подписку о невыезде. Тем не менее, были и порядочные среди коллег, по просьбе опального ветврача принесли об-

¹ НОЦДНИ. Ф. 3, оп. 1, д. 497, л. 188.

Василий Александрович Ямбиков. 1941

В. А. Ямбиков
(в центре)
с сослуживцами.
1942

В. А. Ямбиков.
1942

Любовь Николаевна, жена В. А. Ямбикова

В. А. Ямбиков (7-ой справа в среднем ряду). 1936

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ

100100 г. Москва, К-100

№ 173/ 4/207115 *LL* декабря 197 5 г.

Тов. ЯМБИКОВУ Н.В.
424025, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская,
дом 48, кв. 79

*Видею Н.В. Ямбикову
От: Войтенко Е.И.*

На Ваше письмо, поступившее из Архива Министерства обороны СССР, сообщая, что по учетным документам Главного управления кадров старший ветеринарный врач 686 стрелкового полка 411 стрелковой дивизии военветврач 3 ранга ЯМБИКОВ Василий Александрович, 1910г.рождения пропал без вести в мае 1942г.
Других сведений, к сожалению, не имеется.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА *[Signature]* ВОЙТЕНКО

АК
ляк

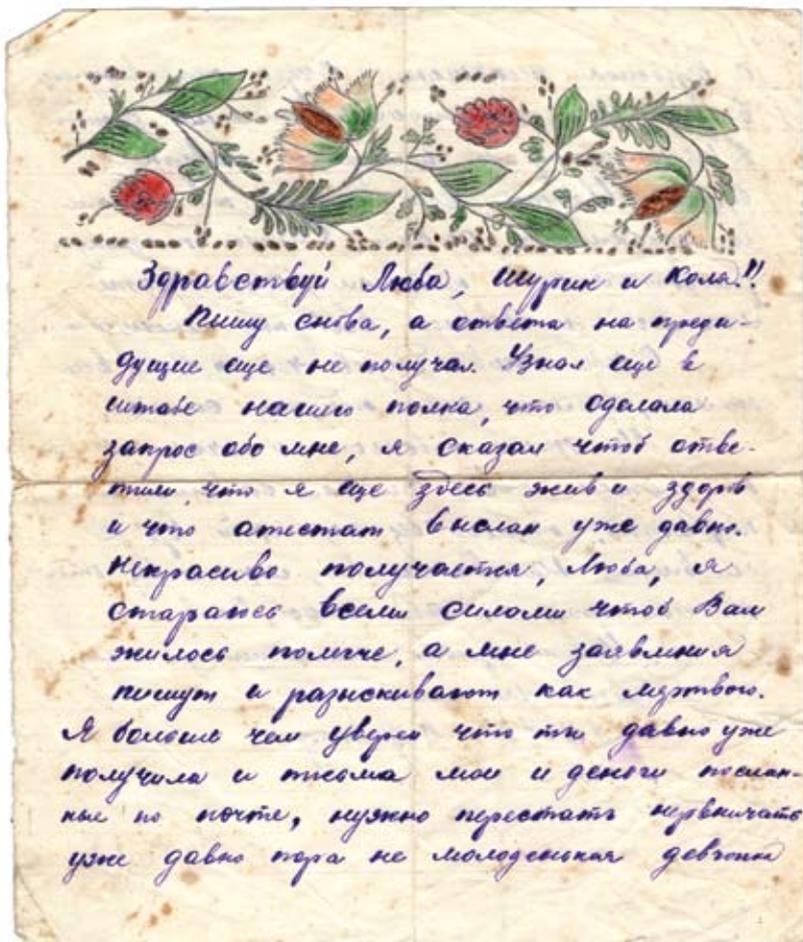
При ответе сослаться на номер.

Ответ на запрос моего дедушки (Николая Васильевича Ямбикова) об отце

Здравствуй дорогая Маша и
твои маленькие Мишенька и Коля!
Маша, ты наверно уже получила
и очень старалась? Не забудь особенно
я получил направление в Военно-
Воздушную Академию в чер.
Москву, так что сразу на фронт
не попаду, а наверное буду
учиться, конечно это другой раз
дело. Берешь журнал, листок газет,
чтоб Мишенька и Коля а я буду
писать как можно чаще и
напрямую. Ну про себя моя радость
нужно сказать. Мыслишь добрым
на получение денег возни со вся
затратами. твой муж В. Ямбиков
с. Тульчин.

Ты же раз и пишу тебе и
всегда счастлив

Письмо В. А. Ямбикова с фронта. 1941

Письмо В. А. Ямбикова с фронта. 1942

разцы тканей умерших животных. Несколько суток просидел над микроскопом, над справочниками, колбами и пробирками.

И однажды ночью он, всегда сдержанный, знающий цену словам и эмоциям, звенящим возгласом разбудил всех: нашел, нашел, нашел! Все прибежали в комнату к отцу. Он, вымотанный физически и психологически за все эти бессонные ночи, не мог оторваться от микроскопа. Не прошли даром тревожные ночи, он все-таки обнаружил причину. Заключение, сделанное Александром Васильевичем и подтвержденное коллегами, стало основанием для написания ходатайств в разные инстанции. Здесь внесла значительную лепту и Елизавета Петровна при составлении текстов прошений, применив свой адвокатский опыт. Далее была трудная поездка в Москву, в течение месяца томительные очереди в «казенные кабинеты». Немногим так везло, но она добилась встречи с «самим Калининным». Этот факт знают все в нашей семье. После беседы с ним, не получив никаких прогнозов на будущее сына, она вернулась домой. Потянулись месяцы ожидания обещанного официального ответа. Это было тягостно, тем более что почти никто не возвращался. Арестовали многих вчерашних друзей семьи, просто знакомых. Удивительный факт — Вася вернулся через полгода, худой, сильно изменившийся. Юрий (брат) часто рассказывал своим дочерям: «Уходил в пальто, вернулся в фуфайке, явно не своего размера, руки голые торчат, разбитые сапоги и лицо не того веселого балагура, к которому привыкли все, а человека, многое пережившего. Тема разговоров о том, где был и как жил, была под строжайшим запретом. Так ничего и не узнали, в 1943-м он погиб... Может, останься живым, рассказал бы, но не пришлось».

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ СТРАНИЦ ЛЮБВИ

Дедушка, Николай Васильевич, с нескрываемым волнением извлек из шкафчика, стоящего в гостиной, старинную медную шкатулку. В ней хранилась целая стопка пожелтевших от времени писем. Их писал мой прадедушка Василий с фронта своей жене и детям. Я понимала, что письма эти — настоящая семейная реликвия, в них память о дорогом человеке. Моему деду не исполнилось и года, а старшему брату Шурику было чуть больше полутора, когда их отец, Василий Ямбиков, навсегда покинул родной дом.

Тридцать шесть листочков, желтых, потертых. Последнее датировано июлем 42-го. Выцвели чернила, а в тех, где автор писал карандашом, многое и вовсе не прочитывается. До начала боевых

действий можно найти адрес пребывания, какую-то информацию о конкретной местности. Потом — все это тщательно вымарано.

Василий не сразу попал на фронт. В своем первом письме, датированном еще 11 мая 1941 года, он пишет, что проходит курсы в Московской Военно-Ветеринарной Академии. В воздухе уже ощущается запах войны, но людей убеждают: не паниковать, войны не будет. Отсутствие тревоги прочитывается и в первых письмах молодого ветеринара: «Дорогая Люба! В Военно-Ветеринарную Академию прибыл благополучно. Нас здесь много, нам выдали свидетельства сроком до 1 октября 1941 года — о том, что я являюсь слушателем сбора. Выдали постельное белье, матрац, койку. Я здесь оказался вместе с ветврачом Соболевым. Он работал в Шатковском районе, в совхозе “Власть Советов”. А ты постарайся получить жалованье, то, что мне причитается. В баклаборатории работникам скажи, чтобы не тужили, так как я взят только до 1 октября». Нельзя не обратить внимание на ставшее символом времени слово — «взят». Прошло всего три года с тех пор, когда он тоже был «взят» и чудом возвратился. И теперь не призван, не командирован на курсы, а какое-то обреченное — «взят». Даже в этом маленьком слове ощущаешь тревожность, неотвратимость всего, что может произойти с каждым. И все же это были письма с воли, их, по крайней мере, он мог отправлять и получать ответы, тогда же, три года назад, он был лишен такой возможности. «Здравствуйте, дорогие Люба и мои маленькие Шурик и Коленька!» — так начинаются практически все письма, отправленные домой. Дополнялось это обращение часто словами «любимые мои», «родные». Он очень любил свою семью. Тем тяжелее, наверное, была разлука. Поэтому в каждом письме желание помочь, защитить.

Еще там, в Академии, он узнал из писем, что у Любы проблемы с получением расчета — Вася уехал срочно, не успев оформить все свои дела. Семья осталась без средств к существованию. И свои первые же деньги, полученные на курсах (300 рублей), он отправляет «телеграфом» домой. 18-го июля 1941 года Василий пишет: «Сегодня был у начальника курсов ветакадемии. Он сказал, что если тебе не отдают деньги, сходи в военкомат, их обяжут все отдать». И следом отправляет маленькую записку, датированную тем же числом. В ней он сообщает, что отправляет денежный аттестат на ежемесячное пособие в 700 рублей. Кроме этого посылает телеграфным переводом почти все свое жалованье.

Находясь еще в Москве, он пишет о том, что им выдали карточки на продуктовые и промышленные товары, сетует, что «купить можно

все, но посылать не разрешают». Как, наверное, хотелось порадовать родных столичными гостинцами... И везде у писем теплая концовка: «Целую крепко-крепко, родные мои Любочка, Шурик, Коленька!», «За меня не переживайте, все будет хорошо», «Береги себя и детишек»...

Фотография, присланная в июле 1941-го Любе и сыновьям, не могла не вселять надежды, что такой сильный, уверенный в себе человек вернется к тем, кто так его любит и ждет. Ведь они нуждались в его защите, в его тепле. И ждали. Люба писала письма часто, но видимо, доходили не все, особенно когда Вася был отправлен в действующую армию. Это следует из его слов: «я вам написал уже 20 писем, а получил только 2».

В августе 1941 года Василий сообщил, что «получил я назначение в стрелковую дивизию в качестве начальника дивизионного ветлазарета. Нахожусь сейчас в Днепропетровской области. Гор. Ново-Московск, в лагерях. Под моим началом 60 человек команды ветлазарета. Постараюсь завтра выслать не меньше 600 рублей, а может, и больше. Все сердце изболелось, ведь ничего не знаю, как Вы там? Родная Любочка, обо мне не беспокойся, не плачь. Я не пропаду. Одно, чего прошу, чтобы Коленька и Шурик хорошо себя чувствовали. Береги их и купай каждый день, чтобы не болели. Обнимаю тебя крепко-крепко!» В одном из московских писем, когда уже шли первые месяцы войны, Василий просит Любу написать ему адреса братишек Юры и Коли, те уже были на фронте. Особенно беспокоился о Юре — совсем мальчишка, только отпраздновал выпускной и уже воюет. Коля пока учился в летной школе, была надежда, что не погибнет, может, просто не успеет — война закончится. Но уже к концу 41-го у большинства воюющих такие надежды, похоже, иссякли. Так говорил и Юрий, который уже в октябре побывал в тяжелейших боях под Москвой, выходил из окружения, шел в наступление, умирал и выживал на госпитальной койке... Он единственный из троих братьев вернется и случится это только в 1946 году. Оказавшись во фронтовой полосе, не имея достаточного времени, Василий стал писать совсем коротенькие письма. Иногда это были просто записки с информацией, что он жив и здоров. Но неизменными были вопросы о детях. С большим трепетом относился к любой информации о них. Дает необходимые советы и наказания жене по воспитанию детей. «Люба, все твое внимание и весь твой труд должен идти на воспитание детей, я не хочу, чтоб мои Шурик и Коля были хуже кого-нибудь». «Ты, родная, узнай в Юрине, есть ли учителя музыки и танцев, спроси, как и что нужно делать и, если есть возможность обучать игре

на пианино, гармонике, нужно будет учить. Я тогда 100–200 рублей буду высылать специально на это дело». Сам Василий очень хорошо умел играть на гармонии. Еще до войны соседи частенько вечерами собирались во дворе их дома, чтобы его послушать.

В семье Ямбиковых все и всегда поддерживали друг друга. Я имела возможность убедиться в этом и сама, найдя неожиданно среди писем Василия два письма от его братьев, адресованные жене Василия Любе. Одно — от Коли, это даже не письмо в привычном понимании, а скорее маленькая торопливая записка. Из нее видно, что Николай просит фотографии племянников, высылает им свою. И скромное — «пошляю вам еще 300 рублей, сколько смогу, столько вышлю». Здесь же он дает адрес части Юры. Эта записка очень трогательна тем, что она — объединяющий символ для всех трех братьев, разъединенных войной. Юра в своем письме поддерживает жену брата почти по-детски: «Вася вернется обязательно, а я тебе привезу настоящих берлинских духов, обязательно пришлю гостинчиков моим дорогим племянникам!» В довоенной жизни Юру и Николая всегда защищал Вася — будь то дворовые разборки или трудная задача по химии... Война развела их по разным фронтам, по разным родам войск. Автор этой записки, совсем молодой летчик-истребитель, погибнет чуть позже Васи, успев отличиться в боях на Курской дуге.

Сохранилась найденная родными копия наградного приказа от 16 августа 1943 года о награждении младшего лейтенанта Николая Александровича Ямбикова Орденом Отечественной войны 1-й степени. Он, как это случится ранее, в 1942 году, со старшим братом, «пропал без вести». Так и не найдено следов. По мнению Юрия, «сгорел он вместе с самолетом».

Последние 10 писем Василия проникнуты горькой тоской по семье. «Если б мне сейчас пришлось обнять тебя, Люба, то, наверное, раздавил бы тебя. Каждая весточка, каждое письмо от Вас — это праздничный день в моей жизни». Одной из особенностей его писем является то, что Василий всегда писал с заглавной буквы слова «Вам», «Вас», с большим уважением обращаясь к своим родным. Писал о себе и положении дел на фронте крайне скупно, особенно о своей службе: «очень много работы, воюем», «кормят нормально». Главным в письмах было желание согреть своих близких. Изобилие ласковых слов, пожеланий, надежды увидеть. В одном из писем, кажется, автор и сам не сомневается, что встреча состоится обязательно. Это было написано в апреле 1942 года. Помимо своих пожеланий благополучия он просит жену не волноваться за его судьбу, «а я, как

ты сама знаешь, не пропаду ни в каких условиях, я видел на своем веку всякие...» Нет причин задумываться, о каких условиях говорил Василий. И действительно, как не поверить в счастливый исход, если однажды вернулся он оттуда, откуда чаще не возвращаются...

Тем временем на южном направлении шли ожесточенные бои, часть была подвергнута мощным обстрелам около города Краснограда. Василий по поводу этих событий писал: «твой муж, Любонька, уже знает запах пороха и оказался не трусом» и в последнем письме: «Твой Вася не трус и им не будет!». Зная его отчаянную смелость в мирной жизни, граничащую подчас с безумием, ни Люба, ни родители, ни брат Юрий, не сомневались, когда с середины мая 1942 года прекратили приходить письма: случилось худшее. Правда, долго теплилась слабенькая надежда: вдруг где-то в госпитале, не в состоянии подать весточку. Но время тянулось, писем не было.

И лишь только в марте 1943 года пришло страшное извещение. Сухая бесчувственная информация, означающая конец ожиданиям:

«ВХ №2669
Центральное бюро учета потерь
Главупраформа КА
21.1.1943

— донесение начальника Ветотдела Юго-Западного фронта № 1/00/414 от 16.07.42 г., — военврач 3 ранга Ямбиков Василий Александрович — бывший старший ветврач 636 стрелкового полка 411 стрелковой дивизии, — пропал без вести.

Начальник 6 отдела ВУ КА
Военветврач 1 ранга Туков
Помощник начальника отдела
Военветврач 2 ранга Вдовин».

Получается, что пропал Василий еще в мае 42-го, а информация прислали только в марте 43-го. Полной картины майской трагедии 636 стрелкового полка нет в учебниках истории, но я ее нашла в интернете: «12 мая советское командование начало Харьковскую наступательную операцию... 17 мая немцы нанесли удар в тыл наступающим частям, и к 23 мая значительные силы 6-й и 57-й армий оказались в котле. В ходе ликвидации котла 411 сд была уничтожена» (ru.enc.tfode.com/411).

Печален тот факт, что вердикт «пропал без вести» долгое время воспринимался в нашем обществе как метка неблагонадежности.

Может, потому, что шло это от государства: пропал, а не погиб. Может, в плену? А это уже позор, даже если в бессознательном состоянии был, свои бросили раненого... Хотя ситуация с «харьковским котлом» ни в коей мере, на мой взгляд, не может быть объяснена трусостью солдат или их нежеланием хорошо воевать. Я перечитала много литературы об этом тяжелом событии Великой Отечественной. В моем понимании есть конкретные виновники ситуации — Баграмян, Хрущев и Сталин. Их просчеты, недопонимание положения и традиционное безразличие к конкретным человеческим жизням. Каждый человек рассматривался как боевая единица, не более. В итоге — «харьковский котел»: 87 тысяч погибших и 230 тысяч солдат и офицеров попали в плен. 230 тысяч семей даже похоронок не получили, им пришли извещения «пропал без вести», такие же, как и моим родным. Конечно же, это вовсе не предполагает массовой измены со стороны солдат и офицеров, их предательства или малодушия... Слишком хорошо я изучила характеры Ямбиковых, чтобы думать иначе.

У МЕНЯ ПОЯВИЛОСЬ ЧУВСТВО ИСТОРИИ СОБСТВЕННОЙ СЕМЬИ

Я попыталась изучить историю семьи Ямбиковых, охватив лишь первую половину XX века. Теперь даже странно, что еще недавно все они были далеки для меня, где-то в забытом времени, которое показывают в фильмах. Я стала ближе к ним.

Мне открылись страницы жизни интересных, красивых, добрых людей, родных мне. Они прожили трудную жизнь, сохраняя при этом главные человеческие качества: честность, доброту, ответственность за тех, кто рядом. И никакие внешние обстоятельства, вмешивающиеся в их судьбы, не лишили их человечности.

У меня появилось чувство истории собственной семьи, абсолютно новое для меня. Впереди — продолжение работы: вторая половина XX века и новые герои, которые достойны того, чтобы наша семейная память сохранила и их историю. Это мой долг. Конкурс «Человек в истории» я признательна за тот интерес к историческому исследованию, который он сумел разбудить во мне, ведь я перечитала работы многих участников и поняла, что у меня есть, о ком рассказать. Оказалось, это такое увлекательное занятие. И еще один важный момент: я обязана найти следы «пропавших без вести» летчика-истребителя, младшего лейтенанта Николая Александровича Ямбикова и военветврача 1 ранга, лейтенанта Василия Александровича Ямбикова!

Дневник моего прапрадеда

Екатерина Рязанова

школа № 17, г. Полевской, Свердловская область
научный руководитель Юлия Шамилевна Шамгунова

В нашей семье бережно хранится домашний архив, в котором особое место занимают альбомы с семейными фотографиями и личный дневник моего прапрадеда Ивана Терентьевича Соколова, участника Первой мировой войны. Время написания дневника — предположительно 1930 год. Прапрадед вел его в последний год своей жизни.

Дневник — это тетрадь, напоминающая школьную, в красной коленкоровой обложке, чуть потрепанная и полностью исписанная воспоминаниями, в которых отражены наиболее важные факты и подробности жизни моего предка. Это бесценные свидетельства его непростой жизни в важные периоды истории страны.

Записи сделаны грамотно, практически без ошибок, с соблюдением знаков препинания, почти каллиграфическим почерком. Но не все страницы хорошо сохранились — на некоторых буквы видны не совсем четко. Хотя Иван Терентьевич пишет так, как привык разговаривать, его речь близка к литературной, что говорит о достаточно высоком культурном уровне прапрадеда. К тетради подклеены вырезки из газеты «Новое время».

Прочитав записи, я решила написать в память о своем замечательном предке эту исследовательскую работу.

ВЕХИ ПЛАМЕННЫХ ЛЕТ (ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА)

Мой прапрадед, Иван Терентьевич Соколов, родился 14 июня 1893 года в деревне Куликовой Щучанского района Челябинской губернии. Он был пятым ребенком в крестьянской семье Терентия Дмитриевича и Устиньи Спиридоновны Соколовых. Как следует из личного дневника, воспитанием Ивана занимались дедушка Спиридон Семенович и бабушка Анна Ивановна.

Иван очень любил науку и технику, всегда тянулся к учебе. До глубокой ночи просиживал за чтением книг. Ему хорошо давались математика, чтение, письмо. Судя по приложенному к дневнику табелю с отметками, школу мой прапрадед окончил хорошо.

«Счастье и радость человеческую видел в обучении, — признается Иван Терентьевич, — но с 12 лет я стал заглушать свою потребность в этом. Мои порывы к учению родители не поощряли и не использовали, несмотря на то, что это было возможно». Иван хотел продолжить обучение, но родители не дали на это своего согласия, так как нужно было заниматься крестьянским хозяйством.

В 1913 году, в возрасте 20 лет, Иван Терентьевич женился на Пелагее Илларионовне Коротких. Их брак был счастливым. Чтобы зарабатывать средства на содержание семьи, прапрадед стал обучаться профессии маслодела.

В 1914 году приступил к работе маслодельным мастером в родной деревне, но не проработал и сезона — началась Первая мировая. «1 августа 1914 года страну захлестнула горячая Империалистическая война. В ней участвовала масса стран Запада. Партия большевиков была против ввязывания России в войну». Последняя фраза свидетельствует о том, что в 1930 году, когда он делал записи, в нем была сильна советская пропаганда.

Война вызвала сплочение российского народа. Практически все слои общества поддержали правительство: многих охватили анти-немецкие настроения и готовность российского народа защищать свою Родину. «К нам в деревню прискакали конники и известили о том, что страна в опасности. По России прокатилась волна демонстраций с патриотическими лозунгами и призывами за битву до победного конца. Пришлось идти на защиту своего государства».

1 ноября 1914 года в семье Ивана Терентьевича и Пелагеи Илларионовны родилась дочь Александра, но Первая мировая нарушила их мечты и планы. В январе 1915 года прапрадед был призван в армию: в военное время воинская обязанность стала всеобщей. «Делать нечего, надо было собираться в путь». Отправили Ивана в город Балашов Саратовской губернии. «По улицам города мобилизованных на войну провозжали с музыкой». В Балашове он пробыл неделю, а затем был направлен в фельдшерскую школу города Самары.

Тяжело было Ивану, но он все-таки окончил фельдшерские курсы. Полученная профессия хоть и не определила на всю жизнь его трудовой путь, но в разные периоды серьезно помогала при устройстве на работу.

3 сентября 1915 года прапрадед был назначен в пехотный 135-й полк там же — в городе Балашове Саратовской губернии. Среди солдат шли разговоры о том, сколько может продолжаться война. Офицеры объясняли, что скоро Германия придет к исто-

щению и будет вынуждена просить мира. Однако война разгоралась все сильнее.

В мае 1916 года отряд, где служил Иван Соколов, прибыл на позицию в Галицию в город Тернополь, где бойцы его полка выгрузились и направились в расположение деревни Романовка. «Слышна была сильная стрельба. Нам было приказано идти вперед укреплений».

В дороге Иван Терентьевич простудился, так как полк находился в скверных и трудных условиях. Замерзали от холода и мучились от недоедания. Потому что не было хлеба и, по словам прапрадеда, «нельзя было ожидать подвоза ввиду сильного расстройтва дорог». В конце июня 1916 года у Ивана Терентьевича начался сильный кашель, а позднее случилось кровоизлияние в легкие. С каждым днем больному становилось все хуже. По этой причине он был эвакуирован в тыл в Харьковскую губернию, откуда по болезни отпущен в отпуск на 4 месяца. Прапрадед сразу же поехал домой.

18 августа 1916 года Иван Соколов вернулся на военную службу на Урал, в город Челябинск, откуда был перенаправлен в город Оренбург. В дневнике прапрадед сделал любопытную запись о том, что оказался теперь в «слабосильной» команде. Я попыталась предположить, что он имел в виду. Вероятно, он подразумевал крупные военные потери в тот период со стороны русских войск.

Отречение Николая II поразило современников атмосферой праздника, ликования, охватившей почти все слои населения. Иван Терентьевич пишет, что во время молебнов на площади и в церкви «многие плакали от радости и клялись работать, не покладая рук».

В мае 1917 года Иван Соколов заболел правосторонним плевритом и был эвакуирован в тыл в Харьковскую губернию, а затем отписан на 8 месяцев в отпуск домой. Получив документы, он отправляется в путь. «Где пешком, где на подводе, потом на “кукушке” (так называли узкоколейную железную дорогу) и на поезде».

Дома Иван Терентьевич вынужден был восстанавливать свои силы и здоровье. В дневнике в тот момент он ничего не писал о своей фронтовой жизни, не давал никаких комментариев, не высказывал своего мнения. Я думаю, что постоянное столкновение со смертью, голод, холод и болезнь убили в нем все эмоции. К тому же он видел, что в тылу многие люди не знают, как солдаты голодают и как воюют. «Они даже не чувствовали той тяжести, которая длится вот уже три года», — с горечью писал прапрадед.

Октябрьскую революцию мой прапрадед принял с надеждой на мир, потому что, как он пишет, «в стране создаются совершенно но-

вые политические условия». Симпатию вызвали принятые декреты о мире и земле — людям нужно было заботиться о семье, кормить детей. Решение далось прапрадеду не без некоторых сомнений. Иван Терентьевич писал в дневнике так: «Переживать приходится порядочно, ведь все происходящее отражается на нервах. То одна власть, то другая. Неизвестно, переживем или нет...»

После окончания войны Иван Соколов поступил на службу в Челябинскую городскую больницу фельдшером. Вскоре ему пришлось помогать врачам в заражном бараке с больными сыпным тифом. Иван заразился и тяжело заболел сам, лечился. «После тяжелой болезни и счастливого выздоровления в ноябре получил отпуск на четыре месяца», — пишет он в конце 1918 года.

После отпуска Иван Терентьевич снова вернулся в Челябинскую городскую больницу, прослужил там до февраля 1920-го, а из Челябинска был командирован в город Новосибирск в распоряжение начальника эвакуационного пункта 5-й Армии, где начал работать в санитарном поезде № 339.

2 июня 1920 года, пока Иван Соколов находился на службе, у него родился второй сын — Евгений.

В июне 1920 года прапрадед вместе с врачами выехал в Польшу, так как началась Советско-польская война. Маршрут поезда проходил через Екатеринбург, Москву, Смоленск, Витебск, Полоцк.

Ночью 10 июня 1920 года наши войска пошли в наступление. Из дневника Ивана Терентьевича: «Не доходя до Варшавы верст 6–8, простояв там несколько дней, так как произошла тактическая ошибка командования, нам пришлось отступить обратно. Но поляки перерезали путь. Пришлось перейти границу Германии около пограничного города Кельн. Простояли несколько дней еще и там».

К сожалению, таких тактических ошибок командиров, за которые расплачивались рядовые (порой своей жизнью), было немало. Далее из записей следует, что после перехода на территорию Германии солдаты решили бежать в Советскую Россию через Литву. Так и сделали. Достигли Литвы и через Вильно выехали на пограничную станцию Молодечно, а оттуда — около 20 верст до деревни (ее название в дневнике не указано).

«Стали вновь формироваться, затем подошли к городу Гомелю, по дороге вставали на постой в деревнях, — писал прапрадед. — Через месяц ушли в город Рогачев, там узнали, что был заключен мирный договор с Польшей». По Рижскому договору Россия потеряла

еще часть территорий: к Польше отходили Западная Украина и Западная Белоруссия.

В марте 1921 года Иван Соколов получил перевод из 30-го стрелкового полка в Челябинский карантинный пункт. Там и служил до осени.

Часть, в которой служил прапрадед, дислоцировалась в Челябинске. В тот период, во второй половине 1921 года, на обширных территориях Советской России, пораженных засухой, начался небывалый ранее голод. Как известно, особенно пострадало от неурожая население Поволжья.

В поисках выхода из создавшейся ситуации большевики прибегли к насильственному изъятию церковных ценностей якобы в пользу голодающих Поволжья. Так появился декрет ВЦИК от 23 февраля 1921 года «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», предписывавший местным органам Советской власти изъять из храмов все изделия из золота, серебра и драгоценных камней и передать их в Центральный фонд помощи голодающим. Но голод послужил скорее предлогом для того, чтобы нанести удар Церкви — «очагу мракобесия народа».

Несмотря на свое первоначальное принятие политики советской власти, теперь Иван Терентьевич оставляет такую запись: «Желая поживиться церковным имуществом, Наркоматы стали стимулировать закрытие храмов. При этом, как пишут некоторые антисоветские газеты (к сожалению, названий Иван Терентьевич не указывает — *Е. Р.*), не составлялось никаких описей и актов передачи. Потому многие отнятые у церковью дорогостоящие предметы культа и старинные иконы бесследно исчезали». Прочитав эту запись, я подумала, что прапрадед, видимо, начинает пересматривать свое отношение к деятельности власти большевиков.

За всю кампанию по исполнению Декрета были изъяты ценные церковные предметы общей стоимостью почти 5 миллионов золотых рублей. Но лишь один миллион из них было решено направить на покупку продовольствия для голодающих. Как пишет Иван Соколов, «остальные средства, по словам Троцкого, оказались использованными на партийные нужды ВКП(б)». Из отдельных страниц дневника также видно, что прапрадед не одобряет антицерковную политику большевиков.

Судя по следующим записям, сделанным прапрадедом, не в меньшей степени, чем в Поволжье, последствия природной катастрофы сказались и на населении Южного Урала, в том числе жите-

лях Челябинской губернии. Эта территория оказалась в непростом продовольственном положении еще в 1920 году, когда, как отмечал Иван Терентьевич, «средняя урожайность хлебов составила здесь всего 15,1 пуда с десятины!» Это было меньше, чем на соседних южно-уральских территориях. Голодные родители отдавали ребятишкам последние запасы и нередко умирали раньше своих детей. А те, оставшись сиротами, разбредались по дорогам, чтобы, в конце концов, тоже умереть «где-нибудь в пыльной придорожной канаве».

Скудные запасы картофеля, овощей не могли прокормить большинство семей. Приходилось употреблять в пищу все подряд. «От такой еды людей качало ветром». Однако вскоре и этого не стало хватать. Ели даже хомяков, сусликов, мышей, ежей, собак и павший скот. Чтобы дети не погибли от голода, женщины и старики ходили на скотомогильник, куда сбрасывали подохших от сапа лошадей, рубили лошадиные туши на куски и переносили в дом.

«Бывало, лошадь закопают, — читаю я в дневнике прапрадеда, — а жена моя Пелагея с сыном Леней придут на могильник, разроют землю и в мешки набросают мяса... Дома они с дочкой Шурой очистят все от грязи, кишки выбросят, сварят мясо, и все хлебают этот суп. Казалось им, слаще меда. А голод так и вынуждал эту падаль есть! Потом одна женщина подсказала, чтобы лепешки пекли с примесью крапивы и болотной травы. Поели детишки этих лепешек, животы разболелись, понос замучил. Перешли опять на конскую падаль. Все же лучше и сытнее...»

Среди населения стали распространяться инфекционные болезни. Во второй половине ноября 1921 года в Челябинской губернии, по официальным данным, голодало 336 тыс. человек, в том числе 158 тыс. детей. Осенью 1921 года на юге Урала были зафиксированы первые случаи голодной смерти. Вконец ослабленные люди умирали также от дизентерии, тифа и других болезней.

В декабре 1921-го Иван Терентьевич демобилизовался. Зимой 1921–1922 годов в некоторых уездах Челябинской губернии голод среди населения стал принимать массовый характер. Не обошла беда и семью Соколовых. Придя домой после демобилизации, Иван Терентьевич увидел, что его семья испытывает большие финансовые трудности и голодает.

«Ложимся спать совсем голодные, с большой головой — как прокормиться? Бегаем, суедемся, а результатов никаких», — пишет он. Семья «выкручивалась, как могла, чтобы не пропасть». Жизненные потрясения так ослабили здоровье, что прапрадед заболел воспа-

лением легких и оказался во временном стационаре на станции Белоярской. Выписавшись из больницы, он, чтобы прокормить семью, решил заняться частной фельдшерской практикой. Но денег все равно не хватало, и семье пришлось продать некоторые вещи.

«Народ умирал с голоду, как мухи. В июле, после сильного истощения на почве голода (сохраняю стиль автора дневника — *Е. Р.*) умер мой отец, Терентий Дмитриевич Соколов, который пух от голода да к тому же заболел холерой. Умер спокойно, не дожил до нового лета один день».

Судя по записям в дневнике, заботы о семье заставляли его часто менять работу и уезжать от жены и детей. «Дом не идет с ума. Не теряю надежды на скорую встречу с семьей», — пишет прапрадед.

Последняя запись датирована 15 августа 1930 года и сделана рукой моего прапрадеда. Он ушел из жизни, оставив на попечении моей прапрабабушки четырех несовершеннолетних детей.

Читаю в дневнике строки, написанные совсем другим почерком. Оказывается, дневник отца закончила его старшая дочь Шура.

Она написала: «Помер наш папочка Иван Терентьевич Соколов 27 октября 1931 года в 7 часов вечера. В ту несчастную ночь выпал первый снег, погода была беспокойная. Похоронили его 29 октября в 3 часа дня. Последний раз я приезжала при жизни папы 17 октября 1931 года. Помер папочка в 38 лет. Остались жена 39 лет и дети его: дочь Шура — 16 лет, сын Леня — 13 лет, сын Женя — 6 лет, дочь Тома — 4 года».

Вот и все, что стало известно мне о жизни Ивана Терентьевича Соколова, моего прапрадеда. Удивительно, что этот человек из обычной крестьянской семьи был таким грамотным, интеллигентным. Его жена и дети отзывались о нем как о хорошем муже и замечательном отце.

Закрываю дневник моего прапрадеда. Мне кажется, что я пережила вместе с ним его трудную и короткую жизнь, узнала, как жила семья моих предков в 1910–1930-е годы. В нашем домашнем архиве хранится фотография всей семьи Ивана Терентьевича Соколова, сделанная в 1930 году. Я думаю, что если бы не было тех испытаний, которые выпали на долю нашей страны и нашего многострадального народа с 1917-го по 1930-е годы, Иван и Пелагея Соколовы прожили бы долгую и счастливую жизнь.

Как же сложилась дальнейшая судьба жены и детей Ивана Терентьевича? Эти подробности я узнала от своей прабабушки Тамары Ивановны. После смерти отца мамин брат забрал их из Челя-

бинска в поселок Булаево Северо-Казахстанской области и там для них выстроил дом.

Жили Соколовы недалеко от дома брата, на следующей улице.

После смерти мужа моя прапрабабушка, Пелагея Илларионовна, больше никогда не выходила замуж. Много женихов сваталось к ней, но ни один не был по душе. Пелагея очень любила своего Ивана и всегда говорила: «Такого, как он, больше нет, а другого мне не нужно!» Жила ради детей, которых Иван Терентьевич воспитал добрыми, отзывчивыми на чужую беду людьми. Работала моя прапрабабушка поваром. Была очень аккуратная, дом держала в чистоте. Умерла Пелагея Илларионовна Соколова 11 мая 1987 года в возрасте 96 лет, воспитав двух замечательных сыновей.

В семье Пелагеи Илларионовны сыновья были опорой и надеждой. Она их очень любила, ведь мальчики напоминали ей мужа. Старший сын, Леонид, заменил отца в семье. Когда вырос, поехал учиться в Караганду. Участвовал в Советско-финской войне 1939–1940 гг. Прабабушка Тамара очень любила своего «старшенького». Она до сих пор вспоминает его со слезами на глазах. Леонид Иванович Соколов погиб во время Великой Отечественной войны в 1942 году и похоронен в городе Шлиссельбурге (ныне Ленинградская область) в братской могиле.

Второй сын, Евгений, служил в годы Великой Отечественной войны под началом К. К. Рокоссовского. Дошел до Кенигсберга. После войны женился, в семье родились дети. Евгений Иванович очень хорошо рисовал, был художником и работал на Северском трубном заводе. Умер в 2000 году в возрасте 80 лет.

Из большой семьи Соколовых в живых осталась только дочь Тамара, сейчас ей 85 лет. Это моя прабабушка. Я часто беседую с ней о прошлом. Подробно спрашиваю обо всем, чтобы потом не жалеть, что не использовала возможность из первых уст услышать о важных событиях в истории страны и о судьбах близких мне людей.

Ее судьба — это сюжет для большого романа, в котором сплелись в один клубок любовь, смерть отца, тяжелые годы Великой Отечественной, ожидание писем с фронта от мужа Анатолия, который чудом остался жив в кромешном военном аду, затем трудные послевоенные годы. Я и подумать не могла, что эта маленькая старушка так много пережила в своей жизни.

Мне кажется, что мои беседы с прабабушкой, когда она вспоминала многие тяжелые события своей жизни, помогли ей избавиться от печальных мыслей и заставляли не держать их в своей душе.

Жизнь и деятельность Михаила Никоноровича Басова, учителя Наумовского земского училища

Владимир Сынков
школа № 4, г. Вельск, Архангельская область
научный руководитель Алла Петровна Загоскина

В 2012 году моя семья приняла решение съездить на родину наших предков — в Вологодскую область, деревню Наумовскую (около 100 км от Тарноги). Еще до поездки мы знали о том, что сохранился дом, в котором проживал мой прадед Михаил Никонорович Басов с семьей. В этом доме родилась и моя бабушка — Галина Михайловна Афанасьева. Житель этой деревни — Александр Николаевич Угрюмов, рассказал нам, что сохранились записные книжки М. Н. Басова, которые были обнаружены во время перестройки дома, и теперь они находятся в фондах краеведческого музея села Тарнога.

Записные книжки прадеда меня заинтересовали и мне захотелось больше узнать о его жизни.

Эта работа написана на материале архивных документов, бесед с жителями деревни Наумовская и воспоминаний бабушки Г. М. Афанасьевой и моей мамы В. А. Афанасьевой.

РАННИЕ ГОДЫ

Михаил Никонорович Басов родился 13 октября 1887 года в деревне Петровская Вельского уезда Вологодской губернии в многодетной крестьянской семье. Родители Михаила имели личное подворье, держали скот. Особого достатка в семье не было. Михаил получил начальное образование. Аттестат, переданный в Вельский краеведческий музей, подтверждает тот факт, что М. Н. Басов успешно закончил Пежемскую начальную школу. Отец Михаила настаивал на том, чтобы он оставался в родной деревне: семье были нужны рабочие руки. Но Михаила тянуло к знаниям, останавливаться на достигнутом он не захотел.

Вопреки воле родителей, Михаил покинул дом и отправился в Тотьму. Там он поступил в Учительскую семинарию. Нелегко пришлось прадеду вдалеке от родных мест. Самостоятельно, практически без поддержки своей семьи он добивался поставленной цели.

В записной книжке Михаил описывает, как ему приходилось добираться из дома к месту учебы: «В Тотьму отправились 14 августа. Дождь лил круглый день. Приехали в Капустино поздно вечером, совершив 15 верст по вязкой и слизкой дороге. Негостеприимно встретило нас Капустино. Несмотря на все наши просьбы пустить ночевать и покормить коней, мы получили один ответ: “В избе вымыто, нельзя пускать, надо, чтобы не загрязнили”. Это было как раз накануне праздника Успения Б<ожьей> М<атери>. Волей-неволей нам пришлось ночевать на улице, расположившись у костра наподобие цыганов».

Вопреки всему, прадед продолжал учебу, к занятиям относился исключительно добросовестно.

В 1907 году Михаил Никонорович закончил семинарию, что подтверждает «Свидетельство от Педагогического Совета Тотемской Учительской Семинарии, на основании положения об Учительских семинариях»: «Дано сие свидетельство окончившему полный курс семинарии, сыну крестьянина Вельского уезда Вологодской губернии Михаилу Никоноровичу Басову, родившемуся 13 октября 1887 года в том, что он, обучаясь в Семинарии, при отличном поведении показал следующие успехи “очень удовлетворительные” почти по всем предметам. Вследствие сего он, Басов, удостоивается звания учителя начального училища и при поступлении на означенную должность имеет пользоваться всеми правами, той должности присвоенными. Г. Тотьма мая 31 дня 1907 года». Имеется фотография группы выпускников семинарии с моим прадедом. На обратной стороне надпись: «На добрую память от любящего наставника». Фотография датирована 11 июня 1907 года. Там же приведены строки из стихотворения Н. А. Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное, / Сейте — спасибо вам скажет сердечное / Русский народ».

По окончании семинарии для группы выпускников было организовано путешествие на теплоходе из Тотьмы до Москвы. В своей книжке прадед подробно описывает увиденное: «По берегам заливные дуга, а то просто кусты липы, выделяющейся своим темно-зеленым видом от других деревьев. Но вот Вологда — столица нашей губернии. Сходим с парохода. Первая картина десять конных стражников скачут в галоп по улице. Здания общественные красивы. Отправивши багаж на вокзал, мы отправились осматривать замечательности города. Были в школе слепых. Показывала учительница пособия для изучения азбуки. По точечной азбуке, состоящей

всего из шести точек, разным образом расположенных. Читал мальчик очень хорошо. Писал по точечной азбуке и простыми буквами. Один играл на фисгармонии порядочно. Есть два игрока: один на скрипке, другой на гармонии. Впечатление вынесли от радное. Смотрели древнюю стену собора. Были на водокачке, но только не во время работы. Смотрели домик Петра Великого. Видели пушку, отнятые у шведов ружье стрелецкое с длинным дулом, кольчугу железную и шапку, в которые одевались древние воины. Книги, картины и много других хороших вещей. После этого мы все так утомились, что еле дотянули до вокзала, где нас за 30 коп. каждого так накормили, что чуть не с пустыми желудками дождались до чая».

Из приведенного текста следует, что прадед был человеком любознательным: он дает подробное описание достопримечательностей Вологды и окрестностей города, видно, что он много читал.

РАБОТА УЧИТЕЛЕМ В СЕЛЕ СПАС ТАРНОГСКОГО РАЙОНА

Начало XX века стало временем открытия ряда одноклассных (с одним учителем) земских начальных училищ с трехгодичным сроком обучения. Среди 50 училищ, которые содержались на совместные средства Тотемского земства и Министерства народного просвещения, было и Наумовское, открытое в 1907 году. Там в течение 10 лет работал Михаил Басов. Эти годы мой прадед посвятил тому, что учил и воспитывал крестьянских детей. Он любил свою профессию и все знания, опыт, навыки передавал ученикам. В селе прадеда уважали.

О том, как тщательно он готовился к проведению занятий, свидетельствуют его записи, например: «22 августа. Размещение учеников по партам по измеренному росту. Разъяснение, как нужно держать ручку, сидеть и т. п. Задал работу самостоятельную: письмо и цифры. Потом учил младшее отделение поднимать руку, при ответе вставать. Потом задавал различные вопросы. Где вы находитесь? Зачем сюда пришли? Чему будут вас учить здесь? Кто будет вас учить чтению, письму и считать? Как зовут вашего учителя? ... Как зовут тех детей, которые ходят в школу? Куда должны ходить каждый день ученики? Что должны делать ученики до прихода учителя? Требовать полного ответа».

Михаил Никонорович был человеком начитанным, музыкальным, занимался резьбой по дереву. Пополняя свои знания, прадед

занимался самообразованием, выписывал различную литературу. Как он восторженно описывает курсы для учителей, организованные в 1911 году в Санкт-Петербурге, где он стал одним из слушателей. Курсы организовывались для поднятия общеобразовательного уровня и усовершенствования педагогических знаний. Вот как им описано открытие курсов:

«5 мая 1911 г.

Сегодня для меня золотой день. Я не испытывал еще никогда такого радостного чувства, как начал жить общественной жизнью. День открытия курсов навсегда останется самым ярким явлением в моей жизни. Еще по приезду в СП-б уже сразу встречаешься и с каким удовольствием знакомишься с товарищами коллегами. Оказывается в 12 ч. открытие. Едем туда. Ко времени открытия актовый почти битком заполняется учителями. Слушателей более 1200 ч<еловек> из разнообразных областей огромной России. Открывает Савин. Приветствует и просит учителей беречь курсы, которые удалось открыть с таким трудом. Программную речь говорил Душечкин. Затем приветствовал учителей представитель от съезда библиотекарей. Говорил очень горячо. Сразу дух поднял. Зато и награжден был таким громом аплодисментов, какого я никогда не слышал. Расходились все, возбужденные до крайности слышанным и виденным. Вечером в каждой комнате можно видеть несколько человек, занятых письмами к товарищам, с которыми каждому хочется поделиться впечатлениями».

Записные книжки прадеда говорят о том, что он был книголюбом. Очень жалел, что хорошая литература была доступна не каждому. Вот сделанные его рукой описания ярмарки в Кокшеньге Спасской волости 18 января 1908 года: «Проходя по ярмарке около 11 часов, я постарался рассмотреть все, чем торгуют, и постараюсь все в кратких чертах описать.

Вот целый ряд балаганов, в которых торгуют сладостями: пряниками, конфетами и др. Здесь толпится молодежь. Здесь же и затеваются драки между ними. Дальше — торгуют уже серьезными товарами, необходимыми в сельском хозяйстве; как, например, топорами, замками, пилами, котлами большими железными и другими железными предметами.

Но главная торговля производится посудой деревянной и глиняной. В громадном количестве расходуется деревянная посуда: ушаты, кадки, бочки и еще плетеные пестери (корзины — В. С.). Но вот мое внимание привлек балаган около церкви. Я подошел

Михаил Никонорович Басов

Михаил Никонорович с женой
Анной Александровной в липовом саду.
Деревня Наумовская

М. Н. Басов среди представителей спасской интеллигенции
(первый справа во втором ряду)

5 мая 1911.
Сегодня для меня вели-
кой день. Я не испыты-
валась еще никогда
такого радости, чувствуя
как начинаю жить
общественной жизнью.
День открытий Кур-
сов навсегда оставил
себя навсегда и навсегда
является в моей
жизни. Еще по приезде
в СПб. уже сразу
встретившись с
каким-то удовольствием
знакомившись с това-
рищами Косицкиными

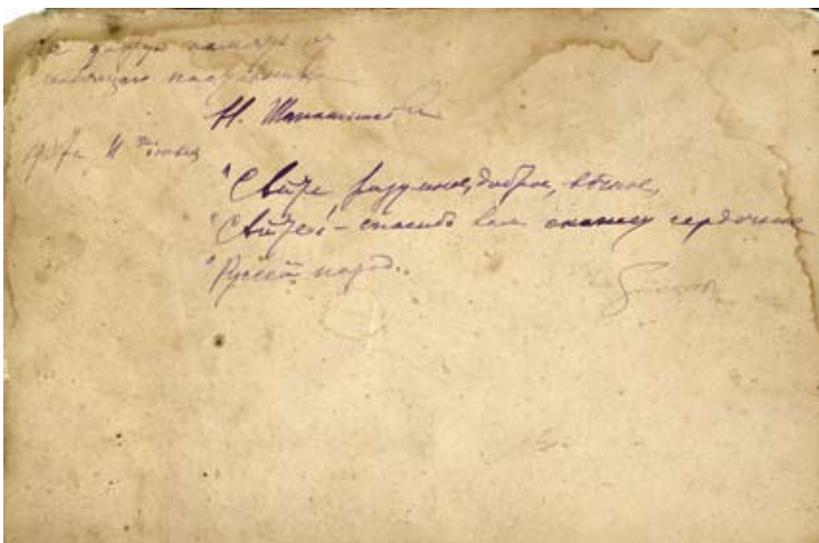
Страница из записной книжки М. Н. Басова

24 мая 1917
Ветер начался на рассвете
Ветер уже несколько дней
работает на пастуха. На-
спротив бодрол. Но на-
ра нечем так как масса-
ми, что по вечеру
меня свалило советник
о нове Туки спрашива
визуем и бьет шпора
на Ветасов здоровый
хочу, оупою не исчисля
на пастуха удалось
выбраться в первый раз
корме меня. Ветер
мнойное зрелище. Мелк
ветерной постанам и
дней и началу Ветер

Страница из записной книжки М. Н. Басова

Выпускники Тотемской учительской семинарии
(Басов — четвертый справа в первом ряду). Июнь 1907

Оборотная сторона фотографии выпускников Тотемской семинарии

Дом М. Н. Басова в деревне Наумовская. 1935

Записные книжки М. Н. Басова

ПРОКУРАТУРА РФ
ПРОКУРАТУРА
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

160600, г. Вологда, ул. Пушкинская, 17

06.02.96 № 13-17-96 С П Р А В К А

о признании пострадавшим от политических репрессий

АФОНАСЬЕВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

Гр. _____

Год и место рождения: 1929, д. Наумовская, Тарногский район, Вологодская область

Согласно справки по материалам архивного уголовного дела № 4739 о составе семьи Басова М.Н.; справки от 10.02.95 архивного бюро ЗАГС Веканицкого райбюро ЗАГС Псковской области о регистрации брака 22.10.54 за № 41

находящейся дочерью

Басова Михаила Никаноровича, 1887

гр-на (ка) _____

репрессированного (ой) 04.12.37 тройкой УНКВД по Вологодской области

за контрреволюционную агитацию и террористические намерения - расстрел

реабилитированного (ой) 12.03.57 Военным трибуналом Северного военного округа

на основании ч. 3 ст. 2 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года признается пострадавшим от политических репрессий.

Зам. Прокурор области *И.И. Плотников* Н.И. Плотников
старший советник юстиции

Тир. 1/000.

Справка из прокуратуры Вологодской области о признании пострадавшим от политических репрессий

и увидел целый иконостас икон. Я уже хотел было отойти, да вдруг заметил в одном уголку того же балагана книжки и картины. Тут же и толпилась ученая молодежь, желавшая на две или три копейки купить что-нибудь почитать. Я подошел поближе и стал рассматривать книжки. И что же я увидел? Тут лежали грошовые книжки с описанием чертей, леших и других чудовищ. Хороших же книг не было ни одной, и притом торговец страшно наживался. Каждую книжку продавал не дешевле 2 или 3 копеек. Тогда как она стоила только 1 копейку или грош. Книжки брались нарасхват. Мне пришла мысль, что если бы вместо всей этой дряни вывести сюда хороших и недорогих книг, какую бы пользу принесли всем кокшарам — но этого нет. Дай Бог, чтобы такое хорошее дело когда-нибудь осуществилось».

Свою любовь к книгам М. Н. Басов старался привить детям. Ему, человеку образованному, было очевидно, что знания расширяют кругозор, помогают понять различные явления и события, происходящие в стране. Я убежден, что мой прадед хотел, чтобы наша страна была страной грамотных и образованных людей. И в этом, на мой взгляд, проявлялась его любовь к своей Родине.

Вот записи, которые подтверждают мои выводы: «Нужно учителю руководить внеклассным чтением, и при этом учитель должен знать свою библиотеку, как свои пять пальцев, все книги должны предварительно прочитать и стараться ни разу не допустить ошибки. Учителю надо знать своих учеников, учитель должен наблюдать за своими учениками и свои замечания записывать, если память изменяет. Надо знать детей не только со стороны развития, но и склонностей. Но учитель должен развивать не одну только склонность, а гармонично все стороны, но приступать к этому, когда дети полюбят книжку. Иногда учитель устраивает общее чтение какой-нибудь хорошей книжки. Книги должны удовлетворять переживаниям ученика. Критерии оценки книг. Художественная книга: отсутствие в ней подтасовки фактов, понятный и неподдельный язык. Издания должны быть изящны, с иллюстрациями. Для того чтобы приохотить детей читать, надо рассказать начало книги».

А вот другая запись: «Детям не надо давать читать вторую часть басни, где делается чистая мораль. Дети сами должны вывести уже потом. Поэтому нужно делать строгий выбор басни, в виду того, что они все приноровлены к взрослым. Поэтому нужно давать басни для чтения, но не нужно вдаваться в объяснения, как, напри-

мер: кто разумеется под тем или иным аллегорическим изображением? Не знаете ли вы таких людей? Не вражду ли мы этим посеем между людьми?»

УВЛЕЧЕНИЯ МИХАИЛА БАСОВА

В 24 года М. Н. Басова увлекло пчеловодство. Со слов моей бабушки Г. М. Афанасьевой я знаю, что прадед выписал из Казани пчел и занялся их разведением. Это занятие захватило его всецело.

«24 мая 1911 года.

Сегодня начинаю писать. Вот уже несколько дней работаю на пасеке. Настроение бодрое. Но вчера к вечеру пчелы так нажалили, что к вечеру меня свалило совсем с ног. Руки страшно опухли и бьет лихорадка. На пасеке удалось видеть в первый раз роение пчел. Великолепное зрелище. Пчелы волной посыпали из улья и начали кружиться и, наконец, привились к изгороди и елям».

Занятие пчеловодством стало не только увлечением, но и второй профессией моего прадеда. Сохранилась фотография «Пчеловоды Северного края», среди них М. Н. Басов. Овладевая знаниями в области пчеловодства, он прослушал курс естествоведения в Санкт-Петербурге, по-прежнему много читал, обменивался опытом и активно внедрял пчеловодство на Тарноге. С этой целью проводил большую разъяснительную работу, ходил по деревням, агитировал местное население заниматься пчеловодством.

Каким бы видом деятельности не занимался мой прадед, он оставался сельским жителем, любил свой родной край, заботился об улучшении жизни односельчан. Это подтверждает другой житель деревни Наумовская, Г. В. Попов: «Басов много сделал для улучшения жизни крестьян». А вот как характеризует моего прадеда А. И. Едемский: «Под руководством Басова было организовано коллективное потребительское общество. Басов был способным руководителем. Внедрял культуру овощеводства, высокосортный картофель, лен-долгунец, развивал пчеловодство. Пчел сдал в колхоз “Тигант”, рекомендовал вывозить пчел на клевера».

О честности и порядочности моего прадеда, его преданности своей земле свидетельствовали многие жители Наумовской. Вот, например, Л. Х. Кичигин: «Он пользовался уважением, авторитетом у населения. В 1928 году в колхозе “Тигант” я был председателем и обращался к Басову за советами по агротехнике, получал всегда толковые и хорошие ответы. Басов был грамотным,

исключительно скромным и трудолюбивым человеком. Учитывая удаленность от рынков сбыта и железной дороги, по инициативе Басова построены картофелетерочный завод и кожевенный. Был самым уважаемым и авторитетным человеком» (из материалов уголовного дела, л. д. 66–69).

В 1937 году М. Н. Басов по семейным обстоятельствам переехал в город Вельск. Тогда же прадед принял решение в совершенстве овладеть другой наукой. Так он оказался на курсах бухгалтеров, которые закончил в августе 1937 года, получил удостоверение, согласно которому был признан подготовленным к занятию должности старшего бухгалтера.

АРЕСТ И УГОЛОВНОЕ ДЕЛО

К сожалению, дальнейшим планам моего прадеда не суждено было сбыться. В сентябре 1937 года Михаил Никонорович Басов был арестован, в отношении его было возбуждено уголовное дело № 6269 от 22 сентября 1937 года. Мой прадед «за контрреволюционную агитацию и террористические намерения» 4 декабря 1937 года тройкой УНКВД по Вологодской области был приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение 15 февраля 1938 года.

Изучение всех имеющихся материалов подтверждает тот факт, что М. Н. Басова интересовала только профессиональная сфера деятельности и благополучие своей семьи. Вопросами политического характера он не занимался. Все это позволяет мне прийти к выводу, что обвинение, предъявленное М. Н. Басову, было основано на лживых и вымышленных фактах, являлось незаконным и необоснованным и нарушало принципы действовавшей советской Конституции. Цена подобного судебно-следственного произвола оказалась слишком дорога — жизнь моего прадеда, горе и страдания его семьи.

Почти 20 лет мой прадед, который, по свидетельству очевидцев, так много успел за свою недолгую жизнь сделать доброго и полезного для своего народа, считался «врагом народа». И только 12 марта 1957 года Военным трибуналом Северного военного округа Михаил Никонорович Басов был реабилитирован, уголовное дело в отношении его прекращено за отсутствием состава преступления.

Пытаясь понять причины такой трагической развязки жизни моего прадеда, я пришел к выводу, что смерть его была одной из

многих трагедий того времени. Он принадлежал к образованному слою, получил образование еще в «старой», дореволюционной России, всю свою жизнь сохранял независимость суждений. Таких людей сталинский режим воспринимал как потенциальную угрозу, что и определило его судьбу.

Изучив записные книжки, свидетельские показания жителей деревни Наумовская, я узнал, каким был мой прадед, и испытал чувство гордости. Когда-то учитель семинарии дал ему наставление словами великого русского поэта Н. А. Некрасова: «Сеять разумное, доброе, вечное...» Все, что я узнал про своего прадеда, подтверждает тот факт, что эти слова поэта стали для Михаила Никоноровича Басова заповедью на всю жизнь. Он не имел государственных наград, официальных признаний и не думал об известности. Но прожил свою жизнь так, что память о нем жива до сих пор, жители деревни Наумовская вспоминают его по-доброму, и шумят на ветру вековые медоносные липы, посаженные руками моего прадеда.

дело о...

«Дело Лурье отразится
на мне рикошетом...»:
(перипетии судьбы главного врача
больницы Челябинского
тракторного завода Г. К. Шастина)

Юлия Фомина
школа № 59, г. Челябинск
научный руководитель Марина Сергеевна Салмина

Однажды, случайно попав в Музей городской больницы № 8 города Челябинска (больницы Челябинского тракторного завода) и познакомившись с книгой, рассказывающей об ее истории, мы заметили, что информация о первых главных врачах больницы ограничивалась фамилиями и годами: «Шастин (1934–1936)» и «Утробин (1936–1938)». Этот факт привлек наше внимание, после чего создатель и руководитель Музея — Марина Григорьевна Ткаченко объяснила нам, что оба врача были репрессированы, и в истории больницы не сохранились даже их имена. Мы решили попробовать восстановить сведения об этих людях. Биография и судьба врача Утробина так и осталась для нас невыясненной. А вот судьба его предшественника, Григория Константиновича Шастина (1904–1978), собрана нами по крупицам на основе необычного исторического источника — следственных дел, хранящихся в Челябинском областном архиве.

Самую первую информацию мы почерпнули из небольшой справки электронной Книги Памяти Красноярского края, из которой узнали его имя и отчество, год рождения, что родился он в Амурской области в станице Екатерининской, имел высшее медицинское образование и был репрессирован в 1936 г. Электронная Книга Памяти жертв политических репрессий Челябинской области дополнила информацию указанием срока — 8 лет лагерей в Архангельской области, и тем, что в 1950-е годы Г. К. Шастин был полностью реабилитирован.

Основным источником для исследования стали документы следственных дел Объединенного Государственного архива Челябинской области (ГУ ОГАЧО) — фонд Р-467, опись 3, дела №№ 2912, 2913, 2914, 2915, 2916. Благодаря сотрудникам архива Г. Н. Кибиткиной и Е. Б. Рохацевич, мы получили уникальную возможность

познакомиться с этими делами. Сначала, в июне 2014 года, мы впервые смогли взять их в руки в ходе занятия школьного архивного кружка, а затем, в ходе регулярной работы автора и руководителя в архиве в течение осени 2014 — весны 2015 годов.

Указанные выше документы объединяет процесс по делу о деятельности «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы» на Челябинском тракторном заводе. По окончании следствия в данную группу были определены пять человек, в том числе Г. К. Шастин и его брат.

«С КРУТОГО ХОЛМА, ЗАРОСШЕГО МЕЛКОЛЕСЬЕМ, ОТКРЫВАЕТСЯ КРАСИВЫЙ ВИД НА АМУР». РОДИНА Г. К. ШАСТИНА

Григорий Константинович Шастин родился 15 января 1904 года в станице Екатерининской Амурской области в многодетной семье священника. Отец Константин Шастин умер в 1910 г. или, по другим данным, в 1911 г., когда Гриша был совсем маленьким. Мать ушла из жизни в 1940 г.

Из материалов следственных дел следует, что у него были, как минимум, две сестры и четыре брата. Помимо них в следственных материалах упомянуты Иван Константинович и Философ Константинович, которые также были репрессированы, но сведений о них не имеется. Григорий Шастин в анкете сообщил, что происходил из неимущих.

Родиной семьи Шастиных был край, основу населения которого составляли казаки Амурского казачьего войска, чьими усилиями в середине XIX века амурская земля вошла в состав России. Семья Шастиных проживала в станице Екатерининской, являвшейся центром Екатерининского станичного округа. Станица Екатерининская была основана в 44 верстах выше Благовещенска, на левом берегу реки Амур, при впадении реки Грязнушки, в 1859 г.

В казачьем войске важная роль отводилась священнослужителям, к которым относился и отец Григория Шастина. Однако, по мнению исследователя И. К. Андрианова, духовенство станичных церквей бедствовало, систематически недополучало от станичников средства на содержание, занималось тяжбой по поводу сбора денег, ремонта церковных зданий, подвоза дров.

Что же стало с родной для Григория Шастина станицей Екатерининской в дальнейшем? Как ни рассматривали мы современные карты, нам не удалось на них найти населенный пункт с таким на-

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

званием. Центр был перенесен из Екатерининской в соседнее село Михайловку, и станица постепенно исчезла с лица земли.

«С крутого холма, заросшего мелкоколесьем, открывается красивый вид на Амур. Когда-то здесь было кладбище казаков-первопроходцев, основавших станицу. Время стерло его следы, а на месте, где стояли дома первых поселенцев, теперь видны полуразвалившиеся следы здания бывшей фермы бывшего совхоза. Но вот летом 2005 года <...> казаки установили на этом месте трехметровый деревянный православный крест с надписью: “Казакам-первопроходцам”»¹.

«СОВЕТСКИЙ ВРАЧ — ЭТО ГУМАНИСТ, БОРЕЦ ЗА ОЗДОРОВЛЕНИЕ МНОГИХ ПОКОЛЕНИЙ ЛЮДЕЙ». ПУТЬ К ПРОФЕССИИ — УЧЕБА В ЛЕНИНГРАДЕ

Когда пришла пора выбирать профессию, Григорий выбрал путь врача, поехав учиться в Ленинград. Он решился на поступление в 1-й Ленинградский медицинский институт (ныне СПбГМУ им. Академика И. П. Павлова). Институт начинал свою историю с конца XIX века как женский медицинский институт, а после Первой мировой войны в условиях острой нехватки медицинских кадров стал называться Петроградским, и в него начали принимать мужчин.

На основании свидетельских показаний Р. С. Любошевской, нам удалось установить год поступления Г. К. Шастина в вуз: «В 1922 г. я в одно время с Шастиным поступила в Ленинградский мед. ин-т, где с ним и познакомилась».

Поступив в медицинский институт, Григорий Константинович Шастин прямой дорогой зашагал к пополнению рядов нарождающейся советской интеллигенции.

В докладе 1946 г. философ, специалист в области советской этики С. М. Ковалев противопоставлял роль врача в буржуазном и в советском обществе: «Советский врач — это гуманист, борец за оздоровление многих поколений людей. Он работает в коллективе, он понимает глубокую полезность своей деятельности. Немудрено, что наши врачи отличаются от врачей зарубежных стран своим активным сознательным участием в великом деле социалистиче-

¹ Крюков В. В. Амурское казачество: вчера и сегодня. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 2008.

ского строительства». Насколько этим критериям соответствовал Г. К. Шастин, мы пытались выяснить через архивные документы.

Следственные дела 1936 года имеют, хотя и небольшую, но любопытную информацию о времени обучения Григория Шастина. Эта информация прослеживается в анкетах и в вопросах следователей. В институте с учебой все обстояло неплохо, а вот политические взгляды Г. Шастина подвели — в 1925 г. он был исключен из ВЛКСМ за создание группировки против руководства комитета комсомола. Сам Г. К. Шастин объяснил создание этой «группировки» шуткой, которую не поняли.

Дело состояло в следующем. Зимой 1924/25 г. группа студентов общежития Первого медицинского института — Шастин, Рябов и Кульнев — создала коммуны, в которой состояло несколько мужчин, а девушек в нее не принимали. В комитете комсомола по этому поводу состоялся товарищеский суд и трех инициаторов на 6 месяцев исключили из комсомольской организации.

Когда нашего героя спросили о том, знаком ли он с кем-либо из троцкистов, он назвал имя Сергея Васильевича Кульнева, учившегося в начале 1923 года на одном с ним курсе Медицинского института и проживавшего около полутора лет с ним вместе в одной комнате. Дружили до 1928 года, до момента ареста Кульнева за контрреволюционную троцкистскую деятельность. Помимо этого, жена Кульнева — Наталья Жегалова являлась подругой детства жены Григория Шастина. Именно вместе с Кульневым Григорий Шастин был исключен из комсомола в 1925 г.

Институт Григорий закончил в 1928 г. Во время учебы в Ленинграде Г. К. Шастин познакомился с Александрой Максимовной, тоже врачом, и вскоре молодые люди поженились. В 1928–1929 гг. Г. К. Шастин служил в Красной Армии, после демобилизации был назначен главным врачом районной больницы в селе Глушково Курской области, где проработал около трех лет.

«АККУРАТНЫЙ И ДОБРОСОВЕСТНЫЙ В РАБОТЕ». ПОСЛЕ ПЕРЕЕЗДА В ЧЕЛЯБИНСК

В конце 1920-х годов Челябинск стал одним из важнейших центров, где развернулось строительство новых заводов, в соответствии с планом индустриализации страны. Летом 1932 г., как сообщается в анкете следственного дела, старшего брата Николая Шастина после окончания двух курсов института имени Плехана

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

нова в Москве направили на работу в Челябинск, где он работал в планово-экономическом отделе Челябинского тракторного завода им. И. В. Сталина.

Николай, в отличие от брата, являлся членом партии. Из материалов дел известно, что Николай Шастин в годы Гражданской войны сражался с белогвардейцами в Волочаевском отряде.

Вскоре Григорий с женой был направлен Наркомздравом в город Челябинск на строительство тракторного завода. Там в 1933 г. у супругов родился сын Эрнест, о чем свидетельствуют данные анкеты и страничка в паспорте Григория Константиновича. Семьи братьев дружили, даже проживали в одном доме, только в разных квартирах по адресу улица Ленина (ныне — улица Свободы), дом 6. Там летом 1936 года братья и будут арестованы органами НКВД.

Главным врачом больницы ЧТЗ Г. К. Шастин был назначен в августе 1934 года и проработал там до времени своего ареста, который случился 23 августа 1936 года.

Однако только 10 сентября 1940 года особым совещанием при НКВД СССР он был осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) за участие в антисоветской троцкистской организации. Затем он был отправлен из челябинской тюрьмы в «Севдвинлаг МВД», располагавшийся в городе Вельске Архангельской области, где содержался до 18 декабря 1945 года (по другим данным — до 1944 года.).

Г. К. Шастин работал в одном из отделений Севдвинлага главным врачом лазарета. Сведения о повседневной жизни заключенных этого лагеря, в том числе о работе медперсонала, можно почерпнуть из воспоминаний фельдшера А. П. Евстюничева². Как видно из них, работа медицинского персонала в лагере играла существенную роль для заключенных: именно медперсонал мог освободить от выхода на изнурительную работу. Поэтому за работой медиков был налажен строгий контроль: «Амбулаторные карточки, тем более истории болезни не велись. Все, кто обращался за медпомощью, записывались в журнал, с указанием фамилии, номера бригады, краткого диагноза и освобожден или нет от работы. Прием проводился до позднего вечера, пока не уходил последний посетитель. Приходило от 30 до 100 человек в день. Почти половина освобождалась от работы».

Одним из самых распространенных диагнозов был дистрофический энтероколит. Таких больных называли по-лагерному «дохо-

² *Евстюничев А. П.* Наказание без преступления. Сыктывкар: Мемориал, 1991.

дягами». И если медик не в силах был улучшить питание (не в его компетенции), то хотя бы мог освободить от работы, положить к себе в стационар и отправить в лазарет, стремясь приостановить, задержать истощение, спасти жизнь. Многое делалось и для профилактики заболеваний: «Из лесу привозили ветки сосны или ели, — пишет А. П. Евстюничев. — Я специально освобождал от работы ежедневно двух–трех человек для помощи. Они ощипывали у веток иголки, санитар в деревянном корыте рубил их топором. Измельченная масса засыпалась в бочку и заливалась кипятком. Получался зеленоватый настой. На вечернем приеме я обязательно заставлял пить этот настой всех, а санитар в ведре разносил по баракам. Надо отметить, что многих хвойный настой буквально спасал от цинги».

«На 98% все врачи и фельдшера были из числа осужденных по статье 58-10, заменить их было просто нечем. Администрация вынуждена считаться с ними». К нашему сожалению, автор воспоминаний не приводит конкретных фамилий тех докторов, с кем ему пришлось познакомиться в лагере. Он только пишет, что со многими у него установились дружеские отношения, что он консультировался у них, брал для изучения медицинские книги. Возможно, одним из этих людей был и Григорий Константинович.

По истечении срока заключения Г. К. Шастин остался жить в тех краях на станции Шангалы Северо-Печорской железной дороги. Работал по вольному найму в должности главврача поликлиники № 7 Вельского отделения Севжелдорлага МВД СССР (по данным Красноярского общества «Мемориал», был назначен главврачом Центрального лазарета Первого отделения ИТЛ МВД СССР). Там же он женился второй раз на Галине Ивановне Шастиной, 1919 года рождения, которая работала врачом-рентгенологом вместе с ним в лазарете № 7. В 1946 г. в семье родился сын Сергей.

Но 9 сентября 1949 г. Г. К. Шастин был повторно арестован за то же самое «преступление», то есть по статье 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР и по приговору суда был выслан на постоянное место проживания в Красноярский край. До 1955 года работал главврачом Маклаковской участковой больницы в Енисейском районе, потом в той же должности переведен в Ирбейский район. Ирбейская районная больница была образована в 1947 г., на то время в ней работало всего три врача, вызовы обслуживались на лошадях. Нам удалось обнаружить на сайте Ирбея две фотографии Г. К. Шастина с его подчиненными. Из документов следует, что

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

Г. К. Шастин проживал в селе Ирбейском по адресу улица Интернациональная, дом 138. Получается, что жил в частном доме.

О том, как дальше сложилась судьба Г. К. Шастина, помогла установить статья, обнаруженная в интернете, с упоминанием его имени как врача Звериноголовской районной больницы. В статье, посвященной юбилею одного из докторов, говорилось о том, что он, будучи молодым хирургом, поступив на работу в больницу, набирался опыта и учился у коллег, среди которых был «старейший врач больницы Григорий Константинович Шастин». Впоследствии, сын Эрнест, в ходе беседы с нами по скайпу, рассказал о том, как он, после реабилитации отца в 1957 г., помог отцу с переездом в Курганскую область. В следственных делах мы нашли тому подтверждение.

Больница в селе Звериноголовском была создана еще в 1919 г. на базе полкового околотка Петроградского полка. С 1943 г. и по настоящее время больница входит в Курганскую область. Григорий Константинович, имея богатый опыт руководителя, возглавил эту районную больницу. Так случилось, что Звериноголовское стало его последним пристанищем, там он и был похоронен в 1978 г.

Таковы основные жизненные вехи Григория Константиновича Шастина.

«БОЛЬНИЦА ЧТЗ НАХОДИТСЯ В СОВЕРШЕННО НЕДОПУСТИМЫХ УСЛОВИЯХ». НА ПОСТУ ГЛАВНОГО ВРАЧА

Каким же был главный врач Г. К. Шастин, как управлял коллективом больницы ЧТЗ? В протоколах допросов некоторые свидетели называют его «хорошим хозяйственником», «грамотным врачом». Следователи, ведущие записи в протоколе, добросовестно воспроизвели примеры его «контрреволюционной деятельности» на посту главврача, которые Григорий Константинович привел на одном из допросов: «Я скрыл от уголовной ответственности бывшего главврача больницы ЧТЗ А. Ф. Тищенко, который довел больницу до очень тяжелого состояния <...> Я защищал его перед облздравом, не разоблачил его <...>, чем дал ему возможность продолжать свою преступную деятельность в качестве глав. врача Сталиногорской больницы».

Второй эпизод своей «вредительской» деятельности он связал с вопросом постройки новой больницы ЧТЗ: «Больница ЧТЗ находилась в течение ряда лет и находится в настоящее время в совер-

шенно недопустимых условиях — в ветхих бараках, недостаточных по площади. Следствием этого были скученность и антисанитария, вызвавшие немало жертв среди больных. <...> Радикальным выходом из создавшегося положения являлась постройка новой больницы, и я лично, как врач участвовал в разрешении этого вопроса, но не довел его до конца, вследствие недостаточной настойчивости». Сам Григорий Константинович, а скорее всего, это за него сделали следователи, объяснил все «неверием в заботу партии и правительства о нуждах трудящихся и вытекавшим отсюда неверием в успешное решение поднятого вопроса». Какое неслыханное «преступление»! Конечно, главному врачу больницы очень хотелось ускорить процесс постройки нового здания.

В материалах дела приложены и собственноручно написанные показания самого Григория Константиновича. Они по стилю изложения и по приведенным в них фактам отличаются от протоколов допроса: «Больницу я принял в разваленном состоянии и мне совместно с моими помощниками и общественными и партийными организациями стоило больших трудов привести ее в такое состояние, когда она по постановке лечебной работы считалась нашими руководящими органами одной из лучших в Челябинской области».

Нам удалось просмотреть уникальный альбом, хранящийся в фондах Музея ЧТЗ. Альбом с фотографиями посвящен начальному периоду в истории завода и района — 1930-м годам. Смотришь на фотографии — и диву даешься тому, как за четыре года на пустыре были построены гигантский тракторный завод, а также соцгород при нем. Новенькие здания в стилистике конструктивизма предлагали жителям микрорайона все блага: вот баня, вот прачечная, вот новые четырехэтажные дома, столовая, ФЗУ, кинотеатр... Но все в раз не построить, потому труженики района были рады и барачному поселку, и больнице, расположенной тоже в бараке на так называемом «втором участке ЧТЗ» (ныне здесь находится Сад Победы).

«ДЕЛО ЛУРЬЕ ОТРАЗИТСЯ НА МНЕ РИКОШЕТОМ...» ЦЕНА СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ

В сентябре 1933 г. Григорий Константинович в силу служебных обязанностей познакомился с доктором Н. Л. Лурье, прибывшим для работы в Челябинск. Биографическая информация об этом

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

человеке довольно скудна: родился в 1901 г. в Варшаве, еврей, из мещан, имел высшее медицинское образование, являлся, согласно данным Сахаровского центра, беспартийным, хотя одно время состоял в молодежной организации «Гехолуц» Компартии Германии.

Это знакомство и сыграло роковую роль в судьбе братьев Шастиных. Натан Лурье будет проходить по так называемому «Делу 16-ти», или «Московскому процессу», — делу о деятельности «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Первым в списке арестованных по тому делу значились Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, а последним, шестнадцатым, — Натан Лурье, член компартии Германии. В речи А. Вышинского о его преступлениях говорилось: «В 1934 г., находясь на Челябинском, Натан Лурье пытался произвести покушение на жизнь товарищей Кагановича и Орджоникидзе. Наконец, тот же Натан Лурье 1 мая 1936 г. по заданию и предварительному согласованию с Моисеем Лурье пытался произвести во время первомайской демонстрации в Ленинграде покушение на товарища Жданова».

В «Бюллетене оппозиции» (большевиков-ленинцев) — печатном органе, издаваемом под редакцией Л. Д. Троцкого за границей, о Натане Лурье говорилось: «абсолютно никому не известен; никаких данных и никаких следов о нем до сих пор не найдено».

Д. Волкогонов в своем исследовании о В. И. Ленине высказывает свое мнение о том, что многие участники процесса надеялись на свое освобождение: «Надеялся и Натан Лазаревич Лурье, написавший в прошении, что он “неоднократно подготовлял террористические акты над Ворошиловым, Орджоникидзе, Ждановым, будучи для выполнения этого плана вооружен...” Почему надеялся этот “террорист”, вновь повторяя под диктовку чудовищные небывальицы? Видимо, потому, что ему было лишь 34 года»³. Как бы то ни было, 25 августа 1936 г. все 16 человек были расстреляны. Начались поиски их «соратников» по всей стране.

Уже через три дня в Челябинском УНКВД было подготовлено Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения по статье 58-10: «Шастин Г. К. достаточно изобличается в том, что вел контрреволюционно-троцкистскую агитацию и находился в связи с членом контрреволюционного троцкистско-зиновьевского центра Лурье Натаном». Одновременно, 23–26 августа 1936 г., помимо брата Николая, были арестованы еще несколько

³ Волкогонов Д. А. Ленин: Политический портрет. Кн. 2. М.: Новости, 1996. С. 51.

человек. Три месяца следователем Натансоном велось следствие, были допрошены десятки людей работавших, друживших, случайно встречавшихся с обвиняемыми, проводились очные ставки, анализировался материал...

Следует отметить, что Григорий Константинович, как человек умный, предвидел свою судьбу, понимал, что его может ожидать: «После опубликования в печати материалов по процессу троцкистов Шастин всегда был в подавленном настроении. «Дело Лурье отразится на мне рикошетом», — говорил он своему заместителю.

Следователям очень важно было установить и доказать связь Натана Лурье с местными специалистами, поэтому в большинстве случаев допросы начинались с вопросов о связи с ним: «Вы являетесь участником к<онтр>р<еволюционной> троцкистской террористической группы на ЧТЗ, организованной членом троцкистско-зиновьевского террористического центра Лурье Натаном. Расскажите о деятельности и составе этой к<онтр>р<еволюционной> группы?» Шастин отвечает: «Я участником к<онтр>р<еволюционной> группы не являлся и о ней ничего не знал. О к<онтр>р<еволюционной> террористической деятельности Натана Лурье мне стало известно только после опубликованных в газетах материалов процесса».

Так было и на первом допросе А. Р. Колесниковой, жены санитарного врача Г. Н. Кауфмана, 24 августа 1936 г. Но уже в дополнительных показаниях, после «напоминаний» свидетелей, Анастасия Романовна подробно описывает все случаи общения с Н. Л. Лурье: «Натан Лурье в нашей квартире в присутствии Кауфмана был только один раз в конце лета прошлого 1935 г. <...> у мальчика, вернее моего сына, в детском садике гвоздем прокололи ногу. Вследствие чего у него поднялась высокая температура. Я попросила мужа сходить в больницу и привести хирурга Колмановского. Но так как в больнице Колмановского не оказалось, а дежурил Лурье, то Кауфман его и привел для оказания помощи. Н. Лурье, осмотрев ногу и сделав назначение, пробыл всего 3–5 минут и ушел обратно».

Свидетели выдвигали против А. Р. Колесниковой очень серьезные обвинения: «Летом 1935 г., Кузьма Васильевич Рындин (глава обкома партии — Ю. Ф.) созвал к себе авторитетных врачей города, списочный состав которых формировала Колесникова А. Р., куда она включила Лурье Натана, зная уже о том, что Лурье было запрещено посещать партсобрания. Колесникова, являясь членом комиссии по чистке партии на ЧТЗ, уже тогда знала о том, что Лу-

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

рье не имеет партбилета, но вместо разоблачения, выяснения этого вопроса до конца, она молчала».

В дополнительных показаниях Анны Романовны от 2 сентября 1936 г. сообщается: «22/VIII с. г. Кауфман придя домой сообщил мне, что Лурье ему когда-то предлагал уехать из Челябинска и устроиться работать в пограничную охрану. Точного места Кауфман снова не указал. Услышав заявление Кауфмана, что Лурье ему предлагал переехать в погранохрану на службу, я стала к Кауфману иметь явное подозрение в его связях с Лурье, собиралась об этом позвонить организациям, но не решилась». Примечательно, что разговор о предложении переехать Кауфман заводит с женой примерно 22 августа 1936 г., то есть в то время, когда всю уже идут слушания по делу об «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» в Москве. После чего жена «стала иметь явное подозрение» к мужу, а муж поспешил написать заявление в райсовет. Не мудрено — при таком напоре следователей Анастасия Романовна пыталась как-то выйти из создавшейся ситуации.

Более того, А. Р. Колесникова далее сообщает о том, что из-за этого разговора сложилась напряженная ситуация в семье: «На следующий день утром ко мне подошел 6-летний мальчик Женя и сказал: “Мамочка! Зачем ты вчера кричала на папу, что он должен пойти заявить... Не надо на него кричать, ты мне скажи, я с ним поговорю, он меня послушает”. Из этого разговора мальчика у меня сложилось мнение, что и здесь Кауфман обманул меня, подослав ребенка с целью сыграть на моих чувствах, такое мнение у меня возникло сейчас». Печально, но Колесникова пыталась переложить всю «вину» на своего мужа.

Подобные заявления несколько контрастируют с самыми первыми показаниями А. Р. Колесниковой. Видимо, имелось давление со стороны следствия на арестованную.

На допросе 7 сентября 1936 г., Н. К. Шастин давал ответы о встречах с Н. Л. Лурье: «Лурье бывал у меня систематически 1–2 раза в месяц, встречи продолжались 10–20 минут не больше. <...> Бывал часто Кауфман, Шастин Григорий» и другие. Николаю Константиновичу предложили объяснить показания свидетелей о том, что беседы с Лурье были весьма продолжительными и происходили при закрытых дверях, что Н. К. Шастин запрещал кому-либо входить в это время: «Чем объяснить такую секретность этих совещаний?» — вопрошал следователь. На что обвиняемому

нечего было ответить, кроме как: «Секретного характера эти разговоры не должны были иметь».

Свидетель, работавший мастером на ЧТЗ, показал, что осенью 1934 г. братья Шастины и Лурье однажды на 30 минут выгнали всех из кабинета, закрывшись на ключ. Второй такой случай был в начале 1935 г. Нам не совсем понятно, что он, мастер коробки скоростей МСЦ ЧТЗ, регулярно делал под дверью начальника планово-экономического отдела завода и так хорошо запоминал, кто и с кем закрывался в кабинете.

Одна из санитарок больницы ЧТЗ подрабатывала у Н. Л. Лурье (пока он не женился) домработницей, проживая с ним в одной квартире, занимая место на кухне. А уж кто, как не домработница, мог стать лучшим информатором для следствия! «Чаще всего у Лурье бывал в гостях Шастин Григорий Константинович главврач б-цы ЧТЗ. Часто бывал вечерами в рабочие дни, всегда один без жены. Бывал часто у Лурье также д-р Кауфман, тоже без жены. Бывали и другие врачи, некоторых я в лицо знаю, но фамилий не знаю, один из них работает в хирургическом отд-ии б-цы ЧТЗ низкого роста, полный, черный, другой в рентгеновском кабинете той же б-цы — высокий, худощавый, третий жил в 28 доме на 7 участке, работал раньше в здравпункте ЧТЗ, затем работал в городе. Меня однажды Лурье послал к нему на квартиру за книгой, которую этот врач брал у Лурье (эта фраза подчеркнута в протоколе — Ю. Ф.). Из себя он низенький, полный». Какая исчерпывающая информация! Того, кого не знала домработница, она описала по внешним признакам, а следователи только успевали выделять в ее рассказе важные детали, которые могли использовать впоследствии.

Нужно отметить, что домработница указывала, что пока Лурье жил один, «он обычно с этими лицами занимался разговорами», как ей иногда удавалось слышать — говорили о делах больницы, поликлиники, собраниях и т. п. Нам в ее показаниях видится, что это были врачи-трудоголики, которые даже в свободном общении, с накрытым столом говорили исключительно о работе.

Обвинения в тесной связи Григория Шастина с Н. Л. Лурье следуют из многочисленных показаний свидетелей. К примеру, завхоз больницы ЧТЗ отношения своего руководителя с Н. Лурье охарактеризовал так: «Шастин действительно был связан с Лурье, это были два друга, которых редко можно было видеть друг без друга, Шастин когда уезжал в научную командировку в Москву своим заместителем оставил Лурье».

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

Когда Г. К. Шастина попросили охарактеризовать Н. Л. Лурье с политической стороны, он заявил, что знал его как вполне лояльно настроенного к Советской власти человека.

«Вопрос: Были ли между вами разговоры об оппозиционных течениях внутри партии?»

Ответ: Да были.

Вопрос: Расскажите, о чем именно шла речь?

Ответ: В 1935 г. в связи с убийством тов. Кирова я беседовал с Лурье, он оценивал это как террористический акт со стороны троцкистов и возмущался этим убийством.

Вопрос: Высказывался ли Лурье сочувственно к оппозиционным течениям внутри партии в частности к зиновьевцам и троцкистам во время ваших совместных бесед?

Ответ: Нет».

Как отчетливо видно из этого протокола допроса от 24 августа 1936 г., наиболее «контрреволюционными» в данном случае являются сами вопросы следователя.

На допросе 27 августа 1936 г. Г. К. Шасти́н давал показания о том, что ему известно о Н. Л. Лурье после его отъезда из Челябинска. Он указал, что сначала Лурье с женой уехали в Москву, а после они в письме к доктору Грозневич, которая поддерживала с ними связь, написали в марте 1936 г., что устроились в Ленинградской клинике и получили комнату. «Я получил от Лурье Натана два письма, — показал Г. К. Шасти́н. — В первом письме он писал из Ленинграда о том, чтобы я переслал его заработную плату в институт усовершенствования врачей. <...> Во втором письме <...> прислал счет, <...> в котором он просил оплатить ему расходы, связанные с командировкой — что еще писал в этом письме, я не помню. Оба письма были переданы мной в бухгалтерию больницы бухгалтеру Гаврилову». Больше с Лурье Г. К. Шасти́н не встречался и о том, что в 1936 г. Лурье приезжал в Челябинск, он не знал.

«У МУЖА ПИСТОЛЕТ БЫЛ...» «ТЕРРОРИСТ» Н. Л. ЛУРЬЕ И ЕГО ЧЕЛЯБИНСКИЕ СОРАТНИКИ

Н. Л. Лурье в ходе «Московского процесса» признал, что он занимался троцкистской деятельностью с 1927 г., то есть около девяти лет. В «Бюллетене оппозиции» к этому добавили: «К сожалению, только — об этом никому не было известно. Ни один троцкист, ни в одной стране, ни в 1927 г., ни позже, никогда не

встречался с Н. Лурье». Н. Л. Лурье в ходе допросов менял свои показания: в июне 1936 г. он признавался только в троцкистских взглядах, отрицал методы террора, а уже в июле признался, что лично должен был участвовать в покушениях на первых лиц страны.

В августе 1932 г. группа Н. Лурье якобы получила задание некоего Франца Вейца (фашистского охранника, по словам судебных отчетов), совершить покушение на Ворошилова. Но в июле 1933 г. Н. Л. Лурье был направлен Наркомздравом на работу в Челябинск. Здесь он, как следует из материалов дела, ожидает, чтобы кто-либо из вождей, Каганович или Орджоникидзе, приехали в Челябинск. Помимо этого, он признался в том, что пять раз приезжал в Москву с револьвером, с целью произвести покушение, а в последней поездке его чемодан, в котором хранился револьвер, был похищен. Якобы поэтому такой важной улики, как револьвер, и не было обнаружено.

В материалах дел часто фигурируют вопросы об оружии, которое имелось у знакомых Натана Лурье и у него самого. Оказалось, что у санитарного врача Кауфмана какое-то время имелся наган. Сам Г. Н. Кауфман на допросе пояснил, что револьвер он получил под расписку от начальника милиции в 1934 г. «для целей самообороны в связи с тем, что мне как санврачу приходилось выезжать в поселки Красный партизан, Буденовский и другие в ночное время, где сильно было развито хулиганство». В декабре того же года револьвер также под расписку был сдан обратно. Действительно, эти барачные районы вокруг строящегося соцгорода ЧТЗ были одними из самых криминальных в городе и оружие там было совсем нелишним.

В материалах дела несколько свидетелей и подследственных приводят сведения о том, что Натан Лурье не умел стрелять.

Но, несмотря на все вышеописанное, следователи настойчиво искали следы покушений на видных деятелей партии, которые в 1930-е гг. посещали Челябинск. В ходе допроса 24 августа 1936 г. (то есть одного из первых допросов после ареста), следователь спросил Г. К. Шастина о том, были ли у него разговоры с Лурье по поводу приезда в Челябинск наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. Г. К. Шастин ответил, что «когда т. Орджоникидзе приехал в Челябинск, то Лурье в тот же день пришел ко мне в кабинет и просил меня чтобы я добился приема к т. Орджоникидзе по вопросу постройки новой больницы («по вопросу постройки

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

новой больницы» в протоколе подчеркнуто — Ю. Ф.) на ЧТЗ и чтобы я вместе с собой взял на прием к т. Орджоникидзе и Лурье. Я на это не согласился и возразил Лурье, что это дело дирекции завода, и не пошел. И он меня об этом больше не просил».

Как мы видим, в ответе Г. К. Шастина четко прослеживается единственная цель встречи с наркомом тяжелой промышленности — строительство новой больницы для работников завода и жителей района. Это действительно было задачей номер один для нового большого района города.

«НАЗЫВАЛ СВОИМ ДРУГОМ НИКОЛАЕВА...» ЗНАЛ ЛИ ШАСТИН УБИЙЦУ КИРОВА?

На допросе 11 сентября 1936 г. А. Р. Колесникова на вопрос о том, как ее муж Кауфман отреагировал на сообщение об убийстве в Ленинграде, вновь очерняет мужа (хотя, возможно, это делали сами следователи): «Кауфман мне своих мнений по этому вопросу не высказывал, но я знала и видела, что он не имеет глубокой печали, как это было в партийных рядах».

Не последнюю роль в подписании обвинительного приговора Г. К. Шастина сыграл и тот факт, что он якобы был знаком по комсомольской работе 1920-х годов с убийцей С. М. Кирова — Николаевым.

Парторг больницы ЧТЗ А. Е. Вдовин свидетельствовал: «Из разговоров с Петровой я знаю, что Шастин Григорий называл своим другом Николаева».

В протоколе очной ставки Г. К. Шастина и А. Н. Петровой от 1 октября 1936 г., в начале которого указывалось, что они «личных счетов к друг другу не имеют», А. Н. Петрова заявляла: «Разговор происходил в кабинете Шастина, присутствовали только Шастин и я. Это было утром после проработки приговора суда над Ленинградскими террористами по отделениям больницы (в тот же день). Шастин, прочитав газету, сказал мне: “черт возьми, ведь Николаев был моим другом — вместе были в комсомоле”. Г. К. Шастин подтвердил, что такой разговор имел место, но в нем он заявлял, что знал по комсомолу в Ленинграде Котолымова и Румянцева, а не Николаева: “Говоря о Котолымове и Румянцеве я их назвал “друзья-приятели”, но друзьями моими они никогда не были”». Знакомство с Николаевым Григорий Шастин категорически отрицал.

**«У ГРИГОРИЯ НЕ ВСЕ БЛАГОПОЛУЧНО В ЧАСТИ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ
ВЗГЛЯДОВ». ДРУГИЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ» ШАСТИНА**

Процитируем опрошенных свидетелей: «Когда шли из общежития по улице Шастин Г. завел разговор о демократии, заявив, что нет у нас настоящей демократии. Как доказательство привел такое соображение, что якобы редко созываются съезды (имел в виду съезды партии или Советов)». Брат Григория — Николай Шастин в своих показаниях рассказывал, что Григорий накануне XVII съезда в разговоре высказал мысль, что съезды бесполезны, так как все решают вожди, а остальные это только подтверждают.

Еще один свидетель припоминал, как Г. К. Шастин называл профсоюзных деятелей «профлодырями», а партийцев — «партлодырями»... Хотя, как следует из отдельных высказываний на страницах дел, Г. К. Шастин писал заявление, чтобы числиться «сочувствующим ВКП(б)». При допросе Д. Е. Бендюкова спрашивали о том, почему, зная Григория Шастина как человека настроенного антисоветски, он дал ему в 1935 г. рекомендацию в сочувствующие ВКП(б), на что последовал ответ: «Я антисоветской личностью Шастина Гр. не считал, а отдельные высказывания расценивал как непонимание некоторых вопросов». Любопытно, что брат Григория на допросе передал свой разговор с Д. Е. Бендюковым по поводу этого случая, при котором Даниил Евдокимович сказал Николаю: «Я дал Григорию рекомендацию, правда, у Григория не все благополучно в части его политических взглядов, но ничего — обомнется». Вывод, сделанный Н. К. Шастиным, нас очень удивил: «Отсюда ясно, что Бендюков стремился сознательно протащить в ряды ВКП(б) Шастина Григория, зная последнего, как человека с троцкистскими настроениями». С трудом верится, что Николай произносил эти слова о своем брате. Да и написаны они как-то официально — смеем предположить, что это слова и выводы следователя.

На страницах дела № 2912 через допросы нескольких свидетелей следователи пытаются установить один из «контрреволюционных эпизодов». Касался он, казалось бы, бытовой ситуации: в июле 1936 г. Бендюков Д. Е., Шастин Н. К., шофер Шастина Н. К. и некий Василий Иванович выехали вечером на рыбалку на реку Миасс. Распили бутылку наливки около костра, Шастин Н. и шофер пошли спать, а Василий Иванович стал ругать советскую власть, «потом перешел к злобным выпадам по адресу т. Сталина. Меня это взорвало и я схватил его за шиворот и придавил к земле. Он продол-

жал твердить свое, я же кричал: “ты сволочь, контрреволюционер” и т. п. Шофер тут же проснулся и закричал на Вас. Ив. “чего лезешь со своими разговорами”, — рассказывал Д. Е. Бендюков. Вина Николая Шастина состояла в том, что он не мог не слышать, а делал вид, будто бы спал. Впоследствии этот эпизод Д. Е. Бендюков использует для убеждения следователей в своей невинности: «Я доказал дракой у реки, что я не враг, я люблю Родину и ее вождей».

Признавалось антисоветским и мнение братьев Шастиных о политике в деревне. Николай Шастин в показаниях свидетельствовал: «В 1932 г. в Москве брат Григорий рассказывал мне о якобы массовом голоде, уходе крестьян из деревни, кулацких восстаниях, расценивая это как результат неправильной политики партии в проведении хлебозаготовок 1931 г. на Украине». Другой свидетель рассказывал: «Из конкретных, запомнившихся мне разговоров в период 1933 г. можно указать на контрреволюционные заявления Шастина Григория и Шастина Николая о неправильной политике партии в деревне в области коллективизации. Они считали, что партия взяла слишком быстрые темпы обобществления сельского хозяйства, что приводило к массовым перегибам, голоду и другим ненужным жертвам в деревне».

О положении дел в деревне Григорий Шастин знал не понаслышке. Городских врачей в те годы часто направляли для работы в сельскую местность. Как врач Г. К. Шастин видел последствия коллективизации, о чем также говорили допрашиваемые свидетели: «Примерно в начале 1933 г. Шастин Г. рассказывал, что он ездил с бригадой врачей на борьбу с “септической ангиной”, что всякие комиссии, врачебные бригады ищут возбудителя этой болезни, усиленно стараясь доказать, что она инфекционная, а на самом деле, заявил Шастин Г., возбудители тут не причем, просто люди умирают с голода, до того их довели хлебозаготовки». В доказательство Григорий Константинович приводил тот факт, что никто из медработников не заболел, потому что у них был с собой белый хлеб и другие продукты питания. Свидетель добавил, что Г. К. Шастин утверждал: «все медработники не заявляют открыто о том, что причина болезни голод, только потому, что боятся так говорить, но все якобы прекрасно это понимают, не исключая и представителей органов ОГПУ, которые также понимают, что все дело в недоедании».

Официальная точка зрения Наркомздрава говорила о том, что септическая ангина — это новый, еще неизвестный вид инфекционного заболевания.

«ВТЯНУТ.. НЕ ОСОЗНАЛ... КОЛЕБАЛСЯ...» ПРИЗНАНИЯ ПОДСУДИМЫХ

Изнурительные допросы с обилием задаваемых вопросов следовали с завидной частотой. Мы попытались сделать подсчеты, когда обвиняемые теряли терпение, стойкость и подписывали признательные документы. Это происходило, как правило, не ранее двадцатого допроса. Так, Д. Е. Бендюков 14 октября 1936 г. заявил: «В 32–36 гг. антипартийные и антисоветские разговоры с Шастинным Гр. и Шастинным Ник. я объясняю потерей классовой бдительности <...>. Я их рассматривал, как разговоры о трудностях; или перегибах в политике партии — не понимал, что этим сколачивается к<онтр>р<еволюционная> троцкистская группа». Судя по стилю изъяснения, который мы наблюдали в ответах Д. Е. Бендюкова ранее, такие обороты ему совершенно не были присущи, но он уже готов к признаниям. В протоколе допроса от 21 октября 1936 г. Д. Е. Бендюков на вопрос о том, признает ли себя виновным, отвечает: «Да, я признаю себя виновным в том, что являлся участником контрреволюционной троцкистской группы на ЧТЗ в составе Шастина Николая, Шастина Григория и меня — Бендюкова.

Вопрос: Организатор кто?

Ответ: Шастин Николай.

Вопрос: Охарактеризуйте контрреволюционные разговоры эти.

Ответ: Шастин Н. и Шастин Г. давали троцкистскую оценку положению внутри партии, считая, что настоящей демократии в партии нет (последняя часть фразы в протоколе подчеркнута — Ю. Ф.)».

И далее полилось: «втянут... не осознал... колебался» и т. п.

Любопытно, что в тот же день Даниил Евдокимович пишет заявление об отказе от показаний, мотивируя это тем, что ранее «подписал, потому, что было тяжелое моральное состояние и хотел ускорить следствие».

Г. К. Шастин «признался» в своих преступлениях достаточно быстро. Уже 28 августа 1936 г. в протоколе допроса читаем в начале допроса:

«Вопрос: Вам неоднократно предъявлялись показания, что Вы вели контрреволюционные разговоры.

Ответ: Еще раз заявляю, что никаких к<онтр>р<еволюционных> и антисоветских разговоров я не слышал, ни от брата Шастина Николая, ни от наших общих знакомых».

Григорий Константинович все категорически отрицает. Но следом идет вопрос: «Вот вам показания брата Шастина Николая, что

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

в Вашем присутствии велись к<онтр>р<волюционные> разговоры. <...> Предлагается Вам еще раз дать следствию правдивые показания (последняя фраза в протоколе подчеркнута — Ю. Ф.)». А далее «полилось рекой» признание, торопливо записанное следователем посредством казенного официального языка, который совсем не был характерен для Г. К. Шастина, с выделением наиболее значимых мест: «Считаю, что мое заpiresательство в дальнейшем бесцельно, признаю себя виновным в том, что я входил в к.р. троцкистскую группу, существовавшую на ЧТЗ. Собираясь друг у друга, мы подвергали клеветнической критике мероприятия ЦК ВКП(б) в области внутрипартийной демократии (последние три слова в протоколе подчеркнуты — Ю. Ф.) <...>. Мероприятия партии и правительства в области коллективизации <мы называли> неправильными <...> коллективизация проводится насильственным путем, вопреки желанию трудящихся крестьян. Также критиковались мероприятия обкома в частности руководство промышленностью в частности указывалось на то, что обком слишком вмешивается в работу тракторного завода. Вместе с этим высказывалось сочувственное отношение к исключенным из ВКП(б) за участие в оппозиции».

Ну, и следом, как полагается, Г. К. Шастин перечислил состав контрреволюционной троцкистской группы.

Справедливости ради, надо напомнить о тех деталях, которые мы разглядели на страницах следственных дел. Например, то, как на соседних страницах отличается подпись подследственного — на одной уверенная, ставшая, за время работы с делами, нам привычной роспись, а на другой — то ли рука дрожала, то ли перо в руке не держалось: корявая укороченная непривычная роспись. Мысли о физическом воздействии на подследственного не покидали нас на протяжении всего исследования.

На ноябрьских допросах Григория Шастина стилистика записанных в протоколах ответов становится прямо-таки троцкистской. Правда, нами ощущалось, что это мысли и слова самих следователей, облаченные в нужные следствию формулировки, на основе изложенных подследственным фактов: «Мне известно, что участник нашей к<онтр>р<волюционной> группы Бендюков, являвшийся начальником планово-экономического отдела ЧТЗ, исходя из своих к<онтр>р<волюционных> взглядов, осуществлял вредительство в своей работе на заводе: В разговоре с Николаем Шастинным, в моем присутствии, Бендюков с удовлетворением рас-

сказывал, что ему удалось обмануть Наркомтяжпром, представив заведомо преувеличенные, ложные цифры себестоимости трактора». Трудно представить, что именно такими выражениями пользовался доктор Шастин.

В ноябре 1936 г. Григорий Константинович собственноручно написал следователю Натансону обращение на пяти страницах, в котором пытался ответить на обвинения, выдвинутые против него в показаниях одного из докторов больницы. Стиль письма заметно отличается от записей, выполненных следователями со слов арестованных. Это грамотная речь образованного человека, логично дающего ответ на каждый пункт обвинения, выдвинутого против него. Так вот, в этом обращении, несмотря на то, что в протоколах допросов он «признал» себя членом троцкистской группы еще 28 августа 1936 г., он твердо заявляет: «Конечно, в моей работе были большие недостатки и упущения, но они ни в коей мере не могут быть объяснены моим желанием вредить охране здоровья рабочих». Складывается ощущение, что когда Г. К. Шастин подписывал протоколы, то он не читал, что там понаписали следователи.

«ЗАКЛЮЧИТЬ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ СРОКОМ НА ВОСЕМЬ ЛЕТ». ПРИГОВОР

Чуть более четырех месяцев длилось следствие по делу «организованной троцкистско-зиновьевской группы на ЧТЗ». Аресты участников группы были проведены в конце августа 1936 г., начиная с 23-го числа, а 27 ноября 1936 г. следственное дело было закончено и направлено в Спецколлегию Челябинского областного суда. В каком из зданий, принадлежащих органам НКВД Челябинска, находились подследственные, нам не удалось установить, но, скорее всего, это были здания на ул. Васенко или на ул. Коммуны. Окончательная точка в этом деле была поставлена к Новому году. Именем РСФСР 29–30 декабря 1936 г. Челябинский областной суд, Спецколлегия в составе председательствующего Барановского, членов: Емелина и Мартыновой, при секретаре Бабушкине вынесли приговор по делу. Текст приговора изложен на трех страницах и отпечатан на машинке в 17 экземплярах. Изучим его содержание.

В закрытом судебном заседании было рассмотрено дело обвиняемых Д. Е. Бендюкова, Н. К. Шастина, Г. К. Шастина, Г. Н. Кауфмана, А. Р. Колесниковой. Суд постановил, что указанная «группа обвиняемых, начиная с 1933 г., находясь в рядах ВКП(б), поддерживала

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

связь с к/р. троцкистами, оказывая последним содействие в своей к/р. деятельности, и сами систематически высказывали к/р. троцкистские взгляды по вопросам внутрипартийной демократии, политики ВКП (б) в деревне и др. В частности, упомянутая группа была связана с к/р. террористом Лурье Потапом (так в тексте — Ю. Ф.), расстрелянного по приговору Военной коллегии Верховного Суда (так в тексте — Ю. Ф.) СССР, по делу к/р. эволюционного троцкистско-зиновьевского террористического центра, работавший врачом на Челябинском тракторном заводе до января 36 г.». «Потап» Лурье — это звучит сильно!

Разберем текст приговора, касающийся конкретных обвинений.

Шастин Григорий Константинович обвинялся в том, что был одним из близких к Лурье людей в Челябинске, поддерживал с ним связь как «служебную, так и бытовую». Поставили в вину Г. К. Шастина и то, что в 1920-е гг. во время учебы в Ленинграде он общался с троцкистом Кульневым. Ужасно звучало и такое обвинение Григория Шастина в том, что он «свои знания врача-терапевта использовал в к/р. эволюционных целях, распространяя клеветнические измышления в существовании голода в деревне, ссылаясь при этом на якобы научные источники о возникновении болезни, септической ангины, на почве голода». Кроме этого, Шастина обвинили в том, что он неоднократно высказывал троцкистские взгляды по поводу внутрипартийной демократии.

В итоге, следователи сделали вывод: так как Д. Е. Бендюков и братья Шастины общались между собой — значит, их можно назвать враждебной организованной группой. Поэтому эти трое должны быть осуждены по статьям 58-10 ч. 1, 58-11 УК, Г. Н. Кауфман — по статье 58-10 ч. 1 УК, а А. Р. Колесникова — по статье 58-12 УК (недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении).

Наказание обвиняемым назначалось следующее:

— Колесникова А. Р. — заключение в концлагерь на 3 года, поражение в избирательных правах на 1 год;

— Кауфман Г. Н. — заключение в концлагерь на 5 лет, поражение в избирательных правах на 3 года;

— Бендюков Д. Е., Шастин Н. К., Шастин Г. К. — заключение в концлагерь на 7 лет, поражение в избирательных правах на 5 лет.

Всем обвиняемым предварительное заключение, то есть время, проведенное в изоляторе со дня ареста, предлагалось зачесть в срок отбывания наказания. Двух детей Кауфмана Г. Н. и его жены

Колесниковой А. Р. 6 и 9 лет передавали органам народного образования для размещения их «в соответствующие детские учреждения». У братьев Шастиных воспитанием детей продолжили заниматься их жены.

Согласно Определению Коллегии Верховного Суда РСФСР от 17 февраля 1937 г., вынесенному по жалобе Г. Н. Кауфмана, А. Р. Колесниковой, Д. Е. Бендюкова, Н. К. Шастина, Г. К. Шастина, мера наказания для них — лишение свободы в концлагерях — заменена на лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях. То есть осужденные не сдавались, пытались изменить свою участь и кое-что им удавалось сделать.

19 января 1938 г. Президиум Верховного суда РСФСР на основании протеста Прокурора РСФСР, рассмотрев дело, отменил приговор 29–30 декабря 1936 г. и Определение Коллегии Верховного Суда РСФСР от 17 февраля 1937 г. и направил на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования по признакам ст. 58-10, 11 и 8 УК РСФСР. Пересмотр дела мотивировался «мягкостью приговора». Для этого братья Шастины и Д. Е. Бендюков прибыли вновь в Челябинскую тюрьму. Неизвестно, довелось ли им увидеться в этот момент, смог ли брат обнять брата. Зато доподлинно известно, что к их обвинительным статьям 58-10 и 58-11, при пересмотре дела в июле 1939 г. добавилась статья 58-8 (совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации).

В ходе двух допросов 1939 г., Г. К. Шастин отрицал свою принадлежность к контрреволюционной террористической организации, все выдвигаемые обвинения опровергал, и, тем не менее, статья 58-8 Григорию Шастину была добавлена.

Среди следственных дел, с которыми нам позволили работать, есть дело № 2916, изучая которое, можно подробно представить, как происходил повторный арест Г. К. Шастина в 1949 г. сотрудниками УМГБ по Архангельской области.

К моменту ареста 9 сентября 1949 г. свой срок он уже отбыл. Г. К. Шастин проживал в это время на станции Шангалы Северо-Печорской железной дороги, работал в Вельском отделении ИТЛ «Я» начальником лазарета № 7. Обвинение было предъявлено по статьям 58-10, 58-11. Про статью 58-8 в деле не упоминается. Лю-

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

бобытно, что при обыске у Г. К. Шастина помимо паспорта, военного и профсоюзного билетов, справки об освобождении, сберегательной книжки, на которой хранилось 2557 рублей и 96 копеек, трех листков переписки, также была изъята почетная грамота на его имя. Помимо всего прочего, в момент ареста был составлен акт в присутствии понятых, засвидетельствовавший, что «опись имущества не проводилась ввиду отсутствия такового».

На момент второго ареста тюремный врач засвидетельствовал в справке от 23 сентября 1949 г. наличие хронического бронхита и язвенной болезни у Г. К. Шастина. На основании этого была сделана отметка, что он «к труду ограниченно годен».

Исчерпывающую информацию о местах своего пребывания начиная с первого ареста, дает сам Григорий Константинович во время допроса 14 сентября 1949 г.: с августа по декабрь 1936 г. находился под следствием во внутренней тюрьме УНКВД г. Челябинска; с декабря 1936 по июнь 1937 г. — в областной тюрьме г. Челябинска; с июня 1937 по июль 1938 г. — в Восточном ИТЛ на Колыме; с августа 1938 по ноябрь 1940 г. — в областной тюрьме города Челябинска; с ноября 1940 по 3 октября 1944 г. — в Севдвинлаге.

При формировании нового дела следователям необходимо было дополнить прежние «преступления» какими-то новыми. Поэтому на допросе 10 сентября 1949 г. следователь спросил Шастина: «Какую враждебную работу вы проводили по освобождению из лагеря?», на что Г. К. Шастин ответил: «Никакой». Тогда следователи стали повторять вопросы из следственных дел, сформированных в 1936 г. Всего четыре допроса, где Шастин постоянно отрицает наличие контрреволюционной террористической группы на ЧТЗ. Отрицает так настойчиво, что следователь регулярно вынужден записывать слова: «Вы говорите неправду!».

После допросов, как водится, было предъявлено обвинение: знакомство с Кульневым, Лурье и нелегальные сборища троцкистов на ЧТЗ — вот пункты обвинения. Все было взято из материалов 1936 г. Чего-то нового предъявить Г. К. Шастину следователи не смогли. Виновным Григорий Константинович себя не признал. Уже 23 сентября 1949 г., то есть примерно через две недели после ареста, был составлен протокол об окончании следствия, а далее последовало обвинительное заключение с ходатайством применить меру наказания — ссылку на постоянное место жительства в отдаленные районы СССР. После этого 2 ноября 1949 г. в выписке из Протокола № 62 Особого Совещания при МГБ СССР было зафик-

сировано Постановление: «За принадлежность к антисоветской троцкистской группе сослать на поселение в Красноярский край».

24 ноября 1949 г. Григорий Константинович был этапирован из архангельской тюрьмы в Красноярск в распоряжение Восточно-Улуйского РО УМГБ по Красноярскому краю. Любопытно, что в декабре, по прибытию на место, Григорий Константинович подал жалобу на то, что у него отсутствуют изъятые в Архангельске документы. После этого из Восточно-Улуйского РО УМГБ в Красноярск было отправлено письмо, в котором местные начальники «пожурили» вышестоящих начальников и попросили: «В целях избежания лишней переписки и траты государственных средств положенные документы и ценности выдавать ссыльным сразу же по прибытии в город Красноярск».

«...ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ». РЕАБИЛИТАЦИЯ

Середина и вторая половина 1950-х годов для всех людей, переживших период репрессий, стали временем надежд, вдохновляемых словом «оттепель». Григорий Константинович Шастин еще до знаменитого XX съезда партии начал бороться за восстановление своего доброго имени.

Из заявления челябинскому областному прокурору от 17 марта 1957 г., подшитому к делу № 2916, следует, что он еще в сентябре 1955 г. обращался с жалобой на имя Генерального прокурора СССР, но ответа не получил. В январе 1957 г. он обратился с запросом к помощнику прокурора Уральского военного округа по Челябинской области, который ответил ему, что дело еще в ноябре 1956 г. было передано челябинскому областному прокурору, к которому он и обращается с надеждой, обозначенной на небольшом тетрадном листочке. В конце обращения он (можно представить, с каким ожиданием!!!) написал: «Прошу Вас сообщить мне, каков же результат моей жалобы. Ваше решение по моему делу». Выдает его нетерпеливость приставка к слову: «каков же»...

И вот долгожданное событие происходит. Сначала Григорий Константинович получает справку Челябинского областного суда от 2 апреля 1957 г., о чем свидетельствует его собственноручная расписка. А 22 августа 1957 г. датируется документ за подписью начальника Ирбейского РОМ УВД майора Гаврикова, к которому прилагается копия Постановления № 66с/62п на двух листах с разделами: преамбула (о пересмотре дела, составе комиссии), «Уста-

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

новили» (с перечислением прежних пунктов обвинений и своими новыми выводами) и «Постановили» с долгожданными словами: «Постановление бывшего Особого Совещания при НКВД СССР от 10 сентября 1940 года отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления». Причем, постановление касалось обоих братьев Шастиных. Что же больше всего могло порадовать в этом документе братьев? Конечно, основания к прекращению дела: «В основу обвинения Шастиных было положено их самопризнание на предварительном следствии», а также то, что уже при вынесении приговора они виновными себя не признавали, как и то, что 35 допрошенных свидетелей никаких обличающих фактов их вины не предоставили!

В 1997 г. сын Г. К. Шастина Эрнест Григорьевич, проживавший в то время в Ленинграде, направил запрос Прокурору Челябинской области с просьбой выдать ему справку о реабилитации отца. Ему были выданы справка о полной реабилитации Г. К. Шастина и заключение о признании Э. Г. Шастина пострадавшим от политических репрессий. Это последние документы в персональном деле Григория Константиновича Шастина.

* * *

Полтора года кропотливой работы позади. Вместо коротенькой информации «Шастин (1934–1936 гг.)», увиденной нами когда-то в книге по истории больницы ЧТЗ, мы можем рассказывать об этом человеке часами... Он стал близок и понятен нам, мы прочувствовали его тревоги и тяготы...

Все полученные в ходе исследования материалы переданы в Музей больницы ЧТЗ, Городской музей истории медицины. Мы непременно перешлем нашу работу его сыну — Эрнесту Григорьевичу в Санкт-Петербург. Он, хотя и вырос без отца, но сыном был хорошим — мы видели его письма, подшитые к следственным делам... Пусть наша работа станет своеобразным памятником грамотному врачу, хорошему человеку, равнодушному гражданину своей страны — Григорию Константиновичу Шастину.

Дело о «контрреволюционной группе»

Анна Аксютичева

Кировский лицей, г. Киров, Калужская область

научный руководитель Елена Викторовна Блохина

Впервые мы услышали о «контрреволюционной группе», якобы действовавшей в Кировском районе в 1930-е годы, когда занимались изучением истории кировских храмов. Но кто входил в состав группы, в чем состояла ее деятельность, да и существовала ли она на самом деле — тогда на эти вопросы никто не мог ответить.

Наше исследование началось с изучения четырехтомной Книги памяти репрессированных калужан «Из бездны небытия» (Калуга, 1993–2003), где мы нашли имена репрессированных священнослужителей Кировского района.

Изучение уголовных дел позволило установить имена кировчан, обвиненных в контрреволюционной деятельности в составе контрреволюционной группы в 1937 году. Список состоял из 15 человек, среди них 6 «служителей культа» и 9 представителей светских занятий. В отношении всех военным трибуналом Московского военного округа от 26 января 1956 года делопроизводство было прекращено за отсутствием состава преступления. Казалось бы, ответ очевиден: никакой контрреволюционной группы не было, как и не было вообще никакой контрреволюционной деятельности. Но у родственников, с которыми мы общались, остались невыясненными вопросы: почему вообще член их семьи был репрессирован? что объединяет всех этих людей? как велось следствие, в результате которого были наказаны безвинные люди? В своей работе мы попробуем ответить на эти вопросы.

Наше исследование основано на материалах архивных уголовных дел УФСБ по Калужской области, печатных изданиях и ресурсах интернета, а также свидетельствах очевидцев (рассказ А. Н. Блохина, родственника одного из обвиненных, записанный его матерью). Главным источником послужило уголовное дело П 4936 УФСБ по Калужской области.

Так как живы родственники свидетелей, давших показания против репрессированных, мы не будем указывать фамилии, а обозначим их Свидетель 1, Свидетель 2... Всего в деле представлены протоколы допросов 12 свидетелей.

ДЕЛО О КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ГРУППЕ. ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дело № 122224 было начато 13 октября 1937 года, и уже 29 ноября 1937 года, рассмотрев имеющийся материал, оперуполномоченный УГБ Кировского Р/О НКВД вынес обвинительное заключение, написанное на четырех страницах. Получается, всего за месяц с небольшим была решена участь пятнадцати человек.

Из обвинительного заключения: «Будучи контрреволюционно настроенными и сильно религиозно убежденными, под руководством попа Агеева, Красина, Титова и Булгакова организовались в контрреволюционную группу и на протяжении ряда лет проводили активную контрреволюционную работу, собираясь на квартирах, где между собой вели разговоры контрреволюционного и пораженческого характера, кроме того, систематически группами и каждый в отдельности обрабатывали население в контрреволюционном направлении, распространяли провокационные, клеветнические и контрреволюционные слухи, направленные на подрыв мощи Советского Союза.

Среди населения открыто высказывали свое недовольство существующим строем, советской властью и по адресу руководителей партии и правительства высказывали террористические намерения».

Суть термина «контрреволюция» определил УК РСФСР от 1926 года в ст. 58-1: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».

Получается, что группа лиц в течение «ряда лет», по определенному плану, постоянно вела работу по подрыву советской власти путем подстрекательства и порочащей лжи, планируя физическое насилие и уничтожение членов правительства. Значит, в уголовном деле должны быть представлены доказательства такой деятельности?

СОСТАВ ГРУППЫ

По мнению следствия, одна из причин объединения участников группы — «сильная религиозная убежденность». Действительно, по материалам следствия, из пятнадцати членов группы шесть были «служителями культа»: Агеев Алексей Иосифович — поп

кладбищенской церкви, Красин Петр Ильич, Булгаков Александр Михайлович, Титов Иван Васильевич, Маркин Николай Тимофеевич, Вертоградов Николай Васильевич.

На момент ареста А. И. Агеев, П. И. Красин, Н. Т. Титов оставались попами, А. М. Булгаков — дьяконом. Н. Т. Маркин был сторожем при Кировском лесоучастке, а Н. В. Вертоградов — до 1932 года служитель религиозного культа, на момент ареста являлся счетоводом-кассиром лесоучастка города Кирова.

9 членов группы — представители светских профессий: Шляхтин Стефан Андреевич — рабочий Кировского чугунолитейного завода; Шляхтин Алексей Дмитриевич — чернорабочий Кировского чугунолитейного завода; Иванов Василий Иванович — колбасник, член артели инвалидов; Коровкин Михаил Васильевич — бухгалтер Фаянсового завода; Сошников Сергей Иванович — купец, имел собственную бараночную; Дианкин Григорий Григорьевич — заведующий магазином «Союзпушнина»; Суровцев Петр Кузьмич — счетовод в системе заготовки зерна; Блохин Афанасий Петрович — рабочий Кировского чугунолитейного завода; Кузин Иван Прохорович — возчик по вольному найму.

Предположим, что все они были верующими людьми и объединялись вокруг церкви по своим религиозным убеждениям. Имеющиеся в деле справки Кировского народного совета Западной области дают следующие сведения: «Блохин по своему религиозному убеждению всегда состоял в церковных советах, являлся хорошим приверженцем религии». В 1926 году был организатором восстания женщин против закрытия церкви. «Шляхтины вся семья — хорошие защитники церковного культа», «Коровкин — авторитетный человек среди служителей культа и верующих, состоял в церковном совете», «Сошников — злостный церковный приспешник, член церковной двадцатки». По показаниям одного из свидетелей, в 1926 году, во время закрытия церкви в Кирове, было организовано «контрреволюционное выступление». Его активными участниками были М. В. Коровкин, В. И. Иванов, Степан и Алексей Шляхтины, которые требовали не закрывать церковь. В адрес властей высказывали угрозы. После подавления выступления милицией вышеперечисленные лица стали проводить сборы денег на открытие церкви на кладбище.

Обратим внимание на следующий пункт обвинения: «проводили активную контрреволюционную работу, собираясь на квартирах». В материалах дела упоминаются квартира священника Булгакова и дом Сошникова. Во время допроса священник Красин не

отрицает присутствия на квартирах и объясняет это тем, что служил молебны. Объяснимо присутствие на квартирах и родственными связями: Блохин был зятем священника Агеева, священник Красин — тесть Вертоградова, Маркин долгое время снимал квартиру у Кузина. Но тесное знакомство членов предполагаемой группы опровергают протоколы допросов подозреваемых. Ответы на вопрос: «Круг Ваших знакомых?» не дают ни одного совпадения, чтобы во время допросов подозреваемых были названы все указанные члены группы.

Таким образом, неубедительно звучат доводы следствия о связи между подозреваемыми на основе религиозных убеждений и о тесном знакомстве между подозреваемыми вообще.

ПРОТОКОЛЫ ОБЫСКОВ

Если контрреволюционная работа велась систематически, в течение ряда лет, как утверждает следствие, то обязательно должны быть вещественные доказательства этой деятельности. В своем исследовании мы обратили внимание на протоколы обысков, которые были совершены примерно в одно время у всех подозреваемых. При обобщении результатов обратим внимание на следующее:

<i>церковные принадлежности</i>	<i>предметы обихода</i>	<i>документы</i>	<i>денежные единицы</i>
иконы, икона серебряная	литература — 46 штук	паспорта	денежные средства различных сумм
свечи 19	альбом с фотографиями	профбилет	облигации
Священная книга	личная переписка	билет кассы взаимопомощи	золотая валюта разного достоинства
Евангелия	подзорная труба	билет ударника	серебро 33 р.
книга — трепник	домашняя обстановка	членский билет кустарей	сберегательная книжка с остатком 100 р.
горное масло	одежда	свидетельство о непригодности к военной службе	

<i>церковные принадлежности</i>	<i>предметы обихода</i>	<i>документы</i>	<i>денежные единицы</i>
церковная одежда	обувь		
крест серебряный	кольца		
пояс бархатный	часы		
цепочки с крестами	скот		

Во время следствия Николаю Тимофеевичу Маркину было предъявлено обвинение в распространении революционных прокламаций патриарха Тихона. Распространение предполагает наличие большого количества экземпляров, но во время обыска не было обнаружено ни одного. Также не был представлен ни один свидетель, получивший названную прокламацию. Но наличие прокламации Николай Тимофеевич не отрицал, он опровергал лишь распространение, утверждая, что давал ее только попу села Покров Воскресенскому, другим не давал.

Нас заинтересовал текст прокламации, но в деле мы ее не нашли. Изучая материалы, связанные с жизнью и деятельностью патриарха Московского и всея России Тихона (1865–1925), мы выделили бы три послания: послание Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров по случаю первой годовщины октябрьской революции; послание от 19 января 1918 года, известное как «анафематствование советской власти»; завещание Тихона, написанное им в день своей смерти (7 апреля 1925 года). По содержанию, конечно же, более злободневно звучат первые два послания, но они были написаны почти за 20 лет до описываемых событий. Третье (многие историки ставят под сомнение авторство патриарха), вряд ли могло содержаться в прокламации, так как официально было опубликовано в газете «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов» за 1 июля 1923 года. Так что вопрос, о какой именно прокламации идет речь, для нас остается открытым.

В протоколах допросов Свидетелей 9 — постояльцев Кузина, упоминается наличие у хозяина «Нагана», но он также не был найден при обыске. Ранее мы отмечали различные денежные суммы, но самая большая сумма — 630 рублей.

Богородицкая церковь. 1930-е

Заводская площадь. 1930-е

Церковь
на Нижнем
озере.
1930-е

Чугуно-
литейный завод.
1930-е

Кладбищенская
церковь.
2015

Итак, на наш взгляд, вещи, изъятые при обыске, абсолютно безопасны и никак не могли нанести вред советской власти и ее руководителям.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБВИНЕНИЯ

Чтобы разобраться в следующем пункте обвинения: «систематически группами и каждый в отдельности обрабатывали население в контрреволюционном направлении, распространяли провокационные, клеветнические и контрреволюционные слухи, направленные на подрыв мощи Советского Союза, и по адресу руководителей партии и правительства высказывали террористические намерения», обратимся к типичным показаниям свидетелей.

— «П. К. Суровцев неоднократно высказывался со злобой о Советской власти. В первых числах ноября, в разговоре со мной о XX годовщине октябрьской революции, П. К. Суровцев заявил: “Скоро отойдет это бестолковое пьянье и ликованье. Самое большое, если Советская власть продержится еще год. Большинство людей против власти коммунистов, и только под силой страха отмечает эти праздники”» (Свидетель 4).

— «Тут по пути встретился сам Шляхтин и завел разговор о том, как расстреляли бандитов и предателей. На это Шляхтин заявлял: “Хороших-то стреляют, а самые вредные люди для народа руководят страной”. При этом на товарища Сталина выразился матом» (Свидетель 5).

— «В начале сентября я шел вместе с Ивановым и Коровкиным от Фаянсовского завода до центра города. По дороге Коровкин завел разговор о подготовке выборов в Верховный Совет Союза СССР и заявил: “Коммунисты выдвигают только те кандидатуры, которые выгодны им, но не народу”. При этом выругался матом в сторону Сталина. Все это время Иванов поддерживал разговор Коровкина и сказал: “При такой тонкой жизни Конституции долго не просуществовать, как и самой Советской власти”» (Свидетель 1).

— «5 ноября в магазине, при покупке продуктов к празднику, пришлось встретиться с П. К. Суровцевым и Г. Г. Дианкиным. В разговоре о подготовке к празднику Суровцев заявил: “Что за жизнь! Денег тратишь много, а покупаем одно барахло, когда кончится эта идиотская жизнь? Говорят, что радостно жить, а радости в жизни никто не видит”. Присутствующий при этом разговоре Дианкин, соглашаясь с Суровцевым, заявил: “Не всем плохо живется. Комму-

нисты только для себя построили хорошую жизнь”. В общем, Дианкин и Суровцев явно враждебные люди» (Свидетель 4).

— «Мне пришлось неоднократно замечать, что А. Д. Шляхтин говорил: “В Советском Союзе даже хлеба нет, у крестьян все отбирают. А наш рабочий голодает, и сказать ничего нельзя. А скажешь — посадят”» (Свидетель 5).

— «С. И. Сошникова знаю хорошо. Во время революции работал в сфере зерновых культур, обвешивал крестьян. В июне 1936 года в разговоре со мной выражал недовольство по поводу Советской власти и говорил: “Одного убрали, других собираются убрать и других руководителей партии, а потом мы заживем по-старому, и хлеб будет”» (Свидетель 1).

Если предположить, что показания свидетелей правдивы и все эти слова действительно были произнесены, то все же в них с трудом можно усмотреть настоящую угрозу советской власти и призывы к устранению правительства.

Достаточно странным кажется и тот факт, что против «руководителей группы» Агеева, Красина и Булгакова (Титов не упоминается вообще) — показания дает лишь один свидетель. По его словам, попы Красин, Агеев и диакон Булгаков в период засухи летом 1936 года с целью объединить верующих вокруг церкви и возбудить их против советской власти, служили молебны... чтобы пошел дождь. Потом среди верующих агитировали о том, что засуха пришла по воле советской власти, которая создана Антихристом. Во время допроса Красин не отрицал факт молебна, но пояснил, что он был не против засухи, а для освящения воды. Вопрос о молебне был задан и Булгакову: «Как с Агеевым и Красиным служили молебен с целью компромата Советской власти и говорили, что Советская власть погибнет?» Александр Михайлович ответил, что ничего подобного не было. Агеев отказался давать какие-либо показания по этому поводу.

Обратимся к доказательствам того, что обвиняемые «на протяжении ряда лет проводили активную контрреволюционную работу». При анализе протоколов допросов обвиняемых и пункта № 13¹ справок на подлежащих репрессированию мы видим, что первое упоминание о контрреволюционной деятельности связано с И. В. Титовым: «До 1930 года проживал в городе Кирове и, будучи попом, имел крепкую связь с церковной контрреволюционной

¹ Данные о контрреволюционной деятельности в прошлом.

группой, активно проводил контрреволюционную работу, затем выехал на жительство в Ленинград, где также занимался контрреволюционной агитацией, за что выслан из Ленинграда в 1935 году в Астрахань, откуда приехал в Киров».

Получается, что «контрреволюционная группа» в Кирове действовала в течение семи лет, и органы НКВД все это время либо ничего не знали о ее существовании, либо знали и позволяли ей действовать. В такое предположение верится с трудом. Сам же Титов высылку из Ленинграда объясняет следующим: «Мне после ареста обвинение не предъявляли и предложили в трехдневный срок выехать из Ленинграда в Астрахань».

«В октябре 1936 года в разговоре о расстреле троцкистов Блохин заявлял: “Троцкистов не расстреляют, так как Советская власть сама боится этого, ибо расстрел троцкистов есть террор населения”. В разговоре с попом Агеевым в резкой форме клеветал на Сталинскую Конституцию».

«Шляхтин С. А. в 1936 году, будучи контрреволюционно настроенным, восхвалял жизнь при царском строе и клеветал на жизнь в Советском Союзе».

«Сошников С. И. в мае 1936 года говорил: “Кирова убрали, а теперь готовят убрать других руководителей партии и правительства, а после и нам будет лучше жить. Опять заживем по-старому, хлеб будет вольней и дешевле”».

Опять же, если подобные факты имели место, их всего три и с уже изложенными выше аргументами они укладываются во временной промежуток в два года, что никак не соответствует понятию «систематически в течение ряда лет».

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПРИЧИНЫ АРЕСТА

Конечно же, главный вопрос, который мы сегодня себе задаем: почему эти люди вообще были арестованы? Арест шести «служителей культа» объясним — по всей стране шли гонения на церковь и священнослужителей, потому что советская власть стремилась полностью вытеснить религию из новой жизни. Только в 1937 году в Калужской области было расстреляно или сослано более 200 священнослужителей и 70 церковнослужителей, около 150 монашествующих.

Общественно-политический деятель И. П. Демидов, находясь в эмиграции, писал в 1922 году: «Стремление к свободе церкви

и к ее близости к народу, то есть демократичности, — это большевики относят к “пережиткам старого мира”, то есть к той “контрреволюции”, которую они хотят уничтожить»². Его точку зрения мы полностью разделяем.

Попробуем разобраться, почему же светские люди оказались в числе репрессированных? Для этого обратим внимание на происхождение и социальный статус обвиняемых — эта информация отражена в справках Кировского народного совета Западной области и в справках на подлежащего репрессированию.

«Шляхтин Стефан Андреевич. По социальному происхождению и положению — торговец. До революции занимался торговлей, имел магазин и две пекарни. Нажил капитал, на который купил дом в центре города. В бараночной как до, так и после революции использовалась наемная рабочая сила до пяти человек. В 1932 году арестовывался за скопление и хранение золотой валюты, но не сдал ее. При аресте в настоящее время изъято 80 рублей золотом».

«Иванов Василий Иванович. По социальному происхождению и положению — торговец. До революции в хозяйстве имелись две мукомольные мельницы, два магазина, применялась наемная рабочая сила до 8 человек. После революции имел собственный магазин и мельницу, также применял наемную силу. В 1930 году был арестован органами ОГПУ за скопление золотой валюты. Имеет двух братьев-купцов, собственников мельниц, были высланы и в настоящее время скрываются».

«Шляхтин Алексей Дмитриевич. По социальному происхождению и положению — торговец. До и после революции имел крупный магазин и занимался торговлей. До 1930 года был лишен избирательных прав».

«Блохин Афанасий Петрович. Все время является служащим. По своим религиозным убеждениям всегда состоял в церковных советах, является хорошим приверженцем религии. В 1932 году арестовывался органами ОГПУ за сохранение золотой валюты, сдал 605 рублей».

«Коровкин Михаил Васильевич. По социальному происхождению является служащим, имел собственную лавку, занимался торговлей. Авторитетный человек среди служителей культа и верующих. Состоял в церковном совете, имеет дядю, проживающего во Франции».

² Демидов И. Патриарх Тихон и советская власть // Современные записки: Общественно-политический и литературный журнал. XI. 18.07.1922. С. 278–286.

«Сошников Сергей Иванович. По происхождению и положению — купец. До революции имел два крупных мануфактурных магазина, имел бараночную пекарню, применял наемную рабочую силу. После революции также занимался торговлей, имел магазин и собственную бараночную. Злостный церковник и приспешник организаторов культа».

«Дианкин Григорий Григорьевич. По социальному происхождению — сын помещика. До революции имел 205 десятин земли, около 50 голов домашнего скота, четыре единицы сельскохозяйственных машин. До ареста работал заведующим магазина «Союз-пушнина»».

«Суровцев Петр Кузьмич. По социальному происхождению — сын помещика и торговца. После революции занимался торговлей, имел собственный магазин и пивную. В 1933 году арестовывался органами ОГПУ за сохранение золотой валюты».

«Кузин Иван Прохорович. После революции занимался торговлей до 1929 года, после приобрел лошадь и работал по найму, занимаясь спекуляцией. В 1926 году был судим Нарсудом Песоченского района к полутора годам лишения свободы за воровство».

Бросается в глаза, что все перечисленные лица до и после революции занимались торговлей, значит, были людьми состоятельными. Некоторые арестовывались органами ОГПУ за сохранение золотой валюты. Смеем предположить, что настоящая причина ареста всех вышеперечисленных лиц — изъятие имеющегося у них капитала.

В подтверждение нашей версии приведем рассказ Александра Николаевича Блохина, записанный его матерью: «В огороде дома был зарыт кувшин с золотом, но при первом обыске он найден не был. Уже после ареста Афанасия Петровича чекисты пришли еще раз и, угрожая арестом всей семье, приказали отдать золото»³. Кувшин был отдан, но упоминания о нем мы не нашли ни в одном документе дела.

Мы не могли не обратить внимания на тот факт, что больше всего свидетелей выступило не против «руководителей организации», а против И. П. Кузина. Первые протоколы допроса датированы 26 августа 1937 года (дело начато 13 октября), показания против Кузина дали постояльцы, снимавшие у него квартиру. На тот момент Кузин уже был судим за воровство. Вопросы касались

³ Воспоминания А. Н. Блохина, записанные Е. В. Блохиной. Москва, 13.12.2015.

в основном доходов Кузиных и их торговых связей: «Кто к Кузиным часто приходил и с кем они связаны, в частности с работниками торговой сети? Где у Кузиных могут храниться ворованные и незаконно приобретенные вещи? Знаете ли вы кого-либо из граждан, приезжавших к Кузиным за продуктами? Что Вам известно о злоупотреблениях Кузина Ивана Прохоровича и его жены, Анны Сергеевны? Лишь один раз прозвучал вопрос: «Что Вам известно об антисоветском настроении Кузиных?». Заметим, о «настроениях», а не о деятельности. Приведены три факта:

— «В момент, когда проходил процесс расстрела врагов народа в 1937 году, то Кузины говорили: “Скоро конец Советской власти, потому что большевики начали стрелять друг друга”».

— «Кузин говорил, что в Кирове одно время была группа, он в ней состоял. Эта группа занималась раскапыванием могил на кладбище и добыванием золота».

— «Кузина в разговоре со мной на политические темы сказала: “Что толку, что ты образованный? Вот я, неграмотная баба, кормлю семью, получаю ежемесячно зарплату 700 рублей”».

Опять же политические настроения, за исключением одного, связаны с материальным состоянием семьи.

Новые показания двух свидетелей датированы уже 13 ноября 1937 года. В ответах опять упоминаются нетрудовые доходы Кузиных. Хотелось бы обратить внимание на отдельные моменты протокола допроса Свидетеля 8.

«Вопрос: Что Вам известно об участии Кузина в восстании против закрытия церкви?»

Ответ: Мне известно, что он являлся активным участником восстания против закрытия церкви в 1926 году.

Вопрос: Какую связь поддерживает Кузин и Шляхтин с попами Агеевым и Красиным?»

Ответ: Шляхтины Алексей и Стефан жили по соседству с попом Агеевым, уважали друг друга. Когда я был на заводе, от Шляхтина Алексия я слышал недовольство в адрес Советской власти, он выступал в защиту Шляхтина Стефана, который является арестованным. Алексей говорил, что Стефана неверно посадили.

Вопрос: Что Вам известно о контрреволюционной деятельности Кузина и Шляхтиных в настоящее время?»

Ответ: Кузин и Шляхтины — люди очень хитрые, и за ними я мог видеть явное недовольство к Советской власти, так как они поддерживают между собой тесную связь. Избегают связей с рабо-

чим классом и находят себе друзей из бывших людей, как священник Агеев, Красин и другие».

Обратим внимание на явные нестыковки в показаниях. Во-первых, о религиозных убеждениях Кузина говорит только этот свидетель, не упоминая вообще других участников «заговора», да и, если вспомнить слова свидетелей об осквернении Кузиным могил, это вовсе не сочетается с его убеждениями. Во-вторых, в ответе о связях с Агеевым и Красиным нет вообще упоминания о священниках, которых свидетель называет «бывшими людьми». Наконец, контрреволюционная деятельность, по мнению свидетеля, заключается в том, что Кузин и Шляхтин — «хитрые люди» и «дружат». После таких ответов явно вызывают недоумение слова о связи Кузина со священниками города.

ПРИГОВОР

Итогом следствия стал приговор, который также вызывает массу вопросов. Все участники были приговорены Тройкой при УНКВД Смоленской области по печально знаменитой Статье 58 УК РСФСР. К высшей мере наказания были приговорены четыре человека: Агеев Алексей Иосифович (ст. 58-10, 58-11), Блохин Афанасий Петрович (ст. 58-10), Красин Петр Ильич (ст. 58-10), Титов Иван Васильевич (ст. 17, 18-58-11).

Вертоградов Николай Васильевич и Булгаков Александр Михайлович (ст. 58-10), Маркин Николай Тимофеевич (ст. 58-10, 58-11) — к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

Все остальные участники, проходящие по делу, приговорены к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Коровкин Михаил Васильевич (ст. 58-10, 58-11), Шляхтин Алексей Дмитриевич (ст. 58-10, 58-11), Шляхтин Стефан Андреевич (ст. 58-10, 58-11), Иванов Василий Иванович (ст. 58-10, 58-11), Дианкин Григорий Григорьевич (ст. 58-10, 58-11), Суровцев Петр Кузьмич (ст. 58-10, 58-11), Сошников Сергей Иванович (ст. 17-58-11), Кузин Иван Прохорович (ст. 17-58-8, 58-11).

Как мы видим, из шести служителей культа только трое приговорены к высшей мере наказания. Вероятно, причина в том, что на момент ареста только Агеев, Красин и Титов были действующими священнослужителями, а Вертоградов и Маркин сняли сан. Но в обвинительном заключении одним из руководителей группы назван и дьякон Булгаков, который также на момент арест не от-

казался от сана. Получается, два руководителя казнены, а третий приговорен к 10 годам ИТЛ? Попробуем дать этому факту объяснение. В течение всего разбирательства имя Булгакова упоминалось только дважды: в связи с молебном и упоминанием о его доме, где собирались «члены группы». Ни один свидетель не цитировал его слов, да и во время допроса следователь не привел ни одного доказательства вины Булгакова. Но тогда абсолютно неуместно звучат слова приговора о его «руководстве» группой.

Остается еще один вопрос: почему среди приговоренных к высшей мере наказания оказался А. П. Блохин, который не является священнослужителем и не назван руководителем группы? Возможно, причина в том, что с 1905 года он являлся меньшевиком и никогда не скрывал этого.

Получается, что всякое инакомыслие преследовалось в стране Советов.

Законодательной базой репрессий 30-х годов стала Статья 58 УК РСФСР от 1926 года. Приговоры по этой статье обжалованию не подлежали и, как правило, при высшей мере наказания приводились немедленно. Подтверждением тому изученное нами дело. Самое страшное, что судьбу человека могла решить чья-то клевета, оговор. Мы видим, что большей частью обвинения нелепы и надуманы. Право на жизнь решали два или три человека, входящие в печально известные «двойки» и «тройки».

В изученном нами деле мы не нашли подтверждения существования контрреволюционной группы на территории города Кирова. Все показания свидетелей ничем не доказаны и были опровергнуты во время допроса обвиняемыми. В документах дела мы не обнаружили подтверждения хотя бы одной очной ставки как свидетелей и подозреваемых, так и членов предполагаемой группы. Дело велось спешно и непрофессионально, были видны явные подтасовки фактов — всего за месяц с небольшим был вынесен вердикт о виновности 15 человек.

Мы не беремся осуждать свидетелей, потому что не знаем обстоятельств, при которых они давали показания, да и трудно сегодня, когда прошло почти 80 лет, быть уверенным, что следователи достоверно записывали слова свидетелей. Поэтому не называем их имен, хотя нам они известны.

Дочки-матери

Александра Калининко, Диана Кравцова
школа № 6, г. Новочеркасск, Ростовская область
научный руководитель Елена Георгиевна Губанова

ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА...

Юля Одинцова была самой обыкновенной девочкой. Родилась в Мечетке, станице Мечетинской Ростовской области. Мама, Дарья Васильевна, не работала, отец, Федосей Никитич Одинцов, был из рабочих, кузнец, вступил в партию в 1924 г. после смерти Ленина, во время «ленинского призыва». После окончания курсов для партийных работников работал на «номенклатурных должностях», стал секретарем райкома в Ростовской области. Юля очень гордилась папой: «Я училась, конечно, хорошо, потому что я не могла подвести отца, была отличницей». Она подчеркивает его скромность, порядочность: «Мой папа был очень скромный. Он — настоящий коммунист». «Настоящий коммунист» и сегодня для нее является похвалой.

Многое меняется после начала войны. Отца Юли не забрали на фронт, у него была бронь. Потом было принято решение эвакуировать семьи партийных руководителей. Семья уезжает в Армавир, на родину Юлиных родителей, а отец с партийной группой — в Саратов. Но наступление немцев было столь стремительным, что еще до приезда в город Юля с мамой и младшим братом оказались на оккупированной территории — немцы прорвали фронт и взяли Минводы. Они все же решили добраться до города, но там хорошо знали, что ее отец был коммунистом. А дальше произошло то, что Юля посчитала чудом: «Один человек в полицейской форме подошел к маме и, мельком проходя, не останавливаясь, сказал: “Уходите, прячьтесь, вы в списке на расстрел”. И вот мы три месяца скрывались в подвале уже у других людей, на окраине Армавира». О том, что могло их ожидать, в случае обнаружения они знали: «За домом неподалеку был ров, и в этом рве немцы расстреливали коммунистов и евреев, и мы этот стрекот пулеметов слышали в подвале».

После освобождения они вернулись в свой дом в Армавире. Тогда Юле было 15 лет. Все пятнадцатилетние в то время работали, получая за это пайку хлеба. Она была подмастерьем у печни-

ка. Город был сильно разрушен, они расчищали завалы, разбирали кирпичи.

В марте 1943 года она начинает вести дневник. Освободившие город красноармейцы удивили новой формой, на плечах появились погоны, которые в глазах многих было символом Белой армии и царского режима. Пошли разговоры о том, не является ли появление погон свидетельством возврата к старому. Юлия записывает в дневник: «Ленин вывел страну вперед, а Сталин повернул оглобли назад». В тот момент она особого значения этой фразе не придавала. В это время она переживает первую влюбленность. Юлия познакомилась с двумя ребятами: Юрием Никоновым и Александром Мартыновым. Все они были одногодками, 1927 года рождения. У Юли с Юрой была подростковая влюбленность. А Саша был более серьезным и замкнутым. И он был недоволен Советской властью, как считали ребята, из-за того, что в 37-ом у него арестовали брата и расстреляли. Остальные слушали его недовольство, и кто поддакивал, кто возражал. Но ни у кого в мыслях не было, чтобы пойти и донести на него. Идеи у него были совершенно фантастические: «поехать в Сибирь, накопать золота, построить подводный корабль, завоевать Индию, Китай». Саша должен был стать императором, а Юра — маршалом. Юлия считала, что эти идеи были результатом увлечения романом Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», и посмеивалась над ними в своем дневнике, называя «Сашкиной затеей».

Через некоторое время ей пришлось расстаться с друзьями. Отец разыскал ее и маму, и они переехали в Ростов. Папа работал в облзаводснабе, был членом Обкома ВКП(б). В Ростове она пошла в школу, в десятый класс. «Я была старостой класса, комсомолка, активистка, все клетки мои были советские». С Юрой они некоторое время еще переписывались. Но подруги, оставшиеся в Армавире, написали, что у него появилась новая девушка Маша.

Однажды она узнала, что Юра приезжает в Ростов. Он назначил ей свидание, пришел к ней в форме летчика. Встреча была в городском саду. Он отдал ей письмо от Саши Мартынова. В письме было написано о «Свободной России» и предложение Юле вступить в эту «организацию». Задача этой организации была невероятной. Они хотели поехать в Сибирь, накопать там золота, создать армию и освободить всю Россию. Юлия в ответ на письмо сказала: «Это же смешно!» Но Юра предложил ей все же подумать над этим. Сам он уже был членом этого общества. Но Юлю не слишком за-

интересовала эта организация. Ей было интересно узнать от Юры о его личной жизни. Когда он признался, что есть у него другая девушка, Юля разозлилась, разорвала письмо у него на глазах, сказав еще раз, что это смешно и бессмысленно. После встречи она написала в своем дневнике: «Подумаешь, Гитлер второй нашелся, хочет завоевать весь мир». Конечно, странно, что Юля сравнивает Сашу с Гитлером — мальчишку-фантазера с жестоким врагом, с которым воюет твоя страна. Но она быстро забывает об этой встрече. Впереди был выпуск из школы и поступление в институт. Юля выбрала педагогический, английский язык. В сентябре начались занятия, она сразу включилась в общественную жизнь — стала комсоргом, редактором стенгазеты. Она была очень рада, когда ее первый и последний английский диктант был написан на «отлично». Проучилась в институте она 26 счастливых дней.

РОКОВОЙ ДЕНЬ

26 октября 1944 года роковым образом изменило жизнь Юлии Одинцовой. Юля запомнила этот день в деталях. Даже погоду. По ее словам, это была холодная осенняя ночь, лил сильный дождь. Она спокойно спала на диване, когда раздался стук в дверь. Родители открыли, зашел молодой человек, а за ним еще двое, и спрашивают: «А кто тут Одинцова?» Мама подошла к ним, но они сказали, что нужна другая Одинцова, моложе. Когда Юля подошла к двери, этот человек не мог поверить своим глазам, так молодо она выглядела. Между Юлей и молодым человеком произошел короткий, но страшный диалог:

— Вы Юля?

— Да, я Юля.

— Вставайте, вы арестованы.

Все были в ужасе, никто ничего не понимал. Провели обыск, сделали это довольно быстро, ничего незаконного у нее не было — дневники и тетради. Юля стала смотреть в зеркало, прихорашиваться. Но ей строго сказали: «Не положено!» Ее отвезли в Боготяновскую тюрьму. Утром принесли баланду, а в баланде — два зернышка. Юля вспомнила дом и залилась слезами. Она хотела домой и надеялась, что скоро туда вернется. Отец не понимал, что происходит, что она могла совершить? Ему сообщили, что ее обвиняют в участии в антисоветской организации. Дома остались дневники дочери, он стал их читать, чтобы найти хоть какое-то объяснение. В них он нашел ее

запись после разговора с Юрой про Сашину идею: «Подумаешь, Гитлер второй нашелся, хочет завоевать весь мир». Прочитав эту фразу, папа решил отнести дневник следователю. Ему показалось очевидным, что этот негативный отзыв докажет следователю, что дочка не имеет никакого отношения к «Свободной России», что она «настоящая советская девушка». Но тот приобщи́л дневник к делу.

Юля не считала дни, не помнила, сколько она пробыла в ростовской тюрьме, но помнит, что ее вызвал «главный в Ростовском НКВД». Он спросил, в чем ее вина, но девушка не знала, что ответить. После этого ее отправили в Краснодар под конвоем. Ей почему-то запомнилось, что в кино в это время шел фильм «Моя любовь». Дальше она ехала в поезде, в плацкарте. А рядом ехали молодые моряки, и они начали с ней заигрывать. Но так как она была арестована, им запретили с ней общаться. Юля понимала, что ее жизнь совершенно переменялась.

В тюрьме в Краснодаре ее допрашивали, мучили тем, что не давали спать. «Вызывали на допрос, опускали в полуподвал, там стояли решетки, а по асфальту люди ходят. Целую ночь я простою там, а садиться мне не разрешали. А когда привозили в тюрьму, то там надзиратель должен был следить за тем, чтобы я не спала. Чуть прилягу, он сразу меня поднимал, и постоянно пугали меня карцером. Вскоре я привыкла спать стоя». В тюрьме она начала сочинять стихи, держала их в голове, записывать было нечем.

В Краснодаре выяснилось, что ее обвиняют в том, что она дала письменное согласие войти в контрреволюционную организацию, которую создали Саша и Юра, получила от Юры шифр и инструкции, согласилась вовлекать в организацию студентов и вела контрреволюционный дневник. Следователь внимательно прочитал ее дневник и обратил внимание не на ее отзыв об идее Юры и Саши, а на запись, сделанную в марте 1943 г., когда ей было 15 лет: «Ленин вывел страну вперед, а Сталин повернул оглобли обратно». Он давал ей подписывать отдельные выписки из дневника, она сомневалась в их подлинности, но он заставлял, требовал, и она их подписывала. Было очевидно, что никакого участия в деятельности организации она не принимала, но не донесла, а эти записи подтверждали ее контрреволюционные взгляды. Дело складывалось.

В краснодарской тюрьме Юля сидела довольно долго, как ей кажется, около 3 месяцев. В октябре ее арестовали, а в январе состоялся суд. Ее судил Военный трибунал войск НКВД Краснодарского края.

ЭТО НЕ СОН, ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ

Все время до этого Юлия надеялась, что скоро ее отпустят домой, она все объяснит; сначала следователь, потом судья во всем разберутся, она вернется к маме и папе, в институт, страшный сон закончится. И только во время суда поняла, насколько все серьезно. Там же она увидела остальных членов той самой «организации». По делу проходили пять человек, из них она знала только Никонова и Мартынова. Отец одного из членов «организации» работал в НКВД. Юноша рассказал обо всем своему отцу, с этого и началось.

Так сегодня вспоминает и описывает суд Юлия Федосеевна. Трудно сказать, предъявлялось ли молодым людям обвинение в изготовлении листовок и подкреплялось ли оно какими-то фактами. Мы не представляем, где можно было взять шрифт, как молодые люди могли напечатать листовку без дополнительного оборудования. Но, возможно, у обвинения были какие-то аргументы, что ребята не просто строили планы, а реально вели деятельность.

О существовании Юлии следователи узнали случайно, во время очной ставки Никонова с Мартыновым. Саша Мартынов сказал: «Ну, помнишь, когда ты еще к Юле ездил, в Ростов...» За эту ниточку и потянули.

Чуда на суде не случилось, Юля не смогла убедить судей в своей непричастности к организации «Свободная Россия». Она пыталась отказаться от тех показаний, которые дала на следствии, но ничего не вышло. Против нее были использованы ее же дневники, которые отдал в НКВД ее отец. Суд признал ее виновной не только в том, что она вступила в антисоветскую организацию, но и в том, что она вела «контрреволюционный дневник». Ее и остальных ребят осудили по ст. 58-10 ч. 2-я и 58-11 УК РСФСР. «Учитывая молодой возраст в силу ст. 22 УК РСФСР не принял к ним полной санкции ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР, т. к. они, хотя и дали свое согласие быть членами к/р организации, но никакой работы не вели, через короткий промежуток времени сами порвали всякую связь с этой к/р организацией, но не донесли органам местной власти о существовании этой к/р организации».

Саше Мартынову и Юре Никонову дали по 10 лет. Остальным по 5 лет, а Юле — 8 лет. Пять лет за недоносительство и три года за ее дневники. Юлия Федосеевна считает, что если бы не эти дневники, ей дали бы только 5 лет и она могла бы попасть под амнистию как несовершеннолетняя. И жизнь бы сложилась по-другому.

После суда ее послали в Усть-Лабинскую пересылку. Там ее опекали взрослые женщины, относились как к дочери. «Когда приехала моя мама, наше свидание, конечно, было очень тяжелым. Виктор, мой брат, тоже приехал. Ему тогда всего девять лет было. Я помню его взгляд. Сестра здесь рядом, за проволокой, и он не может подойти». Это было тяжело. В этот момент она поняла, отец, мама, брат остались там, в прошлой жизни.

Сложность и странность этой ситуации были еще и в том, что Юля искренне не представляла себе, что советская власть так может с ней поступить. Даже сегодня она винит не систему, которая ее, абсолютно ни в чем не виноватую, только начинающую жить, запихнула в тюрьму. И не судью, который не стал слушать ее возражения, а мальчишек, втянувших ее в эту историю, и обида у нее прежде всего на них. Именно они, как она считает, сломали ей жизнь. Она даже не упрекает отца, принесшего дневники прямо следователю; понятно, что он хотел «как лучше».

Что бы мы чувствовали, если бы были на ее месте? Думаю, что мы были бы еще более растеряны, чем она, поскольку мы дети другого времени и нам трудно понять, как могут посадить на много лет всего за одну-две фразы в дневнике.

ВСТРЕЧИ

Женщин в камере было много. Одна из них недавно родила и все время просила дать ей покормить ее ребенка. Другая, очень вежливая и культурная, раньше была поваром у какого-то графа и стала учить Юлю готовить. Одна из женщин особенно ее поразила: «Она прошла царские лагеря, она прошла тюрьмы. Вошла статная, высокая, стройная, седоволосая. Стала шагать по камере, а мы все сели, прижухли, боялись слова сказать, а она как начала петь, надзиратель кричит, а она все поет песни, ругается с ним и когда она увидела меня, сказала: “Боже мой, он уже и детей стал сажать”. А потом она сказала фразу, которую я запомнила на всю жизнь: “Не дай Бог мне дожить до того времени, когда я вместо звездочки увижу монархический герб”. Она считала, что Сталин станет монархом, была ужасной революционеркой». Женщину на следующие сутки забрали из камеры.

Пришлось привыкать к новым условиям. Спали на полу, ложились в ряд, а чтобы перевернуться, нужно было дожидаться команды: «Переворачивайся!» Над ними сильно издевались так называемые

«блатные». «Их поощряло начальство. Мы были в двойной тюрьме. Мало того, что мы и так находились в тюрьме, так мы еще и от них терпели оскорбления. Мы ведь были “врагами народа”, а они все-таки привилегированные. Нам плевали в миски, не давали хлеба. Однажды они на меня обрушились и не давали мне есть, там я и узнала, что такое голод. Мне, конечно, остальные давали по кусочку хлеба, но все равно голодала я. Блатные чувствовали себя хозяевами, играли в карты, кричали и постоянно издевались над нами». В этой тюрьме Юля рассказала свою историю и получила прозвище «императрица». Потом это прозвище помогло ей в лагере.

Юлия Федосеевна, встретившись с нами, говорила, что хочет рассказать не о себе, а о людях, с которыми познакомилась за это время. В первую очередь об Ольге Коробко. Врач-рентгенолог, она, услышав прозвище «императрица», заинтересовалась и взяла Юлю к себе, хотя медицинского образования у девушки не было. Она дала Юле дорогу в жизнь, взяла к себе медсестрой и обучила кое-чему.

К ним как-то приехал вольнонаемный врач, который экзаменовал Юлю. «Меня тогда спросили, чем вызывается чесотка. А я, чтобы показать, что я уже что-то знаю, ответила “бледная спирохета”, вместо того, чтобы сказать “клещ”... А бледная спирохета на самом деле — возбудитель венерической болезни и к чесотке никакого отношения не имеет. Он посмотрел на Ольгу Александровну, она промолчала и все равно добилась того, что меня оставили».

Тут же с Юлей произошел еще один необычный случай. Когда Ольгу Александровну освободили, новый врач назначил делать внутривенные вливания детям, поскольку было много «мамок и лагерных детей». Небольшой опыт у нее уже имелся, но совершенно недостаточный для таких манипуляций, тем более для человека без медицинского образования. Она вливала детям глюкозу в височные веночки. Мама держала голову ребенка, дитя кричало, а Юля делала укол. Потом она сама поражалась: «Как меня Бог уберег, что не было смертного случая, я не знаю до сих пор. Восемнадцати детям я сделала уколы и, слава Богу, удачно». А когда приехала комиссия и узнала о том, что восемнадцатилетняя заключенная делает уколы детям, то, конечно, врача уволили, ее тоже — и перевели в Майкоп.

Там она почувствовала, что такое лагерные работы — пришлось рыть котлован. После Майкопа начинается ее странствие на север, ее перевели в Ухту. Это был лагерь с особенно тяжелыми условиями труда и скудным питанием. Там было очень много дистрофиков,

и Юля тоже стала быстро худеть. Осматривавший ее врач сказал, что у нее порок сердца. Он пожалел Юлю и оставил в медсанчасти сестрой. Там она научилась и банки ставить, и уколы делать.

Медсанчасть находилась при кирпичном заводе. Врач, который шефствовал над Юлей, обложил ее медицинскими книгами. Пройдя экзамен, она стала работать в корпусе, где людей госпитализировали. Приходилось нелегко, в одной из трагедий она винит себя до сих пор: «Хотя я не очень виновна в этом случае, я до сих пор себя ругаю. Умер один человек. До сих пор помню его, Варшавский, поляк. Он очень боялся общих работ, и у него все уже вырезали, все, что было можно. Он жаловался, ему резали, и он оставался в госпитале. И вот его на выписку отправили, на общие работы. Он пришел к дежурному врачу, а врач говорит: “Ну что еще? Вырезать уже у вас нечего!” Истерика с ним случилась, судороги, конвульсии. Даже заключенные вокруг посмеивались, что он так боится общих работ. Ведь все дистрофиками были, и на общие работы никого посылать уже было невозможно. А его, не знаю почему, все-таки выписали. И когда с этим пациентом случились конвульсии, я вызвала дежурного врача, в этом я себя оправдываю. Дежурный врач сказал окатить его холодной водой. Но я этого, конечно, не сделала. Я пошла в свою дежурку. А пациент умер в четыре часа. Умер от страха перед общими работами, ничего другого у него не было. Помню, ночью прибегают ко мне больные, разбудили меня и говорят: “Слушай, сестра, а он умер”».

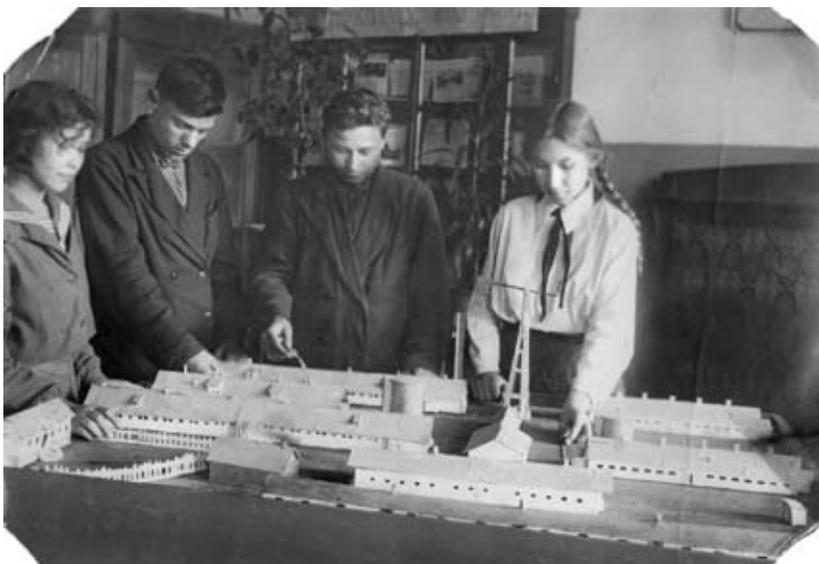
Пока Юля там работала, ее все подкармливали и заботились о ней, она постепенно поправилась, набрала вес. Была на хорошем счету, ее даже на конференцию медработников отправляли.

В лагере произошла еще одна важная встреча. Юлю положили в больницу, где она познакомилась с еще одной женщиной, вызвавшей у нее уважение и восхищение: «Рядом со мной лежала Мария Михайловна Иоффе. Это политическая фигура, знаковая фигура. Она была знакома и с Зинаидой Гиппиус, и с Маяковским, и со всей этой богемой. Она вспоминала фразу из Маяковского: “А утром ехал трамвай при социализме”».

Как она кушала — это нужно было посмотреть. Мы все глотали, очень голодные были. При мне у нее был уже анкилоз коленных суставов, и она с постели не поднималась, все время лежала. Я запомнила, как она раскладывала платочек, пайку делила на три части и жевала каждый кусочек долго-долго, это ведь чувство сытости вызывает. Мы так делать не могли».

Юля и Виктор Одинцовы

Юля Одинцова (слева). Мацеста, 1939

Юлия Одинцова (вторая слева во втором ряду).
Мечетинская средняя школа, 1941

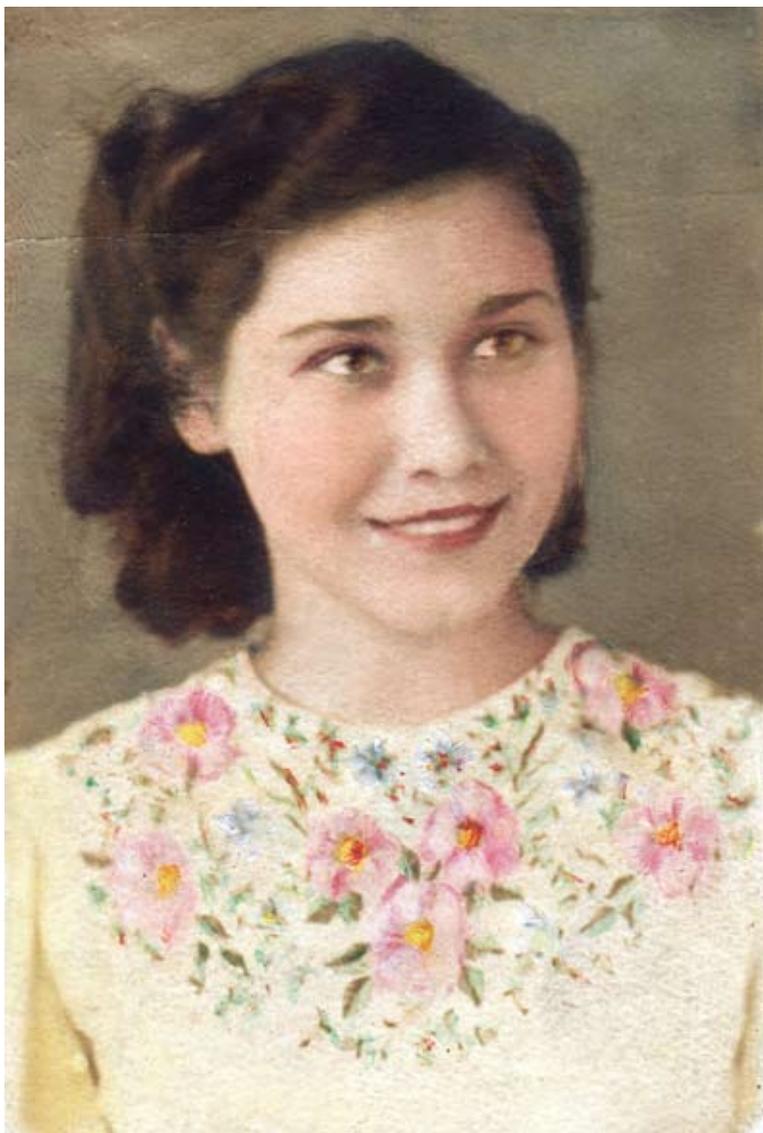

Военные корреспонденты газеты «Сын отчества» (справа),
за ними Юлия Одинцова в белой блузке. Станица Мечетинская, 1942

Юлия Федосеевна Одинцова (слева) на Первомайской демонстрации.
Воркута, 1952

Юлия Федосеевна Одинцова. Ростов-на-Дону, 1 октября 1944

Юлия
Федосеевна
Одинцова
с подругой.
На заднем
плане снего-
защитные
щиты.
Воркута,
1955

Юлия
Федосеевна
Одинцова
(в центре)
с сокамерниками
Вандой
Жилинскете
и Петрасом
Жилинскасом.
На заднем плане
баракы, в которых
жили ссыльные.
Воркута, 1955

Юлия
Федосеевна
Одинцова
с сыновьями
Юрой и Женей.
Ростов-на-Дону,
начало 1960-х

Отношение к Марии Михайловне очень характеризует одна фраза Юлии Федосеевны: «Настолько она влияла на людей, что за ней ухаживали и считали за доблесть, за радость за ней поухаживать». Они потом еще раз встретились в Воркуте, но, к сожалению, продолжить знакомство не получилось.

«И В ДАМКИ, И В МАМКИ»

Медицинская карьера Юли закончилась неожиданно. Из-за любви. Он был фельдшер, поляк. Она тогда жила не в бараке, а в комнате при санчасти вместе с другой девушкой, Мартой. Там она и стала встречаться со своим любимым. Там попала «и в дамки, и в мамки».

Юля уже научилась пользоваться ситуацией, использовать привязанности других людей ради своей цели. Ради встреч с любимым она даже «подставила» влюбленного в нее нарядчика. Она называет эту историю «побегом»: «Я уже была беременной. В то время я еще в медсанчасти работала, и он работал на Ветлосяне (поселок в республике Коми — А. К., Д. К.) в санчасти. И на Ветлосян надо было отправить больных. А нарядчик был влюблен в меня, и он, бедненький, пострадал. Он послал меня сопровождающей больных на Ветлосян, а я рвалась туда, чтобы встретиться со своим любимым. Больных я отдала, и мы встретились. И мой товарищ, мой любимый, в лагере смог добиться того, что меня положили там в больницу! Я осталась там, а нарядчик приехал без меня и сообщил, что одного заключенного он не привез. Ему попало, бедному! Он потом письма писал мне, любил меня».

Позже влюбленных, конечно, застукали, отправили в карцер, туда же попала и ее подруга, которая встречалась, как выразилась Юлия Федосеевна, с «врачом румынского короля». Позже его освободили, а Юлю с ее подружкой Мартой отправили в лагерь. Юля немного рассказала о нам о Марте: «Подругу звали Марта, так получилось, что мы с ней аж до Воркуты были вместе, потом я еще ездила к ней в Закарпатье. Она знала пять языков, и потом она стала главарем “бандеров”. У меня была и другая подруга, литовка. Нация там не играла роли. Там об этом не говорили. Мы все были вместе. Одна и та же баланда, одни и те же нары. Мы с Мартой целый год на одних нарах пролежали».

В лагере ее отправили на лесоповал. Там Юля однажды подняла очень тяжелое бревно, не под силу ей. Поскольку она уже была

к этому времени беременной, то врач освободил ее от лесоповала. После этого на общие работы ее не посылали.

В 1948 году в тюремной больнице родился ее первый сын, Юрий. «Был там главврач Яков Иосифович Каменский, из приближенных врачей Сталина. И когда Юрка родился, этот врач приходит и говорит: “А куда вы Одинцова положили?” А эстонка отвечает: “В печку”. — “Как в печку?” — перепугался врач. А женщина-то эта плохо говорила по-русски. Оказывается, положили малыша “на печку”, кроватей же не было».

Юлю с ребенком отправили в сангородок. Кстати, многие, специально чтобы получить это привилегированное место, рожали детей. Отец Юры знал об этом и даже был тогда на Ветлосяне. Юля потом виделась с ним.

Позже в сангородок к Юле приехала ее мама. Юля сообщила ей нелегальной почтой, что беременна. Когда родители узнали об этом, они были этим возмущены и отказались от Юли. Переписка у них прервалась почти на год. Но когда родился сын, Юля написала еще одно письмо: «Возьмите, иначе он здесь, на севере, погибнет». Мама приехала забрать ребенка, и возлюбленный Юли, добившись разрешения от начальства, тоже приехал попрощаться с сыном. Он познакомился с мамой Юли, однако та была не рада, «руки ему не подала». Но Юру бабушка спасла, «он уехал рахитиком, ноги изогнутые, голова большая, самый настоящий рахитик. Ему было девять месяцев». Лагерный ребенок. Юлия Федосеевна говорит, что навсегда благодарна матери за спасение сына. А можно представить, сколько детей оставалось в детдомах при лагере.

После отъезда матери ее отправили по этапу в Воркуту. Со своим любимым она продолжала поддерживать связь, тайно переписывалась. В этом ей помогали самые разные люди.

Среди заключенных было много жителей Прибалтики. Юля дружила с ними: «Я дружила с литовкой Альдоной и с Вандой. Родители Альдоны были сосланы, они погибли в Сибири. У Ванды тоже что-то с родителями было... Эстонки, медсестры, смотрели за мною, а врач была вольнонаемная, та вообще берегла меня как девочку».

Юлия Федосеевна не раз отмечала в разговоре, что в лагере не было никаких трений между людьми разных национальностей. Были взаимная помощь и поддержка, особенно когда речь шла о таком романтическом чувстве, как любовь. «Нашу любовь они тоже берегли, нашу любовь с отцом моего ребенка, сопутствова-

ли нашей любви. У меня день рождения 8 марта, он в одном лагере, я в другом, и мы по почте договорились обручиться. При тех сложностях, при тех строгостях, заключенные соединяют нас (он на одном конце провода, я на другом). Он передал мне кольцо, половина этого кольца у меня есть, другую половину пришлось отрезать, руки пухли. На кольце — его инициалы, а на его кольце — мои. И вот по телефону мы обручились, он надевает там свое кольцо, а я — здесь».

Потом она узнала, что он изменил ей, и поставила точку. Вот такой любовный роман.

«ОБЫКНОВЕННАЯ ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ»

После Ухты Юлю привезли на кирпичный завод в Воркуту. Ее послали бурить глину в тундре. Холодная вода, ужасная погода и рваные сапоги. Был у них один конвоир, звали его Петя. Он подозвал Одинцову и спросил, что это за рваные сапоги. На следующий день не выпускал никого до тех пор, пока Юле не выдали новые сапоги.

«А в Воркуте была обыкновенная лагерная жизнь». Пришлось ей поработать и электриком. По столбам лазила. Полезла как-то на столб, а тут замкнуло. Юля сорвалась в сугроб, которые в Воркуте были приличных размеров. От этой работы ее отстранили. Потом — на кирпичном заводе. Пошла на курсы мотористов, потом снова электриком. Там Юля познакомилась со своим будущим мужем. Он был вольнонаемный, снабжал ее едой.

Несмотря на разницу в положении, Юля смотрела на Георгия сверху вниз: «он уркаган был, вольнонаемный, но с хулиганским пошибом». Интересно, что даже в условиях лагеря, она воспринимает его как человека из чужой среды, «из бывших». Родители его жили в Воркуте, в ссылке, а Георгий был отправлен в детдом. После детдома судьба его складывалась достаточно драматично. Попал в какую-то шайку, отсидел за хулиганство, вернулся в Воркуту к родителям, потом его устроили на кирпичный завод, где будущие супруги и познакомились. Отсюда «хулиганский пошиб» и отсутствие хороших манер. Юрий сразу стал предлагать Юле прийти к нему после освобождения.

Лагерь был опасен не только тяжелыми работами, тяжелыми условиями жизни, но и столкновениями с другими заключенными, с уголовниками. Женский лагерь — не исключение. Положение

уголовников в лагерях отличалось от положения политических, начиная с занимаемых должностей. «Должностей много было: придурки, нарядчики, коптерки, нарезки, разносчики. Это считались блатные должности. Эти люди тоже сидели, но они не работали, хотя им записывали по 300%, пайки большие давали, а нас обманывали. Но урок было все равно гораздо меньше, чем политических заключенных. Но они так всех держали в страхе с ножом! С ножом к горлу и все. Всем все-таки жить хотелось».

Юлия Федосеевна вспоминает, как в Ухте урки ее проиграли в карты. Она работала тогда буфетчицей. Спасла ее лагерная администрация, отправив на этап. «Ночью, помню, в два часа ночи меня будят и на этап, обычно отправляли на этап человек 50–100, а тут меня одну. Я была поражена, тем более не хотелось уезжать с теплого места, ведь работа буфетчицей была действительно теплым местом, было очень жалко. Я сейчас уже не помню, на какой этап меня отправляли, потому что много этапов было, но все они были вокруг Ухты. Потом мне конвоир рассказал, что меня проиграли в карты, и из-за этого меня ночью перевели. В других случаях, если человека проигрывали в карты, то его убивали».

«ИДИ, КУДА ХОЧЕШЬ»

Очень важным и одним из самых страшных дней в жизни Юли был день ее освобождения 21 августа 1952 года. Должны были освободить 26 октября, но за хорошее поведение сделали это раньше. «Я не знала, что меня освободят раньше, и была не готова. Родители тоже не знали. До этого они присылали мне посылки, присылали пальто, но на почте его сгрызли крысы. А в Воркуте в августе снег срывался, так девочки мои мне за ночь сшили какую-то тужурку». Под конвоем Юлю повели в комендатуру, где взяли с нее подписку о невыезде, сообщили, что она теперь на спецпоселении, потому не может уехать домой, и отпустили.

Воля и свобода, о которой Юля мечтала 8 лет, была ей не мила. «И вот я с чемоданчиком, 26 рублей в кармане, идти некуда. Автоматчики плечами пожали и сказали: “Иди, куда хочешь”. Ну, я пришла на зону обратно, все стоят за проволокой, в том числе мои девочки, а я с другой стороны, вольная. Вот она эта вольность, о которой я мечтала 8 лет, иди, куда хочешь. Но идти-то некуда. Стою плачу: “возьмите меня обратно”. Там хоть пайка хлеба и крыша над головой». По словам Юли, тут началось «самое страшное»

для нее. Таких девочек как она обычно подбирали жены полковников работать прислугами. А Юля не умела ничего делать по хозяйству. «И мне говорили: “В прислуги не иди; что угодно делай, но в прислуги не иди”. А почему? Да потому, что полковники насилуют, а жены выгоняют за это. До нас слух дошел еще тогда, что одну западницу изнасиловал вот так полковник, а у них же это святое, замуж девушкой должна выйти. Ну, она бросилась под поезд». Она вспомнила про приглашение Георгия, того самого вольнонаемного, на которого она не обращала внимание. Юле пришлось делать выбор и она все же решила пойти к Георгию. «Я поехала туда, а меня там уже ждали, там были мать, отец и тетя. Ко мне тетя подходит и спрашивает: “Скажите, Вы не Юля?”, а я отвечаю: “Да, Юля”. И тут она говорит: “А мы Вас уже заждались, проходите”. Ничем не передать то, что я зашла в дом: уют домашний, тепло, кровать... все по-домашнему. Посадили меня за стол и дали мне нож и вилку, а мама говорит: “Ну и что”, а я говорю: “Ну как это ну и что, я 8 лет не держала нож и вилку”. Расплакалась. Они меня успокоили и накормили». В конце концов, она вышла замуж за нелюбимого человека. «У меня просто не было другого выхода; чтобы сохранить себя, я должна была выйти замуж за кого угодно».

«МНЕ ВОЛЯ БЫЛА НЕВОЛЕЙ»

Долгожданная воля не радовала. При освобождении Юле не дали ни одного документа, кроме распоряжения о вечном поселении. Приходилось сидеть дома, с родителями мужа, так как на работу не брали без прописки, «пока папа мой не выпил с кем-то пол литра, чтобы меня прописали». После этого она устроилась работать на швейную фабрику счетоводом, потом на кирпичный завод заведующей мастерской. «У нас так же была жена Константина Симонова. Мы познакомились с ней на втором кирпичном, были вольнонаемными».

Семейная жизнь проходила в общем доме, как она выразилась, «за занавеской». В 1955 году она родила второго сына, Евгения. Первый раз она уехала, когда получила паспорт, чтобы увезти Женю из Воркуты к родителям. Ей же самой выезд не разрешили, она вернулась обратно к мужу. Это было тяжелое время.

«Мне воля была неволей. Я сама плакала, что об этой воле мечтала 8 лет. А теперь что мне эта воля? Я не могу поехать домой... Я не могу видеть детей... А то, что я могла ходить по улице, только

и всего? А ссылка-то, тоже никуда не уедешь. Два раза в месяц ходила отмечаться в комендатуру. Позже мне разрешили выехать из города».

Потом умер Сталин. Тут мы ожидали услышать рассказ, как люди радовались этому событию, но Юлия Федосеевна лишь отметила, что они не плакали. «Когда умер Сталин, в нашей семье никто не плакал. У меня 8 марта день рождения и мы не выпивали, боялись, что подумают, за отца Царя. Да, я была комсомолкой, советской девочкой, но о смерти Сталина я не плакала, ведь он меня посадил».

XX съезд встретила двояко, «и не радовалась, и не горевала». Честно говоря, нас такие отношения к этим двум событиям удивило. Возможно, дело даже не в том, что она была советской девочкой и такой осталась даже после 8 лет, проведенных в лагерях. Может, это просто была усталость и безысходность?

«ДОРОГОЙ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ»

Появилась надежда вернуться в Ростов. Они вновь стали хлопотать о пересмотре дела. Первая попытка была сделана в 1948 г. Юлия Федосеевна написала жалобу в Военную прокуратуру, но безрезультатно. К делу был привлечен адвокат, но тот только разъяснил ей суть обвинения. Жалоба осталась без удовлетворения. Казалось бы, после XX съезда все должно измениться. В 1954 г. она вновь подает заявление в Генеральную военную прокуратуру. Было назначено новое следствие, ее даже вызвали для дачи повторных показаний. Но, как отмечает она позже в заявлении Генеральному военному прокурору, следователь только формально опросил ее по поводу показаний, данных в 1945 г. Она ждала главного вопроса: «Признаете ли Вы предъявленное обвинение?» Ждала, чтобы подробно рассказать, как все было, объяснить снова и снова, что она советская девушка, что в этой истории она оказалась замешана случайно. Но ей никто не стал задавать этот вопрос, просто попросили подтвердить свои показания, данные во время следствия и суда. И все.

Она пишет новое заявление Генеральному прокурору о том, что не может получить реабилитацию, так как ее связывают с антисоветской группой, к которой она не имела отношения. Она по-прежнему живет в Воркуте и не может выехать к детям, живущим в Ростове у ее родителей. «Мне воля была неволей».

Но все же появилась надежда. В Воркуте она повторно закончила 10 класс в вечерней школе. Поступила в институт. Конечно, ни о каком инъязе речь уже не шла, это был Ленинградский филиал Всесоюзного заочного института легкой промышленности.

Выехать разрешили только в апреле 1956 г. после обращения в Президиум Верховного Совета СССР. «Чистый паспорт» ей выдали, но справку о снятии судимости оставили у себя.

Ее отец тоже хлопотал о пересмотре ее дела, но им вновь и вновь отвечали: для пересмотра нет оснований. «Отец, несмотря на то, что “сдал” меня, активно писал просьбы о моем освобождении. Я была его любимой дочкой. Ни на одно не ответили».

20 апреля 1962 г. Юлия обращается с заявлением к Хрущеву. Это заявление не похоже на обычную официальную бумагу. Оно похоже на «крик души», в нем отчаяние и обращение к последней надежде. Адресат не случаен. Дело не только в том, что именно Хрущев начал процесс реабилитации. Да и инстанций выше уже не было. Мы думаем, что «письма Сталину» (в нашем случае — Хрущеву) из лагеря были ей хорошо знакомы. И она написала многое в рамках жанра.

«Я обращаюсь к Вам с просьбой, дорогой Никита Сергеевич, помогите мне выбраться из беды, положите конец произволу, зачислившему меня в число контрреволюционеров. С 17 лет меня преследует это проклятие, когда же будет моему горю конец? Когда, наконец, мне поверят, что я ни в чем не виновна. После Ваших выступлений, особенно на XX Съезде КПСС, кажется всем должно быть ясно о произволе репрессий в период культа личности Сталина, нет, находятся лица, которые требуют — покажи бумагу, что реабилитирована — на этом они шантажируют, не знают как это больно и обидно».

Она перечисляет «объективные факты», что не могла состоять в антисоветской организации: ее отец — старый коммунист, а она была отличницей, комсоргом и редактором стенгазеты, что у нее отличные характеристики с места учебы, как же она могла выступать против советской власти? Но при этом ее не реабилитировали, у нее нет бумажки, которую так любят бюрократы. «Мое несчастье заключается в том, что я не попала под разбор специальной комиссии, которая рассматривала дела осужденных, таких как я, и они освобождались с выдачей справки о полной реабилитации, а у меня такой справки нет и в этом мое несчастье».

После возвращения в Ростов Юлия устроилась работать ученицей закройщицы на Фабрику строчевышитых изделий им. 25-й го-

довщины Октября. В 1961 году ее назначили на должность технолога, а потом выдвинули на должность главного инженера. Вот тут ей «доброжелатели» и вспомнили отсутствие справки. «Я очень много прилагаю стараний в работе, но всем не угодишь, и нашлись шантажирующие: “а знаете, какое у нее прошлое?”, “а может ли она работать на этой должности?” и т. д.

Ну чем я могу доказать, что невиновна, что была такая полоса в истории — период культа личности, что я была осуждена, за что не знаю сама. В доказательство нужна бумажка».

Дальше она обращается к Хрущеву «отец родной» и обещает воспитать сыновей для дела коммунизма: «НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ, отец родной, убедительно прошу рассмотреть мой вопрос — вопрос о судимости до полной реабилитации. Я уверяю Вас, партию и правительство, что приложу все силы быть честной, трудолюбивой, преданной своей РОДИНЕ, воспитаю своих двух сыновей для дела коммунизма.

Прошу у ВАС полной реабилитации, здоровье у меня уже сильно подорвано, помогите мне сохранить его остатки для воспитания сыновей...

Очень прошу ВАС, помогите мне хоть немного почувствовать себя не отверженным человеком, ведь и так у меня вся жизнь исковеркана.

ПОМОГИТЕ МНЕ! ПРОШУ ВАС!»

Просьба не была удовлетворена, как и последующие...

Незавершенность, половинчатость той реабилитации осложняла возвращение в нормальную жизнь многим людям. Юлию Федосеевну поддерживал отец, у нее были хорошие сыновья. Но мы можем представить, как тяжело, когда тебе не дают построить нормальную жизнь, лишают возможности получить любимую профессию, в 17 лет отправляют в лагерь и потом еще и попрекают этим.

С мужем ей пришлось разойтись. На пенсию она вышла, работая на фирме «Дон» начальником производственного отдела. Несмотря на все трудности, сыновья у нее выросли хорошими и образованными.

В заключение Юлия Федосеевна сказала такую фразу: «Как мать, я счастлива; как гражданка России — НЕТ».

на фронте и в тылу

Просто он не вернулся из боя (без вести пропавшие)

Владимир Алов

**школа № 3, г. Петрозаводск, Республика Карелия
научный руководитель Наталья Айказовна Алова**

Мне 18-й год, моему отцу будет 40. 70 лет назад закончилась Великая Отечественная война. Сколько 18-ти и 40-летних осталось на полях сражений? Занимаясь сбором и обработкой информации для сайта «Возвращение», я не раз отмечал в анкетных данных людей, не вернувшихся с войны, запись: «пропал без вести». Часто в документах о потерях отмечалось: со слов товарищей, оставлен при отступлении на поле боя... А в результате снова — в ответе на запрос родных — «пропал без вести».

Как бойцы становились пропавшими без вести? Нужно ли искать их на полях сражений? Актуальна ли сегодня попытка выяснить, почему их так много? Кто в этом виноват — обстоятельства или человеческий фактор?

Только на территории Карелии в годы Великой Отечественной войны погибло 257 тысяч бойцов и офицеров Красной Армии. На сегодня числятся захороненными около 60 тысяч. Общие же потери Карельского фронта составили 420 260 человек (24 548 офицеров), это 69% от численности личного состава фронта. По официальным документам пропавшими без вести и попавшими в плен на Карельском фронте числятся 30 518 бойцов и офицеров. Данные о количестве попавших в плен были уточнены только после выхода Финляндии из войны в 1944 году.

Я попытаюсь высказать свое предположение: как миллионы защитников Отечества стали без вести пропавшими и многие числятся таковыми до сих пор? А еще я считаю, что пора заменить приговор «без вести пропал» на «погиб».

На территории Республики Карелия более 400 воинских захоронений, в которых около 60 тысяч захороненных. Но больше 5 тысяч из них — неизвестные, а значит, «без вести пропавшие». А сколько еще без вести пропавших ждут своего возвращения в карельских болотах и лесах?

Это о них сложен «Плач матери»:

Под какой березкой израненной,
Под какой сосной искалеченной,

Ты остался лежать умирающий,
Смертным боем с землею повенчанный...
Пусть же та земля, на которой ты
Пролил кровь свою в свой последний бой,
На груди своей упокоит тебя,
Примет, словно мать, ненаглядный мой!..

ЧЕМ ОТЛИЧАЛСЯ КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ

Карельский фронт был самым протяженным в истории Великой Отечественной войны — 1600 км протяженность линии сопротивления врагу. Он сдерживал врага больше четырех лет, до осени 1944 года, когда наши войска вышли на прежние границы. Условия были суровые: сотни озер, ламбушек, рек и речушек, непроходимые болота, леса. Осложняли положение долгие морозные и снежные зимы.

И при этом фронт держали, не пропустили врага в Мурманск, не дали ему прорваться к Уралу. Да, отступали в самые страшные месяцы начала войны, несли огромные потери. По лесам, бездорожью выносили на себе технику, орудия. Часть такой колонны нашли летом 2015 года карельские поисковики в лесу. Техника сохранилась, а бойцов нет. Может, и они пропали без вести в этих лесах.

Поисковики ежегодно поднимают останки защитников республики. Захоронения проходят с почестями. Но только единицы обретают имена и перестают быть без вести пропавшими.

Что повлияло на такую страшную статистику? Можно ли было избежать такого количества без вести пропавших?

Можно ли сегодня, спустя 70 лет, считать без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны погибшими? Ведь существует закон об объявлении гражданина умершим. Одно из условий принятия такого решения: отсутствуют данные о месте нахождения человека более 2 лет после завершения военных действий, участником которых был пропавший человек. Правда, касается он, к сожалению, участников боевых действий последних десятилетий.

НУЖНО ЛИ ЭТО ПОГИБШИМ?

Обретение имени — нужно ли это погибшим? Никто не скажет об этом лучше, чем сами поисковики, которые поднимают остан-

Просто он не вернулся из боя (без вести пропавшие)

ки бойцов из стрелковых ячеек, из окопов, из военных, на скорую руку, захоронений на местах боев.

Поисковик из Спас-Деменска Юрий Акимов в ленте «Бессмертного полка» пишет: «Вот здесь сегодня, 2 ноября 2015 года, мы и встретились с солдатом Колей Редковым. Он рассказал мне, что родом он из Наро-Фоминского района, Дятловского сельсовета, из деревни Зинаевка... Еще он сказал, что очень долго ждал, занимая оборону на склоне высоты, и с радостью поведал мне, что не пропал без вести, не сдался в плен! Он, как честный солдат, погиб в бою, защищая эту высоту! Он ждет, когда люди узнают об этом. Еще он попросил меня сообщить родным по адресу...» Мы с моей бабушкой подключились к поиску. Оказалось, что Коля Редков всего на два года старше меня. Из его деревни на фронт ушло несколько Редковых, вернулся только один. Есть без вести пропавшие. Таким числился и Коля Редков, пока не «встретился» с Юрием Акимовым.

Нужно ли обрести имя красноармейцам-пулеметчикам, о которых я прочитал в записи из дневника немецкого солдата, погибшего под Сталинградом? Немецкий солдат, воевавший в составе группы армий «Север», рассказывает о случае, произошедшем с ним в июле 1941 года: «Мы с другими камадами поспешили посмотреть, кто же причинил нам такой ущерб, и пошли влево от колонны, поднимаясь на маленькую горочку, слегка возвышавшуюся в 100 м от дороги. <...> Рядом с окопом лежало распластанное тело русского солдата <...> На бруствере стоял русский пулемет без щитка; его кожух охлаждения ствола был туго замотан грязными тряпками — видимо, для того чтобы хоть как-то задержать вытекание воды через ранее пробитые пулями дырки. Рядом с пулеметом на правом боку лежал второй мертвый русский солдат в грязной, измазанной кровью форме. Его покрытая густой пылью и кровью правая рука так и осталась на пулеметной рукоятке... Но самое поразительное в этом мертвце было то, что у него не было обеих ног практически до колена. <...> Видимо, погибший пулеметный расчет был оставлен русскими на этой горке, чтобы задержать продвижение наших войск по дороге...»

Кто они, эти бойцы? Они, как и Коля Редков, не ушли со своей последней высоты. Стояли до конца, сколько смогли, чтобы дать возможность боевым товарищам отступить и закрепиться на другом смертном рубеже. По приказу или добровольно остались они один на один с врагом? Разве это важно? Главное — они даже после страшных ранений не отступили и уже мертвые не выпускали

пулемет из рук. Но что записано в документах по учету потерь? Погибли или пропали без вести?

НУЖНО ЛИ ЭТО ЖИВЫМ?

Недалеко от Петрозаводска уже 7 лет существует памятное место — Курган Славы, 39-й километр Суоярвского шоссе, линия обороны моего города. Здесь поле смертного боя и братские могилы бойцов и командиров, останки которых каждый год поднимают поисковики. Здесь летом 2015 года в очередной раз при большом стечении народа хоронили неизвестных бойцов и тех, чьи имена удалось установить. Внук одного из них, бойца Клопина, увез деда, числившегося без вести пропавшим, домой, в Свердловскую область. Именно оттуда, из Уральского военного округа, пришли в июле 41-го маршевые роты на карельскую землю. Большая часть даже захороненных на Кургане бойцов безымянные, то есть без вести пропавшие. Внук бойца Клопина, пожилой мужчина, плакал... Нам, ребятам, он признался, что счастлив. Счастлив, что дед вернулся с войны, что теперь он будет покоиться в родной уральской земле.

Почти 50 лет искала своего отца жительница Свердловска Эльвира Алексеевна Сумарева. О том, что он погиб, рассказал его боевой товарищ, вернувшийся летом 42-го без руки. При отступлении по болоту после взрыва ее отец упал, но шли танки противника, останавливаться было нельзя. Эльвира Алексеевна помнила не все, потому что была слишком мала, да и солдат разговаривал с ее матерью почему-то шепотом. Но и того, что запомнила маленькая Эльвира, хватило, чтобы после долгих поисков найти место последнего боя своего отца — Виллагора, Карелия. Летом 2015 года она посетила Курган Славы, где захоронены не только безымянные бойцы, но однополчане ее отца, чьи имена удалось восстановить. За 20 лет ей удалось составить списки на 1500 земляков, погибших на Карельском фронте.

На Кургане Славы Эльвира Алексеевна вдруг остановилась у одной братской могилы, выпрямилась, глубоко вздохнула и сказала просто: «Папа здесь». А на следующий день здесь же, на Кургане, недалеко от выстроенной поисковиками часовни, случайно обнаружили останки еще двоих бойцов. Мы не один раз были на захоронениях, после реконструкции боя на месте того, последнего сражения все нами исхожено. И вдруг такая находка. Может, и правда, что солдаты сами хотят вернуться?

КАК СТАНОВЯТСЯ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМИ?

Да, ни одна война не обходится без жертв, в том числе и без вести пропавших. Но как же так случается, что на фронт призываются люди с именами, фамилиями, а потом имена исчезают без следа и хоронят неизвестных?

Этому, бесспорно, есть объективные причины. Главная — положение на фронтах Великой Отечественной войны в первой ее половине. И на Карельском фронте именно в этот период отмечается наибольшее количество потерь, в том числе и без вести пропавших.

В книге «Вспоминают ветераны» приводится статистика соотношения военной мощи Красной Армии и противника на Карельском фронте: минимум восьмикратное превосходство врага. А по мнению специалистов, для успешности военного наступления достаточно и трехкратного. У защитников карельской земли не было даже автоматов. Они отступали по топким болотам, их преследовали танки, самолеты. Голодные, усталые бойцы практически на руках по лесным просекам пытались вынести технику и орудия.

При сравнении обеспеченности вооружением финской и советской дивизий видно, что пулеметов различного калибра было у финнов 238, у красноармейцев — 116; минометов соответственно 30 против 18, танков и бронемашин 65 к 0. При этом вражеских дивизий было в несколько раз больше. Какой же ценой удалось остановить продвижение врага и удерживать фронт на всем его протяжении в течение нескольких военных лет!

В таких условиях составлялись донесения о потерях, где порой значилось: со слов товарищей, со слов медсестры, оставлен на поле боя... Часто даже точную дату, когда пропал боец, невозможно было установить. По информации Николая Алексеевича Серебрякова, преподавателя истории г. Урюпинска, члена «Союза поисковых отрядов России» и Волгоградской региональной общественной организации «Поиск», по 10–20 дней бойца могли не заносить в списки потерь: ждали, что догонит свое подразделение, найдется в полевом госпитале и т. п. При подготовке ответов на запросы родственников часто ориентировались на последнюю подпись бойца в документах на получение довольствия. И в результате запись: пропал без вести.

Отступление — трагедия первых месяцев войны. Все ли донесения о потерях попадали в тыл?

До последнего времени я считал, что отсутствие донесений о потерях с мест боев связано с объективными обстоятельствами, не зависящими от составлявших и доставлявших их: отступлением, окружением, гибелью штабов, гибелью тех, кто доставлял документы.

Директор Историко-культурного поискового центра «Обелиск» В. Н. Петров приводит пример, скорее всего, типичный для самого тяжелого периода Великой Отечественной войны: историю с обнаружением дивизионной документации. «365-я стрелковая дивизия 30-й Армии Калининского фронта в 1942 году попала в окружение и была полностью разбита. Примерно в 1979 году на местах, где она вела бои, был раскопан блиндаж, в котором оказались останки командира дивизии, комиссара и вся дивизионная документация». А сколько такой документации не нашли? И в результате — тысячи без вести пропавших.

Мой родственник Василий Васильевич Стрелков, ныне покойный участник Великой Отечественной войны, рассказывал о том, что несколько раз был в окружении при отступлении. Документы, чтобы не попали врагу, перед прорывом нередко закапывали или уничтожали. Много ли могли восстановить вырвавшиеся из окружения?

Но то, что дальше пишет В. Н. Петров, поражает: «Найденные документы были доставлены в ЦАМО и там уничтожены — якобы из-за ветхости. В случае изучения этих бумаг количество “без вести пропавших” могло бы уменьшиться на несколько тысяч человек, но их память чиновники Министерства обороны решили предать забвению. А почему?»

Опытный поисковик приводит несколько предположений, объясняя такой вандализм представителей власти. Одно из них: в случае установления имен большого количества «без вести пропавших» солдат и офицеров их семьям пришлось бы выплачивать компенсацию за потерю кормильца, — по всей стране набежала бы кругленькая сумма. Плюс пришлось бы тратиться на широко-масштабные поисковые работы на огромной территории и погребение обнаруженных останков.

Можно просто не верить таким предположениям. Но, занимаясь поисками в архивах ОБД, мы с ребятами часто сталкивались с тем, что, кроме анкет по послевоенному запросу родных, никаких других документов на бойца нет. Даже призывных.

Можно обвинить В. Н. Петрова в излишней предвзятости, но когда о подобного рода бесчеловечном отношении к памяти защит-

Эльвира Сумарева на месте захоронения ее без вести пропавшего отца

Памятник на братской могиле

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Personalkarte I: Personelle Angaben																		Beschreibung der Erkennungsmarke						
Kriegsgefangenen-Stammlager: _____																		Nr. <u>77491</u>						
Name: <u>Antonov Ananast</u>																		Lager: <u>IV-A</u>						
Vorname: <u>Wladimir</u>																		Staatsangehörigkeit: <u>WR-Russ</u>						
Geburtsort: <u>St. Petersburg</u>																		Dienstgrad: <u>Soldat</u>						
Religion: <u>Orth.</u>																		Truppenteil: <u>1053 Inf. Reg.</u>						
Vorname des Vaters: <u>Sergei</u>																		Zivilberuf: <u>Bauer</u> Berufs-Gr.: <u>3</u>						
Familienname der Mutter: <u>Kubingowa</u>																		Matrikel Nr. (Nummer des Stammbuchs): _____						
Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: _____																		Gefangennahme (Ort und Datum): <u>1/1-42 Chama</u>						
Lichtbild																		Nähere Personalbeschreibung						
																		Größe: <u>172</u> Haarfarbe: <u>Schwarz</u>						
																		Besondere Kennzeichen: <u>7012 St. n. 319</u>						
Flügelstempel des rechten / linken / Zehngelingers																		Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen						
																		<u>Mutter Antonowa Jelagaja</u>						
																		<u>Ryasan. Gub., Orentburgsk. Kr.</u>						
																		<u>St. Kolokolnnoe</u>						
																		<u>Maria Ananastowa Antonowa</u>						
																		<u>Ryasanenski. Gub. Gorkowskij P. n.</u>						
																		<u>S. Kowalitschenko</u>						
5 kl																								
21.9.44																								
3063																								
† am 21.9.44																								
begrab. Russ.-Friedhof																								
Erst-Beerdigung Parzelle:																								
Jäger 84 Reihe: I																								
St. : 72.9.44																								
Bemerkungen:																								
Name: _____																		Beschreibung der Erkennungsmarke Nr. _____						
Lager: _____																								

Карточка военнопленного, погибшего в финском плену

Просто он не вернулся из боя (без вести пропавшие)

ников Родины со стороны властей говорят бывшие фронтовики, герои войны, орденосцы, тут уж задумаешься и об отношении к без вести пропавшим и к их семьям. Тем более что с подобным отношением приходилось сталкиваться при сборе материалов по военнопленным.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ И ВЛАСТЬ

Семьи без вести пропавших в боях никогда не были под защитой государства, никакой помощи и поддержки не получали, а вскоре, после окончания войны, им перестали выплачивать денежное пособие за отца.

Значит, на самом деле финансовая составляющая для государства стала важнее, чем судьбы защитников Родины и их семей?

Так был ли шанс у сотен тысяч, погибших при отступлении, в окружении, быть узванными после смерти, пусть даже спустя десятилетия? Были же еще солдатские медальоны, которые называли «смертными».

Следующая объективная, на мой взгляд, причина невозможности установить имена тех, чьи останки поднимают поисковики, — отсутствие солдатских медальонов или пустые солдатские медальоны.

Приказом Наркома обороны СССР № 138 от 15 марта 1941 года были введены медальоны в виде пластмассового пенала с вкладышем из пергаментной бумаги. Также солдатские медальоны образца 1941 года изготавливались в металлическом и деревянном вариантах. Но деревянный медальон гнил в земле очень быстро. А металлические, пластмассовые? К сожалению, только в 1942 году на фронты стало поступать достаточное количество металлических медальонов.

7 октября 1941 года была введена красноармейская книжка. Считалось, что она нужнее, так как в ней было больше информации о бойце и его военном пути. Но картон разлагается в течение одного–трех месяцев. Бумага — в течение двух лет. Даже если при погибшем бойце была его солдатская книжка, заменяющая медальон, то уже через несколько месяцев... А о чем можно говорить спустя десятилетия?

Однако больше всего поражает тот факт, что приказом от 17 ноября 1942 года медальоны были отменены. Вмешался человеческий фактор — кто-то посчитал, что достаточно красноармейской книж-

ки, кто-то решил, что не нужны солдатские медальоны. Может, опять вопрос экономии средств? Так появился соответствующий Приказ за № 376 — о снятии медальонов со снабжения Красной Армии, за подписью замнаркома обороны генерала-лейтенанта Хрулева.

Именно это, думается, привело к увеличению числа пропавших без вести военнослужащих из-за невозможности установления личности погибшего даже во время боевых действий.

Но после знакомства с таким приказом начинаешь верить, что слухи о судьбе солдатских медальонов, которые ходят среди поисковиков, возникли не просто так. В. Н. Петров пишет, что «по линии Министерства обороны в послевоенные годы поступил в военкоматы на местах секретный циркуляр, который прямо предписывал уничтожать найденные на местах бывших боев солдатские медальоны. Источниками этой информации назывались бывшие военкомы, вышедшие на пенсию».

Если «из-за ветхости» уничтожали бумажные архивы, почему же не уничтожить и медальоны?

Я, сегодняшний потомок тех, кто погиб, попал в плен или остался пропавшим без вести, пусть даже они с почестями захоронены в братской могиле, считаю приказ № 376 — преступлением.

А ведь я считал, что отсутствие медальонов или пустые медальоны — это результат суеверия: медальоны называли «смертными», поэтому и не заполняли. Да и сами поисковики отмечают, что иногда медальоны использовались не по назначению. Поисковики обнаруживали медальоны с нитками, иглками, даже рыболовными крючками. Из них делали мундштуки, чтобы можно было почти до конца докурить самокрутку. Но ведь это было не такое массовое явление. А вот отказ от медальонов, на мой взгляд, лишил бойцов «права быть узнанными» пусть даже спустя десятилетия после гибели.

Я не собираюсь оспаривать военные заслуги Хрулева, но приказ № 376 сыграл свою роковую роль.

А бойцы хотели быть узнанными! По рассказам поисковиков, записки с адресами родных находили в самодельных медальонах — гильзах. Бойцы выцарапывали свои имена на ложках, фляжках, портсигарах!

БЕГ ВРЕМЕНИ НЕУМОЛИМ

Есть еще, на мой взгляд, серьезная причина — время. Оно работает против человека и памяти. Например, в 1818 году изда-

Просто он не вернулся из боя (без вести пропавшие)

ется сборник «Военная галерея», в котором публикуются списки погибших в Отечественной войне 1812 года. В 1878 году, после окончания русско-турецкой войны, издается «Памятник Восточной войне». Через несколько лет после Первой мировой войны выпущено 26 томов списков погибших и пропавших без вести. В 1926 году, уже при советской власти, был издан «Именной список потерь Рабоче-крестьянской Красной Армии в годы гражданской войны». Почти сразу, по горячим следам, пока были живы непосредственные участники, прямые свидетели событий.

Книга Памяти Великой Отечественной войны была выпущена только к 50-летию Победы. Почему так поздно? К тому времени почти не осталось матерей и отцов молодых ребят, не вернувшихся с войны, ветеранов, которые хоронили своих однополчан в лесах, болотах, на обочинах военных дорог... Не осталось тех, кто мог внести уточнения, правки. Сравнялись с землей безымянные холмики. Безымянные потому, что деревянные пирамидки, таблички с именами сгнивали в течение 10–13 лет.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Какими бы ни были объективные причины, человеческий фактор остается. Это и губительные приказы, и запоздавшие на десятилетия решения властей о восстановлении списков участников Великой Отечественной войны.

Но человеческий фактор — это и родные воевавших, и те, кто родился после войны, и мы, сегодняшние.

После войны родные и близкие писали запросы с целью узнать судьбу бойцов. В вопросниках требовалось указать, когда была утеряна связь с бойцом, когда пришло последнее письмо. Чаще ответ — прочерк, так как иногда даже писем не было. Ответ «пропал без вести» означал прекращение поиска. Все упиралось в засекреченность архивов. И только 23 октября 2004 года появился Приказ Министра обороны РФ за № 328 «О рассекречивании архивных документов, содержащих сведения о военнослужащих, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». С того времени постепенно пополняется ОБД, материалы которого на сегодня доступны всем. Но многие из тех, для кого была после войны важна хоть какая-то информация, умерли.

Но кроме родных были и вернувшиеся с войны по ранению, вернувшиеся после Победы. А вот кто опрашивал вернувшихся по

ранению о судьбах их боевых товарищей? Например, Э. А. Сумарева, дочь бойца Алексея Потоскуева, пропавшего без вести на Карельском фронте в районе деревни Виллагора, объяснила, почему поздно начала поиски отца: «Долгие годы я вспоминала рассказ безрукого однополчанина папы. Но мне запрещено было говорить о том, что папа пропал без вести: в то время это значило, что мой папа — предатель Родины».

Вот почему молчали родные. Так я узнал, что власти относились к без вести пропавшим так же, как и к тем, кто оказался в плену. И тех, и других считали изменниками. Но не только власть, сами окружающие косо смотрели на тех, в чьей семье был без вести пропавший. Любовь Васильевна Меленкина вспоминает, как в ее родной вологодской деревне, в которую после войны не вернулась почти половина мужчин, говорили о без вести пропавших: «поди до немца убеги».

А время шло, стирались воспоминания, исчезали одиночные могилки, уходили из жизни свидетели. Оставались только записи: пропал без вести тогда-то и там-то.

В архиве карельской семьи Черноусовых-Сорокиных хранятся военные письма прадеда, пропавшего в августе 1941 года. В одном он перечисляет имена и фамилии своих земляков, уже погибших. Можно утверждать, что он был свидетелем их гибели, потому что о смерти одного из своих братьев, а было их на войне четверо, он пишет: «со слов ребят», про других же односельчан — конкретно: «убит». По сегодняшним данным ОБД часть бойцов из этого списка так и числится без вести пропавшими. Видимо, не все очевидцы успели сообщить командирам данные о потерях: погибли так же, как и боец Черноусов, который тоже «пропал без вести».

В списках погибших в финском плену на букву «Н» можно найти перечень на несколько сотен неизвестных военнопленных, захороненных в братских могилах. Ни имен, ни дат. Если бы при них были воинские документы, вряд ли данные не были бы скрупулезно переписаны. Можно предположить, что большинство попало в плен смертельно ранеными, умирающими, но без документов. А может, бойцы сознательно уничтожали свои солдатские документы? Ведь у нас «пленных» не было, были «изменники родины». Что ждало семьи попавших в плен, если даже слова «без вести пропал» становились клеймом для жен и детей?

Пытаемся ли мы, молодые, предпринять что-либо, чтобы узнать о своих воевавших предках?

Просто он не вернулся из боя (без вести пропавшие)

Ответ на этот вопрос дает наш опрос, в котором участвовало 408 человек: ученики с 5-го по 11-й класс и учителя. Не знают, участвовали ли родственники в войне, — 40 человек; погибли кто-то на войне — не знают 106. Значит, вообще не интересовались, значит, и в семьях не было таких разговоров? К поискам информации в Книгах Памяти не обращалось 324 опрошенных, к ОБД — 296. Вот и сегодняшний человеческий фактор.

Помнит тот, кто делает. Сотрудники ОБД «по долгу службы» восстанавливают и публикуют сохранившиеся документы.

Поисковики по собственной инициативе обследуют места боев, поднимают останки павших. Мы ищем родных тех, кто погиб в плену. Все больше людей обращаются к различным поисковым сайтам, чтобы что-то узнать о своих предках. Им важно даже не то, как и где они погибли. Главное — попытаться найти то место, куда можно прийти и поклониться памяти.

Изменилось отношение к без вести пропавшим, к погибшим в плену. Но осталось казенное равнодушие тех, кто «по долгу службы» может и должен помочь в поисках. С этим не раз приходилось сталкиваться в нашей поисковой работе. А вот Э. А. Сумарева, смыслом жизни которой стало восстановление списка земляков, однополчан ее отца, «пропавших без вести», а на самом деле погибших на Карельском фронте, нашла 1500 человек, восстановила их путь из Уральского военного округа в Карелию. Она расписала всех солдат, кто и откуда был призван (по городам области). Написала во все местные газеты просьбу напечатать фамилии погибших. Откликнулись только три газеты. Обращалась к депутату, еще к одному. «Первый написал: дано задание юридической службе рассмотреть вопрос. Второй ответил: надо подумать. И вот уже два года рассматривают и думают».

ПРАВО СЧИТАТЬСЯ ПОГИБШИМ

Неожиданные открытия я сделал, пытаюсь понять, почему так много без вести пропавших осталось после Великой Отечественной войны. Не из учебников истории я узнал об официальном отношении к ним, об отмене солдатских медальонов, уничтожении документов.

К сожалению, мы уже никогда не восстановим имен большинства бойцов, даже тех, останки которых поднимают и торжественно перезахоранивают поисковики. Но можно исправить главное:

заменить запись «без вести пропал» на «погиб». Ведь по закону объявление гражданина умершим, а в данной ситуации — погибшим, возможно, если отсутствуют данные о месте нахождения человека больше двух лет после завершения военных действий, участником которых был пропавший человек. Ведь прошло уже больше 70 лет с того дня, когда солдат «просто не вернулся из боя».

И напоследок попросил не осуждать... (служба в РККА и фронтовая жизнь Николая Федоровича Телешева)

Ирина Корнеева, Артем Чилингаров
школа № 129, гимназия № 4, г. Волгоград
научный руководитель Наталья Александровна
Карюкина

Во время школьной экскурсии в Государственный архив Волгоградской области (далее ГАВО) мы познакомились с фронтовым дневником, который ранее находился среди необработанных документов и поэтому не выдавался исследователям. В фонды ГАВО «Дневник Телешева Н. Ф.» попал видимо в начале 1990-х годов (более точной информацией сотрудники архива не располагают, а документов нет). Только в 2013 году он был обработан архивистами и стал доступен исследователям.

«ЧИТАТЬ РАЗРЕШАЕТСЯ СТАРШЕМУ ВОЗРАСТУ»: ДНЕВНИК КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Дневниковые записи в блокноте в черном коленкоровом твердом переплете на 106 из 120 сшитых потетрадно листах сделаны фиолетовыми и синими чернилами, для выделения использовался красный карандаш. Типографских или иных отметок на блокноте нет, поэтому не представляется возможным установить время и место производства блокнота. Но напечатанная на первом форзаце надпись «2443-18 Вг», высокое качество бумаги и использование шелковых нитей при прошивке позволяют предположить, что блокнот не советского производства, возможно, трофейный.

Ценность этого исторического источника явно не осознавалась людьми, у которых находился дневник. Они даже использовали свободное место для каких-то собственных записей, поэтому можно радоваться, что дневник все же попал в архив, а не был выброшен за ненадобностью.

Кроме своего имени, автор дневника указывает лишь место жительства — хутор Вертячий Городищенского района Сталинградской области и время службы в РККА: «с 1 мая 1942 г. по 31 декабря 1945 год я прослужил в артиллерии, а артиллерия — бог войны».

Записи мы условно разделили на две части: первая — это описание пребывания в плену (август–декабрь 1942 года), а вторая — описание военной службы после освобождения (1943–1945 годы).

Почерк беглый, но вполне свободно читаемый. Автор иногда пропускает запятые и делает порой весьма грубые грамматические ошибки. Телешев понимает, что ошибки неизбежны, поэтому в конце записей просит: «а за безграмотность извините».

Дневник Телешева — интереснейший документ. В первой части записаны воспоминания о событиях двухлетней давности, а вторая содержит собственно дневниковые записи, которые перемежаются текстами песен, стихами, фрагментами переписки с девушками.

Исследуемому документу присущи многие характерные особенности мемуарной литературы, затрудняющие работу: излишний субъективизм авторских оценок; чувствуются влияние пропаганды и средств массовой информации; недомолвки и умолчания.

Первые страницы аккуратно отрезаны, видимо ножом; человек, который это сделал, понимал, что если их вырвать, выпадут и другие страницы вшитой тетради. На узких оставшихся полосках повествование дневника предваряют примечательные фразы: «Читать разрешается старшему возрасту», «Прошу не осуждать и не вырывать листов», «Кто возьмет книгу без спроса тот останется без носа».

В дневнике Телешева записано 59 песенных текстов. Переписывание песен было широко распространено на фронте: их записывали со слуха (с живого исполнения, с патефонных пластинок, из фильмов), копировали из фронтовых газет или чужих писем (тексты песен часто посылались в письмах на фронт), переписывали из чужих блокнотов в свои, вписывали в чужие блокноты и т. д. Сначала нам казалось, что работа с песнями будет трудоемкой, — Телешев ни разу не указал авторов песен, и для нас многие тексты были незнакомыми. Но когда мы переписали все тексты, определили авторов и время их создания, выяснилось что большинство песен были хорошо известны и популярны во время войны. Репертуар вполне типичен: «Огонек», «Любимый город», «Темная ночь», «Медсестра Анюта», «Морячка» и т. д., переделки известных песен («Огонек», «Спят курганы темные»). Установленные нами различия связаны с искажением текста при переписывании или записи на слух, что отмечалось всеми исследователями песенного солдатского фольклора.

В конце дневника переписаны и гимн Советского Союза (перед текстом приклеен вырезанный из газеты круг с профилями Ленина

И напоследок попросил не осуждать...

и Сталина, название обведено красным карандашом, чернила сменены на черные, после текста гимна приклеена вырезка: стилизованная гирлянда из ветвей, скрещенные винтовки, красная лента и красная звезда с серпом и молотом) и гимн партии большевиков. Которые, наверное, были изначально записаны ранее. Но Телешев отмечает, что пели песни и «хулиганские», когда по близости не было командиров, и приводит в качестве примера «Гоп со смыком».

«И ЧТО Я УВИДЕЛ ХОРОШЕГО?»

Именно с этой фразы начинается повествование о пребывании в плену, записанное на первых 20 листах; в конце указано место, где сделана запись, — «Румыния с. Согданешть». Николай Федорович Телешев описывает свое пребывание в концентрационных лагерях для советских военнопленных с августа по декабрь 1942 года. Названия населенных пунктов и временной промежутков, указанные в дневнике, позволили установить, что Телешев — участник Сталинградской битвы.

Мало надеясь на успех, мы обратились к документам сайта Общедоступного банка данных «Мемориал». В «Донесении о безвозвратных потерях 32687 штаба 62-й армии от 13.11.1942 года» обнаружилось сведения о том, что уроженец Сталинградской области, Городищенского района, хутора Вертячий сержант Телешев Николай Федорович, командир отряда связи 62 армии 1105 артиллерийского полка Резерва Главного Командования, член ВЛКСМ, 1923 года рождения, был призван Городищенским РВК, Сталинградской области Городищенского района, и пропал без вести 07.08.1942 года при окружении в балке Силкина Калачевского района Сталинградской области.

В графе «адрес жены или родителей» указано имя матери — Матрена Прокофьевна, проживавшая в хуторе Вертячий Городищенского района Сталинградской области. Совпадение фамилии, имени и отчества, места жительства, рода войск, в которых служил Телешев, времени и места пленения (исчезновения без вести) позволяют сделать вывод, что в донесении речь идет об авторе дневника. Таким образом, мы установили, в какой воинской части служил Телешев (1105 АП 62-й армии), его возраст (18–19 лет), воинское звание (сержант), семейное положение (холост) и партийность (член ВЛКСМ).

Призванный в армию в мае 1942 года, Николай Федорович Телешев, видимо, был направлен на краткосрочные курсы, так

как в августе уже находился в звании сержанта и начал службу в 1105 артиллерийском полку 62-й армии.

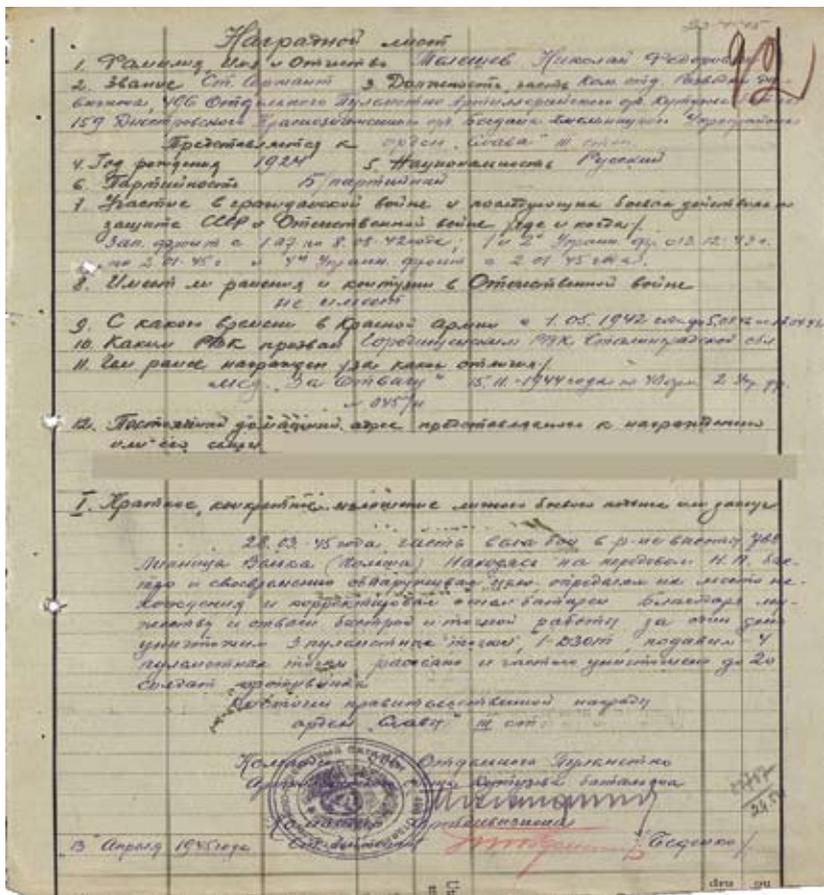
Нам, жителям Волгограда, с дошкольного возраста многое известно о деталях Сталинградской битвы. Но сухие точные строки «Журналов боевых действий войск Сталинградского фронта» нас поразили. В описании действий войск 08.08.1942 г. на основании оперативных сводок №№ 051, 052 и боевого донесения № 026 сказано: «...62 Армия главными силами вела тяжелые бои в окружении...» В окружении оказались пять артиллерийских полков и четыре стрелковых дивизии. В том числе и 1105 артиллерийский полк, потерявший только 7 августа 1942 г. в районе балки Силкина в Калачевском районе Сталинградской области без вести пропавшими 173 человека. Среди них — Николай Федорович Телешев. Многие из них попали в плен.

Немецкие лагеря для военнопленных делились на 5 категорий: сборные пункты (лагеря), пересыльные лагеря («Дулаг», нем. Dulag), постоянные лагеря («Шталаг», нем. Stalag), основные рабочие лагеря, малые рабочие лагеря.

Сборные пункты создавались в непосредственной близости к линии фронта или в районе проводимой операции. Здесь шло окончательное разоружение пленных, составлялись первые учетные документы («...обыскали, где взяли у меня 800 руб., бумажник с документами и сахар», — свидетельствует автор дневника).

Следующим этапом движения пленных был Дулаг — пересыльный лагерь, обычно располагавшийся вблизи железнодорожных узлов. По словам Телешева, пленных в течение 8 дней, собрав до 10 тыс. человек, вели в Миллерово (станция в Ростовской области), где находился лагерь военнопленных. В пути пленных не кормили: «если один пленный побежит за куском хлеба, выносимые жителями села, то его убивают совместно с жительницей; если пить воду — то же самое». На всех немцы предлагали одно ведро воды у колодца. Во время привала у реки, в попытавшихся напиться конвоир стал стрелять: «больше чем 300 человек он расстрелял, а остальных вернули».

В Миллерово были организованы несколько лагерей. Лагеря были на территории хлебозавода, школы № 5, кирпичного завода. Самым крупным и страшным был лагерь в районе ДСХТ — Дулаг 125, или «Миллеровская яма», располагавшийся в отлогой речной долине. В огромную котловину, обнесенную колючей проволокой и наблюдательными вышками, сгоняли тысячами пленных

Наградной лист Н. Ф. Телешева

И напоследок попросил не осуждать...

бойцов и командиров Красной Армии со всего Юго-Западного фронта.

Нечеловеческие условия содержания («... кормили нас один раз в сутки. Что давали? Воды по кружке кипяченой, где попадалась рож, наполовину сгорелая и то два три зерна попадетса то хорошо, а иной раз не было ничего») стали причиной многочисленных смертей.

Автор дневника пишет: «по утрам лежали сотни трупов умерших с голоду». С умирающих снимали одежду, «раздевали наголо», чтобы обменять ее на продукты «ввиду голода — было воровство, убивание друг друга».

Телешев описывает положение евреев в лагере. Их кормили и вовсе через день, не брали на работу, содержали отдельно. Автора дневника больше всего поразило, что там находились «старики и дети, женщины и мужчины от 80-летнего возраста до грудного ребенка. Режим один и тот же».

Документы Сталинградской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков подтверждают правдивость рассказа Телешева. И это не только свидетельства советских военнопленных и мирных жителей, но и показания немецких и румынских солдат, оказавшихся в советском плену. Румынский военнопленный сержант на допросе рассказал, что питание в лагере состояло из 200–300 грамм хлеба и выдавалось один раз в день супу — воды наливали в котелок примерно на три пальца...

Единственным спасением Телешеву и его другу Селеверстову казалось попасть «в отправку в другой лагерь». Они не спали ночь, чтобы попасть на распределение «или на работу, или совсем в отправку в другой лагерь». Телешеву удалось «перебежать в сотню», несмотря на то, что «стал 101, но как то все прошло благополучно». Он попал на работу на аэродром, там даже добыл хлеба. Вернувшись в лагерь, друга найти не смог. Судьба Александра Селеверстова нам неизвестна.

Остаться одному было страшно. Николай Федорович постоянно вспоминает о семье и родном доме: «...но я не мог никак ни на одну секунду забыть о них, все время стоят в голове».

Вскоре он встретил двух своих односельчан — Василия Ивановича Иванова и Федора Ивановича Крымцева. Встреча стала радостным событием. Взрослые мужчины, имеющие своих взрослых детей, стали опекать Телешева, они вместе ходили на работу, добы-

вали пищу. Через неделю часть военнопленных отправили в другой лагерь. Федор Иванович был болен и его не взяли: «и жалко, и вернуться нельзя».

На сайте ОБД «Мемориал» нам удалось найти обращение в Городищенский райвоенкомат Крымцевой Марии Федоровны, проживающей в х. Вертячий Городищенского района Сталинградской области (наверное, дочери), от 19.10.1946 г. с просьбой о розыске Крымцева Федора Ивановича, 1903 года рождения. В анкете указано, что письменная связь прекратилась в июле 1942 года, то есть с началом Сталинградской битвы. В документе указан воинский адрес по последнему письму: 57 армия 1335 дивизия 123 стрелковый полк (57 армия в составе Сталинградского фронта сражалась рядом с 62-й армией), что можно рассматривать как доказательство, что речь идет именно о том Крымцеве, которого упоминает Телешев. К сожалению, оставшийся в Миллерово ослабший и больной Федор Иванович, скорее всего, погиб, потому что домой он не вернулся.

Эшелонам военнопленных перевезли на станцию Кантемировка (Воронежская область). На территории колхоза «Красный партизан» немцами был создан лагерь, в котором погибли 2200 военнопленных. Аналогичный лагерь находился в Первомайском совхозе, Радченского района, где содержалось до 1500 человек. Истощенных голодом военнопленных заставляли работать по 15–16 часов в сутки, при этом жестоко избивали. «Не обидно было когда бьет немец, но когда наш брат пробирется в полицаи ... начинает кричать, бить это значит выслуживали себе чин...» Телешев отмечает, что полицаями были и украинцы, и грузины, и татары, и русские. Именно полицаи, избивая «палками до полусмерти, после не оказывали никакой помощи».

1 сентября 1942 года (это первая дата, указанная в дневнике) Телешев с Ивановым оказались «в отправке» к итальянцам, «получили по 10 ударов от полицаия и попали». Как и многие военнопленные, Телешев отмечает заметно лучшие условия содержания и более терпимое отношение итальянцев к пленным: «...кормили нас хорошо. Комендант лагеря приказал всем полицаям не трогать ни одного военнопленного, даже запрещал и пальцем ударить». Во время полевых работ конвоиры сами предлагали жителям покормить военнопленных. Лагерь был небольшим — «всего 450 человек». А через две недели их вновь вернули в Кантемировку.

27 сентября всех военнопленных, разделив на «9 лагерей по 400–500 человек», отправили на строительство узкоколейки.

И напоследок попросил не осуждать...

Летом–осенью 1942 года руками наших военнопленных была построена железная дорога, соединившая Острогожск и Каменку в обход Лисок. Вдоль строящейся «чугунки» располагались лагеря военнопленных: в райцентре Каменки (сразу два, по 5–6 тыс. человек в каждом), в поселке Тимирязева (бывшая Голопузовка), в острогожских селах Петренково, Ближней Полубянке и других. Самые тяжелые земляные и строительные работы выполняли военнопленные. Если кто отказывался работать, избивали до полусмерти. На дороге, по которой пленных гоняли на работу, местные жители клали картошку, свеклу. Когда голодные наклонялись за едой, их пристреливали на месте.

К началу зимы Телешев «совсем ослаб», — заболел дизентерией («кровавой понос»), но обращение в лазарет не спасало. «Не проходило ни одного часа что бы я не плакал... потому что вечеру ляжешь спать рядом с другом, а утром он уже мертв».

Вскоре Телешев уже не мог ходить, а Иванов должен был уйти «с отобранной сотней» в другой лагерь, Телешев попытался попасть в сотню, но его, «раздетого и больного», выгнали из строя. «В. И. ушел», уговоры, слезы, мольбы не расставаться не помогли. Встретиться Иванову и Телешеву не довелось.

Через несколько дней после ухода Иванова, Телешева и всех остальных военнопленных перевели в другой лагерь. Николаю Федоровичу вновь повезло встретить знакомого — Мишу. Хоть Телешева и признавали больным, но от работы не освобождали.

«И мы с Мишей решили жить или умереть, но больше в этих лагерях не жить». Телешев и Михаил предприняли неудачную попытку побега. Их заметила охрана, избивала и снова загнала в лагерь.

Вскоре советские самолеты стали бомбить немецкие продовольственные склады, находившиеся недалеко от лагеря. Пленные надеялись разбежаться, если бомба упадет на лагерь, «но ни одна ни попала». А пленных загрузили в вагоны и перевезли в другой лагерь.

На новом месте Телешев был вновь избит: «я совсем без памяти». А проснувшись утром, обнаружил, что тех, кто мог ходить, немцы угнали дальше. В тот же день, 23 декабря 1943 года, село было освобождено Красной армией.

«И СНОВА ПОЙДУ НА ЗАЩИТУ СВОЕЙ ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ»

После несколько раз обведенной крупными буквами фразы «День освобождения, меня из немецкого плена есть — 23 дека-

бря 1942 года», даже не отделяя абзац, Телешев начинает рассказ о своей жизни после плена. «Из лагеря я ушел к хозяйке, здоровье мое было очень и очень плохое. Прожил у ней дней 6, я отправился в санбат, из санбата нас повезли на машинах в госпиталь». Нам трудно понять, насколько такая ситуация была вообще возможна. Но получается, что освобожденный военнопленный в течение недели не заинтересовал никого кроме «хозяйки». И без документов (их у Телешева отобрали немцы) принят в санбат, а ведь он не был направлен или вынесен с поля боя.

При прочтении дневника Телешева у нас возник вопрос, почему ни слова не сказано о том, как Николай Федорович был встречен советскими солдатами, как отнеслись к его пребыванию в плену? После длительного лечения (в госпиталях г. Калач Воронежской области и в г. Рязани) 15 февраля 1943 года Телешева направили в учебный батальон на курсы младших командиров в г. Рязань Рязанской области. То ли не возникло никаких трудностей, то ли автор не захотел о них написать.

Слабость здоровья Телешева («я не мог влезть в вагон, ввиду истощения в плену») стала причиной нового заболевания. Переболев малярией, Николай Федорович 12 апреля 1943 года направляется в пулеметно-артиллерийский батальон 159 укрепрайона на должность старшего писаря. Телешев «прошел Украину», участвовал в Корсунь-Шевченковской операции, форсировании реки Прут, освобождении Румынии, его боевой путь проходил через Восточные Карпаты, Трансильванию, Венгерскую равнину и Западные Карпаты до Восточной Чехословакии. В дневнике Николай Федорович подробно перечисляет названия населенных пунктов. Мы внимательно изучили журналы боевых действий и документы оперативного управления — все указанные в дневнике населенные пункты и даты, когда Телешев мог в них находиться, а так же имена командиров, указаны верно. Телешев служил в штабе дивизиона в должности старшего писаря и, соответственно, располагал информацией. Записи делались не ежедневно, о чем свидетельствуют проставленные даты.

Примечательно, что о своей семье Телешев больше не упомянул ни разу. Родной хутор Телешева Вертячий в дни Сталинградской битвы был захвачен немцами, которые там организовали концентрационный лагерь.

Телешеву было обидно, что «все молодые хлопцы получают за храбрость ордена и медали, а я сижу в штабе работаю день и ночь,

И напоследок попросил не осуждать...

а толку нет». И он попросился в разведку. С 10 мая 1944 года Николай Федорович Телешев был назначен командиром отделения артиллерийской разведки.

Телешев с явным удовольствием описывает свои впечатления о Румынии. «Страна аграрная, с отсталым с/х инвентарем», но «живут богата». Он перечисляет увиденное в квартирах и домах румын, радуется готовности румын накормить советских солдат. С крестьянской основательностью, подробно описывает добротные хозяйства румынских крестьян, перечисляя количество домашнего скота, и отдает румынкам «первое место в мире ... по самоткани и расшивки».

Еще летом 1944 года Телешев, стал писать письма незнакомым девушкам («в разные концы нашей Родине, а адреса беру у друзей»). В период Великой Отечественной войны тысячи советских военнослужащих переписывались с незнакомыми ранее женщинами. Для многих эти письма стали психологической и моральной поддержкой. Если писем не было, то Телешев «переписывал в блокнот песни».

В своем дневнике Н. Ф. Телешев практически ничего не пишет о военных действиях.

Поэтому нас удивила запись 10.02.1945 года «меня вызвал командир в штаб, где вручил медаль «За отвагу». На портале Электронного банка документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» размещен приказ командующего артиллерией 40 Армии 2 Украинского фронта № 45/н от 15.11.1944 г., которым старший сержант Телешев Николай Федорович (призван Городищенским РВК, Сталинградской области в РККА 01.05.1942 года) награжден Медалью «За отвагу». Совпадение имени, места и времени призыва, номеров военных соединений, места событий, указанных в приказе и в дневнике, на наш взгляд, позволяют считать, что награжден был именно автор изучаемого документа. Однако измененный год рождения (с 1923 на 1924) и то, что Телешев, бывший в 1942 году комсомольцем, становится беспартийным, вызвало у нас недоумение. Мы можем лишь предполагать, что стало причиной таких неточностей: была ли это банальная ошибка писарей или Телешев был исключен из ВЛКСМ за пребывание в плену, или он сам «изменил анкету», чтобы избежать репрессивных мер, и о его пребывании в плену никто не знал.

Описание событий в апреле 1945 года все больше напоминает фронтовой дневник — рассказывается о наступлении 159 УР, гибели товарищей, взятых в плен немцах, кратковременном окружении.

Приказом командующего артиллерией 18 Армии 4 Украинского фронта № 23/н от 08.05.1945г. старший сержант Телешев Николай Федорович был награжден медалью «За боевые заслуги». Когда и при каких обстоятельствах была вручена награда, в дневнике не упоминается. Примечательно, что за все время службы Телешев ни разу не был ранен.

Запись от 9 мая 1945 года: «в 10.30 нам зачитали акт о безоговорочной капитуляции Германии». Истощение сил и моральная усталость фронтовиков проявились в неумеренном потреблении алкоголя («водки пили до потери сознания») и агрессии. Телешев описывает поджоги домов, убийство лейтенантом Сосулиным старика-немца («у каждого воина РККА на душе было только злость и ему было досадно, что село в целостности и вспоминали проделке немцев в нашей стране»).

Батальон шел к Праге. О Чехии остались самые лучшие впечатления: встречая советских воинов «устраивали национальный парад», «страна культурная», «встречали лучше некуда», «девчата красивые», «русского человека любят», «все грамотные». Николай Телешев искренне жалеет, что в середине июня им пришлось «*тронуться на свою родину*». Если чехи показались Телешеву «гостеприимчивыми», трудолюбивыми, честными, то поляки «смотрели из подлобья».

12.06.1945 г. «поехали на обратном пути на РОДИНУ». Описывая возвращение в СССР, Телешев немногословен, упоминает о просмотре кинофильмов. Все названные им фильмы действительно были в прокате к лету 1945 года.

Отмечает, что от Кракова эшелоны в СССР идут постоянно, «вывозится все из Германии».

14 июля 1945 года парадом с сопровождением духового оркестра войска 159 Днестровского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого Укреплённого района перешли границу. Заграничный поход завершен.

Летом и осенью 1945 года в г. Острог Ровенской области Западной Украины пришлось вести борьбу с бандами «бандеровцев», которые «хотят сделать самостоятельное украинское государство». По мнению Телешева, «бандеровцы» составляют 50% населения Западной Украины — днем они обычные граждане, а по ночам уничтожают не только советских солдат, но и жителей, «которые помогают РККА и работают в Советских органах». «Живут грязно и некультурно».

И напоследок попросил не осуждать...

30 декабря 1945 года Телешев был мобилизован, получил расчет и вместе с другом Авдотченковым отправился домой. 1 января приехали в Киев, продавали вещи, потому что «пить не начего». Побывали на родине Авдотченкова в Вязьме, в Москве, в Волоколамске, пропивая трофейные вещи. Мы не можем знать, в чем причина подобного образа жизни. Возможно, это была попытка заглушить страх перед будущим.

25 января 1946 года приехал в родной хутор Вертячий («дома жизнь скучная, никого нет как из девчат, так же из хлопцев»).

Как сложилась дальнейшая жизнь Николая Федоровича Телешева, нам неизвестно. Но благодаря ресурсам портала «Подвиг народа» мы выяснили, что Телешев Николай Федорович (место рождения: Волгоградская область, Калачевский район, хутор Вертячий; год рождения 1923) в 1985 году был награжден Орденом Отечественной войны II степени. В марте 1985 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденом Отечественной войны активных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» «за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Орденом Отечественной войны 2-й степени награждали «лиц, принимавших непосредственное участие в Великой Отечественной войне в составе действующей армии». Снова совпадения имени, места и года рождения позволяют утверждать, что награжден был именно автор дневника. Кроме того, орден Отечественной войны в 1985 году вручался как юбилейная награда, то есть живущим ветеранам Великой Отечественной войны, следовательно, Николай Федорович Телешев в 1985 году был еще жив.

* * *

Знакомство с дневником Николая Федоровича Телешева произвело на нас сильное впечатление. Перед нами не рафинированный и отлакированный советской пропагандой образ солдата-победителя, а живой юноша, многократно видевший смерть, со всеми его недостатками, не всегда красивыми и правильными поступками. Двадцатидвухлетний Телешев это понимает. Записи в дневнике заканчиваются просьбой: «кому придется прочитать все, что здесь записано, прошу меня и весь мой коллектив не осуждать».

Судьба ленинградки (о Галине Генриховой, обычной советской девушке)

Светлана Семунина

творческое объединение «Юный музеевед»

ДДЮТ «На Ленской», школа № 233, г. Санкт-Петербург
научный руководитель Анжелика Александровна Войт

Мы часто слышим слова из стихотворения Ольги Берггольц: «Никто не забыт — ничто не забыто». Но так ли это? Многие герои войны отмечены государственными наградами, их подвиги воспеты в песнях и стихах, истории напечатаны в книгах и газетах, но были и те, о чьих подвигах знают только самые близкие. К сожалению, есть много незаслуженно забытых имен, людей, событий. Я считаю, что наша задача не только сохранить эту память для будущих потомков, но и попытаться помочь в устранении «белых пятен» в истории кровопролитной войны.

В своей работе я расскажу о Галине Генриховой. Это обычная советская девушка, жительница Ленинграда. Именно эти слова пришли мне в голову, когда я первый раз увидела материалы о ней в школьном музее «История детского движения Красногвардейского района». Их было немного, среди них:

- написанная кем-то от руки очень короткая биография
- зачетная книжка
- удостоверение об окончании курсов медсестер 1941 г.
- «Красная тетрадь» (тетрадь со стихами)
- удостоверение редакции газеты «Смена» 1944 г. о том, что Галина является ее сотрудником
- газета «Ленинградский университет» от 11 мая 1945, где опубликованы стихотворения Галины о Победе.

Эти материалы касались только военного периода в жизни Галины, но они меня потрясли! Девушка, инвалид, сражающаяся на полях войны?! Никогда в жизни я не слышала подобной истории и решила окончательно начать собственные поиски, ведь очень сильно хотелось узнать о ней больше, найти ее родственников и выразить им свое восхищение, отдать дань памяти девушки!

Вот что мне удалось узнать.

ДЕТСТВО. СЕМЬЯ. ШКОЛА

Галина Ивановна Генрихова родилась 30 января 1922 года. Жила в Центральном районе на улице Моховой в доме 22.

Иван Федорович, отец Гали, был рабочим до революции, добровольцем Гражданской войны. С 1925 года работал на партийно-административной работе и в органах просвещения, был членом Ленинградского совета XIII созыва. В июле 1941 года ушел добровольцем в Народное ополчение (ЛАНО). После ранения стал инвалидом II группы. Мать была фельдшером.

У девушки с детства были проблемы со здоровьем. В два года она стала инвалидом II группы. У нее был искусственный пищевод. Несмотря на это, судя по всему, Галина была очень жизнерадостным человеком!

Нам, живущим сейчас, трудно представить, каким было детство Галины, детство 30-х годов. К сожалению, сама Галя на этот вопрос ответить не может. Возможно, оно было похоже на то, каким описал свое довоенное детство Даниил Гранин в книге «Ленинградский каталог»: «...больше всего времени мы проводили во дворе. Во дворе все друг друга знали, и с удовольствием обсуждали других жильцов. Во дворе водились разные компании, и они все объединялись против другого двора. Чужой двор был плохой, свой — хороший.

Девочки обычно играли в куклы. Правда, настоящие куклы были очень дорогими, поэтому они нянчили матерчатых матрешек, возились с бумажными куклами, которые сами рисовали и вырезали с ручками, ножками, вырезали для них платья. Самое интересное было создать для своей куклы гардероб платьев, раскрасить их цветными карандашами. Да еще и пальто, манто, шубы — все что угодно!»

В 1930 году Галина поступила в среднюю десятилетнюю школу № 7 Красногвардейского района. Школа, в которой училась Галина, не была обычной. Она была построена в 1869 году при доме призрения Андрея Ивановича Тименкова и Василия Александровича Фролова. Через полвека после постройки в здании была открыта 7-я женская гимназия, где и училась Галя.

В школе она начинает проявлять интерес к литературе, знакомится с творчеством Анны Ахматовой и других поэтов Серебряного века. Но ее первые стихи, опубликованные в газете «Ленин-

ские искры» 6 ноября 1936 года, в духе того времени называются «Вождю»:

Великий Сталин! Вождь всего народа!
Дорога широка перед тобой.
Восславил с Лениным свободу
И с ним ты шел в последний бой...

Галина принимала участие во встрече детей из Испании. Об этом она вместе с товарищами написала в газету «Ленинские искры» 15 ноября 1936 г.: «10 ноября, когда вы вступили на почву города Ленина, мы встречали Вас с радостью в сердцах. Когда Вы вышли из вокзала, в воздухе раздалось громкое “ура!” Это “ура” не так сильно звучало, как наши чувства. Нам, пионерам, хочется сказать сынам героической Испании что-то теплое, светлое, чего мы даже не можем выразить словами, но Вы нас поймете.

Скоро Вы опять поедете в Испанию, чтобы бороться с подлыми поработителями испанского народа. Когда Вы вступите на землю Испании, передайте трудящимся наш искренний пионерский привет!»

К сожалению, в подшивках за 1936–1940 годы не нашлось других стихотворений Галины. В 30-е годы газета «Ленинские искры» часто устраивала Городской конкурс по литературе. Галина принимает в таком конкурсе участие и оказывается в числе победителей. В этом конкурсе участвовало несколько тысяч человек, а премии присуждались лишь десятой части детей. Именно их зачислили в специальный Детский Литературный университет (позже Дом Детской литературы и Дом литературного воспитания).

Вот что писал о Доме литературного воспитания Самуил Маршак, один из его создателей: «К нам в Союз писателей были присланы многочисленные рукописи поэтов-школьников... Из круга юных авторов, представленных к премиям, я с моими товарищами по работе отобрал человек 50–60. Перед нами встал вопрос: как помочь дальнейшему развитию этих талантливых детей? ...Для ребят, получивших премии по литературе, была создана хорошая библиотека-читальня. При ней было организовано нечто вроде детского клуба, где читались и отдельные лекции по различным научным дисциплинам, и целые циклы лекций по литературе, истории и т. д. Задачей этих лекций было вызвать у ребят интерес к тем наукам, с начатками которых они знакомятся в школе».

Из воспоминаний Александры Исааковны Воеводской¹, бывшей воспитанницы университета, я многое узнала о Доме литературного воспитания. Для него были отведены четыре комнаты на верхнем этаже здания Института истории искусств на Исаакиевской площади (бывшей площади Воровского), 5. «Поднявшись по лестнице, вы попадали в две проходные комнаты, не имевшие окон. На полу — ковры; мягкая мебель, рояль, одним словом что-то вроде гостиных. Здесь мы находились во время перерывов, здесь же происходили музыкальные вечера, велись разговоры. Через проходные попадали в классные комнаты. Там не было ни парт, ни кафедры, стоял один большой стол, вокруг которого мы усаживались, а наш руководитель вставал у торца стола. Зеркальные окна смотрели на Иссакий, на угол крыши, где зеленоватый ангел, поддерживающий светильник, норовил улететь в голубое небо...»

Встречи в этом необычном университете проводились два раза в неделю. Для общих занятий дети были разбиты на две возрастные группы: в университете обучались школьники от 5-го до 10 классов, от 12 до 17–18 лет. Творческие занятия проводились обычно для всех вместе. Их вел сам Самуил Яковлевич Маршак. Авторы читали свои стихотворения, и все вместе их разбирали. Самуил Яковлевич выносил на суд и собственные стихотворения, хотя соглашался с критикой редко. Но больше всего удовольствия ребята получали от самого общения с Маршаком. Он, бывало, отвлекался и тогда устраивал для ребят целые лекции о литературе. «Кроме Самуила Яковлевича, в литературном университете преподавал Александр Слонимский. Немолодой человек с большим лягушачьим ртом, в коричневом костюме вставал во главе нашего стола и говорил, говорил о Пушкине, как о живом, как об очень близком человеке», — вспоминает Александра Исааковна.

По воскресеньям для воспитанников университета устраивались экскурсии в Эрмитаж, где они изучали отдел за отделом, начиная с искусства древнего Египта.

Для ребят проводились и лекции-концерты в Детском Литературном университете, и эпизодические лекции. Александре Исааковне особенно запомнились встречи с переводчиком М. Л. Лозинским.

¹ Воеводская А. И. Четыре года жизни, четыре года молодости. СПб.: Эклектика, 2005.

Летом ребята отправлялись в поездки по стране. Александра Исааковна ездила лишь в одну из поездок, летом 1936 года. Тогда они побывали в Запорожье, на Днепрогэсе, потом плыли вверх по Днепру в Киев.

Мне кажется, Галина тоже была в этой поездке, и как раз в это время, в 1936–1937 гг., написан ее «Марш советских туристов»:

Мы шагаем по торным дорогам,
Мы проходим по диким лесам
Проплывем по Днепровским порогам
И пройдем по кавказским горам.

Под Украинской черною ночью
Разобьем мы свои лагеря
Мы узнаем, как Днепр рокочет,
Как костры над водою горят...

Возможно, к одной из таких поездок относится и стихотворение «Из окна вагона»:

...Снова дуга, черноземные степи
Быстро летим мы вперед
Знаю, с тобою, Украина прекрасная,
Встретимся в будущий год.

В архиве нашего музея сохранилась фотография от 12 июля 1939 года, где изображена Галина в окружении пяти молодых людей. Может быть, эта фотография была сделана во время поездки по стране?

Из воспоминаний Александры Воеводской я узнала, что в Детском Литературном университете обучалась Наташа Мандельштам, «тургеневская или гончаровская девушка, но только с пионерским галстуком», как описывает ее Александра Исааковна. Ее воспитывала бабушка, потому что Наташина мама рано умерла, а отец был женат и жил где-то в Средней Азии. Скорее всего, Наташа и Галина общались, потому что много времени проводили вместе на занятиях в ДДЛ. «В основном собирались у Наташи Мандельштам, потому что у нее была отдельная комната. Очень маленькая такая, узкая, пеналом, кровать, стол, но набивались туда, как могли. И чем занимались? Читали стихи».

С. Я. Маршак говорил о своих воспитанниках: «Не знаю, многие ли из них всецело посвятят себя литературному искусству. Быть может, их пафос, наблюдательность, настоящее поэтическое вдохновение уйдут в другое русло». Действительно, из всех воспитанников ДДЛ немногие стали литераторами: Лев Друскин, Леонид Хаустов, Надежда Полякова, Георгий Капралов. Большинство избрало себе другие профессии, но тяга к литературе оставалась у многих.

Меня волновал вопрос: почему Галина пошла на юридический факультет, а не на филологический? Одно из объяснений можно найти в том, что Александра Воеводская тоже пошла на истфак, чтобы не идти на филфак: так настоятельно советовали в Доме детской литературы: «От литературы литературы не бывает. Если хотите писать, приобретайте другую профессию, она даст необходимый жизненный опыт». Вполне вероятно, что Галина, как и многие другие, послушалась такого же совета.

За три года до окончания школы Галю принимают в комсомол в Калининском райкоме ВЛКСМ г. Ленинграда. В архиве нашего музея сохранилась фотокопия комсомольского билета Галины. На другой стороне своего комсомольского билета Галя выписала слова Максима Горького: «Не жалей себя — это самая красивая, самая гордая мудрость на свете. Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя! Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные выберут первую, мужественные и щедрые — вторую». Я думаю, эти слова стали девизом девушки по жизни.

УНИВЕРСИТЕТ. ВОЙНА

В 1940 году Галина окончила школу и Детский Литературный университет. Она сдала все экзамены со средней оценкой 4,5 балла (довольно хороший результат) и поступила в 1-й Ленинградский Юридический университет. Он размещался на улице Смольного, дом 1/3. В июне 1941 году оба юридических института с сохранением всех прежних помещений были объединены в единый Ленинградский юридический институт (ЛЮИ) имени М. И. Калинина.

В июне 1941 года Галина окончила первый курс ЛЮИ. И тут началась Великая Отечественная война.

Галина Генрихова

Тишина

Страшный век, век насилья, разбоя.
Нет конца безрассудства людей.
Мир корежится, стонет и воет,
Смерть владеет планетою всей.
С чем справится кровавая бойня,
В ней все жертвы и все палачи
И придуманы страшные войны,
Чтобы смертью раны лечить.
Разрушая, громя и сжигая
Из окопов заразой плюя,
По полям смрадом трупным воняя,
Жизнь ползет костылями гремя...
Для чего пересказывать повесть
Всем прекрасно известна она,
Мир бросается в страшную пропасть
Только в ней тишина, тишина.

Галина бездействовать не могла. На третий день войны, 24 июня, она уехала с первой партией комсомольцев на оборонные работы. К сожалению, где она работала — неизвестно. Можно предположить, что на Лужском рубеже — приказ о начале его строительства вышел 23 июня 1941 года. Но это только предположение.

На строительстве в основном работали женщины, молодые студентки и студенты. В начале войны, в июне–июле, строительство велось за пределами Ленинграда, и люди на долгое время были оторваны от дома. С собой из вещей у них был лишь заплечный мешок, в котором лежали нехитрые пожитки: одеяло, ложка, смена белья. Лопаты и кирки (одна на всю группу) выдавались под расписку. Провизией снабжали ближайшие военные части, для которых они, собственно, и работали. Жили в окрестных колхозах, откуда давно эвакуировались местные жители. Студенток будили в 5 часов утра. Они успевали только позавтракать, взять лопаты, и уже надо было выходить. Приходилось работать по 12 часов в любые погодные условия. Перебрасывали в другое место их лишь тогда, когда фронт подходил слишком близко к окопам. Люди, рывшие

Приказ № 1

✓ Приказ
 Записать Генрихову Г.И.
 на I курс Юридического факуль-
 тета с 13 сентября 1944. Без
 экзаменов (с соблюдением
 сдачи 20 1/2 ч. работы по пе-
 тельской программе). И курсы
 тем. Генриховой
 21. IX. 44 Шливец

Приказ о зачислении Галины Генриховой в ЛГУ. 1944

В ЛГУ - 3
 Юрид. ф-т
 от проф. Генриховой Г.И.

Автобиография

Г. Генрихова Галина Ивановна родилась
 в 1927 г. в г. Ленинград.
 Отец работал до революции, добровольно
 пошел на фронт. С 1927, работала на
 партийно-административной работе и организовала
 комсомольскую ячейку. В начале 1941 г. уехала добровольно
 в Народные ополчение. Служила в 1-м полку
 НКВД - артиллерия.
 В 1930 г. поступила в педагогический институт
 в Ленинград, которую и окончила в 1940 г.
 Ленинград 2-й средней школы Красноармейской
 31 Кемальский ул.
 В 1937 г. поступила в институт ВЛКСМ
 одновременно с девушками в институт
 под названием Институт культуры
 МГУ-рн, проходила программу

Первый лист
 автобиографии
 Галины Генриховой
 в ЛГУ. 1944

Генрихову Г.И. II курса - 6
 как освободить от платы за обучение,
 как и раньше отп. войны.
 Попр. в деле Вологод. №1
 Исполн 579 от 5/II-46г

Приказ
 об освобождении
 Галины Генриховой
 от оплаты
 за обучение.
 1944

Справка - 8
 Генрихову Г.И.
 Галины, актиной фактом
 подтвержден. Восстановление
 участия в ардеи лечения
 и др. в больнице №1-д
 19/IV
 Счетчик

Справка о болезни
 Галины Генриховой.
 1946

просьба 7
 Приказ
 по юридическому фак-ту №17
 от 23/II-46г
 студентке 3го курса Генриховой
 Г.И. предоставить отпуск на
 два месяца с 18/IV по 18/VI
 для поездки в санаторий
 ввиду тяжелого состояния
 ее здоровья.
 Исполн
 В приказе
 24/IV-46г

Приказ
 о предоставлении
 Галине Генриховой
 отпуска.
 1946

Ходатайство 9

и Генрихова Би алименты
 иудейски кои и к индивидуално др. ит,
 и. Ваксин с 1938.

и Генрихова не може да се
 замени в брак, в силу с ружко
 оси ривиниса процесом болесту
 си адна и утврдува!

За време пребивања в Универ-
 зитете провела себј как епитанар
 ученица и активниот член нашога
 здружениа студенток в Цицелен-
 берген факултети.

и Генрихова - инаку Би епископ.
 кои: Ваксин / др. инаку Би епископ /
 иудейски материјално
 и професија, семеј и Генрихова в и
 миро иудейски в епископ
 Зборком факултети ходатай-
 ството о процесом срока
 дали иудейски

Председател процесом др. ге:
 В. Николаев.

Партиски и курис Ваксин,
 Староста и курис Ивкович

Ходатайство профкома
 о предоставлении
 Галине Генриховой
 отпуски. 1946

Заявление
 Галины Генриховой
 о предоставлении
 отпуски. 1946

В департамент Юридическ.
 от суд Зюрия Зюр
 Генриховой Г. И.
 (и др. др. др. др.)

Заявление.

Прошу предоставить мне отпуск
 для лечения и поездки в санаторию
 Б. К. со своим много больным сыном
 Прошу перевести семью мне на
 осень, а также оплатить на билеты.
 Прислать как свидетели: сираско

1) справка суд. деп. и др. об отпуске
 2) путевка в санаторий Видлица
 продолгов ИГУ за № 004293.

Кривос ✓ Кривос - 11
 по юридическому факультету
 Генрихову Г.И. и студенту Шкурин, ул. Фрунзе
 13 августа 1946, исключив их
 списков студентов
 ур. Кривос
 Л. Кривос
 15/VIII 46.
 Н.

Приказ об исключении Галины Генриховой из университета. 1946

"Принимать всех сторон содействовать!"
 ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМУНДИСТСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
 Фамилия Генрихова
 Имя и отчество Галина Ивановна
 Год рождения 30 января 1922 г.
 Время вступления в ВЛКСМ 1937
 Наименование организации выданный билет
Коллективный район ВЛКСМ
г. Ленинграда
Генрихова
 и.п.п.п.п.п.
 Старшоряд 4
 Районная 4/16/3
 "Сентябрь 1937"
 (Принят билетом 2.11.37)

Комсомольский билет Галины Генриховой. 1937

17. Выполнил учебный план

Курс Семестр	НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДМЕТА					Курс Семестр	НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДМЕТА				
	Число часов по плану	Выполнено часов	Отсутствия в часы	Доп. в др. занятия, часы	Отсутствия в отпуске		Число часов по плану	Выполнено часов	Отсутствия в часы	Доп. в др. занятия, часы	Отсутствия в отпуске
I	1. Алгебра 2. Геометрия 3. Физика 4. Химия 5. Биология					I	1. Алгебра 2. Геометрия 3. Физика 4. Химия 5. Биология				
	6. История 7. Литература 8. Музыка 9. Рисунок 10. Физкультура						6. История 7. Литература 8. Музыка 9. Рисунок 10. Физкультура				
II	1. Высшая математика 2. Физика 3. Химия 4. Биология 5. История					II	1. Высшая математика 2. Физика 3. Химия 4. Биология 5. История				
	6. Литература 7. Музыка 8. Рисунок 9. Физкультура						6. Литература 7. Музыка 8. Рисунок 9. Физкультура				
III	1. Высшая математика 2. Физика 3. Химия 4. Биология 5. История					III	1. Высшая математика 2. Физика 3. Химия 4. Биология 5. История				
	6. Литература 7. Музыка 8. Рисунок 9. Физкультура						6. Литература 7. Музыка 8. Рисунок 9. Физкультура				

Учебная карточка Галины Генриховой в университете. 1944

III курс

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ

Форма № 1

УЧЕБНАЯ КАРТОЧКА СТУДЕНТА

Личное дело
и зачетной книжки
№

Фамилия: Генриховна
Имя: Галина
Отчество: Ивановна
Дата рождения: 1922
Место рождения: Рязань
Вступила в 1934 г. 10 октября 1934 г.
Срок обучения: 5 лет
Специальность: Математика
Среднее образование: 10 классов
Средняя школа: № 2
Дата вступления в вуз: 15.10.38

10. Занятия в Училище: с 1/7-44
Принят в вуз: 360 от 207 1/4

11. Специальность

Курс сем.	Разм. стан.	Дата в вуз	Освоила, от платы за обуч. № курса
1. 3 с.	290	1942-43	4 5/9
2. 4 с.	290	1943-44	4 5/9
3. 5 с.	290	1944-45	4 5/9

а) Как отличилась _____
б) По курсу _____
в) В порядке перевода из _____ курса _____

11. Факультет: Юридический 12. Специальность: Юристы

14. Отчислена и восстановлена: _____
Причина отчисления: _____
Причина восстановления: _____

15. Включена: _____

16. Подписана: _____

Дата в вуз: 1938 Дата в отпуске: _____
№ сем.: 24 № сем.: _____

X/571

Учебная карточка Галины Генриховой в университете. 1944

Галина Генрихова. Поселок Каховка, 12 июля 1939

окоп, уходили по ночам пешком (о транспорте для них никто не заботился) и ждали дальнейшего приказа.

Через некоторое время Галина покидает оборонные работы (возможно, из-за здоровья) и уходит добровольно дружинницей на санитарные машины. Во время войны использовались, как правило, обычные грузовые машины. На дно кузова насыпали слой песка толщиной в несколько сантиметров, а сверху стелили солому или иной мягкий материал. А всего в машине можно было перевозить 4 лежачих и 2 сидячих больных, или 2 лежачих и 5 сидячих, или 10 сидячих.

Через 2 месяца после начала войны Галина возвращается в институт, но вскоре уходит на специальные комсомольские курсы медсестер. В архиве нашего музея сохранилось временное удостоверение Галины, выданное взамен военного билета, — по нему она получила квалификацию «медицинская сестра». Удостоверение было выдано 11 ноября 1941 года. В то время курсы были двух видов: 2-месячные и 6-месячные. Как раз после 6-месячных присваивалась квалификация «медицинская сестра».

По окончании медицинских курсов она была мобилизована и отправлена в распоряжение Ленинградского фронта. Галина была скромной девушкой и не стала подробно рассказывать в биографии, написанной при поступлении в ЛГУ, о своей службе во время войны, поэтому многие подробности ее жизни остаются неизвестными.

На печати удостоверения о прохождении по Ленинграду стоит подпись начальника эвакуогоспиталя — из нее понятно, что Галина служила в эвакуационном госпитале № 88, который начал работать 10 декабря 1941 года. В воспоминаниях Надежды Петровны Черкасовой-Чернявской говорится: «квадрат корпусов госпиталя выходил с одной стороны на набережную реки Мойки, с другой — на улицу им. М. И. Глинки, вблизи Академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова». Скорее всего, имеется в виду здание Военно-Транспортного университета железнодорожных войск.

В этом же эвакуогоспитале служила студентка Анна Дмитриевна Лисютина (кто знает, может, она знала Галину?!), в ее воспоминаниях говорится: «Красивое старинное здание госпиталя было обито внутри красным деревом. Все пожгли. Холодно было. И есть нечего. Это была первая, самая страшная зима. Все мы, медсестры, тогда заработали вторую группу дистрофии».

В госпиталь не поступала вода. Продовольствия катастрофически не хватало, и порции с каждым разом уменьшались. Из освещения — только один фонарь на все отделение (в перевязочной или в буфете), остальные помещения кое-где освещены коптилками. Все батареи были ледяными. Стекла в окнах заменены фанерой или картонкой. Ледяная корка покрывала пол и стены. Тепло бывало только днем около печки.

Нелегко приходилось медсестрам в то время. Их служба приравнивалась к военной. Девушки были обязаны носить военную форму и соблюдать строгую дисциплину. Нельзя было просто так уйти домой, нужно было получить командировку.

У медсестер было много обязанностей: разносить обеды; мерить температуру, делать уколы, подрезать бинты, ослаблять повязки; принимать срочные меры, если состояние больных ухудшалось; раздавать лекарства и т. д. Одной из главных обязанностей медсестер было ночное дежурство. Это само по себе тяжело, а после дежурств часто приходилось носить кирпичи, месить глину, помогать складывать печи, пилить дрова, стоять на крышах во время воздушных налетов. Несмотря на все эти обязанности, медсестры повышали свою квалификацию. Их учили промывать желудок, делать внутривенные вливания, ставить капельные клизмы, брать желудочный сок. Но кроме основных обязанностей у медицинских сестер были неформальные, негласные обязанности. Они разговаривали с больными, принимали их жалобы. Они выпускали стенные газеты, где были опубликованы письма больных, стихи. Они проводили политинформации, читали вслух газеты, делали политические доклады, принимали участие в выпуске газеты. Также в госпитале часто устраивались концерты, где больные, санитары, медсестры показывали различные номера.

Жили по отделениям. Каждое отделение занимало одну–две комнаты. Все свободное время девушки проводили в общежитиях. Там было очень холодно и приходилось спать одетыми, укрывшись одеялами и теплыми вещами подруг, дежуривших в это время.

Военная дисциплина предусматривала строгие наказания. За провинности, опоздания, ошибки медсестрам назначались наряды, в исполнение которых приходилось чистить уборные, убирать morg, работать в кочегарке и выполнять другую тяжелую и неприятную работу. Бывало, что провинившиеся спали под замком и за решеткой. В 6 часов утра их будил начальник и отправлял на работу.

В архиве нашего музея сохранился отзыв о работе Галины (скорее всего, начальника госпиталя): «Товарищ Генрихова Галина Ивановна, работая младшей медсестрой III-его отделения, показала себя, как лучшая медсестра, проявляющая заботу к больным и раненым бойцам и командирам Красной Армии. Товарищ Генрихова Г. И. сумела мобилизовать всю молодежь на выполнение задач, поставленных командованием и партийной организацией».

Обычно после активных операций с фронта поступало много раненых. В такие дни госпиталь был заполнен до отказа. Часто не хватало мест на отделениях, разворачивалось специальное — сортировочное отделение. Состав раненых менялся ежедневно. Как только освобождались места, сразу привозили новых. Иногда сестра не успевала даже перестилать постель. В такие дни не хватало белья, подушек, костылей, чая, газет, книг, порошков от кашля и так далее. Как только заканчивались периоды массовых поступлений, жизнь госпиталя становилась прежней.

Иногда происходило обратное. Больных в госпитале оставалось так мало, что некоторые отделения вообще закрывались. Но тогда для сестер находилась новая работа: генеральная уборка отделений, ремонт, заготовка дров. Часто освободившихся медсестер посылали на огород или в лесное хозяйство. С ними проводили военные, политические и медицинские занятия, тренировки по стрельбе, по ходьбе в противогазах, физкультурные состязания.

Война продолжалась, и госпиталь не раз бомбили. По сигналу «воздушная тревога» все поднимались на ноги. Медсестры вскакивали с постели и бежали в отделения. Там уже все находилось на своих местах. Одни шли дежурить на чердаки и лестницы, другие собирали и относили истории болезни, а остальные поднимали больных и сопровождали их в бомбоубежище. Последнее было самым трудным, потому что больные не хотели подниматься, приходилось быть непреклонными и стаскивать с них одеяло. Иногда приходилось по несколько раз за ночь подниматься после бессонной ночи и идти на работу.

3 февраля 1942 года Галина получила благодарность от лица службы Рабоче-крестьянской Красной Армии. Позже была награждена за свою самоотверженную работу в госпитале медалью «За оборону Ленинграда», учрежденную 22 декабря 1942 года. Этой награды были удостоены защитники блокадного Ленинграда, в том числе и лица гражданского населения, которые участвовали в уходе за больными и ранеными.

В марте 1942 года во всех госпиталях (и эвакуогоспиталь № 88 не исключение) начались восстановительные работы. И почти все легло на плечи медсестер. Они скалывали топорами лед на полу, лопатами выгребали нечистоты, корзинами выносили мусор, швабрами обметали копоть с потолка; щетками скребли стены, смывая зимнюю блокадную грязь, белили стены и потолки, остекляли забитые фанерой окна, смывали грязь с пола, вытирали пыль. Медсестры понимали, что наведенный порядок стоил больших усилий и старались его поддерживать. Правда, убирать приходилось не только госпиталь, но и двор, и прилегающую улицу. Поэтому свободного времени у девушек почти не оставалось.

Я уже упоминала про здоровье Галины. Изучив внимательно некоторые источники, я пришла к выводу, что ее работа была действительно подвигом. С ее группой инвалидности связано много серьезных болезней. Например, сужение пищевода, бронхолегочные осложнения и другие. Общие симптомы у этих болезней одинаковые: утомляемость, слабость, похудание. Лечение зависит от болезни и от больного, но общие не осложненные расстройства могут быть успешно устранены следующими мероприятиями: режимом питания, щадящей диетой и т. д. Не думаю, что Галина делала что-то для себя, да это было и невозможно в тяжелых условиях войны, где медицинские работники постоянно заняты уходом за ранеными; где ешь то, что есть, а не то, что хочешь; где надо думать о других, а не о себе. Нежелание щадить себя стало роковым и для Галины.

Работа в палате была не единственной обязанностью медсестер. Каждый период работы госпиталя проходил под определенным лозунгом: «на снег», «на уборку», «на щавель», «на погрузку», «на дрова». Последний лозунг означал либо разгрузку дров в госпитале, либо их заготовку в лесу. Галина вместе с другими медсестрами принимала участие в заготовке дров на Синявинских болотах. Жили девушки в небольшом отдалении от лесозаготовки. Обычно на месте поселения стояло несколько палаток и несколько избышек: кухня, штаб, общежитие сестер дровосеков. В избышке было довольно неприглядно и тесно. По обеим сторонам тянулись сплошные нары, на которых и спали медсестры. Вещи висели на толстых палках над нарами. Обедали тоже сидя на нарах, потому что в избе больше не было места. Условия напоминали условия на оборонных работах. Что ж, в военное время некогда было думать о комфорте. В 6 часов утра девушек будили. Они завтракали и вы-

ходили на работу. Одеты были в гимнастерки и брюки, на голове платок, на ногах боты в обмотках. В первые дни их распределяли по бригадам: пыльщики, трелевщики, дорожная бригада; бригада, работавшая «на сучках». Работали с семи часов утра до двух с маленькими перерывами. Девушки старались выполнить норму до обеда, чтобы осталось время заняться собой. Особенно тяжело было работать под дождем. Негде было сушить промокшую одежду, негде было самим обсушиться. Они сами разводили костры и сушились вокруг них, хотя это было очень неудобно. Связь с городом осуществлялась лишь раз в пять дней, когда приезжала машина с продуктами из города.

Неудивительно, что на лесозаготовках Галина простудилась, начался воспалительный процесс в легких. Во время этой болезни температура поднимается до 39–40 градусов, начинается сильный кашель, бывают боли в груди, одышка, слабость. Болезнь быстро прогрессирует и без лечения может привести к летальному исходу.

В мае 1942 года Галине было предложено выехать в тыл, в Самарканд. Скорее всего, что эвакуировалась она вместе со своей семьей.

В столице Узбекистана Галина тоже не собиралась бездействовать. Она устроилась на работу в госпиталь, также стала инструктором горкома и организатором агитбригады. В отзыве по работе о ней говорится: «Товарищ Генрихова является инициативным работником, хорошо справляющимся с ответственными поручениями».

Галина Генрихова

За тобой

...И какие ни встанут преграды,
Даже самая страшная — смерть,
Я скажу тебе только лишь правду,
Что согласна с тобой умереть...

Снова фронт и военные будни
Захлестнут пусть тебя и меня,
Как бы ни было горько и трудно,
Я нигде не покину тебя...

В Самарканде Галина начала заниматься в Медицинском институте. Ее обучение в этом вузе длилось всего полгода, а потом у нее появилась возможность вернуться в родной город.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ГАЛИНЫ

Галина со школы писала стихи. Немалую роль в этом сыграл и Детский литературный университет. Тетрадь стихотворений, которая хранится в нашем музее, потерянная (видимо, Галя с ней никогда не расставалась), бордового цвета. На первой странице написано: «Галина Генрихова. Красная тетрадь». В ней несколько разделов:

I. «Начинаю... (1936–1940)»

II. «Война (1941–1943)»

III. «Страница из лирического дневника (1938–1943)»

IV. «Заключительное (1936 по 1946). Критикам»

Галя собиралась написать еще один раздел — о блокаде Ленинграда. Она назвала его «Ленинград (1941–1942). Очерки. Война объявлена...». Но в нем ни единой строчки...

В тетради стихи на совершенно разные темы — о политике, о любви, о дружбе, о войне. Она писала о том, что ее волновало в данный момент. Девушка выросла, и менялись ее интересы.

Мне кажется, что Галина очень любила творчество Анны Ахматовой и считала ее своим литературным идеалом.

Я предполагаю, что Галина, выступая перед бойцами в Самарканде, читала и свои стихи тоже. Почти под каждым стихотворением стоит печать со словом «разрешено», подписью и датой. Очевидно, ее тетрадь проверял военный цензор. Не все стихотворения ему понравились: в стихотворении «Капитан» ножницами вырезана целая часть. Может, и раздел, посвященный блокаде, остался не написанным из-за цензуры или самоцензуры?

После войны Галина не забывала родную школу. Последнее стихотворение в «Красной тетради» посвящено именно ей и датировано 19 апреля 1946 года:

Мы снова вместе в школьном зале,
А за спиною трудный путь.
Мы все не только возмужали,
Но и старились чуть-чуть.
И между нами нет здесь многих,
И не придут они сюда...

Стихи Галины мне понравились. Они наполнены любовью, встречами, разочарованиями, отчаянием, что неудивительно. Галина уже была взрослой девушкой и, конечно же, мечтала о настоящей любви.

1944–1946 ГОДЫ

В январе 1944 года девушка вернулась в Ленинград. Первые полгода после возвращения она продолжила обучение в Медицинском институте, но потом решила вернуться к специальности юриста.

Осенью 1944 Галина поступает в ЛГУ и с 13 сентября 1944 года начинает обучаться на II курсе (I она закончилась в 1941).

В ее университетском деле лежат два приказа:

- 1) об освобождении Генриховой Галины, студентки II курса, от военной подготовки (от 26 апреля 1945 года),
- 2) об освобождении Генриховой Галины Ивановны от оплаты за обучение, как инвалида Отечественной войны (от 5 декабря 1944 года). Война оставила тяжелый след на здоровье Галины.

В это же время ее направляют на работу в газету «Смена». В архиве нашего музея, к сожалению, сохранилась только одна газета от 6 февраля 1944 года. В ней красным карандашом подчеркнуты две статьи и Галиной рукой написано (скорее всего, маме): «Моя дорогая, прочитав две эти статейки, ты поймешь, что мне доверяют в родном Ленинграде. Это мое начало работы, ты увидишь много интересного материала. А, пожалуй, такой дочкой можно гордиться. Галя» (видимо, ее родители остались в эвакуации).

Первая заметка, написанная Галиной, носит название «Отдадим все силы фронту», где она описывает работу цехов ленинградских заводов, молодежь которых перевыполнила план работы на 200–250%. Вторая заметка посвящена отчетно-выборному комсомольскому собранию, где был выбран новый состав комитета комсомола Н-ского завода. Я искала другие заметки Гали, напечатанные в этой газете, но не нашла ни одной, подписанной Галиным именем. Возможно, какие-то ее тексты остались неподписанными.

Однако в газете часто встречается имя Льва Друскина. По воспоминаниям А. И. Воеводской можно судить о том, что воспитанники Детского Литературного университета общались и после

его окончания. Может быть, Лев Савельевич и устроил Галину на работу?

В университете работал свой литературный кружок. Труды кружковцев печатали в газете «Ленинградский университет», и в 1945 году здесь начали появляться стихи Галины Генриховой. Всего в библиотеке СПбГУ мы нашли 5 выпусков этой газеты с ее стихотворениями. Примечательно, что этих текстов нет в Галиной «Красной тетради», а значит, они писались специально для газеты.

В 1945–1946 годах здоровье Галины ухудшается. Зимой, во время сессии, она сдает лишь 3 экзамена. В марте — еще один, пропущенный зимой, но болезнь не отпускает ее и она снова перестает посещать занятия.

Все же в апреле она находит в себе силы и приходит на встречу выпускников в родную школу, где читает свои стихи.

26 апреля выходит приказ о предоставлении Галине отпуска с 18 мая по 18 июля 1946 года для лечения в санатории. Галина в своем заявлении просит перенести ее сессию на осень и оставить на стипендии. Она надеется, что все сдаст. К сожалению, ее планам не суждено было сбыться.

В медицинской справке написано, что она была больна активной формой туберкулеза. Для активной формы характерны высокая температура, недомогание, быстрая утомляемость, слабость, сухой мучительный кашель, одышка при умеренной физической нагрузке, похудание.

13 августа 1946 года Галина умерла. Девушка была похоронена на Большеохтинском кладбище, на Единоверческой дорожке.

К сожалению, мне так и не удалось найти родственников Галины. Я обзвонила всех Генриховых в Петербурге, но безрезультатно. Жаль, потому что очень хотелось сказать ее родственникам спасибо за то, что такой человек когда-то родился в их семье!

Мне трудно судить: сделала я все, что могла или нет? Возможно, где-то есть еще материалы. Суждено ли мне их найти? Неизвестно. За время поисков я поняла, что иногда все зависит от случая, поэтому не хочу думать, что моя работа закончена. Я надеюсь, что однажды мне встретятся новые данные, которые позволят вернуться к этой работе.

История одного детства (жизнь в оккупации и послевоенном детском доме по воспоминаниям Жанны Петровны Дубовик)

Анжелика Маторина

школа № 1, г. Кимовск, Тульская область

научный руководитель Светлана Алексеевна Титаренко

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Жанна Петровна Дубовик (Гаврилкина) родилась в 1936 году в городе Ворошиловграде, сейчас он носит название Луганск. В семье кроме нее, было еще трое детей — Раиса, 1921 года рождения, Николай, 1924 года рождения, и Виктор, 1926 года рождения. Отец — Петр Павлович работал кузнецом на заводе по ремонту локомотивов, а мама — Прасковья Васильевна воспитывала четверых детей, но без работы не сидела — шила на заказ. «С детства у меня в памяти осталась высокая этажерка, вся забитая лоскутами». Своего дома не было, и семья снимала квартиру — самая первая в полуподвале, окна были почти вровень с землей. Комнаты были очень маленькие и низкие.

Отец Жанны Петровны был членом партии. Из воспоминаний довоенного детства сохранились в памяти корзины с виноградом и яблоками, которые ему, как ударнику труда, привозили от завода. Накануне войны семья начала строительство своего дома, но въехать в него помешала война.

Жанне Петровне было пять лет, когда началась война. Петра Павловича оставили в городе для организации партизанской работы, мобилизовали его уже зимой 1942 года.

«Первой забрали на фронт нашу собаку — немецкую овчарку Ольфу. Первый раз она сбежала, вернувшись домой с перекусанной веревкой, а когда за ней приехали второй раз, я впервые увидела собачьи слезы — они, огромные, катились по несчастной морде... Рыдала вся семья, а особенно брат Виктор. Собак крупных пород обучали подрывать немецкую технику ценой собственной жизни, и наша Ольфа будто предчувствовала свою смерть.

Когда началась война, из города эвакуировалось большое количество жителей, и мы переехали на новую квартиру — в Слепой переулок. Он полностью оправдывал свое название — последний

дом выходил на пустырь, за которым начинались стены завода по ремонту локомотивов и железнодорожная станция. Вот их-то немцы и бомбили. Не описать словами страх от взрывов и красно-черного зарева пожаров, который я пережила. В июле 1942 года наши войска оставили город, 17 июля немцы вошли без боя. Было тихо и страшно от неизвестности: что же будет дальше? На другой день город стал заполняться машинами, пушками, полевыми кухнями. Немецкие солдаты ходили по домам и требовали: “Яйко-курка!” Приходили они и к нам. Мама обычно давала пару яиц и немец уходил. Куры у нас были, остались от прежних хозяев. Особенно запомнилась мне одна — как только немцы подходили к дому, она бежала в густой палисадник и там пряталась, не издавая ни звука.

Первое время жители близлежащих улиц, особенно взрослые, опасались выходить на улицу. Вид немцев, особенно жандармов с большими бляхами на груди, вызывал чувство страха. Иногда немцы заходили в дом и проверяли, нет ли взрослых мужчин. Но выходить из дома надо было, хотя бы для того, чтобы приносить воду. За водой ходила и я, с очень маленьким бидончиком, носить его было довольно далеко, примерно с километр».

В городе появились биржи труда для регистрации трудоспособного населения. Людей стали отправлять в Германию на каторжные работы. Всего из Ворошиловградской области было угнано 59 031 человек. Угнали на работу в Германию и старшего брата Жанны Петровны Николая, которому только исполнилось 16 лет. Брат вернулся, пройдя после войны фильтрационные лагеря.

О жизни в Германии он рассказывал скупо. «Как только мы приехали в Германию, нам навесили особое клеймо — знак. Этот знак нам пришили к одежде, и без этого знака мы не могли выйти из барака. Первое время, когда нас еще пускали в город, мы не имели права садиться в трамвай — с позором выгоняли, запрещено было заходить в магазины, кино, театр... Остарбайтеров использовали как рабочую силу — каждый день из лагеря их гоняли на военный завод делать снаряды. Иногда удавалось наполнить их опилками — ведь понимали, что взрываться они будут на России, унос родные жизни».

Сестра Рая тоже подлежала отправке в Германию, и ее прятали все месяцы оккупации: мазали сажей одежду, лицо, чтоб казалась старше. Однажды на рынке она все же попала в облаву. Схваченных луганчан согнали во двор биржи. Раисе повезло — в комендатуре работал отец друга ее брата Виктора, и мужчина выпустил девушку.

«Очень сильно бомбили город, когда немцы уже ушли, — продолжает рассказ Жанна Петровна. — Хорошо помню тот день, когда бомба разорвалась в палисаднике. Мы во время налетов прятались в погребе, а двух маленьких козочек, Зойку и Нюрку, заперли в печке заслонкой. Взрыв был такой силы, что не только все стекла выбило, но и взрывной волной сорвало заслонку в печке: после бомбежки мы вышли, а козочки по двору бегают.

Самой большой проблемой для мамы было прокормить нас, и здесь ее выручило умение прекрасно шить. Мама была не просто портнихой, а модисткой, то есть не только перешивала одежду, но и раскраивала ткани и придумывала фасоны. Она уходила в ближайшие деревни на заработки. Однажды взяла брата Виктора, и надолго застряла в деревне, которая как раз оказалась на линии огня. Днем в деревню заходили немцы, а к ночи они уходили, поскольку боялись партизан, но деревню обстреливали из орудий. Мама с Виктором прятались вместе с хозяевами под кроватью. Виктор рассказывал историю, как за ним гонялся немец на танке по полю: когда мальчик, совсем обессилив, упал, фашист вылез из люка и громко смеялся».

Город освободили 14 февраля 1943 года, и семье пришлось искать новое место жительства, так как вернулись хозяева. Дубовики переехали к бабушке в станицу Кондрашевскую, но вскоре вновь вернулись в Ворошиловград. «Мама почувствовала себя плохо, стала жаловаться на боли в желудке. Чтобы наблюдаться у врачей, переехали в город. На новой квартире кроме нас жил расквартированный офицер. Я хорошо помню, как он делился пайком с нами, семьей фронтовика. Почти сразу после освобождения города мне надо было идти в школу, но меня не приняли по причине очень маленького роста и худобы. Даже через год, в восемь лет поступив в первый класс, я сидела за партой, подложив пальто.

Отец вернулся с фронта после ранения — рука не разгибалась, поэтому работать по специальности уже не мог. Устроился извозчиком в ЖКХ, мама стала работать на телеграфе, сестра Рая в ВОХРе, охраняя склады на железной дороге. Жить было ничуть не легче, чем во время войны. Наступил голодный 1946 год. Все заняты были одним — поиском еды. Дети вылавливали перловицы (ракушки), мама их ошпаривала, выдавливала моллюсков и жарила их на рыбьем жиру. Еще собирали дикие маслины (лох серебристый) — маленькие, как семечки. Очень выручала кукуруза — сухие зерна перемалывали на ручных мельницах-крупоружках. В кукурузную

крупу добавляли перетертые маслины, варили кашу. А между тем здоровье родителей ухудшалось. Маме диагностировали рак желудка, нужно было особое питание, но где его было взять? Папа умер 27 июня 1946 года, а мама через год — 27 июля 1947 года.

Так у меня началась новая жизнь — в Ворошиловградском детском доме № 3. Виктор в это время, закончив 7 классов, поступил в художественное училище, после окончания которого, его, направили в Харьковский государственный художественный институт».

Впоследствии Виктор Дубовик стал скульптором, членом Союза художников.

В ЛУГАНСКОМ ДЕТСКОМ ДОМЕ

В первые месяцы после освобождения Ворошиловградской области от оккупации потребность в детских домах была велика. «В 1945 г. была осуществлена реэвакуация на Украину 51 детского дома (5108 детей) из восточных областей и республик Советского Союза. Из них 6 детдомов (744 воспитанника) были возвращены в Ворошиловградскую и Сталинскую области. По окончании войны, к концу 1945 года, в Ворошиловградской области в 27 детдомах воспитывалось 2714 человек. В 1950 г. в СССР насчитывалось 6543 детских дома и в них 637 тыс. детей»¹.

Родственники отговорили Раису, которой к тому времени исполнилось уже 26 лет, брать младшую сестру на воспитание — время было голодное: лишний рот не прокормишь, к тому же в детском доме можно было продолжить учебу.

«Попад после любящей семьи в детский дом, я почувствовала одиночество и страх. Меня бросили! Решение созрело быстро — после зимних каникул я решила сбежать. Но не к брату в Днепрпетровск и не к сестре (будет ругаться!), а в Москву! Хотя никаких родственников в столице у нас не было. В общем вагоне удалось доехать до станции Валуйки Белгородской области, где проводница сняла меня с поезда и привела в милицию. Оттуда направили в детприемник, где я заболела и два месяца пролежала в изоляторе с тифом. Меня спросили, хочу ли я вернуться в Ворошиловград или остаться в детском доме в Белгороде. Детский дом № 3 после мытарств вспоминался уже как родной. Директор Антонина Алек-

¹ Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 98.

Жанна Дубовик
в юности

Занятия танцами
в ДК г. Кимовска.
1957

милая Жанночка! Поздравляю
тебя с новым 1952 годом и
желаю много успехов в но-
вом году. Милая Жанночка,
желаю тебе ты проведи
новый год весело и интересно
жана, ваташа в Драгов похи
с мамой Л. еной, новгородскими
а пошла пойдешь в Василь Л.
и поздравь с новым 1952 годом
(гид М/0/03).

Новогодняя открытка Жанне Дубовик. 1952

сеевна Ананьева обняла меня крепко-крепко, я тоже прижалась к ней как к родному человеку. Но пропущенные месяцы учебы дали о себе знать — меня оставили на второй год».

Мы поинтересовались у Жанны Петровны, какой была жизнь в детском доме в конце 40-х — начале 50-х.

«Наш детский дом № 3 был не очень большим — 75 мест, одни девочки школьного возраста — от 7 до 14 лет. Три блока построек — рабочий корпус, где были рабочие комнаты, каптерка и изолятор. Комнаты были большие, в них самоподготовкой занимались по две группы. Самая большая комната после занятий превращалась в столовую. Во втором корпусе были спальни, клуб и кабинет директора. Директора детского дома Антонину Алексеевну все боялись и любили одновременно.

Мы с девочками никогда не ругались, дружили. Правда, была одна, мы ее Тряпой звали — так вот та воровкой оказалась. Из-за нее сняли директора детского дома. Антонина Алексеевна ездила в Москву и выбила нам зимнюю одежду — шубки. Тряпа украла несколько и продала. Антонина Алексеевна ее за это побила. Тряпа затаила злобу, и при удобном случае, уже учась в училище, рассказала об этом. Директора сняли с работы, и она вынуждена была уехать из города. Поезд отправлялся в 4 часа утра. И мы, взрослые девочки, оборвав в розарии все цветы, пришли ее провожать на вокзал».

Срыв Антонины Алексеевны понятен — детские дома региона столкнулись с большими проблемами в вопросах материального обеспечения — облторготделы не смогли поставлять им продукты и промтовары своевременно и в нужном объеме. В немалой степени этому способствовало неожиданно быстрое увеличение числа воспитанников сиротских учреждений в связи с начавшимся в 1946 году голодом.

«Директора детских домов писали жалобы на качество выдаваемой сиротам одежды и обуви. Они отмечали, что детдомам выдают все самое худшее, что не идет в широкую сеть. Получили одежду — нужны дополнительные средства на переделку буквально всего. Некоторые директора выступили с инициативой: просим выдавать нам мануфактуру, чтобы мы сами шили по своему вкусу, как хотят дети. Шить обмундирование мы можем своими силами, силами тех же детей»².

² Соловей М. А. Борьба с детской беспризорностью в советском государстве в 1920–50-е годы. Способ доступа: masolovey.narod.ru.

«Жили очень бедно, — продолжает Жанна Петровна. — У меня сначала было только одно платьице, чуть позже доросла и до костюма. Но даже они не были целиком собственными. Если девочка вырастала, то вещь передавали или перешивали на маленьких. Шить умели все — в детском доме было полное самообслуживание, — только что не готовили, но убирались и мыли посуду сами воспитанники. В детский дом отправляли любые вещи, так к нам попала партия американских синих габардиновых костюмов для взрослых. Так вот из них малышам, и мне тоже, пошили платья. До сих пор помню туфли, разного цвета — один черный, другой коричневый, которые мне выдали».

Засуха и неурожай 1946–1947 гг. стали причиной перебоев в снабжении детдомов продуктами питания.

«В 1947 году было очень голодно. Почти на весь день мы уходили с воспитателем за город — там, на колхозном поле, росла кукуруза. Пока не было объездчика, мы впивались зубами в молодые початки. Однажды объездчик заметил нас, но куда-то сообщать не стал, воспитательница объяснила, что мы детдомовские, дети фронтовиков. Но больше на поле мы не ходили. На лугу ели любую съедобную траву».

Чтобы хоть как-то решить проблему питания сирот, детским домам выделили на окраине города землю под подсобное хозяйство. Выращивали бахчевые, просо для пшена, подсолнечник на масло. Работы хватало всем — маленькие гоняли воробьев с подсолнечника и проса, 12–14 летние выполняли все полевые работы. Когда осенью на подводе везли урожай, маленькие с гордостью сидели на тыквах и арбузах. За хорошую работу в поле воспитанников награждали. Самым ярким событием стала поездка в Москву в 1955 году. Девочки побывали в Кремле.

Детский дом № 3 славился своим драматическим кружком, на новогодние представления приходили ребята из соседних детских домов. «Кот, лиса и петух», «У Лукоморья», «Стенька Разин» — все музыкальные сказки были с танцевальными номерами, которые ставил балетмейстер Василий Дмитриевич Стельников, артист Ворошиловградского театра оперы и балета. Он и привил любовь к этому виду искусства Жанне Петровне. Однажды он пригласил девочек в театр на балет «Эсмеральда», но никто не узнал его в роли уродливого горбатого Квазимодо.

Несмотря на бытовые тяготы, вспоминает Жанна Петровна о жизни в послевоенном детском доме только самое лучшее — учителей, воспитателей, которые научили ее, как она говорит, «всему».

«Надежда Николаевна... ей было уже около 60-ти. Дети звали ее “Курочка” за мелкий ровный шаг. Всегда одета в темную юбку и белую кофту, туфельки на небольшом каблучке. Она знала, казалось, обо всем на свете. Куда бы дети ни шли гулять, она рассказывала и читала стихи о птицах, цветах, деревьях. Надежда Николаевна была выпускницей Смольного института»

Все воспитатели учили детей тому, что может пригодиться в жизни женщин, — рукоделию. До настоящего времени Жанна Петровна с благодарностью вспоминает эти занятия — она прекрасно вяжет и вышивает.

Игрушек у детей не было, кукол шили сами из тряпок, а еще шили карнавальные костюмы. Антонина Алексеевна Ананьева создала в детском доме приветливую атмосферу, устраивала праздники для детей. До сегодняшнего времени любимый праздник у Жанны Петровны — Новый год. Еще с октября девочки готовили друг другу поздравления и задания, которые надо было выполнить в новогоднюю ночь. Одно из таких поздравлений сохранилось, и Жанна Петровна, уже работая в школе, всегда показывала его ребятам.

Софья Израилевна Шварцман преподавала математику. Экзамены в те годы сдавали по всем предметам, начиная с 4-го класса. «На экзамене по геометрии мне попала задача на построение. Когда я рассказывала, один из членов комиссии сказал: “Ей бы быть учителем”. Софья Израилевна сказала, что у меня есть такой талант — рассказывать доступно». Но поступить в педагогический вуз после детского дома было просто невозможно.

ВОТ И СТАЛА ВЗРОСЛОЙ

«Для того чтобы разгрузить сиротские учреждения, их директорам было указано на необходимость своевременно освобождать детские дома от переростков, то есть воспитанников, достигших 14-летнего возраста. Таких детей, в зависимости от уровня образования и успеваемости, следовало направлять на учебу в техникумы, ремесленные училища, школы фабрично-заводского обучения, или же трудоустраивать на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах.

Таким образом, детдома ежегодно направляли своих выпускников на работу и учебу. В документах ЦК КП(б)У набор молодежи в эти учебные заведения именовался “призывом” или “мобилизацией”, и справки о его ходе в ЦК присылали все облисполкомы ре-

спублики. Поэтому детдома вели учет всех воспитанников, подлежащих выпуску в текущем году, и отчитывались перед министерством об этом»³.

Мы спросили у Жанны Петровны, как происходило ее трудоустройство.

«Со мной было точно так же, как со всеми другими. Подошел наш, 1936 год. Рядом с детским домом было слесарное училище, куда как раз в августе 1952 набирали учеников. Пришли мы туда с воспитательницей Людмилой Ивановной Кудрич. Набралось нас шесть человек. Мы сидим, ждем, пока оформят документы. И тут пришла женщина — несчастная, бедная, очень просила уступить место для сына, ей не на что было его кормить, а в ремесленном училище выдавали одежду и питание. Людмила Ивановна согласилась, и мы пошли в другое училище — токарное, но туда меня не взяли: воспитательница сказала, что у меня зрение слабое. Так мы вернулись в детский дом, и я проучилась еще один год».

Постановлением Совета Министров и ЦК КП(б)У №573 от 5.04.1947 года было оговорено, что в детских домах могут быть оставлены только ученики-переростки, обучающиеся на «отлично» или по состоянию здоровья не подлежащие трудоустройству. Жанна Петровна была хорошей ученицей, почти отличницей.

«Через год моя группа — шесть человек — закончила 7 класс, и у нас был выбор — в какой техникум поступать. Нам очень понравилось здание горного техникума — фасад с колоннами, на лестницах ковровые дорожки, а главное, все студенты ходили в красивой форме. Это было очень важно при нашей бедности, и отсутствии заработка. К тому же, работа горного мастера была хорошо оплачиваемой. Так мы все шестеро стали студентками горно-обогатительного факультета».

Сегодня выпускники детских домов могут рассчитывать на помощь со стороны государства, им даже жилплощадь положена. А как обстояло дело в начале 50-х годов? Мы прочитали, что в «установленный перечень входили: пальто, головной убор, шарф, варежки, одна пара кожаной обуви, галоши, два костюма для мальчиков (хлопчатобумажный и шерстяной) и два платья для девочек, три комплекта нательного белья, пара чулок или носков, носовой платок, простыня, две наволочки, два полотенца, одеяло

³ Соловей М. А. Цит. соч.

байковое и чемодан. Если подростка определяли на работу зимой, то к его обмундированию добавляли еще валенки»⁴.

«Это только должны были, — ответила нам Жанна Петровна. — Когда я уходила, мне дали костюм, пальто зимнее, платье домашнее из шотландки, в клеточку, пару ботинок.

Но, поступив в Горный техникум, через год мы узнали, что факультет объединяют со Сталинским (Донецким) горно-обогатительным техникумом, и нам придется с сентября учиться в другом городе. Что нам было делать летом? Где жить? Мы снова пошли в детский дом, который был для нас родным. Лето провели в деревне вместе с воспитанниками. Когда приезжала комиссия, мы уходили из лагеря, чтобы не подвести воспитателей. Осенью переехали в Донецк. Жить было очень тяжело, денег не хватало. Осенью было легче: бывало, купим булку хлеба и арбуз килограммов на пять — наедемся. А вот зимой — хлеб с водой и солью... На четвертом курсе я потеряла сознание от голода, когда поднималась в общежитие на 4-й этаж. В учебной части решили, что мы неправильно стипендию расходует, и решили ее на руки больше не выдавать. Ввели талончики на еду, но чтобы получить немного денег на руки, мы хитрили. Утром в столовой брали только кашу, а котлету деньгами просили отдать. Но к окончанию учебы руководство техникума купило нам, детдомовским, туфли и отрезы на выпускное платье...

Распределили меня после окончания в Подмосковный угольный бассейн, Кимовский район, 6-ю Гранковскую шахту. Приехала я в город с одним чемоданом. Начала свою трудовую биографию породовыборщицей, затем — браковщицей, и только потом меня назначили мастером ОТК на шахте, где я проработала 8 лет. Как молодым специалистам нам с подругой дали комнату в квартире на улице Октябрьской, напротив Дома культуры горняков. Он сыграл важную роль в моей жизни».

ПРОФЕССИЯ — МАСТЕР, УВЛЕЧЕНИЕ — ТВОРЧЕСТВО

Подмосковный угольный бассейн был одним из крупнейших послевоенных месторождений бурого угля. Кимовск быстро рос, жителями его становились специалисты, приезжающие из разных мест. Так Жанна Петровна стала кимовчанкой, и уже более 50 лет живет

⁴ Соловей М. А. Цит. соч.

в городе. Профессия горного мастера по обогащению и брикетированию угля была востребована и хорошо оплачивалась. Наконец-то появилась возможность купить одежду, обувь, которых так не хватало в детстве. Впервые попробовала черную икру, вдоволь наелась жареной картошки и мандаринов. Снабжение промышленными товарами было очень скудным, сестра из Ворошиловграда присылала вещи самые модные — капроновые кофточки, туфли. Жанна Петровна, воспитанная в детском доме заботилась и о подруге, Лидии Самсоновой. Так у девушек появились одинаковые блузки — у одной светло-розовая, а у другой — нежно-зеленая. С огромным удовольствием девушки обставляли свою комнату; кровати, посуду — все покупали сами. Отработав восемь лет на шахте, Жанна Петровна перешла на работу на Фосфоритный завод мастером ОТК.

Работая в Кимовске, она продолжила свое увлечение танцами. Так как дом располагался рядом с ДК горняков на ул. Октябрьской, и в нем работал кружок танцев, Жанна Петровна записалась в него. Там она и встретила своего будущего мужа — балетмейстера Виктора Ивановича Гаврилкина. Кружковцы часто выступали перед публикой, участвовали в конкурсах, в фестивале творчества народных танцевальных коллективов в Туле, Воронеже, Москве — на открытии ВДНХ в 1956 году.

Кроме увлечения танцами, Жанна Петровна любит рисовать, у нее прекрасные росписи — палехские, жостовские, городецкие. Но главное, любовь к рисунку она сумела привить десяткам своих учеников. Ведь после работы на шахте и КЗМ она пришла в школу. В Кимовской средней школе № 5 преподавал музыку ее муж, он и уговорил ее перейти в школу учителем черчения и рисования.

Среди ее учеников есть те, кто связал жизнь с декоративным искусством. Уже работая в нашей школе, Жанна Петровна вела кружок декоративно-прикладного творчества — учила росписи по дереву. С кружковцами Жанна Петровна устраивала праздники, чаепития, вместе они оформили цветочные кашпо во всей школе: расписали глиняные горшки, деревянные подставки под них. Выставки детского творчества в школе были всегда самые лучшие. Жанна Петровна 34 года проработала учителем рисования и черчения. Все те, кто учился у нее, впоследствии отлично рисовали, поступали в художественные школы. Добрыми словами вспоминают о ней учителя и ученики.

**«Я начинаю понимать,
что такое жизнь и смерть»**

**Никита Денисов, Артем Сапелкин,
Виктория Сапелкина
школа № 6, г. Новочеркасск, Ростовская область
научный руководитель Елена Георгиевна Губанова**

Наше знакомство с историей Лены, Тони и Тамары Улановских началось с дневника, дополненного воспоминаниями, средней сестры — Тони. С осени 1942 года она вела дневник в Германии, куда была отправлена на работу вместе со старшей сестрой Леной и другими девушками из небольшого поселка Шепетовка в Луганской области, что на востоке Украины. Причем блокноты для записи дала ей с собой мама; помимо дневника у Тони были альбомы с песнями, она клеивала в них фотографии. Сначала записи делались довольно регулярно, но когда в 1944 году Тоня попала в концлагерь, альбомы она оставила сестре Лене, а дневник вела на случайно найденной бумаге.

После возвращения она почти ничего не пишет, но в 80-х годах решает восстановить дневники. Блокноты оказались в очень плохом состоянии, она их переписывает и дополняет воспоминаниями. Это дает возможность ей сохранить те сюжеты, которые опасно было записывать тогда. О том, что ее дневник могут найти, она упоминает неоднократно: «обыски каждый миг в наших шкафах, подушках, матрацах. Некуда спрятать записи. Ничего особенного нельзя писать, важные детали надо запоминать».

После смерти Тони ее младшая сестра Тамара проделала огромную работу — набрала рукописный текст, внесла уточнения и комментарии. Сами блокноты по просьбе сыновей Тони были отданы на хранение в Киевский институт истории.

Оказалось, что Тамара Емельяновна живет напротив нашей школы, она разрешила нам использовать дневник сестры для исследования. Данный документ интересен не только как рассказ о жизни Антонины Емельяновны, но и как источник по истории пребывания оstarбайтеров в Германии. Он содержит много деталей их жизни, отношений с надзирателями, между самими оstarбайтерами, организации производства, быта и разнообразную другую информацию.

«ПРИДУТ ЛЮДИ С ВОСТОКА И ПОБЕДИТ ЗВЕЗДА...»

Антонина Емельяновна Улановская жила на Украине, в поселке при железнодорожной станции Штеровка Луганской области. В семье росло пятеро детей, две девочки умерли еще до войны. Содержали усадьбу размером в 15 соток; для большой семьи была важна каждая сотка огорода. Позже, когда одну сотку отрежут соседи, это станет большим ударом для родителей.

Мать Мария Федоровна занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. До замужества она работала прислугой и на конфетной фабрике, где вручную заворачивали конфеты. Замуж вышла за Емельяна Улановского, «Омельку с соседней улицы». Тогда рассуждали по пословице: «Хоть за курицу, только на своей улице».

«Отец наш тихим был человеком, — пишет Тоня. — Являлся членом коммунистической партии большевиков. Он не был похож ни на Чапаева, ни на Щорса. Не был всадником. Он простой труженик. Ходил на собрания, на субботники, читал газеты. В чистоте и порядке держал свой паровоз». Работать на паровоз он пошел еще к моменту рождения Тони, сначала кочегаром, потом стал машинистом.

Довольно много в ее памяти сохранилось и тяжелых моментов. В начале 30-х: «помню голод 1933 года. Ждали мамы. Она доставала кусочек хлеба и разрезала тоненькими ломтиками».

Арест соседа в 38-м: «Все шепотом говорили у колодца: “Посадили Вахлая, он вредитель или шпион”. “Неужели шпион? Он пьяница, нализался и тогда, когда все слушали доклад Калинина из репродуктора”. Народу в тот раз собралось много. А он, как свинья, подошел к репродуктору и говорит: “Шо ти там брешеш?” Вот и все его вредительство». Тамара Емельяновна к этому эпизоду написала примечание: «Пересказ этой истории я слышала в Штеровке многократно. Но о ком шла речь? О Вахлае или о другом человеке по фамилии Лягуша? Я не исключаю, что о Лягуше, а фамилия Вахлая названа здесь ошибочно».

Несмотря на подобные события, вся семья мечтала о профессиях, которые в будущем получают дети. Эти мечты она пересказывает, будучи уже пожилой женщиной в 80-е годы, и подчеркивает разницу между ними и тем, как сложилась ее жизнь на самом деле. Все надежды были сломаны войной.

«Еще в 1939 году, когда родилась Томочка, Витя говорил: “Томочка пойдет в 1-й класс, я буду уже в 10-м, Тоня будет на II-м кур-

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

се мединститута, Лена на III-м, Рая в 8-м классе». (Рая родилась в 1930 году). Мама радовалась: «Как хорошо будет. Рая — учительница, Тоня — врач, ты, Витя, — летчиком или моряком, капитаном корабля. А кто же будет зубным врачом? У меня ведь зубы портятся». Мы долго спорили, выбирали профессии...»

Самая трагичная страница довоенных лет — смерть сестры Раи: «У нас горе — умерла наша сестренка Рая в возрасте десяти лет от дизентерии. Не было от нее лекарства. Вскоре заболела Лена и не очень тяжело Витя. Мама моталась. Их не отдала в больницу, как Раю, а лечила сама. Очень помогли травы: тысячелистник или попросту деревий. А также рисовый отвар. У гроба Раи сфотографировались — вся наша семья и родственники. Мама хоронила второго ребенка. Первой хоронила девочку Верочку, рождения 1924 года, которая еще не ходила, только ползала и опрокинула на себя вскипевший чайник. Отец не донес ее до больницы. Дорогой она скончалась. Верочка была черноглазая, кучерявая».

Школа играла огромную роль в жизни девочки, воспоминания об обучении, так же как и о бабушке с дедушкой, только положительные, именно они становятся противоположностью взрослой жизни. Школа для нее еще важна и тем, что она была шагом в новый мир. С ним связаны и школьные вещи, непривычные для девочки из поселка — чернильница, портфель: «Впервые мне купили портфель, когда я была в 8-м классе».

Тоня училась хорошо, хотя бывала немного рассеянной. «Вспоминаю, как я иду в школу и размахиваю шнурком, а чернильница ходит вокруг меня. Я так увлеклась, что потеряла дорогой сумку с тетрадями и книгами». «Однажды в раздевалке хотела снять пальто, но на мне не оказалось платья, была ночная сорочка с бретельками. Я тогда сидела за партой в пальто. Я еще мало что соображала».

Девочка много читала: «Все ночи напролет читала все подряд, что было в нашей штеровской библиотеке».

«ВСЕ ЧАЩЕ ПАДАЛИ БОМБЫ. МЫ УЧИЛИСЬ»

О начале войны в воспоминаниях написано совсем не много, говорится только о встревоженности взрослых, чье настроение передавалось детям. Девочка пишет более подробно о войне только с того момента, когда начинаются бомбежки и реальные бои вблизи города. «Все чаще падали бомбы. Мы учились».

«Тишину раздирали падающие со смертельным свистом бомбы и снаряды».

В доме поселились красноармейцы, а сельчане старались создать наиболее комфортные условия: «Мама с отцом как могли им помогали. Отец чинил им обувь. Мама стирала, штопала, пекла пышки, заваривала чай».

Тамара вспоминает о боях, которые шли в непосредственной близости с поселком: «В Ивановке рвались снаряды, не стихал пулеметный огонь... Были видны танки и грузовики, винтовки со стволами». В их доме остановились бойцы. С их появлением стала часто играть музыка, собиралось много народа, чтобы послушать; девочке она тоже нравилась: «Днем приносили патефон или баян. Бойцов собиралось много, негде было пройти. Я наблюдала, что по несколько раз проигрывали одну и ту же пластинку: “Что ж ты опустила глаза? Или я неправду сказал?”».

Приметой перехода от мира к войне стала для Тони вырубка их сада. То, что было значимо когда-то до войны, становится неважным; то, что берегли родители, уничтожают безжалостно, потому что около их дома было удобное место для позиции.

Ее детище — цветы были вытоптаны, и никто, кроме нее, этого не заметил. Возможно, она сравнивала себя с теми же цветами: «Цветы, которые я садила под окнами, все затоптали. Были прижатыми к земле астры, майоры, гвоздики. Я стояла около окна и редела. В комнатах было пусто и тихо. Жаль мне чайную розу, жаль моих петушков».

Но впереди ожидало более страшное — гибель людей.

«Было не очень жарко. Небо было не чистое, все покрытое тучками. Мы бежим по низенькой затоптанной полусухой траве. Вот и кукурузное поле. Оно находится на склоне оврага ниже Ивановской больницы. Мы старались найти хотя бы несколько початков. “Вот мама пышек нажарит”, — говорит Витя... Вдруг мы увидели высоко в голубом небе серо-черного бомбардировщика. Он сделал круг над нашей станцией... С самолета стали выпадать бомбы, как если бы с ведра кто-то сыпал картофель... Ужасно свистели. И-и-и жах! Мы лежали в междурядьях кукурузы, перепуганные до смерти. Когда рассеивался дым, мы глазами искали наш дом с голубятней на крыше. “Наш дом целый”».

Они побежали домой. «У обочины дороги, вдоль огородов, загороженных колючей проволокой, мы увидели что-то... Нельзя поверить своим глазам... Измазанная грязью вместе с бедром

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

человеческая нога. И совсем рядом человеческая по локоть рука.

У меня в середине что-то начало дрожать. Сделалось холодно. Зубы стучали».

Во время бомбежки погиб солдат-баянист, была ранена ее подруга Рая Грин. «Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть. Легко можно лишиться жизни».

Один из самых запомнившихся моментов — гибель школьной библиотеки. Тоню поразило, что когда разбомбили библиотеку, книги тысячами валялись на земле и никто не стал их собирать. «Взрывались бомбы — тоже воронки. Выворачивалась снизу глина. Я смотрю на дно воронок. Они все разные, не одинаковые. Бегу к одной и вижу на дне глубокой воронки книги.... Их много, их, наверное, тысяча. Кто же высыпал книги?»

Война ставит и новые задачи для семьи — запастись продуктами. Обычная семья не отличалась предусмотрительностью, потому не все удалось сохранить или спрятать.

«Люди с немецкой слободы, которая была в Штеровке за железной дорогой, сказали, чтобы мы шли получать зерно — пшеницу, так как мы там работали целый сезон — вся наша семья..... Но получать и принимать урожай в государстве было некому и некогда. Пшеницу и другое зерно народ не дал сжечь. Все бросились на элеватор... И весь люд носил пшеницу мешками домой. Больные и здоровые тащили зерно день и ночь. Мы тоже ходили всей семьей и носили все подряд — ячмень, овес, просо».

Однако сохранить зерно не удалось. «И вот едет наша конница: “У вас есть зерно? Именем советской власти...” Мама говорит: “Лезьте на чердак и забирайте”. Наступила мертвая тишина. Зерно у нас забрали».

Немцы подступали, но мать отказалась эвакуироваться, не представляя, что делать с детьми, уехал только отец. «Он прибежал домой и сказал: “Маруся, собирайся с детьми, будем эвакуироваться”. Мама заголосила, показывая на нас: “Куда я с детворой?”» Так и остались. Впоследствии окажется, что эшелон, с которым уедет отец, разбомбят по дороге, и после долгих мытарств отец вернется домой.

Летом 1942 года поселок был оккупирован. Ходили ужасные слухи о том, как итальянцы расправляются с маленькими детьми: «у них принято встречающихся на пути детей брать за две ноги и раздирать на две части. Мы все дрожали, забежали во двор, подперли калитку камнями. Я бегала по двору, не зная, что делать».

Тоня бросилась к тому, что было для нее самым ценным, — к альбому и дневникам, которые вела с 13 лет. Она доставала их из погреба, и в этот момент камни, которыми они придавили калитку, разлетелись — для солдата они оказались слабой преградой: «Я увидела сапог, наступивший на куклу, которую мы сшили своей маленькой сестренке и которую Тамара уронила в суматохе у калитки». Тоня попыталась сжечь дневники. «Я стояла около плиты летней кухни. Горели и трескались дрова. На плите стояла всеми забытая кастрюля с вскипевшей водой. Я прижимала к себе огромную пачку альбомов и смотрела на куклу. Сапог не растоптал куклы. Она вновь выпрямилась, улыбаясь размалеванной цветными карандашами рожицей, будто живая, только вымазанная. На первой странице одного из альбомов я читаю: “Мені тринадцятий минало”. Широкими шагами немцы-солдаты идут к нам. Весь пакет альбомов я сунула в горящий огонь».

Приход немцев перепугал детей. «Маленькая Тамара стояла около матери, держась ее подола. Лена, Виктор и я подбежали тоже к маме. Вся защита в ней. Немец дулом автомата потрогал нос Тамары. Тамара молчала, только ручки нервно дергались и чуть перекосилась ротик, но она не заплакала. Немцы подбежали к погребу. “Партизан! Шнель!”»

Немцы убили весь скот Улановских. Девочка обратила внимание на то, как они готовят и как едят: «Втащили во двор походную кухню, живых поросят, бычка. Мясо разделявали во дворе. Варили не по-нашему. Кости жарили, а из мяса варили “suppe”. Кости грызли, заедая кашей. Хлеба у них не было на обед».

Началась жизнь под оккупацией. «Пришли другие немцы. Нас выгнали из дома, сказали, чтобы мы не заходили в дом. Мы жили в подвале».

«ДУМАЮ, ЧТО ДО ЗИМЫ ВЕРНЕТЕСЬ ДОМОЙ»

Через некоторое время было объявлено, что все здоровые и молодые девушки должны ехать в Германию на принудительные работы, в их число попали Лена и Тоня. «Мои подружки оказались и больными, глухими и бог знает какими припадочными. Нам мать не догадалась сказать и нас научить». Вещи собирали очень быстро. Никто не мог сказать, куда они едут и когда вернуться, поэтому мать старалась снарядить их всем необходимым. «Проклиная Гитлера, немцев, вспоминая 1918 год, мама металась с угла в угол, собирала

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

нас в Германию. Она голосила. Был чистый ад. Мы ходили друг за дружкой, брали в руки вещи, складывали на кучу. “Что мы будем делать в Германии? Что брать с собой?” “Самое главное, — слышу голос мамы, — берите ручки, карандаши, тетради, чернило. Это всегда пригодится. И, чтобы не замерзли, вот два ряда”. Это одеяла, связанные крючком из разноцветных мотушков или лоскутков. “Берите одеяло байковое, ботинки, свитера два. Пальто можно брать осенние. Думаю, что до зимы вернетесь домой”. Совет взять письменные принадлежности позволил Тоне вести дневник.

Перед отъездом мать отправила девочек к бабушке, чтобы та их благословила: «Идите, дети, в Ивановку, — говорила она. — Пусть бабушка вас благословит». Новость об отправлении девочек в Германию испугала и расстроила бабушку. «Бабушка небольшого роста, кругленькая, моложавая, с маленьким носиком бежала нам навстречу. “В Германию? О, пресвятая дева, и ты, святой дух, как же можно такое допустить? Куда ехать? Зачем? На чужбину? Мои вы внучата! Становитесь на коленки, наклоните книзу головы, я благословлю вас”».

Всех повели на железнодорожный вокзал, времени попрощаться с родственниками никому не дали. Девочек загнали в вагон, на котором было написано: «Вагон № 51. На темно-красных досках вагона мелом написано: “Добровольцы”. Сердце екнуло. Оглядываюсь: не туда попали?» На перроне младший брат передал сестрам небольшую коробочку. Тоня потом вспомнит о ней уже в Германии. «Увидела коробочку, которую дал Витя. На коробочке он написал: “Нас много, а Родина одна”. Открываю коробочку: кусок свечи из воска, три коробочки спичек, несколько перьев для ручки, пуговицы, английские булавки, гребень. “Ну и Витя! Предусмотрительный”. Можно зажечь свечу и кое-что написать». Так девочки простились с матерью, младшей сестрой и с братом, которого они больше не увидят

«Я НЕ ХОЧУ БОЛЬШЕ ЕХАТЬ»

Вагон был полностью забит, в нем ехали девушки как из Штеровки, так и из ближайших поселков, все были крайне испуганы. Тоня никогда еще так далеко не уезжала от дома: «В наш вагон втолкали очень много Штеровских девушек. На меня смотрят молчаливые лица, выражающие испуг. Проехали станции Петровеньки, Фащевку, Чернухино, Дебальцево. Как далеко я уехала! 50 км

от Штеровки». Девушек охраняли два немца с автоматами. В вагоне было всего одно маленькое окошко.

«Я села на корточки, лечь было негде. Было темно. Света в вагоне не было. Спали — лежа друг на дружке. Не поймешь, чьи руки, чьи ноги. Битком набитый вагон... В вагоне яблоку негде упасть».

«Проехали Горловку, Краматорск, Славянск, Лозовое, Полтаву. Зачем мы едем? Зачем нас охраняют? Мы преступники? Я не хочу больше ехать». «Сердце сжималось: куда мы едем и зачем? Вспоминаю старую и новую водокачку. Каждая тропинка, вытоптанная босыми ногами, каждое деревцо — остались позади».

«Я не хочу больше ехать», — это могла бы сказать каждая из девушек, едущих неизвестно куда.

Появляются мысли о побеге. «С думки не выходит: как убежать? Тошно и противно. Болят все косточки». «Проклятая неизвестность... Сколько нас в этом составе? И кто едет?»

Первая остановка была в Киеве, приехали ночью. «Поезд остановился: “Киев”. Я продвигаюсь к окошку. Ночь. Сколько видно взору — все вагоны, паровозы. На небе звезды. Прохладный ветерок. Вот и весь Киев. Сидят проснувшиеся немцы. Чуть отодвинули дверь. Свежий воздух ворвался в вагон с запахом масла, угля и пара. Запах такой же, как на нашей станции». Всю дорогу девочка пишет, что их не кормили совсем, ели только собственные запасы. «По кусочку мы с Леной щипали хлеб, присыпая солью».

Перед Львовом поезд останавливался ночью в Житомире. Там они долго стояли. «Перед городом Львов мы ночью проехали Житомир и Шепетовку. Ночью долго стояли. Слышны были толчки всех вагонов». Один из парней решил бежать, и его подстрелили. «На одной из остановок немец-солдат показал пальцами (шагал по ладони): “Хауст капут”. Я поняла, что Хаустов бежал и его застрелили. Значит, везут и ребят».

Постепенно они обустроились в вагоне, плакать надоело, решили начать разучивать песни: «Лена сидит в кругу девчат. Надоело плакать и чертыхаться. Разучивают песенку новую — “Катюшу”».

Далее они едут по Польше: «Красивый строгий Краков, чистый, не разбитый. Марши немецких войск. Выкрики: “Хальт!” Едем по германской земле. Осень и здесь».

На некоторых станциях останавливались для того, чтобы поесть, но ей не разу ничего не досталось «На некоторых остановках нас выводили “essen” — кушать. Становилась очередь. Народу уйма, много. Нам ни разу не досталась еда».

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

Ехали около двух недель. «Хотелось есть. Едем уже больше десяти дней». Но, несмотря на голод, Тоня много размышляет, сравнивает. Она замечает контрасты: «Немецкие строения отличаются от наших. Сделанные аккуратно из кирпича, с аккуратными дворами, в которых цветы, розы, яблони, вишни. Церкви. Ратуши. И здесь же рядом казармы и бараки, сделанные из досок и огороженные в несколько рядов колючей проволокой. В них пленные».

«Заключенные в полосатых (синяя с белой полоски) пижамах, шапочках, похожих на морские бескозырки. Только без лент и с простой ткани, с желтыми звездочками. Замученные люди. На груди дощечка. По обе стороны дощечки дырочки, вдетая в них веревочка надета на шею. На дощечке написано: “Я еврей”. Идут друг за другом, неся бревна или мешки».

Едут дальше, вглубь Германии. «Встречались незнакомые города, незнакомые поселки, очень аккуратные, с домами из красного кирпича. Надписи я не могла читать».

Проезжали Берлин, конвоиры заняли окошко и с большим интересом рассматривали город издали. «Берлин. Везут нас в столицу свою, или через нее, или по ее окраине. Здесь ихний центр. Здесь ихнее логово. Здесь, возможно, в нескольких метрах сам канцлер. Было тихо. Двери вагона закрыты. Немцы-конвоиры заняли окошечко, никого не пускают к нему».

Ей важно все это записать: «Боюсь, что ничего не запомню, а записать некуда. В вагоне яблоку негде упасть».

«НАМ СТРАШНО И СТРАННО»

Начинается процесс распределения остарбайтеров. Всех вывели из поезда (первые 25 вагонов отцепили еще раньше). «На одной из остановок все выгрузились из вагонов. Как нас много! Говорят, что нас больше, чем две тысячи. Было утро. Прохладно. Воздух сырой, но дождя нет. Построились мы в шеренги человек по 4–5. Разделили нас по группам в 20, 30, 40, 50 человек. Колонна получилась очень длинная. На одной стороне от колонны стояли немцы и немки. Стояли хозяева и фабриканты. Стояли худые и толстые, низенькие и как фитили высокие. Каждый отсчитывал себе сколько надо и уводил».

Девочек из Штеровки никто не взял. Оставшихся отправили на вокзал, чтобы пересадить на следующий поезд. Увидев русских военнопленных, Тоня узнает, где они находятся: «“Где мы?” Ответ:

“В Гамбурге”. Ну и ну! Вот те на! Я, девчонка из Донбасса, стою на вокзале Гамбурга! Гамбург большой город. Но и это не остановка. Садимся в пассажирский поезд и едем километров сто».

Проехали дальше, на запад. Их снова выгрузили и теперь выставили на продажу. «Нам сказали, что нас будут продавать. Но купили из Штеровских только Таню Езерскую, Марию Орлову, Лиду Денисенко и некоторых других. Их отделили и увели от нас. Из двух с лишним тысяч нас осталось сорок восемь».

«Нас опять везут. Проехали, казалось, 50 км, встали. Пересели в другой поезд. Проехали еще 50 км. Ночью выгрузились. Идем, нас ведут по городу. Было очень темно и ничего непонятно. Нам страшно и странно. В потемках нас ведут через загадочное заграждение. Совсем нет сил идти, вещи не можем уже нести. Нас немцы подгоняют. Шнель, шнель!»

«Утром рано, часов в 5, нас разбудили. Рядами пошли мы с вещами по городу. Говорят, что этот город называется Леер (Leer). Куда и зачем — никто не знает. Идем. Пришли. Стоим, ждем. Подъехала машина грузовая. Сели, поехали. Ехали все время по городу, значит Лееру. Остановились. Выгрузились».

Они подъехали к зданию, в котором их снова обследовали и зарегистрировали. Отношение к девочкам было безразличное и равнодушное. «Здесь нас каждого в отдельности фотографировали. Мы очень плакали. Взяли у нас отпечатки пальцев. Выдали каждому документ с фотокарточкой. По всему видно было, что нас прописали в Германии. Где-то на севере Германии».

Конечной остановкой для них оказалась фабрика в городе Веенере. Вся дорога растянулась на три недели, девушки были измотаны, на протяжении всего пути не хватало еды и воды. Чувствовали себя заключенными, несколько раз Тоня думала о побеге, но так и не решилась. Это было только начало трудной и страшной жизни в Германии...

«ЕЖЕДНЕВНО В БАРАКАХ ПЛАЧУТ»

Из Леера девушек отвезли в соседний Веенер. Они сразу увидели фабрику, где им предстояло работать. Рабочие лагеря были наиболее распространенным местом жизни остарбайтеров. Это могли быть как специально выстроенные жилища, так и просто переоборудованные подсобные помещения при фабриках. Их размещали в бараках в зависимости от области, из которой они прибыли:

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

«В нашем бараке жили одни только Ворошиловградские¹. Где-то за фабрикой в новых бараках жили Харьковские, Черниговские и Днепропетровские».

После тяжелой дороги условия жизни показались неплохими. «Привели нас в здание. В нем 25 штук двухъярусных кроватей и несколько шкафов. Шкаф один на двоих. Вошли в другие двери рядом — умывальня. <...> Немного дальше еще дверь в уборную. Полы везде цементированные. Матрацы на постелях из войлока, подушки».

«Вокруг <...> одноэтажных бараков колючая проволока в несколько рядов, затем одна и вторая канавы с водой или грязью. Да стража немецкая с овчарками».

Свою одежду после дезинфекции девушки с трудом распознали: «Все было обсмалено, грязное, в ржавчине». На следующий день им выдали специальную одежду: «брюки и жакеты <...> из хлопчатобумажной ткани, синей, темной, <...> каждому лоскуток квадратный, голубой. На нем белым написано “OST”. Каждый должен пришить его на карманчик жакета и ходить с ним постоянно»; им пришлось подшивать «спецовку» под свой размер.

Утром следующего дня девушек «рассортировали»: «одних определили в цех, других — к хозяевам в прислуги (бауэрам), третьих — уборщицами и т. д.». Тоню с сестрой Леной определили в один цех на фабрику Klatte. Жужжащие машины, стучащие молотки и кричащие люди — все это пугало девочку: «Ничего не слышно — где шум железа, где крик наших сопровождаемых. <...> Воздух раздирали вопли падающих листов железа. Гигантское предприятие. <...> В цеху много машин, металлических столиков, станков, деталей, больших и малых. Под ногами железная стружка. Пластинки кучами лежат». Нам трудно представить, что переживала наша сверстница, ведь ее отправили в другую страну за тысячи километров от Родины, она никогда не видела крупных фабрик, не говоря уже о том, что ей пришлось здесь работать.

Первоначально ее определили на сварку. «Автоген берешь правой рукой. В левой — проволока медная. На глазах защитные очки темно-синие. Проволокой надо было делать все время мелкие круговые движения, а иначе сразу появлялась дыра насквозь на металлической детали.

¹ Ворошиловградом назывался Луганск.

...Я училась девять дней. Учили сваривать детали, толкали и били в лоб и в лицо. Я выполняла все механически».

Больше всего Тоня боялась расстаться с сестрой: «И так потекли тяжелые минуты. Я только боялась, чтобы Лену, сестру старшую, от меня подальше не забрали. И все думаю о родных, как они там?» «Вспоминали и рассказывали прошлое, детство домашнее и куклы».

Но постепенно девушки стали привыкать ко всему: знакомиться друг с другом, обустраивать свой быт, писать письма и петь песни, отлынивать от работы и мало-помалу вредить производству.

В ноябре 1942 года девушек переселили в новые бараки, условия там были лучше: «Здесь в новых бараках нам стало лучше <...> там у нас и печка хорошая. В старых бараках печки не было... жалели о том, что нас, Штеровских, всего было 14 человек девушек, а в комнату помещалось 12 человек».

ДЕНЬ ОСТАРБАЙТЕРА. УТРО

Рабочий день остарбайтеров начинался в 6 утра. Никто не любит рано вставать — это свойственно большинству людей и в обычной жизни, а тем более в чужой стране, где рано встаешь для того, чтобы работать на врага. Делать записи в дневнике с утра было некогда, это дело Тоня оставляла на вечер. От недосыпания не было никакого настроения.

Завтрак был крайне скудным: «Сегодня утром дали по ложке сахара и тоненькие 3 кусочка хлеба». «В столовой эмалированные большие кружки темно-красного, даже чуть коричневого, цвета. Наполняются за завтраком черным кофе. <...> Запаха в нем нет никакого. Обыкновенная коричневая бурда. Ни горечи, ни сладости. И три тонюсеньких ломтика хлеба. Это и весь завтрак». «2 скибочки хлеба с патокой и одна с маслом, которого не видно на хлебе. А кусочки светятся. И небольшая кучка сахара. Говорят, по 1 столовой ложке, а дали по половине чайной ложки. Или мне так показалось, что очень мало».

Иногда утром не кормили совсем, нужно было суметь подавить голод и не съесть хлеб с вечера: «Хлеб, который выдали нам вчера (200 граммов), мы вчера же и съели. А сегодня мы без завтрака».

Завтрак зачастую превращался в борьбу за пищу: «На кухне было тесно. В столовой столпилось столько народу! Сотни людей. Друг друга толкают. И вот, не доходя до плиты, которая стояла

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

в столовой, я упустила весь хлеб. Бежавшая толпа все замяла, за-топтала. И ничего не осталось».

Не радовала и погода. «Утром очень холодно. Ветер пронизывает косточки, клонит ветви деревьев и людей. Все идут, держась друг за друга, прикрывая грудь, потому что дует ветер и рвет одежду. Зубы стучат. С утра и до вечера холодно». «Утром мороз». Девочки, уезжая в Германию, не взяли теплых вещей — мама думала, что они должны вернуться осенью. «Утром на дворе холодно. На траве иней и подмерзает. У нас с Леной, кроме косынок, на голову ничего нет».

Пунктуальные немцы строго следили за дисциплиной на работе: «Мы, когда приходили на фабрику утром, должны были отбить карточку и там на ней отмечались часы прихода, в 6 часов утра, и вечером часы ухода».

Ежедневно в 9 часов утра у немцев был 15-минутный перерыв, они шли на завтрак, работа в «немецкой» части цеха останавливалась: «Они идут в немецкую столовую. Там ждет их завтрак. Они идут толпой, все в синих спецовках, в пиджаках и брюках. Двигается синяя волна».

Девочки не упускали этого времени и, пока за ними никто не следил, успевали сбегать на кухню и наворовать любой пищи, какая попадалась; так они перекусывали и не оставались совсем голодными: «во время перерыва для немцев, мы побежали с Маней к немецкой кухне, нахватили луку», «мы забрали в карманы картофель и морковь, которые накрали у “куриного бога” в перерыв в 9 часов утра и пошли». «Все время ходим на кухню и крадем чищенную картошку. Печем ее перед обедом».

После завтрака начиналась длительная, выматывающая работа. Рабочий день длился больше 12 часов в будние дни и 6–8 часов в выходные. «Работали в понедельник, вторник и четверг до 7-ми часов вечера, в среду и пятницу до 6-ти часов вечера. В субботу до 1 часа дня, в воскресенье до 12 часов дня, а потом до 2-х часов дня».

Работая на заводе, Тоня не понимала, какие детали она производит и для чего они нужны. Первоначально ее определили на сварку. «Работы в цеху очень много. Я сижу за станком. Что делаю, не знаю». «Шли часы и дни. Нам не разрешали разговаривать, особенно когда мы спрашивали: “Что мы делаем?”»

Этот вопрос очень интересовал Тоню, она опасалась, что они делают детали для военной продукции. «Я выполняла все механически. Не зная, зачем нужны эти трубы».

Условия труда были тяжелыми, они отягощались всяческими запретами. Надзиратели контролировали работу подневольных тружеников и не давали никаких поблажек: «Работать и молчать. Нельзя общаться с людьми, собираться группами».

Недоедание и голодание, низкая зарплата и отсутствие продуктов, которые можно было бы купить — все это сказывалось на здоровье и состоянии девочек: «Нам дают зарплату очень маленькую. На нее нельзя купить что-нибудь путевое, кроме пива, которое я здесь впервые попробовала и даже увидела. Хотелось кушать очень и мы с Леной, как и другие, стояли в очереди за пивом. Мы набивали животы всем, чем придется».

«На работе смотришь на часы, молишь бога, чтобы быстрее двигались стрелки. Но они как будто бы стояли на месте».

Постоянная усталость и недосыпы давали о себе знать, и рабочий травматизм был очень распространен: «Сегодня утром входит к нам в комнату ростовская девочка из первой комнаты и говорит, спрашивая: “У вас кто работает на машинах? <...> кому-то из них оторвало руку”. Мы так и ахнули. Так расстроились! Оказывается, это ростовской Лиде Могилка распиляло руку. Она очень плакала». Травмы подруг сильно сказывались на эмоциональном состоянии девочек, а работы становилось только больше, потому что заменить больных было некем.

Мысли о горькой судьбе не дают покоя, и девочка пытается найти поддержку в творчестве: «На работе и в бараке я пыталась сочинять стихи. Но ничего не получилось. О чем, например, выстукивали колеса, когда нас везли в Германию.

Шел тяжелый 1942 год.
Как во сне стучали колеса,
Кто умер на Родине, счастлив тот,
Шептал чей-то тихий голос...»

С оstarбайтерами обращались как с бесправными существами. Их могли ударить по любому поводу: за бракованную деталь, медленную и недостаточную работу, долгое нахождение в уборной. «Старший повар бил девчат, отнимал миски. А ребят не трогал. Видно, боялся. Манашку бил Герман в уборной. Полю П. тоже недавно бил. 2 раза ударил так по щеке, что искры засверкали. И его же собственные очки отлетели на 10 метров». «На нас кричат, как могут кричать, произносить звуки, рассерженные звери».

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

Девочки прятались в уборной, которая превращалась в единственное место, где можно было передохнуть, пообщаться друг с другом, вспомнить прошлое: «Мы бросали работать и убегали в уборную. Там собирались толпами. Было много разных личностей, судеб. Каждый рассказывал про себя и родных. Некоторые так умели красиво рассказывать и русская речь их была чисто русской.<...> Немцы выталкивали нас из уборной. В течение дня через каждые пять минут они прибегали и выталкивали всех в шею».

ДЕНЬ

Тоня уделяет много внимания рассказам о пище, она вспоминает дом и сравнивает домашнюю еду с той, которую приходится есть теперь. «Поешь баланды с моркови и брюквы, не наешься, хотя живот полный. Только аппетит нагоняешь».

Даже гусям, жившим около столовой, зачастую доставалось больше пищи — и девочки воровали их корм: «Морковка и другие овощи были выкинута гусям на съедение». «Ворота к гусям закрыты на замок. Гуси грелись на солнце. Когда удавалось взять ихнего корма, мы прятали его в цеху в кучи железа».

На обед — пустой, безвкусный суп-похлебка с привкусом металла от старой посуды. Тем не менее, есть было необходимо, чтобы выживать: «Суп варили такой, что есть его не было никакой возможности. Гнилые, темные овощи и даже попадались черви». «В обед дали несколько картошек в мундире и здесь же рядом в миске была ложка подливки».

После обеда девочки старались найти пропитание на вечер: «мы побежали с Маней к немецкой кухне, нахватили моркови». Встречались и жалостливые немки, угощавшие девушек хлебом, хотя такое встречалось очень даже нечасто: «Работала я в дневную смену в “маленьком” цехе. Попадались хорошие немки, давали нам по ломтику хлеба».

«В ДУШЕ РАДОВАЛАСЬ, ЧТО БРАК УДАЛСЯ»

После того, как они немного освоились, возникали мысли о предназначении продукции их фабрики, о том, что эти детали могут быть частью вражеского оружия. Работать на вражескую страну никто не хотел, и единственным выходом было изготовли-

вать некачественные детали или утилизировать годные. Во время работы сортировщиком Тоня могла в отсутствии мастера допускать к дальнейшему производству брак и, наоборот, счесть нормальные за бракованные: «Я сортировала детали, мастер это видел. Но как он только отлучался — я бегом в цех. Там я сама окунала брак в черный лак. Здесь были видны одни силуэты, за паром в воздухе ничего не было видно, не было видно лиц. Я сама себе радовалась, что закрасятся дефекты, краска быстро разрушится и то, что мы изготавливаем, не долетит до цели. Уже через неделю я получила благодарность за эти испорченные детали».

Тоня терпела ругань и побои за бракованные детали, но была рада каждой испорченной детали: «Ничего, что бьют и ругают за брак. В душе радовалась, что брак удался». Изготовление бракованных деталей было для остарбайтеров еще и способом сохранить достоинство, не сдаться.

Вначале они сами не понимали, что производят: «Пока за нами не следят, спотыкаясь о кучи металла и стружки, мы бросаемся к пластинкам, набиваем ими карманы и пазухи и бежим к уборной. Там мы высыпаем все в канаву с водой. Потом бежим, чтобы еще успеть».

«Я догадалась, что мы делаем либо танки, либо самолеты. И хотя в цехе не было ни танков, ни самолетов, до меня дошло, что мы делаем худое дело». Это открытие было для нее крайне неприятно. «Стало так противно и тошно. Думала, что силы покинут меня. Упала бы на землю и кричала бы. Лечь бы и не проснуться. Все мы здесь предатели. Помогаем Гитлеру бить наших. Пусть я делаю мало. Но ведь нас здесь по всей Германии. Ведь до нашего лагеря есть еще 22, наш ведь 23. А есть и лагерь 28. Да сколько же нас?»

ВЕЧЕР

Работа не заканчивалась в цеху, поэтому на самом деле трудовой день длился 14–18 часов и мог растянуться до поздней ночи. Также длительность зависела от наличия или отсутствия сезонных работ, например, сбора урожая.

«Каждый день нас продолжают выгонять из бараков до 10-ти, до 11-ти вечера или ночи на работы, связанные с сельским хозяйством».

Заготовка лука на кухне была очень неприятным делом. Девочки только чистили его от кожуры, остальное выполнялось тех-

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

ником, но едкий запах ничем не выветривался, и лук буквально разъедал глаза: «После работы нас ежедневно гоняют на немецкую кухню. Вчера плакали над луком <...> вокруг лук и лук. Тоннами его лежало. Наша задача — его чистить, снимать кожуру. Все остальное делали электрические машины. Мыли, резали на кусочки, сушили, упаковывали, готовили в зиму. Мы обмакивали ножи в холодную воду без конца. Были открыты окна и двери. Делали сквозняк. Лук разъедал глаза».

После работы девочки хотели отдохнуть от надоевшей фабрики и убежали к реке Эмс. Там тоже могли отыскать что-нибудь съестное: «Мы втроем пошли гулять к ближайшим кустам у реки. Там были большие заросли. По дороге я заметила высаженную картофель. Руками мы все втроем рыли картофель из лунки. Две картошки средних размеров лежали в моем кармане. На реке я уловила руками маленькую рыбку. Когда мы пришли в барак, Лена очень обрадовалась. Она спекла в печке две эти картошки и спекла также рыбку».

Вечерами Тоня вела дневник, и это делало ее жизнь более осмысленной и терпимой. «Только вечером в 5 часов я собралась писать. Смотрю — идут голландцы. Значит 5 часов». «Вчера сделала книжечку для немецких слов. Все. Посадила кляксу». «Пишу, как обычно, вечером, после ужина. Когда будто бы все с делами покончено».

Она записывала песни и стихотворения: «Сейчас все ложатся спать. Я села писать песню “Жульман” в альбом. Эту песню мы полюбили и поем. Не только мы, а весь лагерь»; «Сейчас буду писать песни в альбом».

Тоня регулярно писала письма домой. Переписка стала важной частью их жизни в Германии, давая возможность установить связь и с домом.

«Без конца мы посылали письма домой. Кто бы ни ехал — передавали. Или, увидев почтовый ящик, бросали туда письма. Часто приезжали с машинами и железом русские... Мы всегда брали адреса, а этому человеку давали уйму писем, других адресов. И так наши письма летели по всей Германии, дошли до Австрии».

«Мы с Леной написали письмо домой, большое, 5 листов и с Лорой Носко отправляем». «Вдруг письмо от Лоры Носко! Которая уехала домой! Дрожащими руками отпечатываем».

Основной темой становятся новости из дома, а так же обмен рассказами о том, кто и как живет в Германии, как им работается.

«Феня плачет и читает вслух письмо от Гали. Что она осталась гола и боса...»

Им удалось наладить связь почти со всеми штеровскими подругами, вывезенными в Германию или Австрию. «Надю Лютовую мы долго искали и наконец нашли. Вначале я не знала, что она тоже в Германии. Я, с тех пор, как получила первое письмо, все жду от нее весточки». Им даже удалось найти в Австрии двоюродную сестру Клавдию Улановскую. «Вчера мы получили письмо из Австрии от своей двоюродной сестры Клавы Улановской, жившей в Красном Луче».

Изредка приходили известия и из дома, они не радовали. Среди известий было сообщение о том, что их отец так и не смог эвакуироваться, его поезд разбомбило и он с большим трудом добрался домой, и трагическое известие о том, что погиб брат Витя.

Вечером в бараке чинили одежду. С ней была беда. Сначала девочки ходили в том, что привезли из дома: «Сегодня пришла с работы в 6.45 часов вечера. Принесли с починки обувь. Лене туфли, мне ботинки. Я их почистила, умылась, постирала косынку (одну единственную, еще домашнюю) и села писать». «Мы должны встречать зиму. Одежда вся разлазилась. Мы штопали и латали ее. Вечерами перебираю свой клад».

Большая часть зарабатываемых денег уходила на одежду. Финансами занималась Лена, как старшая, она же решала, какие ткани покупать.

«Ситцу и байки здесь нет. Принесли в цех черный крепдешин. Лена купила 4 метра за 60 марок. И еще 3 метра голубого шелка за 35 марок, 2 шелковые сорочки. Одна из них — 15 марок, вторая — 17 марок. Взяли также одни чулки, одно платье за 70 марок, одни рабочие ботинки — 30 марок, туфли — 40 марок и разную мелочь. Это все мы купили за один год. Другого не продавали».

Тоня научилась мастерски латать одежду. «Мы хорошо научились переплетать ниточки и в одежде получалась сплошная латочка. Спасибо ей. И так у нас вся одежда была не рваная. Все было чисто, постирано, зашито»

Проблемы с мытьем головы вынудили Тоню обрезать косы: «Да! Я же теперь без кос. Это было вчера, 4 октября 1943 года. Лена подходит с ножницами. “Приготовляйся. Раз нет мыла, нечего тут и думать”. Я расчесываю косы, Лена подходит ближе. “Подожди. Час...” “Что?!” “Частуш...” — я заикаюсь, все смеются. Я опять выпаливаю: “Частушку спою”. Я становлюсь на стул, волосы распущены:

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

Мой батистовый платок
На головке дуется,
Моя русая коса
Последний год красуется».

Девочки устраивали целые концерты, все комнаты барака пели свои песни и перекрикивали друг друга. Тоня описывает один вечер в бараке.

«Поют “Дворянскую дочь”.

...Я всю жизнь погубил
За девицу-красу,
За девицу-красу,
За дворянскую дочь...

Иду дальше — из кинофильма “Свинарка и пастух”.

До восточного синего моря...

Иду дальше.

Шумлять верби в кінці греблі...

В следующей комнате поют “Камыш”.

...А я платком глаза закрыла
И горько плакать начала.

“Из далекого Колымского края”.

Я живу без нужды и без горя,
Строю новый стране городок...

“Тайга”.

...Умру, в чужой земле заруют,
Заплачет вся моя семья,
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда.

“Воскресенье”.

Воскресенье, мать старушка
К воротам тюрьмы пришла,

И так дальше. Я возвращаюсь в комнату. Вместо “Воспоминаний” пишу песню, потому что и наша комната запела».

ВЫХОДЫ В ГОРОД

Остарбайтеры не все свободное время проводили в бараках. Хитрые ребята нашли путь в город. Они делали подкоп под заградительной проволокой, где земля была рыхлой: «Худым легко можно было пролезть под проволокой». А так как здесь от постоянного недоедания многие сильно истощили свой организм, переодевшись

под немцев и немок, они могли легко выбраться в город: «Одетой под немку, нетрудно пройти через канаву и выйти в поле на дорогу. И отсюда совсем недалеко город Веенер с магазинами: Если мы получим получку, то сможем купить себе еду». После получения скромной, но все-таки зарплаты, остарбайтеры выбирались в город. Чтобы побеги проходили незаметно, ребята помогали друг другу, отвлекая патруль и надзирателей: «Отправлялись в город по два человека, чтобы было незаметно. А двое или трое шли к патрулям, которые охраняли лагерь. И начинали приставать к ним с разными вопросами».

Выходили в город обычно по выходным после обеда, когда на фабрике не было работы. Многие ребята уже ходили в город, и вскоре подошла очередь сестер Улановских. Перед походом всех тщательно готовили: подбирали одежду и обувь, собирали деньги: «Подошла очередь ко мне и к Лене. Одежда была со всей комнаты. У одних брали блузку или платье, у других берет или шарф, туфли, пальто или жакет. Собирали деньги. Друг у друга занимали». Когда сборы заканчивались, наступал очень волнующий момент: «Отодвинули камень от норы. Сердце чуть из груди не выскакивает». Нельзя было отвлекаться и привлекать внимание, поведение не должно было ничем отличаться от немецкого: «Мы бежим с Леной. Уже идем по улицам, выложенным камнем. У одной изгороди на дороге валялись яблоки. От ветра попадали. За изгородью стояла яблоня. Мы даже побоялись нагнуться. Переступили через яблоки и почти бегом помчались дальше по улицам. Вокруг стояли симпатичные каменные домики».

Девушки в первый раз оказались в городе и не знали, где что находится: «магазины или мастерские. Наткнемся, думаем, сейчас на стражу и заберут нас в концлагерь. Решили открыть одну дверь». Натолкнулись на дверь фотографа: «Попали мы в фотографию. Фотограф — немец, уже немолодой. Видать, привыкший, что к нему заходит кто угодно. Мимикой показал на множество фото». Девушки привели себя в порядок и решили сфотографироваться по пояс — так было дешевле: «Они стоили марки. Мы показали — по пояс. Дешевле. По пояс так по пояс. Мы сняли шарфы, которыми были повязаны по-немецки. Распустили косы».

Но часто выбраться в город не удавалось. Обстоятельства складывались по-разному: то не получалось отвлечь патруль, то набиралось денег, чтобы что-то купить: «Проходила иногда неделя, вторая, месяц. Невозможно было пройти через проволоку. Да и не было у нас марок немецких».

Тоня описывала только удачные походы в город: «На днях мы с Полей П. ходили уже в город и нам повезло. Купили винегрету, сфотографировались (1,60+2 марки), купили пачечку сыру (40 пф.). И одна немка дала нам талон на 1 кг хлеба. Мы заплатили 60 пф. за маленькую буханочку. Поля еще взяла 2 бутылки лимонаду по 80 пф».

Одной из проблем, с которой Тоне пришлось столкнуться, оказалось совместное пребывание довольно разных девушек в одной комнате длительное время. Естественно, что будут обиды, ссоры, выяснение отношений. Тоня отмечает: «Некоторые любят шутить над другими, но не любят шуток над собой. И поэтому отношения становятся натянутыми». Она несколько раз описывает ссоры; иногда они происходили из-за расстановки кроватей, иногда из-за выброшенной из печки картошки, из-за денег, а иногда никто и не понимал причины. «У Лены и Уляны получилась перебранка. Лена сама не знает почему. “Уляна!” — сказала Лена, собираясь что-то спросить. “Не гавкай до мене”, — по-украински сказала Уляна». Но самым неприятными в этой ситуации были начавшиеся кражи.

ПОИСКИ ЕДЫ

Ежедневно голод давал о себе знать. Чтобы заполучить еду, были хороши все способы: «Одна мечта: только бы что-то в рот положить. Схватить и положить. Независимо от того, как оно лежит. Можно его брать или нет, нет — значит украсть. Мы все были голодные. Ходили, как звери. Еле тянули ноги».

Проблема поиска пищи ставила перед ней вопрос о допустимости краж продуктов. Тоня все же несколько стыдится этого, но в конечном итоге, приходит к выводу, что это необходимо делать ради выживания. «Нам ничего не оставалось, как самим брать... Мы же вслед ходили, как голодные псы, воровали, если удавалось. На мусорниках искали пропитание, чтобы не умереть с голоду».

Проходя через кухню, можно было найти что-нибудь съестное — постоянная забота бедных голодных работников: «По пути набрали с Леной картошки в карманы. Лена ушла брать воду. Жду, жду, а ее все нет. Уже надо идти на ужин». В этот раз удача улыбнулась оstarбайтерам: «Вдруг Мария Лакеева тревожно подзывает меня и, запыхавшись, говорит мне на ухо: “Никому не говори — мы нашли мешочек картошки”. Пошли на ужин. Скорей поели и еще

никто не вышел из столовой, а мы уже побежали смотреть этот мешочек. Лена и Мария схватили мешочек и мы понесли его за барак, где висело белье, простыни».

Девочки очень волновались, лишь бы их никто не заметил: «Бежали по-над проволокой, за которой была канава и насыпь железнодорожная в виде бугра. Добежали почти до высокого дерева. Было очень холодно. Мы очень боялись, чтобы никто нас не застукал... Положили мешочек на лед, между сухой травой, и побежали назад в барак. Наварили картошки, наелись. Остальная осталась лежать там на льду. На дворе мороз. Неужели до завтрашнего дня замерзнет? Ладно. Что будет, то и будет...» Весь день они ходили взволнованные: «На второй день, во вторник, пришли мы в 5 часов вечера. А целый день мы были беспокойные. Растаял лед, бежала вода. Значит наша картошка потонула. Вечером побежали туда. Но на льду ее нету». Однако фортуна была на их стороне: «Какая-то добрая душа ее перенесла на рядом находившийся бугорок. Мы взяли ее. Переделали еще вчера. Забрали и хоронили около барака. Перед ужином втащили в шкаф в комнату. Наварили, наелись». Этот день, когда все, наконец, наелись, девочки запомнили надолго.

Во время краж девочки буквально ходили по лезвию ножа, потому что немцы относились к воровству строго: «В субботу и воскресенье обычно везли на подводах морковку, брюкву, картошку в сторону столовой. Мы следили и все хватали с подвод. За каждую морковину или брюкву нас били и крепко».

Остарбайтеры ужинали в конце рабочего дня: «В пятницу работали до 17 минут 11-го ночи. Шли на ужин — было темно. Ничего не было видно». «В ужин суп мучной, хороший, но я не наелась». «На ужин дали суп — вода и морква. По половине мисочки». «На ужин был мучной суп — вода, заваренная мукой. Но он нам казался вкусным. Выпили в субботу по 3, в воскресенье по 2 кружки пива. В одну кружку входит два стакана». «В это воскресенье сахара не было. В обед и ужин суп — вода и капуста. И больше ничего. Мы едим все подряд. Теперь уже ничего не выливаем. Пьем много, но еще больше хочется кушать».

«КАКАЯ НАША ЖИЗНЬ!»

Один раз Тоню отправили убираться в конторе «большого» цеха. И в момент, когда надзирательница отошла, девочка

решила узнать новости, включив радиоприемник. Она сильно волновалась, ведь могла получить немалое наказание за такую выходку. И вот поймала «Москву»: «Я слышу бой Московских Курантов. Я слышу голос Юрия Борисовича Левитана. “От советского информбюро. Говорит Москва, говорит Москва! Пораженные войска противника успешно отходят...”» Но избежать встречи с надзирательницей не удалось: «За спиной Кретья нервно дышит. Я слышу ее свист. Я выключаю приемник. Я смотрю Кретья в глаза. Мы два врага встретились». Кретья могла сильно покалечить девочку или даже убить на месте, но вместо этого просто выкрикнула одно слово: «Вэк!» — кричит Кретья. Это слово я хорошо знаю. Это значит: пошла вон!»

Выдавались тяжелые вечера, особенно после травм, полученных на работе: «Пишу мало. Руки обожгла на сварке. Детали горячие падают на брюки и руки. От искр брюки не загораются, а загораются от горячих, красных деталей. Ведь я их нагреваю докрасна». После работы порой не оставалось абсолютно никаких сил: «Притупляется мысль, сил хватает только отработать смену и дойти до барака, лечь на матрац с клопами и чувствовать, как помалу отмирают клетки тела. Но умирать не хотелось никому. И началось выживание, у каждого свое».

Далеко не всегда девочки работали в дневную смену: «Меня и Тоню Голикову перевели в ночную смену. Лену раньше перевели в тот цех в ночную. Я жалела, что будем не вместе, потому я туда и попросилась». В ночь условия были еще тяжелее, так как организму было очень трудно перестроиться, и желание спать становилось непреодолимым: «Очень хотелось ночью спать и есть. Ночью работали, а днем спали. Мы не чаяли, когда пойдем опять в дневную смену. Мы не видели белого света».

Одним словом, работа в ночную смену была невыносимой. Тут и хроническое недосыпание и усталость («Очень хотелось спать. А надо руками и ногами двигать... Так проходят ночи»), и холод («В цеху ночью было очень холодно». «Бесконечные, холодные ночи, когда у тебя в душе и души нет»), и скудное питание («Нам ночью давали суп, который был очень плохой. Пустая вода. Мы не наелись. Мы остались голодными». «Днем нас не кормили, только ночью»), и еще более раздраженное начальство («Мастера звали Гани, он был плохой и злой. Злился и бил. Один раз он побил Клару Харченко и она тяжело заболела»).

ТРАВМЫ

В связи с этим рабочие травмы происходили довольно-таки часто: «Недалеко от моего станка в ночную смену работала Катя с Днепропетровска с красивыми, длинными, русыми косами. Волосы были волнистыми и пушистыми. Катя работает. <...> Ихние станки впереди от меня. Уже светает. Слышу страшный крик. <...> Обе кисти рук попали под пресс. Косточки раздробило, пальцы висели на одной коже. <...> Три пальца потеряла на левой руке, три на правой. Я все время думала, как она будет расчесывать волосы на голове? Я долго ее не вижу...»

Жестокая участь не обошла стороной и Тоню: «Я сейчас дома. И кто бы мог подумать? 16-го я писала в дневник. Все было нормально. Это случилось 17-го сентября». Ее определили работать в старый цех за отдельно стоящий пресс-станок. К этому времени она чувствовала огромную усталость, ее внешний вид становился все хуже: «Я смотрю на худую Лену, с провалившимися глазами. Смотрю на девчат. Все они посинели. Себя я не вижу».

Отвлекаться было нельзя ни на минуту: «Вдруг подбегает ко мне мастер, тянет за руку к станку. Кричит: здесь будешь работать. Металлические, чуть продолговатые пластинки надо было подкладывать под пресс, нажимать ногой. Когда ногу убираешь, поршень меняет положение. Он опускался и подымался без конца. Надо было быстро вставить лист железа, а на следующий раз, когда он подымется, вынуть это железо. Только это уже не железо, не кусок его, а вогнутая форма. <...> Успеть ровно положить лист, если неровно — поправить. Иначе формы не будет. А будет пол или четверть формы, т. е. брак. И тогда палка по голове».

Тоня ничего не могла с этим поделать: «Я сопротивлялась, как могла. Не хотела садиться за станок. Работа в ночную». Она теряла ясность сознания, и монотонность работы выводила из себя: «В сердце холодит. И ты сам уже не человек, а превращаешься в камень, в железо. Ты не отделим от машин. Ты создаешь шум машин. И слушаешь их песню. Песню войны и железа. Не хотелось ни петь, ни разговаривать. Эти чугунные машины тебя преследуют и в бараке. Сливаешься с ними. Нет никому дела до тебя. У каждого свое дело, свои заботы. Друг у друга не спрашиваем, что мы делаем».

Тоня больше не могла терпеть, так хотелось спать: «Боже, хотя бы не заснуть...» И вскоре это желание оказалось нестерпимым, она заснула, видела сон и попала под пресс. «Я очнулась. Сбежа-

лись люди, а вернее рабочие цеха, которые работали поблизости. Мастер выключил пресс, а меня с окровавленной рукой повели в поликлинику. Здесь при заводе. Врач, дремавший и ожидавший в белом халате, обмыл под краном мою правую руку. Сказал: “Зэргут”. Травма девочки оказалась ужасающей: «И тут я увидела свой указательный палец на правой руке. Это не был палец. Он раскололся впродоль пополам. Насквозь пробило кость. Палец напоминал открытый клюв цапли. Выше первой косточки палец раздвоился, был перебит. Ноготь также был разбит, разрублен на две части. Вот мне теперь с этой болью, с этим клювом предстоит работать, писать, ждать конца войны».

О здоровье остарбайтеров никто не заботился, лечение было довольно странное: «Врач был пожилой мужчина. Быстро достал вату, заложил между костями или в клюв. Перевязал бинтом и сказал: “Иди”. Ничем не мазал. Через марлю просочилась кровь. Я закрываю дверь этой горе-поликлиники и не знаю, куда мне идти».

Еще очень долго травма давала о себе знать: «11 дней уже я болею с пальцем. Меня всю трясет, тошнит...» Единственным позитивным моментом, если так можно сказать, было то, что она, наконец, могла хорошо выспаться и отдохнуть от работы: «Вбегает Вера Чумакова и говорит: “Тоня, смотри прозеваешь обед”. Она бегала узнать насчет обеда. Ничего себе! Обед в 2 часа дня. И я так долго спала! Мы обрадовались. Сходили на обед».

«Я не могла писать. Пробовала писать левой рукой. Не умею. Вот и пишу правой рукой. Палец очень болит. Я его не трогаю. Стараюсь его держать кверху. Остальными пальцами пишу. Палец и не думает заживать». «Очень скучно и сумно. Палец болит по-прежнему. Что хочешь, то и делай с ним». «Я сплю как попало. Ночью могу не спать. Палец дергает. Терплю, чтобы не орать, не разбудить никого».

Тоне приходилось посещать врача. И во время одного визита он заявил, что палец лучше отрезать. Это так напугало девочку, что она быстро выскочила из кабинета и больше там не появлялась: «Врач развязал мой палец. Палец стал большой, распух. Но все же начал зарастать. <...> Врач был какой-то быстрый. Он сказал, что палец надо отрезать, что он не заживет. <...> Он так уверенно сказал: “Вот здесь”. Говорил он по-немецки. И ушел быстрыми шагами в другую комнату. Зачем он ушел?.. Я вожу глазами и ищу дверь, в которую вошла. Вокруг шторы, на дверях тоже. И все вокруг белое. Вот я уже за дверью, закрываю ее потихоньку и бегу. Бегу не

оглядываясь. Где взялись силы? Бегу что есть духу в бараки, будто бы кто-то за мной гнался. Я ни разу не оглянулась». Она сама лечила свой палец, прибинтовывая его к дощечке, чтобы тот не беспокоил, и через боль вычищала остатки ваты.

Лена во всем старалась помогать своей сестре, и не только ей: «Лена сама получает хлеб и мне приносит с тех пор, как я начала сидеть дома с пальцем. Лена у нас молодец. Она не только мне, но и Вере Чумаковой получает...»

ИЗ ПЕКЛА В ПОЛЫМЯ

Тоня и другие девушки пытались, как могли, бороться с фашистами, выбрасывая металлические пластинки, которые должны были делать. Но в конце концов немцы это обнаружили.

В 1944 году Тоню отправили в штрафной лагерь. О том, что это такое, она догадывалась. Некоторых непокорных девушек немцы отправляли туда для «перевоспитания». Там побывала Надя, переводчица, но по возвращении даже не захотела говорить о том, что было. Туда же отправили Клаву Кочукову за то, что она отказалась подметать в цеху.

Попав в штрафной лагерь, Тоня оказывается в другой, еще худшей реальности. Тяжелая и давящая атмосфера лагеря, голод, издевательства над людьми и горы трупов. «Здесь было тысячами узников. Это был ад. Давали в день по 1 половнику супа и все. Больше ничего. Умирили многие».

Она постоянно хочет есть. «Сумасшедший голод терзал, готова проглотить все. Рези от голода в животе, сушило язык».

Не хватает света, воздуха. «Леер. Душно. Свет солнца не проходит, тошно. Не проветривались помещения. Затхлый запах соломы. Смотрела на вывозившие трупы из лагеря военнопленных»

Снова записи о еде. Голод перекрывает другие чувства. «Леер. Капусту дал один парень. Ели сырую капусту».

Она видит издевательства над заключенными. «Одного поляка били, держа за ноги. И били его голым об землю».

Тоня и ее подруга Шура попытались сбежать, это им даже удалось, но после блужданий по округе они вернулись обратно в лагерь: «Перекресток. Немка пустила нас вдвоем. Долго мы искали дверь входную, т. к. было в дом 2 двери. Плита еще была теплая и хозяйка с заботой сушила наши чулки капроновые, которые стали рваться. Она дала нам кофе, долго объясняла, где Леер.

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

Собаки овчарки, лужи воды.

Я не знала, идет Шура или нет, но я шла мимо собак. На дороге немец ехал на мотоцикле.

Леер — нарастающий сухой треск мотора, мотоцикл. Машина замедляла ход и остановилась. Не выключая мотора. С коляской.

Я бежала с подругой отсюда, но назад возвратилась.

Эсэсовская фуражка, череп на фуражке. Череп на эсэсовской каске».

За побег ее приговорили к уплате штрафа в 100 марок. «Собирали в лагере фабрики Klatte деньги 100 марок. Лена и выслала в Леер — штраф». Даже находясь в разных городах, люди старались помочь соотечественникам.

Нас удивило, что за попытку сбежать девушке выписали штраф. Все могло закончиться гораздо хуже.

«...И СПАСАЛА»

Однако после попытки побега и выплаты штрафа Тоню освободили из штрафного лагеря и вместе с сестрой отправили в Голландию работать у хозяйки-немки. Это оказался тот самый глоток свежего воздуха, который воодушевил девушек и постепенно возвратил их к жизни. Отношения между хозяйкой-немкой и ее работницами можно назвать доброжелательными, но все-таки чувствовалось определенное недоверие. «Хозяйка обыскивала наши с Леной постели».

Начались бои за освобождение Голландии, война опять наступила Тоню. «Взрыв! Сильно! Самолеты бомбили днем и ночью».

27 апреля в городок вошли войска союзников. Наконец-то наступило долгожданное освобождение от плена, люди ликовали. «Колонна танков, самоходных орудий и транспортеров. Мне сделалось дурно. Военнопленные. Бессонная ночь. Ломали ветки. Оживленная болтовня. Англичане в касках. Американцы хохочут».

Через три года она вновь будет вспоминать этот день.

«27 апреля 1948 года. Вторник.

Этот день для меня памятен. В этот день почему-то сердце сжимается и хочется плакать. Но слез никогда нет. И зачем они? Они были на протяжении двух лет 7-ми месяцев и недели. А в этот день мы были с тетей Нюрой одни у моей хозяйки. И вдруг: танки с белыми звездочками. Невольно катились слезы. “Это наши!” Они освободили нас. Но они были не русские.

Сейчас передо мною эта картина. Улица, канал посреди улицы. Мы по эту сторону канала, солдаты–поляки по ту. По воде плывет фашистское разорванное знамя, а на том берегу портрет Гитлера, в которого стреляют солдаты и стараются попасть прямо в глаз...»

«ДОРОГА ДЛИННА ДО ДОМА»

После освобождения все мысли Тони были о возвращении, о Родине. Она ни на минуту не сомневается — она едет домой. «Нет, еще не все потеряно. Еще расцветет наша Родина, расцветут сады, зацветут цветы, поплывут корабли, понесутся спуст... <слово не прочитано>. А мы поможем, сколько есть сил».

Появляются и мысли о будущем, что ей делать, кем быть? Ведь у нее нет образования, да и кому она вообще будет нужна.

После пересечения границы Советского Союза Тоня была поражена разорением: «Проезжали Белоруссию. Сожженные дома, села, разрушенные города. Стоял босой старик в латаной сорочке. Он улыбнулся и поклонился нам. Мы машем ему руками, смеемся, мы рады. Нас встретили».

Это была своя, родная земля. Отец и мать ждали своих детей после долгой разлуки. Не вернулась с ними Валя Щебетовская. Крик Валиной мамы, которая только узнала о смерти своей дочки, омрачил долгожданную встречу. Подтвердились горькие известия о гибели брата, узнали о гибели бабушки. Но все же они переживали чувство радости

...К сожалению, радость была недолгой. Их включили в число «предателей родины».

«Когда возвратились — нас будто обдали сверху донизу помоями». «Самое большое горе было у нас, что мы, горячо любившие Родину, были теперь предателями. Когда пели песни, казалось, из наших уст вырывался крик: “Ведь вы сдали Родину и заставили девушек в Германии служить!”»

«Психологический кризис» — этими словами Тоня обозначает свое состояние после возвращения.

«НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ НАМ ХВАТИТ ГОРЯ И ПЕЧАЛИ»

Это был самый страшный удар, ведь люди, которые боролись за свою страну и всей душой любили Родину, теперь стали преступниками. Власть поставила на них позорное клеймо. Тяжелое

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

душевное состояние и неопределенность наносят сильный удар по психическому состоянию Тони, что отражается по строкам в дневнике.

«Я приехала домой умирать. Я лежала и не подымалась с постели».

«Вспоминаю я завод Klatte. Почему тяжело на душе? Пятно на душе. И чем дальше, тем больше оно растет. Оно не смоеется».

Было даже некому рассказать о своем горе, о том, через что пришлось пройти...

Было непонятно, куда идти, где учиться, ведь она сейчас никому не была нужна. «1945 год. Я была не образована, не воспитана. Речи не было. Был язык — смесь русского, украинского, западно-украинского, белорусского, немецкого, польского. Я забыла все. Начинаю с азов. Я поставила задачу: достигнуть цели, учиться».

Прошлое постоянно давало о себе знать и не отпускало. «Уже прошел 1946 год. Но я все помнила, что происходило с 20 сентября 1942 года по 27 октября 1945 года, перебирала в памяти. Как мы с Леной, вернувшись в Штеровку из Германии, прыгнули с товарного вагона и увидели отца. Как плакала мама. Томочку мы не узнали.

Я бьюсь, как рыба об лед. Как жить дальше, я не знаю. Адское настроение у одних, у меня даже нет адского. Мне кажется, что я скоро умру. Немцы забрали мое здоровье. ...Болит желудок, сердце.

Зачем мне идти на танцы? Болит в боку.

Я задыхаюсь в этой атмосфере. Я жду изменений во всем. Хочу забыть медицину».

И все-таки она нашла в себе мужество учиться.

«Учились при лампе керосиновой.

Учились мы днем, а некоторые вечернюю школу кончали тут же. 13 апреля 1947 года. ...Я училась».

«3 апреля 1948 года. Компенсированный порок сердца». Кажется, поставленный диагноз мог сломить девушку, но она продолжала идти к своим мечтам, преодолевая трудности.

«Энерготехникум я поменяла на Плодоовощной техникум. Учусь. Из меня выйдет агроном-инвалид. Стала изучать народную медицину».

Эти строчки показывают всю картину психологического состояния Тони: «Прощайте подруги и все друзья, у меня нет сил вам отвечать на письма. Учитель зашел в комнату, а я не смогла подняться и его поприветствовать».

Редкие и неожиданные встречи с подругами по немецкому периоду жизни поднимали настроение, но и толкали обратно в прошлое.

«1947 год. (О событиях 1946 г.)

Когда училась в Зуйгрэсе, я ехала домой ночью с 6-го на 7-е ноября. Подходит ко мне одна женщина, похожая на цыганку, и начинает говорить и улыбаться. Я думаю, что ей надо от меня? А, между прочим, лицо знакомо. Где я могла видеть эту не то женщину, не то девушку? «Наташа! — вдруг вырвалось у меня. — Это ты!»...

Наташа рассказала мне о своей жизни. Она замужем за артистом.

Встретились впервые мы с Наташей уже давно. Еще в 1944 году, когда Ольга Безродная попала к бауэру и я приехала в гости к ней. Мне очень понравилась жизнь и Ольги, и Наташи, а также Юзефа, Гриши и других.

Вспомнила все. Мы с Наташей одногодки.

Наташа рассказывала за Полину Парамонову и ее сестру Шуру. Полина имела ребенка, который умер. А с Харькова пишет Феня, все добывается узнать за Полину. Она хочет сообщить о ней Васе Бондаренко. Вася Б. бросил Полину. От него был ребенок у нее. Он даже не знает, родился ли ребенок, мальчик или девочка».

Ее сестра Тамара Емельяновна рассказывает о жизни Тони после окончания учебы: «На практику из Плодоовощного техникума она ездила в село в Крымских горах. Там же в трех селах, расположенных в 2–3 км одно от другого, прошла и вся ее остальная жизнь. Ее мужем стал Яша Татаренко, работавший шофером. Отец Яши (Зиновий), татарин по национальности, героически погиб в боях за Севастополь во Второй мировой войне. Мать (Лилия), украинка, была убита молнией в грозу... Яша был человеком безграничного обаяния, обожаем и любим всеми женщинами подряд — от маленьких девочек до старух».

После окончания техникума Тоня вышла замуж, но, к сожалению, муж рано погиб, оставив ее с двумя детьми.

«Ей дали крошечную комнату при конторе — примерно 4 кв. м, — продолжает рассказ Тамара Емельяновна. — Затем она переселилась в комнату 9 кв. м в барачном глиняном доме. Из них примерно 1,5 кв. м занимала печка. Две кровати, маленький столик, люлька для ребенка — вот и вся мебель. Все вещи лежали в чемоданах под кроватями, там же — ящик с рукописями и другими бумагами.

«Я начинаю понимать, что такое жизнь и смерть»

Крошечная зарплата позволяла покупать хлеб, постное масло, соль и сахар. С казенного поля в карманах приносились овощи и фрукты. В сумке носить было нельзя — за это тогда сажали. Одеждой была в основном всякая рвань.

Помню дружбу Тони с многодетной семьей Карачевых. С матерью детей Любой у Тони была многие годы одна общая на двоих выходная черная юбка — для поездок в больницу, на сдачу отчета по работе и т. д.».

Дальше было лучше. Благодаря родственникам появилось хорошее и просторное жилье. Семья переехала в село Отрадное. В этом большом селе, расположенном в долине горной речки Бельбек, поселились в роскошном татарском двухэтажном доме из натурального камня, с несколькими комнатами, большим балконом и верандой.

Тяжелая жизнь в колхозе. Отсутствие еды и средств к существованию, но все равно Тоня помогала своим родственникам и близким, хотя сама нуждалась в серьезной помощи.

«Голод, нищета, иногда ужасающая, и холод оставались Тониными неизменными спутниками. Работа агрономом в колхозе села Отрадное, который выращивал преимущественно табак, была мучительной. Платой за труд являлись мифические трудодни и больше ничего. Ради того, чтобы получать пусть даже крошечную, но ежемесячную, зарплату, она перешла на работу продавцом в магазин.

Работа была тяжелая — с выездом на выходные дни (иногда более чем за 150 км от села) на уличную торговлю, с необходимостью погрузки на машину и дальнейшей разгрузки товара, с ненормированным рабочим днем и нередко без выходных и т. д.

Выполнение жесткого плана по выручке в бедном селе было трудной задачей. Иногда приходилось вечерами до глубокой ночи разносить мешки с товаром по домам и уговаривать сельчан хоть что-то купить... Зарплата же была ничтожной. Когда младший сын Николай вернулся из армии и Тоня составляла список необходимых ему предметов одежды и обуви, ее объял ужас: нужная для покупок сумма денег в разы превосходила ту, которая была в наличии. Снова и снова она переходила на режим запредельной экономии, отказывая себе во всем, порой в самом, казалось бы, обязательном. Сводить концы с концами помогал лишь участок земли при доме».

Несмотря ни на что, Тоня старалась прививать любовь к прекрасному своим внукам, воспитывала и занималась ими. Пенсионеркой снова устроилась помогать в колхозе, где ее уважали и ценили, хотя серьезно помочь никак не могли.

«После ухода из магазина Тоня самоотверженно работала какое-то время на колхозных полях, понимая, что кроме как пенсионерам колхозу больше некому помочь. И была она тогда уже не агрономом, а простой крестьянкой. Ее рукам, “украшенным” грубыми шрамами, которые она привезла из Германии, было неведомо безделье, так же как и перерывы и передышки в труде. Ее награждали почетными грамотами, медалью, объявляли ей благодарности».

Даже спустя много лет германское прошлое не давало спокойно жить и мешало потомкам Тони.

«Пятно в анкете Тони в связи с ее пребыванием в Германии во время войны долго оставалось не смытым. Из-за него ее сына Анатолия не приняли на работу в милицию города Ялта».

Воспоминания — это то, что осталось у Тони от периода оккупации и принудительных работ. Но возвращаться в прошлое было очень тяжело. Тоня очень боится, чтобы ее записи не исчезли бесследно, иначе ее жизнь не будет законченной. Она записывает на последних листах своих воспоминаний:

«Я знаю, что человеку свойственно все забывать. Но стоит взглянуть на запись, как все вспомнишь.

40 лет перестанавливаю этот пузырек (который ездил в Германию в виде чернильницы).

Вечерами начала писать воспоминания о прежней жизни. Писать очень трудно. Разрывается сердце на части. Больше 1–2 часов нельзя писать. Надо переключаться на другую работу. Так как самочувствие сильно ухудшается. Особенно болят и колят кончики пальцев и прежние шрамы.

Я на пенсии. Надо торопиться, чтобы успеть написать».

«Если бы не ужесточившиеся болезни, — говорит ее сестра, — годы жизни Тони у сына можно было бы назвать самыми счастливыми. Она была окружена вниманием и заботой детей, внуков и невесток. В письме она писала, что еще никогда так вкусно не питалась. Печалилась лишь о том, что не получается завершить работу над рукописью».

К сожалению, болезнь не отступила. Тоня умерла человеком доброй души, пройдя через ад оккупации и угон в чужую страну, через тяжелые разочарования после возвращения на родину; никакие трудности не сломили дух этой женщины, и она сохранила для нас историю своей жизни.

«Алатырский дневник»

Елена Кройтор

школа № 3, г. Алатырь, Чувашская Республика

научный руководитель Ирина Геннадьевна Сарбаева

В преддверии 70-летия Победы в Великой Отечественной войне сотрудники Алатырского краеведческого музея провели работу по оцифровке фондовой коллекции фронтовых писем жителей Алатыря — участников войны и писем родственников, отправленных на фронт своим сыновьям, братьям и мужьям. Всего коллекция насчитывает 223 письма. Музейными работниками планировалось перевести и обработать эти уникальные рукописные документы с дальнейшей их публикацией. Сложность состояла в том, что некоторые письма плохо сохранились; проблематично было расшифровать трудночитаемые подчерки авторов писем (многие из них были написаны еще в 1941 году). Предстояла большая работа, осуществить которую силами сотрудников музея не представлялось возможным. Музей искал помощников...

Мне предложили перевести дневник неизвестного алатырского мальчика, написанный в период с 1 мая 1944 года по 8 мая 1947 года. Этот уникальный исторический документ и стал основой моей исследовательской работы.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКА

Дневник неизвестного школьника поступил на хранение в Алатырский краеведческий музей в 2004 году из личного архива первого директора музея Юрия Борисовича Новикова (1950–1995) и представляет собой часть тетради (22 страницы) из грубой бумаги серо-коричневого цвета. Основная часть дневника написана пером синими чернилами, есть также и карандашные подписи. Отдельные страницы дневника очень плохо сохранились — бумага загрязнена, чернила расплылись, что вызвало сложности при разборе текста документа. Почерк автора вполне разборчив, несмотря на то, что меняется на протяжении всех записей — то он ровный и опрятный, то небрежный и размашистый, когда видно, что автор очень торопится.

Записи в дневнике велись в течение трех лет: с 1.05.1944 по 8.05.1947 год. Всего в дневнике 26 записей, 21 из них сде-

лана в 1944 году, 3 записи в 1945 году и по одной в 1946 и в 1947 годах.

Имя автора дневника неизвестно. Из самого текста определить его имя и фамилию тоже невозможно. Достаточно уверенно можно сказать, что он принадлежит мальчику, ученику школы в возрасте от 13–14 лет до 16–17 лет. Это можно установить по отдельным записям: «...сказали, что через 2–3 дня дадут свидетельство об окончании 7-ми классов» (6.06.44) и «...до свиданья после экзаменов на аттестат зрелости...» (8.05.47). Получается, что в 1944 году мальчик окончил 7 классов, а в 1947 году — 10 классов средней школы.

В источнике ни разу не упоминается место жительства автора, но, описывая свою жизнь, он неоднократно упоминает о своих походах на речку Суру (в районе Духовой рощи), в кино, театр, в железнодорожный клуб; о поездке в село Алтышево на поезде. Из этого можно сделать вывод, что дневник написан в городе Алатыре.

Грамотность автора достаточно высокая — ошибок совсем немного. При расшифровке записей мы исправили эти описки, грамматические и пунктуационные ошибки, сохранив при этом стилистику и особые авторские выражения.

ШКОЛА

Проанализировав дневниковые записи на тему учебы и школьной жизни (всего их в дневнике 10), можно сделать вывод, что автор учится почти на отлично, сдает «испытания» (видимо, в то время это слово было более употребляемым, чем «экзамены»), рассуждает о своих учителях, беспокоится, как пройдут испытания на аттестат зрелости.

2 июня автор говорит об окончании испытаний и делает предположение, что в итоговых оценках у него будет одна «четверка», остальные «пятерки», однако на одну «четверку» он ошибся. Через четыре дня мальчик пишет: «папа ходил в школу за табелем, но его не дали, а сказали, что через два–три дня дадут свидетельство об окончании 7-и классов. У меня 2-е четверки, остальные пятерки» (2.06.44).

О хорошей учебе и грамотности можно судить по самому тексту дневника — автор четко излагает свои мысли, описывает разные жизненные ситуации, подробно пересказывает

содержание книг и кинофильмов, рассуждает о смысле жизни и любви.

Следующие дневниковые записи относятся уже к учебе в 8-ом классе, в одной из них он рассказывает о своих учителях: «Классный руководитель, учитель по немецкому языку, Наталья Николаевна. Прежде она была очень простая, не твердая учительница, а теперь, думаю, лучше. У нее придется посидеть над немецким, но, как сказал Суворов: “тяжело в ученье, легко в походе”. Географа можно принять, по лицу, за твердого учителя, но мне кажется, что под ее суровой оболочкой скрывается простая душа» (1.10.44). И 5-го декабря 1944 года: «Сегодня в школе вечер. Я не ходил: как-то неловко. Немецкий немного подается. Получил 4».

ПОИСК ПО ФАМИЛИЯМ

Даже после внимательного прочтения дневника имя и фамилию автора узнать не удалось. Меня заинтересовала возможность установить авторство, проанализировав упоминания других имен и фамилий из его окружения. Соседями мальчика были Банниковы: «За смолой ходили к Банниковым (соседям)» (22.08.44). Еще одна фамилия из текста — Родионовы: «Сегодня у Родионовой умер сын от туберкулеза» (12.06.44). Кто такая Родионова — соседка, знакомая или родственница? Неизвестно. Далее встречаем такую фразу: «Сегодня впервые пошел в школу, появились новые товарищи, Гусев и Бидерман (не все буквы в фамилии четко видны. — Е. К.) поступили в техникум “товарообмена”» (1.10.44). Скорее всего, эти мальчики были одноклассниками автора, но по окончании 7-го класса ушли учиться в техникум (что именно за «техникум “товарообмена”», мне выяснить не удалось). Пишет автор и о своем друге Косте Назарове: «вечером пришел Костя Назаров и утащил на улицу» (2.05.44).

Все вышеперечисленные фамилии не дали никакой дополнительной информации. Уже потеряв надежду найти любые сведения, хотя бы косвенно указывающие на личность автора, появилась зацепка, запись в дневнике от 5 августа 1944 г.: «У Хаврониных была панихида по брату». Здесь речь идет об убитом на фронте брате Маруси Хаврониной (о ней я напишу дальше).

Если Хавронин погиб на фронте, то его фамилия должна фигурировать в списках воинов — уроженцев Алатыря, погибших

в годы Великой Отечественной войны (Фонд Алатырского краеведческого музея). В этом документе зафиксированы две записи с нужной нам фамилией: Хавронин Петр Степанович, сержант, погиб 22.10.41 г. и Хавронин Николай Степанович, старший сержант, погиб 29.04.44 г. Найти более точную и подробную информацию об этих людях, помогла электронная база данных сайта «Мемориал», где выставлены документы из архивов Министерства обороны:

«Хавронин Николай Степанович гвардии ст. сержант, механик-водитель, член ВКП(б), г. р. 1920, место рождения: Чувашская АССР, г. Алатырь, призван Алатырским РВК Чувашской АССР, сгорел в танке 29.7.44 г., похоронен в д. Березки Латвийской ССР, отец — Хавронин Степан Иванович, место жительства: Чувашская АССР, г. Алатырь, ул. Первомайская, 106».

Так как эта фамилия достаточно редкая, то можно предположить, что погибший танкист — брат Маруси Хаврониной. При дальнейшем исследовании и обращении к электронной карте улиц города Алатыря, выяснилось, что дома № 106 по ул. Первомайской на сегодняшний день не существует. Рядом значились дома за №№ 108, 110, 112 и т. д. Посетив эти дома, я выяснила, что на месте бывшего дома Хаврониных построены гаражи. Со слов соседки из дома № 112, узнала, что дома, который я ищу, не существует более 20 лет. А пожилые соседи из дома № 108 и 110 умерли.

Пока что таким способом установить имя автора дневника не удалось.

ВОЙНА

«Сегодня наши войска взяли Севастополь, и Москва салютовала 24 орудийными залпами из 324 орудий. В результате, Крым целиком наш!» (1.05.44), — с этой торжественной фразы начинается дневник.

Из 26 дневниковых записей 12 посвящены событиям войны, основная часть сделана в 1944 году. По ним можно проследить хронологию фронтовых новостей, сводок. Некоторые фразы начинаются со слов «сегодня по радио». Радио в то время было главным источником информации.

25 мая. «На фронте без перемен».

6 июня. «Вчера англичане в Италии взяли Рим — столицу Италии, а у нас на фронте без перемен. Вечером, в восемь часов, по

радио передали, что союзные войска высадилась на побережье Франции, т. е. открыли второй фронт».

8 июня. «Дела во Франции у союзников идут успешно. Немцы не оказывают серьезного сопротивления».

12 июня. «Сегодня по радио передали, что наши 5-го прорвали линию фронта на Карельском перешейке».

21 июня. «Сегодня утром по радио сообщили, что наши войска взяли Выборг».

6 августа. «Наши дела на фронте идут очень успешно: взяли Ковно и перешли Вислу, но как бы нас не заманили в озера восточной Пруссии. В это время было совершено покушение на Гитлера».

26 августа. «Сегодня (вечером) заключено перемирие с Румынией. На основе нашего предложения. 1. Полный разрыв с Германией. 2. Восстановление границы 1940 года. 3. Возмещение убытков. 4. Возвращение военнопленных. 5. Свободное передвижение по Румынии наших войск. 6. Аннулирование венского договора».

5 сентября. «С Финляндией заключено перемирие. До 15-го они должны выгнать немцев из страны».

Из дневника не ясно, кто из родных и близких автора был на войне. Можно только предположить, что в его семье обошлось без потерь, поскольку такое событие наверняка нашло бы место в записях автора.

Но есть и трагические строки, например, записи о гибели на фронте брата его подруги Маруси Хаврониной, которые я процитировала выше, сделанные 30 августа и 5 сентября соответственно.

Особенно ценными для нас являются две последние записи: одна из них повествует о том, как проходил День Победы в нашем городе. Мальчик описывает состояние одновременно и большой радости, и некоторой нереальности происходящего — автору не верится, что Победа все-таки наступила! В то же время он без прикрас пишет о праздновании Великой Победы. Мы видим реальную картину торжества, в которой есть все — и радость, и печаль, и легкое разочарование от того, что праздник недостаточно хорошо подготовлен...

9 мая 1945 г. «Сегодня в 5-ть часов утра было передано “особо важное сообщение”: Германия безоговорочно капитулировала! Сразу же и не поймешь всей радости, ходишь и не веришь: “Неуже-

ли, Правда?!” “Неужели война кончилась?” Но митинг и речь говорят, что это реальность, не сон, что мы победили! Еще бы не было Японии и, казалось, лучше ничего не может быть. Ходил на митинг. Праздник был не особенно хорош, все плакаты были устроены на скорую руку, но это не было заметно, никакой шик не заменит душевную радость».

Следующая запись сделана много позже описанных выше событий. К этому времени прошло уже больше года с момента Победы. К автору пришел один из военнопленных немцев — в конце 1944 г. в нашем городе был открыт Алатырский лагерь для военнопленных немцев № 463.

30 декабря 1946 г. «Ко мне сейчас пришел немец. Попросил поесть. До чего мне было жалко этого человека. Весь мой урапатриотизм словно рукой сняло. Его обветренные, голубые глаза смотрели тускло, вяло; в них не было ни малейшей мысли, одна усталость, происходящая от голода, от непосильного труда на холоде декабрьских дней. Я заметил, что у него не имелось перчаток, а руки грязные и какие-то скрюченные, неповоротливые. Когда я ему дал кое-что поесть, то ел он вяло, с каким-то кислым лицом, что говорило опять о чрезмерной усталости. А ведь ему было не более 20-ти лет. Глядя на него, чувствовал, что он не виноват, что не по своей воле он шел в свои двадцать лет на фронт, на мороз, голод. Хотелось ему сказать: “Эх, взяли бы своих главков, сжали в кулак да выбросили. И вам было бы хорошо и нам”».

Встреча почти сверстников, русского и немецкого юношей, никого не может оставить равнодушным. Мальчик смог осознать и понять, что рядовые солдаты не были виноваты в развязывании войны. Перед нами сформировавшийся человек 17–18 лет. Он не озлоблен и сочувствует молодому немецкому солдату, дает ему пищу, несмотря на трудные голодные послевоенные годы.

ДОМАШНИЕ ДЕЛА

В дневнике много говорится об участии нашего автора в домашних делах в военное время. Все записи сделаны весной, летом, осенью 1944 г. «Вечером вытащили остальную картошку из подпола потому, что вода уже подбиралась к ней» (10.05.44). Через день засыпает помидорную рассаду слоем земли, а вечером помогает высаживать помидоры в грунт (3.05.44). 6 июня

мало, намерзну либа. Это (у меня) настроение
душило, от отсутствия ежедневной потребности
моей работы.

14 апреля 1945 года — суббота

Мало выполнил за это время в
своей дневник, но выполнил и решил
дополнить хотя бы эту тетрадь
Буду описывать кратко, что было, особенно
психику. (эсе пишу-то очень люблю)
За это время я словно прожил целую
душевую жизнь. Первое время, муча 24,
во мне все кипело, хотелось знаний,
хотелось все знать, прочитать, испытать,
но постепенно шар пропал. Ко всему
стал равнодушен и теперь энергия
моя сошла на-нет. Я встал встал
назавалишу доктору, ахатила. Ноги
я на едаль без был, но она меня
победила. Пришла себя победившая.
Надеюсь, это она меня не доконает и
я снова возроюсь к жизни.

Алатырский дневник

Унес несколько раз пробовал, но безуспешно.
По моему этому прищипка болото в корроз,
а пакопеуеу, но дна моеу найтти дль нел
еюк. Пробовал влобашез в копо-келдуду,
это напомило (хотз) да мнз зиршеу,
но ина тем фронтс потерпел идржтени.
Раз хандра мнз победил, то оту аюеу
ка бою судде. У

У мнз возникло желание узнать
характеры людей. Постараюсь свои
мысли и замечтки писать в дневник.
Может быть что произойдет - тогда буду
интересно прочитать, кроме того
это улучшает мое плохой почерк и
учеб излагать мысли.

За это браил я браил за мпоше, тотни
хорошо зисать пеллудий - бросил, хорошо зисать
вс предмтти - бросил, и наконель писани
стихи. Немного поучилелтаз, написав е
деятели етико творелки, божию милни,
и все еще не дрелл. Что бы ия писани
нико бате возбуждениши, ая хандра,
так то поджалуй мнз не выйдит.

Со стороны пенки и то пошито так;
по брава воздушности без нервная сметана,
уменьшо ридомалт, в там шим и кора, и
в сознании яние вобрастает образы и
приходит купение ридерловатны слова.

2^е мая - среда

2^а дня не надо ходить в школу. Вместо
посвящения их увиде, что я давно не делал,
я 1^е прошлым ушши день, почти ничего не
сделал, Вегерам до 12 дим в ж.д. клубе, Били
танца. Я не танцева, мне ушше, я ушше, не
хожу. Да и вобщем ничего не нахожу
коро шло. В голове ощущение вадной
линии, хотя она там не изди разлетится,
2^е переиздали дв. аймонга, пришел почти
весь день, а ввечером пришел Ростис Назаров
и утащил на ушшу, спасибо ему хотя за
это, а то я замесиваю дама. 1^е видел
в хриш краках праздника. Это там, то дим
дмвани и вадлише пидан. Ушсти вадли
дмитрий уш, но направил в школу сторону.
Не люблю его за то, что он почти в ладен,
слово берет, не скоро разберешь правду ли
он шворит. Из некоторых слов можно
замечать, что он у него летит как у Бван.
в. Мизани вадлине" и. Поняли дм. ш. ш. ш. ш. ш.

Алатырский дневник

Прочитал „Гривой нашей“ Вертавлива.
У нас в литературе давно господствуют
Отелици да Пелорини, два образа людей,
которыми не надо думать, но по-прежнему думать?
Вот такой образ, который надо думать у нас
нет, а это напоминает у нас. А эти книги
описываются дозрившим разномыслием, которое
которого нет в этих германских произведениях.
(9-е мая) - праздник

„Победа“

Сегодня в 5 часов утра было передано
освобожденное сообщение: „Германия
безоговорочно капитулировала!“
~~Кто~~ сразу и не поймешь всей радости,
ходить и не верить! „Какая правда!“
Какая же вайта кончилась? Но митинг
и все говорит, что это на самом деле
не сон, что мы победили! Еще бы надеюсь
японии и казалась, лучше ничего не может
быть. Когда на митинге, Праздник
быть не освобожден кором, все плавают

Алатырский дневник

мальчик пишет: «Посадили одну грядку помидор и как раз вовремя, потому что пошел дождь» (6.06.44). «Сегодня встал очень рано. Сходил с папой вместе за хлебом. Днем перебирал картофель» (17.06.44). По рассказам алатырцев старшего поколения, известно, что в войну хлеб давали по карточкам, а очередь за хлебом занимали с ночи.

Кроме работ в огороде, мальчик смолит сарай: «Пробовал мочальной и тряпочной кистью, но плохо выходило, и я стал смолить просто руками, так что руки не отмываются». И еще цитата: «Вечером уехал в Алтышево за орехами. Поезд опоздал на 2 часа, и я уехал только в 11 часов. На другой день ходил за орехами за 6 км от Алтышево, собрал за 3,5 часа 10 стаканов. На базаре они 10 руб. стакан» (5.09.44). Если мальчик едет в село Алтышево с ночевкой, то у него, вероятно, там живут родственники. А вот цена стакана орехов — это уже не предположение, а факт материальной помощи семье.

КИНО И ТЕАТР

Театр и кино занимают в жизни автора и в его дневнике особое место. После каждого похода в кино или в театр он пишет объемные тексты с подробным пересказом содержания многих просмотренных кинокартин и спектаклей, делится личными впечатлениями, делает выводы. Всего отражено пять посещений кинотеатра в период с 10 мая по 10 сентября 1944 г. и перечислены следующие фильмы: комедия Константина Микаберидзе «Запоздалый жених», документальный фильм «Битва за Россию», киноповесть «Во имя Родины», художественный фильм «Георгий Саакадзе». Кроме этого автор посетил театр и поделился впечатлениями от просмотренных пьесы «Поединок» и комедии «Забавный случай». Следует заметить, что поход на спектакль «Поединок» был первым в его жизни.

Вот пример только одного текста о театральной постановке. «Вчера ходил в театр на комедию “Забавный случай”. В этой комедии у одного богатого отца, имевшего красивую дочь, остановился умный и честный французский поручик, но бедный и младший в семье, что считалось плохой партией. Поручик полюбил дочь, но знал, что гордый отец не согласится выдать за него единственную дочь, и, от отчаяния, решил уехать домой. Но в это время появилась Жанина (так ее звали) и призналась, что его любит, но не

велела говорить отцу. Отец чувствовал что-то неладное и спросил свою дочь: не любит ли она поручика, но она сказала, что он любит ее подругу, Констанцу, но не надеется получить ее руку. Он берется уговорить отца Констанции, но отец не согласился. Тогда отец Жанины дает совет похитить Констанцу и денег на исполнение. Но он (поручик) похитил не Констанцу, а Жанину. Кончилось примирением всех действующих лиц. Действие происходило в Голландии. Главная мысль: не подстраивайте ловушки для близких, или сами попадетесь в них» (26.08.44).

Вызывает особое внимание документальный фильм американского режиссера Фрэнка Капры «Битва за Россию», номинированный на «Оскар» и повествующий о борьбе России с захватчиками на протяжении всей ее истории. В картине были собраны уникальные материалы из архивов США, а также из различных советских источников.

Драма знаменитого режиссера Всеволода Пудовкина «Во имя Родины», выпущенная в 1943 году показывала историю капитана Сафонова, который посылает свою девушку — разведчицу с заданием в оккупированный немцами город. Фильм был интересен своим актерским составом: Михаил Жаров, Петр Алейников, Николай Крючков и Ольга Жизнева.

«Георгий Саакадзе» — двухсерийный художественный фильм, снятый на Тбилисской киностудии режиссером Михаилом Чиаурели по мотивам романа А. А. Антоновской «Великий Моурави» в 1942 году. Картина о борьбе грузинского народа под предводительством полководца Георгия Саакадзе за централизованное государство.

«В пьесе “Поединок” показано развитие немецкого шпионажа и наша борьба с ним. Главные действующие лица с нашей стороны: инженер, изобретатель пушки “ЛН^о 2” Леонтьев. С немецкой стороны — шпион-профессионал Петер Майнер» (20.08.44). Речь идет о пьесе братьев Тур (псевдоним Петра и Ариадны Тур) и Льва Шейнина на популярную в те годы шпионскую тему (в том же 1944 году пьеса «Поединок» была экранизирована, но премьера фильма состоялась в марте 45-го).

В то время в Алатыре можно было посмотреть фильмы в Алатырском городском кинотеатре (с 1952 до 2010-х гг. он назывался кинотеатр «АРС», а сейчас там расположился магазин «Магнит») и в Железнодорожном клубе (сгорел в 1980-х). А театральные спектакли шли в театре «Первомайский», по рассказам старожил-

лов, одним из красивейших зданий города. Театр был деревянным, и в 1956 г. его снесли за ветхостью.

КНИГИ

Дневник красноречиво говорит о том, что его автор очень любит читать. «Очень тянет читать книги, стараюсь этого не делать потому, что болят глаза». «Мне очень хочется читать книги».

Всего мальчик упоминает о восьми прочитанных произведениях, это роман «На заре новых дней» и рассказы «Заколдованный круг» и «Попутчик» В. А. Тихонова, романы «Весенние грозы» Д. Н. Мамина-Сибиряка, «Яровой налив» В. Державина, «Зеленая радуга» М. А. Алексеева, «Черная кровь» Луи Гийю, книга очерков «Кубанские записки» В. П. Ставского. О некоторых произведениях он пишет подробно. Так мы узнаем, что рассказ В. А. Тихонова «Заколдованный круг» повествует о тяжелой жизни цирковых артистов времен Петра I. Название произведения обусловлено тем, что люди, попавшие в цирк, становятся не способными заниматься каким-либо другим делом. Мальчик говорит, что по рассказу он впервые знакомится с жизнью артистов. Еще одна тема, освещенная в этом рассказе, очень заинтересовала автора дневника — противостояние старообрядцев и правоверов. Она заставила его подробно разобраться в причинах и сути их споров.

Но особенно интересно его высказывание о книге В. Державина «Яровой налив». Здесь мальчик анализирует содержание, сравнивает его с другими литературными произведениями. Кроме этого, становится понятно, что в героях книг автор дневника ищет свой идеал, человека, с которого можно было бы брать пример. «У нас в литературе давно господствуют Онегины и Печорины, образы людей, которыми не надо быть, но кем, же быть? Вот такого образа, которым надо быть, у нас нет, а это наполняет унынием. А эта книга отличается бодрым, жизне-радостным тоном, которого нет в этих гениальных произведениях» (2.05.45).

На одной из страниц мы встречаем запись, где мальчик сравнивает своего приятеля с героем произведения А. С. Пушкина: «Из некоторых слов можно заключить, что у него мечты как у Евгения в “Медном всаднике”: попасть бы только на хорошее место» (2.05.45).

Откуда школьник получал столько книг? Была ли у его родителей домашняя библиотека или он брал их у друзей? Ответ можно найти в дневнике. «Вчера ходили с Венкой в библиотеку, но велели прийти 1-го. Меня должны перевести во взрослое отделение» (21.06.44). Мне удалось найти сведения о двух библиотеках, работавших на тот момент в городе, это библиотека в железнодорожном клубе и старая алатырская библиотека на ул. Московской, но только последняя имела два отделения — взрослое и детское (по устным воспоминаниям Е. Н. Кочневой). Судя по всему, наш герой был читателем именно этой библиотеки.

ДРУЗЬЯ

Тема дружбы и товарищества тоже находит свое отражение в дневнике. Друзей много не бывает, этому правилу следует автор. Скорее всего, самым близким его другом, был Венка (Вениамин?). Они вместе ходят на базар, на речку, в библиотеку, обсуждают личные проблемы. Возможно даже, что два друга любят одну и ту же девочку: «Сегодня ко мне пришел Венка, он меня убеждал, что 24,2,32,38,34,52,20,2,24,12,26,58-, 22юбит, (см. главу «Любовь» — Е. К.) но что-то не похоже на правду. Он тоже ее любит. Эх, и осел, же я был» (30.08.44).

Только одной строчкой герой упоминает о новых товарищах — Гусеве и Бидермане, но подробно дает характеристику Косте Назарову: «1-го вечером пришел Костя Назаров и утащил на улицу, спасибо ему хоть за это, а то я заплесневаю дома. У Кости вообще быстрый ум, но направлен в плохую сторону. Не люблю его за то, что он почти в каждом слове врет, не скоро разберешь, правду ли он говорит. Из некоторых слов можно заключить, что у него мечты как у Евгения в “Медном всаднике”: попасть бы только на хорошее место» (02.05.45).

ЛЮБОВЬ

«Сегодня ко мне пришел Венка он меня убеждал, что 24,2,32,38,34,52,20,2,24,12,26,58-, 22юбит, но что-то не похоже на правду. Он тоже ее любит. Эх, и осел, же я был» (30.08.44).

С этой загадочного отрывка началось особое исследование. Цифровой код, который встречается в дневнике, заинтересовал меня с самого начала прочтения. Было очень любопытно узнать,

какую важную информацию здесь зашифровал автор. Это породило множество различных предположений. Все изменилось только с появлением данной фразы. Во-первых, она подсказала, что речь в шифре идет о любви. А во-вторых, в ней и был найден тот самый ключ к разгадке, оставленный там возможно случайно, а вероятно и специально. Этим ключом оказалось слово «22юбит». Было совершенно ясно, что число 22 стояло вместо буквы «л». С этого момента началась достаточно продолжительная работа по расшифровке цифрового кода. В итоге шифр был разгадан и выглядел так:

А — 2	Е — 12	Л — 22	Р — 32	Х — 42	Ъ —
Б — 4	Ж — 14	М — 24	С — 34	Ц —	Ы —
В — 6	З — 16	Н — 26	Т — 36	Ч —	Ь — 52
Г — 8	И — 18	О — 28	У — 38	Ш —	Э —
Д — 10	К — 20	П — 30	Ф — 40	Щ —	
Ю — 56	Я — 58				

А расшифрованные тексты звучали так: «Мне кажется, что я уже два года влюблен в Хавронину Марию, но она, наверно, меня не любит». «С Венкой у (них) получился какой-то конфликт, хотя он этого прямо не сказывает. Вчера он один ходил в кино и взял билеты Марусье (в закодированном имени везде отсутствует буква «к» — Е. К.) и сестрам. Мне кажется, что он флиртует, а прикрывается мной, пользуясь моей любовью к Марусье». «...Венка, он меня убеждал, что Марусья меня любит». Таким образом, к моменту написания дневника наш герой уже два года был безответно влюблен в девочку Марусю Хавронину. Мальчика мучили сомнения: «Мне иногда кажется, что она меня любит, то кажется, что нет, потому, что я некрасив». Поведение двух юных людей говорит об их первой любви «...Х. или заигрывает со мной или смеется, но мне это надоело: схватит что-нибудь, испортит и смеется. Схватила фуражку (правда не она, а через других) и мне пришлось идти без нее и “увертываться” дома». В Маруську или Марусью, как называет ее в шифре автор дневника, также был влюблен и его друг Венка. Упоминаются и некоторые конфликты, происходившие у друзей из-за девочки. К чему они привели, сказать точно нельзя, но после этой любовной истории имя Венки в дневнике больше не упоминается.

Как исследователь я столкнулась с проблемой соотношения науки и нравственности: каждая страница дневника, свидетельство времени глазами очевидца, читалась с интересом и любопытством, но при этом возникало и другое чувство: мальчик писал личный дневник, а пришлось разобрать на части каждую страницу, каждую строчку. Единственным оправданием могло служить желание узнать о жизни подростков той военной поры на примере судьбы автора «Алатырского дневника».

АВТОР ДНЕВНИКА О СЕБЕ

Ничто так не приближает читателя к разгадке личности автора, как его размышления о себе и своих настроениях. Он анализирует свое состояние и поведение, его заметки о себе — своего рода дневник в дневнике, который позволяют понять, как автор относится к происходящему вокруг него, с какими проблемами он сталкивается и как с ними борется. В них можно проследить становление личности, увидеть, как из мальчика он превращается в юношу, готового к принятию самостоятельных решений. Поражает, что семиклассник рассуждает о таких сложных проблемах, как жизнь и смерть и к каким выводам он приходит. «В этот день у меня странное настроение: хочется избавиться от жизни, но я решил: «Умереть и всякий сумеет, но НАДО жить — всем чертям на зло» (8.06.44). «Плохо то, что я ни с кем хорошо не уживаюсь» (20.08.44). «У меня странный характер (или это переходный возраст?). То я веселюсь как безумный, то готов убить себя, но веселость у меня какая-то едкая, желчная» (30.08.44). «Я сижу дома, как птичка в клетке. Все это время у меня плохое настроение, или я чем болен или от погоды» (10.09.44). «Что-то надоело жить, меланхолия. Только и думаешь: “Для чего?” И не находишь ответа» (5.12.44). «Буду описывать кратко, что было, особенно психику (я ее почему-то очень люблю). За это время я словно прожил целую душевную жизнь. Первое время, м<еся>ца 2-ва, во мне все кипело, хотелось знаний, хотелось все знать, прочитывать, испытать, но постепенно жар пропадал. Ко всему стал равнодушен, и теперь энергия моя сошла на нет. Я впал в так называемую хандру, апатию. Конечно, я не сдался без боя, но она меня победила. Признаю себя побежденным. Надеюсь, что она меня не доконает, и я снова возвращусь к жизни. Уже несколько раз пробовал, но безуспешно. По-моему этому причина болото, в кото-

ром, я нахожусь, но я не могу найти для него сток. Пробовал влюбиться в кого-нибудь, это наполнило бы меня энергией, но и на этом фронте потерпел поражение. Раз хандра меня победила, то отдаюсь на волю судьбы» (14.04.45).

Даже признавая свое поражение, мальчик предпринимает попытки выкарабкаться из тяжелой ситуации душевного смятения и стресса. «У меня возникло желание узнавать характеры людей. Постараюсь свои мысли и заметки писать в дневник. Может быть, это пройдет — тогда будет интересно прочитать, кроме того это улучшает мой плохой почерк и учусь излагать мысли. За это время я брался за многое, хотел хорошо знать немецкий — бросил, хорошо знать все предметы — бросил, и наконец, писать стихи. Немного получается, написал с десятков стихотворений, конечно мелких, и все еще не бросил. Чтобы их писать, надо быть возбужденным, а я хандрю, так что, пожалуй, ничего не выйдет. Со стороны психики я это понимаю так: во время возбуждения вся нервная система усиленно работает, в том числе и кора, и в сознании яснее вырастают образы и приходят нужные рифмованные слова» (14.04.45). Эти записи словно взяты из современной психологической характеристики подростка, которые сейчас можно встретить в обычном учебнике по обществознанию в седьмом–восьмом классах. Автор описывает проблемы, свойственные для этого возраста во все времена.

* * *

Личный дневник неизвестного алатырского мальчика дает нам возможность проследить становление личности подростка, жившего в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы.

Дневник позволил создать реальную картину советской жизни середины 40-х, соотнести важнейшие исторические события с жизнью и событиями провинциального тылового города. Маленькая тетрадка — всего 22 страницы, а сколько эмоций во время ее прочтения! Мальчик становится нашим другом, которому мы сопереживаем, волнуемся за неудачи и радуемся его успехам. Вместе с ним ходим на речку, в кино, в библиотеку, за хлебом, погружаемся в жизнь и быт того времени.

Важно, что ни одна из тем, отраженных в дневнике, не существует отдельно от темы войны. Вместе с автором дневника

мы слушаем все сводки Информбюро с мая 1944 по май 1945 гг. и следим за ходом военных действий на фронтах, вместе с мальчиком — автором дневника проживаем наш самый большой праздник — День Победы 9 мая 1945 года.

К сожалению, в ходе исследования не удалось установить личность автора «Алатырского дневника» и узнать, как сложилась его дальнейшая судьба. Это дает основание продолжить работу по сбору данных.

исчезающая деревня

Из недосказанного...
(особенности жизни некоторых
татарских сел в Ельниковском районе
Республики Мордовии)

Оксана Елисова
гимназия № 20, г. Саранск, Республика Мордовия
научные руководители Юлия Владимировна Горшкова,
Алена Владимировна Елисова

На одном из сайтов я наткнулась на очень странную и пугающую фразу: «История деревни окончена». Я пыталась найти в интернете информацию о деревне с необычным названием Бриловский завод, находящейся неподалеку от моего родного татарского села Новое Кадышево Ельниковского района Республики Мордовии. Эта формулировка заставила меня задуматься: разве может окончиться история какого-то населенного пункта? Разве история вообще может когда-то окончиться? Значит, если смогла прерваться история одного населенного пункта, то вместе с ним исчезла и память о судьбах его жителей, их быте, традициях, местном фольклоре? Страшно становится, когда понимаешь, сколько человеческих жизней и судеб умещается в одной сухой фразе из трех слов!

ТЯЖЕЛЫЕ БУДНИ СЕЛЬЧАН

Мой дед, Халим Усманович Тенишев, 1934 г. р., вспоминает: «С 1941 года по соседству с нами, в доме репрессированных, поселилась семья механика Петра Родина. Родом они были из русского села Чукалы, что в 25 км от Нового Кадышева. Степанида, жена Петра, называла мою маму Няфисью просто Настей. Иногда летом, после того, как в четыре утра отправляли коров в стадо, Степанида говорила: “Настя, я в Чукалы побегу (25 км!), вечером корова придет — закрой. А я вернусь до темноты”. Так она успевала сходить в родное село, да еще и обратно вернуться. Пройти 50 километров за день — а потом еще дела дома делать надо! Сейчас на такое, наверное, мало кто способен, а тогда это считалось нормальным».

В конце сентября 1953 года моя бабушка, Алия Халимовна Тенишева, 1945 г. р., в первый раз пошла на уборку конопли. Убирать ее надо было в конце сентября — начале октября, чтобы под снег не оставлять. Бабушка хорошо помнит, как они с сестрой с поля не

заметно приносили в карманах домой конопляное семя. Его сушили в печке, толкли в ступке, появлялась мука, которую потом еще толкли до появления масла. Конопляную муку мешали с молоком до консистенции жидкой манной каши. В эту смесь макали небольшие лепешки из ржаной муки: блюдо это называлось «медвежья лапа», по-татарски «аю лапамасы». Бабушка говорит, что это было очень вкусно. Примерно одно ведро конопляной муки запасали для семьи на зиму. «Года три мы с сестрой осенью ходили на уборку конопли», — вспоминает бабушка.

Коноплю в бабушкином колхозе выращивали всегда, одно из упоминаний об этом я нашла в газете «Ленинская трибуна» от 29 октября 1939 года: «Плохая трудовая дисциплина в колхозе “Нариман” (председатель Бахтеяров). Из 80 трудоспособных колхозников в производстве принимают участие 10–15, что привело к тому, что до настоящего времени в колхозе не убран конопель. Свой».

Бабушка вспоминает: «Весной у детей, да и у взрослых тоже, резиновых сапог не было, поэтому все продолжали ходить в валенках, к которым теперь уже были привязаны деревянные колодки. Они были похожи на маленькие скамеечки. Мы на них ходили и стучали». С 1952 года вместо колодок уже начали использовать самодельные резиновые галоши, которые клеивали сами. Для этого брали использованные автомобильные камеры, что покупали у сельских шоферов, кроили резину по специальным выкройкам, которые подгонялись под определенный размер. Скроенные заготовки по краям обрабатывались рашпилем, чтобы в этих местах удобнее было склеивать детали галош. Резиновый клей в бутылках с коричневой крышкой из сургуча покупали в магазине.

Готовый товар продавался на базаре в селе Ельники. Спрос на них был всегда, так как фабричные галоши тогда еще в деревне не продавались. После продажи галош прабабушка Халима, в награду за хорошую работу, покупала дочерям отрезы штапеля, а сыновьям черный материал, который тогда называли «рубчик». Потом из этих тканей прабабушка шила дочерям юбки, а сыновьям — пиджаки и брюки. В доме была швейная машинка «Зингер», которую во время войны обменяли на два ведра ржи у эвакуированных из Ленинграда.

С 12-ти лет бабушка с сестрой и матерью каждое лето нелегально ходили пропалывать кукурузу. Бригадир Кузьма, так его называли на русский манер, хотя его настоящее имя — Хосяин, посто-

янно искал на поле тех женщин и детей, кто занимался прополкой. Высохшие сорняки по ночам набивали в мешки и уносили домой. А зимой их использовали как обычное сено — этим кормили коров и овец. Настоящее сено взять было негде: в колхозе не разрешали покосы для личных крестьянских хозяйств. Если колхозник хотел держать корову, он вынужден был добывать сено, где только сможет. Моя мама помнит, как еще в конце 70-х годов ее дед Усман вместе с односельчанами занимался заготовкой сена на сельском кладбище. Коровам-то все равно, какое сено зимой есть — кладбищенское или луговое.

В середине 1950-х годов мой другой прадед из соседнего села Новое Кадышево, оставшись уже в марте месяце без сена, купил его в соседнем селе Аксел. За это администрация колхоза решила отдать прадеда под суд, сочтя, что он просто украл колхозное сено в Новом Кадышеве. В дом пришли представители колхозной администрации с милицией. Спасло прадеда то, что председатель колхоза П. И. Фроликов был сам родом из деревни Аксел, где прадед купил сено. Председатель взял сено в руки, внимательно изучил и вынес вердикт, спасший Усман бабая: «Да, верно, сено Аксельское. Усман прав».

В другом случае женщине, которая взяла сено из колхозного стога только потому, что ей уже нечем было кормить голодную скотину, не повезло. В районной газете «Ленинская трибуна» от 1 марта 1951 года есть заметка под названием «Расхитители социалистической собственности»:

«Народным судом Пурдошанского района была осуждена Мулицина Фекла Семеновна за то, что была задержана на месте совершения хищения сена из стога, принадлежавшему заготскоту. На месте преступления у нее было отобрано 12 кг. Кроме того обыском во дворе Ф. С. Мулициной было обнаружено сено, сходное с заготскотским, в количестве 64 кг. Мулицина Ф. С. за данный вид преступления по ст. 1, ч. 1 Указа от 4 июня 1947 года, осуждена к семи годам заключения в исправительно-трудовые лагеря». Подписано — «Н. Спасова, нарсудья».

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА И ЕЕ УЧИТЕЛЯ

Начальная школа в селе Лобановка была открыта 1 октября 1930 года постановлением сельского совета от 30 августа 1930 года: «Постановили: занятия начнем 20 сентября 30 года

с 1 группой детей. Председатель Шахмаметьев Зинек (это сокращение полного имени Зинятулла — О. Е.), секретарь Богданов И. Л.». В протоколах общих собраний граждан указано: «Все общий обучение говорит зав. школой Лабановки. У нас 1 октября 1930 года начнем висти все общий обязательно обучение. Ни посищат ребенок будет отвичат радители»¹.

С установлением советской власти вновь открытые школы размещались в домах высланных из села. У прежних хозяев производили «отчуждение имущества» — забирали все, что только можно забрать. Если для начальных школ использовались обычные дома из двух комнат, их в деревне называют «пятистенные», то под семилетку в селе Новое Кадышево отдали большой 2-этажный дом местного богатея. В этом доме был даже лифт для подъема еды на второй этаж. Как говорится, все лучшее — детям.

Бабушка рассказала мне, что здание самой первой начальной школы в деревне Ликенье просуществовало до середины 1960-х. Дом был большой, по деревенским понятиям того времени, но состоял всего лишь из одной большой комнаты.

В первый год войны учительницей в Лобановке работала Фатыма Ямакова. Родом она была из татарского села Лопуховка соседнего Краснослободского района Мордовии.

Отчеств учителей никто в татарских селах не знал — их всегда называли по имени, прибавляя к нему уважительное «апа» женщинам и «абзи» мужчинам.

В 1943 году за три месяца у Фатыма-апы погибли на фронте старший сын, муж и двенадцатилетний сын Хатыб, живший вместе с ней в Лобановке. На территории МТС на костре разогревали бочку с солидолом, она взорвалась, а отлетевшее дно попало острием в лоб Хатыба. На его же рабочей лошади мальчика повезли в райцентр Пурдошки в больницу. Всю дорогу он пел татарские песни, но потом песня смолкла, — не доехав до больницы, Хатыб умер.

Фатыма-апа жила в большом доме на квартире у пожилой женщины-инвалида, получившей этот дом в самом начале 1930-х годов. Бабушка хорошо помнит, что в этом доме над столом, где учительница проверяла тетради и готовилась к урокам, висела керосиновая лампа с красивым розовым абажуром с длинными кистями — в деревне ни у кого такого не было. Дети, заходя к учитель-

¹ ЦГА РМ Ф-Р-13-53, О-1, арх. № 1, с. 19, 23. Орфография и стиль документа сохранены.

нице домой, больше смотрели на этот абажур, чем в учебники или тетради. Во время уроков Фатыма-апа иногда отправляла ребят в соседнее село Вачеевку, чтобы они отнесли записки учительнице тамошней начальной школы — Хадиче Богдановой. Записки были написаны на арабском языке. Учителя еще до революции учились в местной мусульманской школе, поэтому могли читать книги на арабском (зачастую не понимая смысла) и писать татарские слова арабскими буквами. Так что ученики, как ни старались, прочитать учительские записки не могли. Хадича-апа передавала ответное послание в Лобановку. Говоря современным языком, учителя таким образом «отправляли СМС-ки».

«Ленинская трибуна» от 13 декабря 1951 года сообщает, что «Сухова Фаизя Хусяиновна 1914 г. р. в 1924 году поступила в Н. Кадышевскую начальную школу, которую окончила в 1927 году. С 30 по 32 год учится в Темниковской семилетней школе, после окончания была назначена учительницей в Н. Кадышево. В 1940 году заочно окончила Краснослободское педучилище». Оказывается, 75 лет назад можно было учиться в педучилище заочно.

Можно сказать, что в селе работала целая учительская династия. Родственник Фаизи-апы — Ибрай-абзи почти 40 лет работал в школе села Ново-Кадышева учителем математики и физики. Во время войны Фаизя-апа занималась своеобразным бизнесом: давала голодным нуждающимся семьям «зерно в рост» — так назвала это бабушка. За один пуд зерна, взятого в долг, сельской учительнице надо было возратить два пуда. Фаизю-апу не останавливали мусульманские законы, которые запрещают заниматься ростовщичеством в любой форме. Еще бабушка до сих пор вспоминает, что Фаизя-апа всегда очень хорошо одевалась. В селе ни у кого не было таких красивых крепдешиновых платьев, а также нарядных блузок и юбок. Поэтому иногда кто-то из деревенских девушек просил у учительницы разрешения надеть ее платье или блузку с юбкой на какой-либо праздник. Но Фаизя-апа была женщина практичная, поэтому надо было сначала ей прополоть огород, а только потом она давала кому-то надеть свое платье.

ДЕРЕВЕНСКАЯ БАНЯ

В 1951 году бабушкины родители построили новый дом. Бабушка об этом времени так вспоминает: «Печку поставили, а крышу не покрыли еще, поэтому первое время детей отправляли спать под

печку, чтобы над их головами была хоть какая-то крыша. Позже привезли солому для крыши, покрыли ею дом, а остатками набили тюфяки. Появились у нас новые соломенные “перинь”. Деревянные самодельные кровати сразу стали высокими, как будто на них положили пуховую постель».

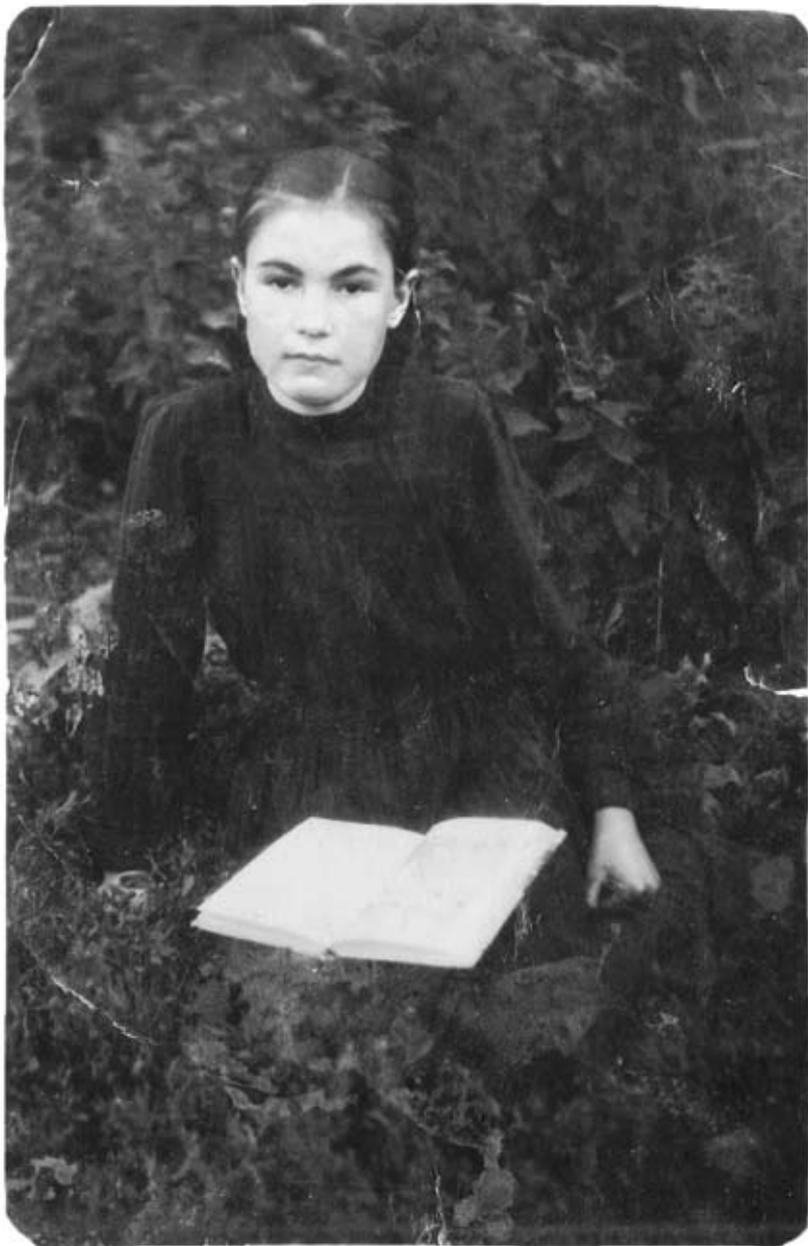
Каждые две недели, объединившись с двумя соседними домами, бабушкина семья топила баню. Для половины сельских жителей, которые не имели личной бани, имелось одно общее помывочное помещение, построенное на берегу очень мелкой летом и крайне полноводной весной речки Сухой Урей, что протекает совсем рядом с селом.

Более зажиточные сельчане имели свои личные бани. Баня того времени — это сруб, крытый дранкой; внутри была кадушка, ведер на пятнадцать, под горячую воду и такая же под холодную. Баню жарко топили, раскаляя в печи всякого рода железки, — чем массивнее, тем лучше. Раскалив эти железки докрасна, кочергой вытаскивали их из печи и бросали в кадушку для горячей воды. Когда эти железки остывали, их вновь вынимали кочергой из кадушки и снова отправляли в печь. И так это повторяли до тех пор, пока вода в кадушке не становилась очень горячей. В бане всегда сначала мылись мужчины и мальчишки, а только потом женщины и девочки. Деревня-то мусульманская, поэтому мужчинам всегда и во всем был больший почет и уважение. Для мытья головы вместо шампуня всегда использовали квашеное молоко, хозяйственное мыло варили сами. Топить баню вместе с соседями было выгоднее, чем устраивать индивидуальное мытье для каждой семьи, — уходило гораздо меньше дров, а в деревне всегда жили люди очень экономные.

«НА ОСОБОМ ПОЛОЖЕНИИ». О ЛИШЕНЦАХ И УМАЛИШЕНЦАХ

Лишенцы — люди, лишенные не только избирательных и гражданских прав, но и своего имущества. В сельской местности лишение избирательных прав кормильца автоматически причисляло к лишенцам всех материально зависимых от него членов семьи. В результате крестьянин и его семья фактически исключались из общества и теряли те минимальные права и блага, которое предоставлялись всем его членам.

В Лобановском сельском совете начали лишать избирательных прав с 1918 года. В протоколе № 1 заседания Лобановского сельско-

Ученица Новокадышевской сельской школы — моя двоюродная бабушка Няимя (Нина) Тенишева. Новое Кадышево, 1952

Моя мама Галя Тенишева
со своей старшей
сестрой Розой.
Новое Кадышево, 1974

На уборке сена.
Новое Кадышево,
1980

Моя мама Галия Тенишева с моей прабабушкой Няфисей.
Маме 4 года. Новое Кадышево, 1974

Моя мама
Галия Тенишева
со своим дядей
Алимом Усмановичем
Тенишевым на берегу
р. Мокша. 1974

Учитель —
мой двоюродный дед
Равиль Усманович
Тенишев с коллегой.
Татарское село
Черемешево, середина
1970-х

го избиркома от 16 ноября 1930 года рассматривали список лиц, лишенных избирательных прав по Лобановскому сельскому совету с 1918 по 1929 год. Всего в списке было 23 человека. Постановили: Тенишева Аминуллу Ряхмятулловича и его жену Шарифю, Утешева Джаруллу Салиховича с женой Магирой — мулл с супругами, которых в списках назвали «муллиями», в избирательных правах не восстанавливать.

Позднее у Аминуллы Ряхмятулловича Тенишева в 1931 году произвели отчуждение имущества. Хотя после лишения его избирательных прав прошло уже 13 лет. Значит, все эти годы он был только в правах поражен, а имущество у него не отбирали, как писали тогда, не подвергали «отчуждению». В «Раздельных договорах на имущество граждан Лобановского сельского совета», начатых 30.04.1931 и оконченных 12.05.1931, есть сдаточный акт, по которому Мухамметша Кремчеев — комсомолец-активист из бедноты, сдал отчужденное имущество А. Р. Тенишева.

«Сдаточный акт. 1931 года мая 17-го дня

Надворный сарай, крытый железом — 20 р.

Сарай, крытый соломой — 10 р.

Чулан, тесом обитый, 6х6 — 10 р.

Овчарник — 30 р.

Конюшня 7х7 — 15 р.

Баня 7х9 — 10 р.

Курятник 5х5 — 7 р.

Диван

Тарелки фарфоровые (9 больш. 6 мал.) — 2 р.

Вешалка одежная — 50 р.

Стул венский 2 шт. — 250 р.

Зеркало 2-х аршинное — 34 р.»².

Жил Аминулла, по деревенским понятиям, весьма зажиточно. Муллам всегда за исполнение каких-либо религиозных обрядов платили и платят до сих пор наличными деньгами: дают «хаер» (ударение на последний слог). Поэтому еще в то время у него была вешалка для одежды, а простые крестьяне всегда вешали, да и сейчас вешают одежду на большие гвозди, вбитые в деревянные стены. Стоила эта вешалка, по описи, дороже, чем конюшня, баня, чулан и курятник, вместе взятые. Фарфоровые тарелки — не меньшая для тогдашних деревенских людей роскошь. Диваны тог-

² ЦГА РМ Ф-1353, О-1, № 3.

да у татар были самодельные, деревянные; для мягкости на него стелился войлок, сделанный из прессованной овечьей шерсти. Называли его заимствованным из русского языка словом «потник», но с ударением на последнем слоге. Большие напольные зеркала были достаточно редкими в татарской деревне, их тоже воспринимали как предмет роскоши. Венских стульев в селе вообще никогда не видели, сидели всегда на деревянных лавках, которые и сейчас иногда встречаются в домах деревенских стариков-пенсионеров.

Интересно, что «Именной список лиц, лишенных избирательных прав по Лобановскому сельскому совету, составленный 5 октября 1930 года», неполон. В нем всего 11 человек, хотя лишенцев по протоколу № 1 заседания Лобановского сельского избиркома от 16 ноября 1930 года было 23 человека.

Многие в списке были лишены прав за торговлю или какую-то причастность к ней:

«Шехмаматьев Тагир Салихович. Был лишен. Заторговал. Оставить лишенным».

«Шехмаматьев Алим Комалетдинович. Лишен как торговец: рассмотрев заявление, восстановление избирательных прав. Восстановить и отключить с списка лишенных избирательных».

«Шехмаматьев Ибрагим Сябитович. Лишен избирательных прав как осужденный. Оставить его лишенным. Как торговца. И его жена Халима».

«Шехмаматьев Алим Халитович. Как торговец по 1 разряду. И его жена Фатыма. Рассмотрев заявление Шехмаматьева. Восстановить как был. Лишен. Ни правильно. Занимался торговлей кой чем. Три месяц. Был осужденный за революция» (орфография оригинала во всех выдержках из протокола мною сохранена).

По архивным документам можно понять, с каким трудом представители местной власти осваивали письменный русский язык. Ведь в татарских селах были только мусульманские школы. Вот и приходилось им изучать требуемый язык самостоятельно.

11 человек оставили лишенными в избирательных правах. 12 человек в правах восстановили.

Одного душевнобольного — Вялита Шехмаматьева — решили в правах не восстанавливать. Моя бабушка, А. Х. Тенишева, запомнила, как в детстве она слышала слова своей матери, которая иногда выговорила бабушкиному отцу: «Ведешь себя, как дурак Вялит». Если самого богатого жителя села Вачеево — муллу А. Р. Тенишева лишили избирательных прав в 1918 году, то местного слабоумно-

Из недосказанного...

го Вялита — только в 1924 году. Тогда ему было уже около 60 лет. Вялиту было как-то все равно, имеются ли у него эти права или их нет. Видно, в сельском совете кто-то сильно сочувствовал этому несчастному человеку. Да и религия с детства приучала жителей татарских сел терпимо относиться к душевнобольным.

До начала 1960-х годов в соседнем с Лобановкой селе Вачеево жил Алим Кремчеев по прозвищу Апуть. Он, как и Вялит, был душевнобольным. Поэтому и получил от односельчан такое прозвище. Он часто высказывал разным сельским начальникам то, что было на уме у всех. Но за это ему никогда ничего не было. Так, например, зимой 1942 Апуть ходил около сельсовета и пел явно антиправительственную частушку собственного сочинения. Несколько строк из нее дедушка помнит до сих пор:

«Эх, советские права:
Топить нету дрова...»

«ЛАВРЕНТИЙ ПАЛЫЧ БЕРИЯ ВЫШЕЛ ИЗ ДОВЕРИЯ...»

Для большинства советского народа 1953 год был особым, это год смерти Сталина, амнистии, прихода к власти Хрущева.

Был конец декабря 1953 года. В начальной школе села Лобановка полным ходом шла подготовка к новогодним праздникам. На уроках труда делали гирлянды — вырезали из остатков старых обоев и раскрашивали вручную флажки. При помощи мыла склеивали бумажные цепи. В заранее приготовленные фантики заворачивали кусочки сырой картошки и украшали елку такими «конфетами». Краски Фатыма-апа покупала в Москве, когда ездила проведать живущих там дочерей. Именно они собирали для своей мамы-учительницы красивые фантики от конфет, чтобы с их помощью можно было украсить новогоднюю елку. Интересно, что еще за 16 лет до праздника в Лобановке, в 1937 году вышла брошюра «Елка в детском саду». Именно там впервые появились идеи создания всем известных украшений из бумаги и рекомендации для наиболее идеологически верного проведения праздника. Поэтому сельская учительница всегда очень обстоятельно готовилась к проведению новогодней елки для ребят.

На Новый год ученикам сельский совет всегда давал подарки. В кулке было два печенья, два пряника, четыре карамели и конфеты «подушечки», также четыре штуки. Бабушка до сих пор помнит точный состав подарка, который был одним из самых ярких вос-

поминаний полуголодного детства. «На санях привезли елку — высокую, до потолка. Старик-сторож установил ее посреди класса». Почтальон дед Ибрай, или, как его называли по-уличному, Каштанбабай, когда принес газеты в школу, сказал слова, которые бабушка запомнила на всю жизнь: «Сейчас можно тихо не разговаривать, сейчас громко разговаривайте. Теперь не расстреляют». Учительница Фатыма-апа, посмотрев на газеты, попросила уборщицу убрать со стены один из портретов. В школе, на стене класса, всегда висели портреты тогдашних политических деятелей. «Мы маленькие были и толком понять не могли, почему портрет какого-то дядьки в странных очках убирают со стены, — вспоминает бабушка. — Детям было все равно: портретом больше, портретом меньше. Когда мы, не понимая, почему снимают портрет со стены, спросили об этом учительницу, Фатыма-апа строго ответила: “Елке мешает!”». Возвращаясь из школы, я слышала разговор агронома Кузьмы Савельевича (его настоящее имя Хусяин Айзятуллович) с односельчанами: “Берию расстреляли. Теперь по-другому заживем!”. Кто такой Берия и почему теперь заживем по-другому, восьмилетняя татарская девочка Алия понять не могла. Тогда она больше ждала новогоднюю елку в школе и кулек с подушечками.

Почему учительница не убрала портрет вовремя, хотя «указание о повсеместном изъятии портретов Берия» вышло еще 27 июля 1953 года? Скорее всего, Фатыма-апа во время выхода этого указания была в отпуске. Вот и провисел портрет товарища Берии, хоть он и «не оправдал доверия», до самого его расстрела в конце декабря 1953 года. О нем просто забыли, а педагогу за это ничего не было. Не заметили, вот и не донесли.

Мой дед Халим, 1934 г. р., хорошо помнит, как его старший брат Зягидулла, еще обучаясь в начальной школе, однажды показал ему учебник истории, в котором красным карандашом крест-накрест был, зачеркнут портрет какого-то сухонького военного. Брат Зяок, ткнув в изображение пальцем, серьезно и строго сказал: «Это враг народа — Ежов». Значения этих по-русски сказанных слов шестилетний Халим тогда не понял, но сама фраза надолго врезалась в память. Была середина апреля 1939 года.

За год до этих событий, в районной газете «Ленинская трибуна» от 26 июня 1938 года появилась статья под названием «Уничтожить врагов народа до конца»:

«Коллектив РУМ НКВД на выборы явится все, как один. Свои голоса отдадим за лучших сынов нашей Родины. В этот день еще

Из недосказанного...

больше мобилизуем на борьбу с троцкистско-бухаринскими вырдаками (орфография сохранена! — О. Е.), будем работать так, чтобы уничтожить врагов до конца.

В этот день мы посылаем пламенный привет железному наркому Внутренних Дел лучшему Сталинцу Генеральному Комиссару Государственной Безопасности Николаю Ивановичу Ежову. Да здравствует вождь мирового пролетариата лучший друг и учитель — тов. Сталин».

Внизу подпись: «Коллектив» (орфография и стиль документа сохранены).

«У ВСЯКОГО ЧИНА СВОЯ ПРИЧИНА»

В «Похозяйственной книге основных производственных показателей хозяйств единоличников» от 23 мая 1934 года³ перечислена семья Зинятуллы Шехматъева:

1. Айша — жена — 1900 негр.
2. Ибрагим — сын — 1913 грам.
3. Мушвика — дочь — 1921 грам.
4. Муршидя — дочь — 1923 грам.
5. Рабигай — дочь — 1925 грам.
6. Умярь — сын — 1927 грам.
7. Сафия — дочь — 1931 грам.
8. Усман — сын — 1933 грам.

Сын Зинятуллы Ибрагим работал с 1933 по 1934 год секретарем Лобановского сельского совета. Это было довольно странно для того времени, ведь он был из семьи единоличников. Но еще более интересно то, что при составлении списка своей семьи для этого документа он указал грамотными всех членов своей семьи, кроме матери. Достоверность указанных сведений вызывает сомнение. Ведь его годовалый брат Усман и трехлетняя сестра Сафия никак не могли знать грамоту в таком юном возрасте. Но зато они могли ему значительно улучшить статистику грамотности местного населения Лобановки. Скорее всего, Ибрагим думал, что документы сельсовета татарского села никому не понадобятся и никто их проверять не будет. Конечно, ведь своя рука — владыка.

При изучении «Похозяйственной книги основных производственных показателей хозяйств единоличников» в ЦГА РМ я за-

³ ЦГА РМ, Ф. – 135 3, О. – 1, № 7.

метила, что в некоторых местах разных протоколов страницы попросту вырваны: всего не хватало около 10 страниц. Мне стало интересно, кому и зачем понадобилось исправлять таким странным образом исторический документ. Я обратилась к работникам архива с этим вопросом. Они сказали, что в самом архиве вырвать страницы никто не мог. Значит, документы поступили в архив уже в таком состоянии. Скорее всего, кто-то из работников сельского совета перед сдачей документов в архив «подправил» невыгодные для себя сведения. Видно, этот человек рассуждал так: «Нет документа — нет проблемы».

РЕЛИГИЯ И МОРАЛЬ ОДНОЙ СЕМЬИ

Важное место в жизни любого татарского села и его жителей вне зависимости от социального статуса, занимала мечеть, которая была закрыта в конце 20-х годов XX века. Перед этим из мечети на улицу выкинули старинные религиозные книги на арабском языке. Жители села унесли некоторые по своим домам, а остальные книги спрятали в минарете мечети. Закрытую мечеть превратили в зернохранилище.

Мулл в селе либо пересажали, либо выслали из родного дома. Началась антирелигиозная кампания, но, несмотря на жестокое отношение советской власти к религии, люди в селе продолжали верить в Аллаха.

В 1956 году в Лобановке Шакир Шехмаматьев построил большой пятистенный дом, в котором было две комнаты. В одной комнате жила сноха с тремя сыновьями, а во второй Шакир-ага, как человек, искренне верящий в Аллаха, открыл мечеть. Моя бабушка Алия, 1945 г. р., еще ребенком заходившая в новую мечеть, рассказывала о той «домовой мечети»: «В этом доме было два отдельных входа, два крыльца; чтобы пришедшие помолиться люди никому не мешали и ничем не отвлекались. Мечеть находилась в горнице: комната была большая, но мебели в ней не было совсем. Вместо моленных ковриков на полу расстелены белые простыни. В комнате-мечети была большая голландка, чтобы молящиеся люди не мерзли в холодную погоду.

Тюбетеек на мужчинах не было: ни в магазинах, ни на рынке их не продавали, поэтому взять их было просто негде. Зимой все мужчины не снимали головные уборы, так как им в мечети (и даже дома при совершении намаза) надо обязательно чем-то прикры-

Из недосказанного...

вать голову. Летом на головах у всех были кепки, только в мечети их поворачивали козырьком назад — так они больше были похожи на тюбетейки».

Бабушка вспоминает, что пространство для женщин, в любой мечети обычно отделенное занавеской, было очень маленьким. Ведь мечеть была фактически на подпольном положении. Поэтому там сидели только старухи, которые физически не могли выдержать службу стоя. Остальные женщины приходили к мечети только по большим праздникам, во время мусульманского поста «рузья» (ударение на последний слог) на ночную молитву, которая называется «травих» (ударение на последний слог). Женщины стояли под окнами и слушали, как мулла читает молитвы. Шакир-ага вторые зимние рамы специально не поставил, чтобы все в Лобановке могли услышать, как идет служба.

* * *

Жизнь и быт татарских сел Новое Кадышево и Лобановка Ельниковского района Республики Мордовии (тогда МАССР) в XX веке были традиционны и самобытны.

Каждый сельский житель жил, как мог. Однако при этом он умудрялся найти выход из любых ситуаций (самодельные галоши и валенки на колодках и т. п.). Так, например, красивую одежду можно было взять в долг, отработав за нее прополкой на огороде.

На особом положении были люди, которых советская власть по каким-то причинам лишила определенных прав или имущества. В начале притеснений они уезжали из своих сел в города. Там они старались начать новую жизнь и не вспоминать о прошлом. Однако во время войны некоторые снова возвращались на родину, но уже в качестве беженцев.

Что касается системы мусульманского образования, то начальные исламские школы, мектебы, в республике были ликвидированы советской властью. Сельские школы, как и по всей стране, были светскими, и ни о каком духовно-религиозном аспекте речь не велась. Только официальная власть имела право воспитывать советского гражданина. Но «первый звонок» для ребят иногда приходил с опозданием. Так, в селе Лобановка школа была открыта только в 1930 году.

Однако в духовной жизни татарского крестьянина определяющую роль играл ислам. Полностью вытеснить ислам из культурной

и бытовой жизни сельских жителей оказалось для советской власти непосильной задачей.

В своей работе я попыталась осветить судьбы ничем не примечательных для официальной истории односельчан. Никто из них не сделал ничего героического или великого, чтобы быть «достойным» места в общечеловеческом хранилище воспоминаний. Люди просто жили, как могли.

И коллективизация, и оптимизация (эксперимент по раскрестьяниванию продолжается)

Владимир Жевлаков, Ярослава Сидорова,
Борис Тимофеев

школа, с. Елбань, Новосибирская область
научный руководитель Татьяна Юрьевна Нерода

Вопрос, почему нас сегодня заинтересовали главным образом две страницы истории земляков: коллективизация и так называемая оптимизация, имеет свое объяснение — и та, и другая инициированы властью, государством и «ориентированы на человека», в том числе, видимо, и на крестьянина. Но обе они несли и несут схожие результаты: вместо рая — разруху и нищету, утрату веры в себя, в свои возможности; недоверие к любым обещаниям власти имущих!

Нам удалось проанализировать документы из Государственного архива Новосибирской области, публикации краевой периодики с 1929 по 1933 годы. К этому следует добавить мемуарные источники и результаты опроса жителей деревень Маслянинского района Новосибирской области, а также фотодокументы.

КУЛАКАМ И ЧАСТНИКАМ МЫ МОГИЛУ ВЫРОЕМ

В названии этой главки — строчки из популярной в нашем районе частушки периода описываемых событий — коллективизации. Мы в разные годы занимались сбором местного фольклора, и именно обещание «вырыть могилу» вспомнили 11 человек из 40:

Кулакам и частникам
мы могилу выроем.
По деревням всех крестьян
мы кооперируем!

Вопрос, почему именно эта рифмовка сохранилась в памяти, дает один ответ: могилы вырыли многим... Такое, очевидно, не забудешь!

Коллективизация — тяжелейший период для всех крестьян огромного Советского Союза. Не стала исключением и Западная Сибирь. Все началось с кампании хлебозаготовок. Зимой 1928 года в Сибири разразился кризис. В связи с серьезным намерением пре-

одолеть его любой ценой сам Сталин посетил Сибирь и наш Новосибирск. После визита Сталина в Сибирь и его выступления 18 января 1928 года на заседании Сибкрайкома ВКП(б) власть с рвением бросилась исполнять рекомендации для обеспечения заготовок: ввести чрезвычайные меры, широко использовать репрессии против крестьян.

27 декабря 1928 года газета «Советская Сибирь» опубликовала статью: «Снизилась заготовки хлеба», «Расстрел кулакам, убившим члена сельсовета». Статья о расстреле рассказывает, что убит был «деревенский бедняк-активист села Конево Волков». К суду было привлечено около десятка кулаков, трое из них расстреляны.

Заголовки и рубрики газеты в следующие два декабрьских дня также кричат о необходимости уничтожить крестьянина, по сути мужика работающего, любящего землю: «Мы вправе требовать!», «Заготовители хлеба в Сибири состязаются в безделии», «За проявленное благодушие снят с работы ряд председателей сельпо», «Расстрел кулакам», «Партячейки и райкомы не организуют должного наступления на кулака...» Содержание статей схоже в одном — найти причину невыполнения плана хлебозаготовок, выявить тех, кого следует «назначить виноватым». «Беднота изобличила группу кулаков, пролезших в партию», «Конкретные носители зла», «Единым фронтом на кулака», «Вредители заготовок хлеба»... Очень трудно предположить, что и авторы публикаций, и заказчики этих «сочинений» не знали реальной причины кризиса — крестьянину просто уже нечего было отдавать государству, оно давно все отобрало.

Деревня рассматривалась исключительно как ресурс индустриализации. Государство мало заботило, как выживать семьям крестьян, чем кормить опухающих от голода детей. Сталин и его соратники в центре и на местах не задумывались, чем будут засеиваться поля завтра. Деревня голодала, а из нее выдавливали и выдавливали последние крохи.

«Отец закопал под кормушкой в сарайке мешок пшеницы, а младший братишка, пяти лет, похвастался соседским детям. Вечером отца забрали, увезли. Навсегда. Пшеницу тоже вытащили, да еще и последних 4-х кур забрали — в наказание. Вместе с милицией был и сосед, ухмылялся все. И осталась мать с нами, пятью голодными — мал мала меньше. Трое маленьких не выжили, умерли один за другим в осень. А мы с сестрой побирались по людям. Подавали мало, людям нечего было самим есть. Мать долго болела, мы приносили ей то жмыха, то картошину. Встала, работа-

ла до самой смерти на лесосплаве. Прожила три года еще, умерла, когда мне было 13 лет. И умерла-то от бессилия — упала в речку и захлебнулась»¹.

Запуганная деревня, задавленная голодом, издевательствами власти, была обречена на медленное и мучительное вымирание. По свидетельствам стариков, бывших детьми в ту жуткую эпоху, стало привычным, что «если зимой у кого-то из трубы над избушкой нет дыма — значит, взрослые умерли. Хоронили без гробов, хорошо, если в тряпку обернут»². Основная тяжесть «твердых планов» возлагалась изначально на крепких мужиков, которые быстро в деревне закончились. Вот тогда и стали давить оставшихся, у кого хоть что-то было для работы на земле, например, коровенка, которую мужик впрягал в плуг и подталкивал, когда та не могла его тащить. Сам факт того, что кто-то сеял, был доказательством утайки зерна. А это уже основание для ареста и конфискации коровы и всего, что оставалось в крестьянской избе...

Сопротивлялись ли селяне? Наш руководитель Т. Ю. Нерода помнит рассказы стариков из села Согорное Доволенского района Новосибирской области о массовом расстреле «за неповиновение». Она выросла в этих местах. Ходили слухи, что половина мужиков из соседних сел Согорное и Комарье были расстреляны в один из зимних дней 1930 года. Мы нашли этому подтверждение: «27 января после вынесенного местными органами власти решения об экспроприации имущества и высылке “кулацких” хозяйств в ряде сел Индерского района (позже объединен с Доволенским — В. Ж., Я. С., Б. Т.) начались массовые волнения — “волынки” с целью недопущения репрессий. В селе Комарье в них приняло участие до 500 человек, а в селе Озерки — 100 человек. Жители с. Согорное (более 600 человек) заставили представителей власти бежать из села. Органы ГПУ 1 февраля произвели в этих селах массовые аресты. Особой тройкой ОГПУ 28 из 44 были приговорены к расстрелу»³. История области этого периода изобилует информацией о многочисленных волнениях крестьян и их жестоком подавлении, но что они могли противопоставить отлаженному террору со стороны власти?

¹ Из воспоминаний А. Г. Кротовой, 1920 г. р., записанных Т. Ю. Неродой и хранящихся в музее школы с. Елбань.

² Там же.

³ Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991. Новосибирск: Экор, 1997. С. 36.

Шел 1930 год. После ноябрьского пленума ЦК партии, когда был сделан вывод о «великом переломе» в настроениях крестьян в пользу коллективного хозяйства, началось у деревни новое, не менее бесчеловечное испытание на выживаемость — сплошная коллективизация и раскулачивание. По сути, это уже следующая страница процесса раскрестьянивания. В качестве источников мы вновь используем как документы и публикации в газетах «Советская Сибирь», так и воспоминания тех, кто стал участником модернизации деревни. Кто-то из них пережил хлебозаготовки, коллективизацию и раскулачивание семьи, будучи ребенком, кто-то сохранил родительскую историю, рассказанную матерью или отцом. Это рассказы тех, кого мы относим к жертвам. А вот официальные мемуарные источники, созданные местными активистами, сохранили гордость, а не боль и сожаление от содеянного. Поэтому, очевидно, и захотели зафиксировать свое героическое прошлое на бумаге, чтобы потомки помнили и гордились. Отсюда такая разница в картине и оценке происходившего в деревне.

Первоначально крестьян загоняли в коммуны. Любое сопротивление жестоко каралось. «К лету 1930 года из 1300 тысяч крестьянских хозяйств Сибири было раскулачено 60 тысяч. В последующем — еще 100 тысяч. Если учесть, что каждая семья состояла хотя бы из 5 человек, то не менее полумиллиона сибиряков были обречены на раскулачивание и спецпереселение»⁴.

Беседуя с представителями разных поколений, мы были потрясены тем, что нет ни одной семьи, кого бы ни коснулась коллективизация. Причем, не менее 50% опрошенных (70 человек) говорили о раскулачивании своих прадедов. Анисья Первова, 1909 г. р., рассказала: «У нас было крепкое хозяйство: отец с матерью были работающие. И нам, девкам, сидеть без дела не давали. Когда перебрались в Сибирь из Расеи, имели две лошади, денегат немного, уже в Сибири корову купили. Земли бери, сколь душа желает. Сеяли лен, картошку, хлеб, семечки. Масло давили. Урожай возили на продажу. Дом крепкий срубили, а первую зиму в землянке пережили. Девоч было одиннадцать душ. К тому времени, как коллективизация пришла, все взрослые, работали не хуже мужиков. А в деревне и лодырей-голодранцев было полно. Им наш двор жить спокойно не давал. Вот и раскулачили — все до нитки забрали, а нас выбросили на “выселки” за деревню, как заразу какую. Отец сильно убивался,

⁴ Исупов В. А., Кузнецов И. С. История Сибири. Часть 3. Новосибирск, 1999. С. 165.

Школа в селе Елбань. 1930-е

Бывшая больница. Закрыта в 2013 г.

Руины колбасного цеха на территории села Елбань

Бывший колбасный цех

но жить-то надо, избушку построили, плохонькую, огород мал-мал засадили картошкой. Глазки собирали от очисток, ими и засадили, мир не без добрых людей, не дали всем умереть в семье. Мать не выжила и две сестры ушли на тот свет» (записано Т. Ю. Неродой в 1980 г.). Таких примеров множество. Даже сами представители власти признавали «перегибы» в деле раскулачивания. Вот материалы Полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю о ходе раскулачивания 1930 г.: «Практикуется отбор у экспроприруемых полностью всего имущества вплоть до белья, ложек. При этом требуют немедленного выселения, выгоняя семьями из домов в ночное время. В Татьяновском сельсовете Омского округа при отчуждении имущества разрыли ямы с картофелем и так оставляли их, в результате чего весь картофель поморозили. Значительную часть имущества растащили и поделили между собой»⁵.

К делу организации коллективных хозяйств и борьбы с кулачеством активно привлекалась и Красная Армия. 23 февраля 1930 года газета «Советская Сибирь» сообщает читателям: «Недавно курсы усовершенствования младшего комсостава Новосибирского полка делали вылазку на лыжах... Цель вылазки — проверить и повысить участие окрестного населения в колхозном строительстве и ликвидации кулачества. Участвовало 79 человек, из них партийцев — 36, комсомольцев — 10». Далее в заметке сообщается, что успели охватить этой «вылазкой» 18 деревень, провести 17 собраний, 11 совещаний.

Матрена Федотовна Беспалова, жительница села Елбань, пережившая раскулачивание ребенком, навсегда сохранила в памяти страшную ночь: «Пришли неожиданно, все в форме военной, шумные, веселые. В дверь стучали ногами. Было уже поздно, все спали. Выгнали на улицу, всех: мать, отца, ребятишек. Ничего не объясняли, сказали, что больше мы тут не живем. Отца увезли, нам толком и собраться не дали. Какое-то время жили у далеких родственников. Побирались, нанимались на разные работы. К дому не подпускали, все растащили, потом кого-то вселили. Об отце я узнала только в девяностом году, после многих запросов в разные места, его расстреляли в первые дни ареста. А мы всю жизнь надеялись, что разберутся и папу вернут».

Добровольно-принудительное вхождение в колхозы не принесло улучшения жизни крестьянам, да и государство не могло выкачать достаточно средств. В 1932 г. валовой сбор зерновых составил

⁵ ГАНО, ф. 47, опись 5, дело 104, лл. 96–97.

в Сибири 61,3 млн центнеров против 83,6 млн в 1928. Количество лошадей за это же время уменьшилось от 4704 тыс. до 1861 тыс., коров — 3698 тыс. до 1966 тысяч. Прежние размеры поголовья не были восстановлены на протяжении ряда последующих десятилетий. Страницы же всех газет 30-х годов пестрят информацией о недоимках, долгах, вредительском попустительстве на местах. Власть за бесценок забирала хлеб, в колхозах начался страшный голод, в Сибири его пик пришелся на 1932–1933 годы. Голодали не только те, кого экспроприировали, но и те, кто оказался в колхозе. Многие старики помнят, что вымирали целыми семьями, ели лебеду, за счастье было украсть на колхозной ферме кусок жмыха. Не всегда пугал даже «закон о пяти колосках» — постановление ЦИК и СНК от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Согласно этому постановлению за самую малую провинность (зерно в кармане, десяток картофеля с колхозного поля и т. п.) можно было стать «врагом народа» и получить наказание вплоть до расстрела. «В Западно-Сибирском крае менее чем за месяц после принятия нового закона (по состоянию на 1 сентября 1932 года) было осуждено 245 человек; из них к расстрелу приговорено 14 человек. На 1 октября 1932 года насчитывалось уже 2895 осужденных, к расстрелу приговорено 101 человек, к лишению свободы на срок более 10 лет — 1891 человек»⁶. По воспоминаниям нашего односельчанина Б. В. Ходкова, «голод был страшнее наказания, и дети часто “воровали” эти проклятые колоски, малышей нещадно избивали вездесущие объездчики, родителям же несчастных ребятишек давали большие сроки».

ОПТИМИЗАЦИЯ, ИЛИ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Размышляя о прошлом и настоящем деревни, мы не находим иного определения к ее судьбе, кроме как «горемычная». Прошла она через коллективизацию, через укрупнение, ликвидацию по причине убыточности... Теперь вот оптимизация!

Согласно современному толковому словарю, понятие «оптимизация» трактуется как 1. Процесс выбора наилучшего варианта из

⁶ *Исаев В. И., Михеев Д. Ю.* Законность по-сталински: Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. и его реализация в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1.

возможных... 2. Процесс приведения системы в наилучшее (оптимальное) состояние. Значение слова «оптимизм», по С. И. Ожегову: «бодрое жизнерадостное мироощущение, при котором человек во всем видит светлые стороны, верит в будущее, в успех, в то, что в мире господствует положительное начало, добро». Именно так, исходя из понимания слова «оптимизм» как «устойчивой веры в лучшее», мы и привыкли воспринимать производное от него понятие «оптимизация». Но что-то не очень сходится значение этого светлого слова с той действительностью, которую мы наблюдаем в реальности сельской жизни.

В проведении социологических опросов нам уже приходилось участвовать, поскольку, работая в поисково-исследовательском краеведческом клубе, мы собирали свидетельства очевидцев и участников различных исторических событий. Но такого «масштабного», какое требовалось в настоящем исследовании, массового опроса, мы еще не делали. Целью определили *выявление общественного мнения жителей сел, расположенных на территории Елбанского сельсовета.*

На территории Елбанского сельсовета (деревни Чудиново, Жерновка, Загора, Елбань) проживает 1824 человека⁷, из них взрослое население, согласно количеству избирательных бюллетеней по информации Елбанского сельсовета на 2015 г., — 1356. Нам удалось побеседовать с 250.

Мы опрашивали разные возрастные категории населения, затем результаты распределили по следующим группам:

- 1) полная семья (родители и двое–трое детей)
- 2) неполная семья (один родитель и один–двое детей)
- 3) пенсионеры, проживающие без взрослых детей

Вопросы, на которые мы ориентировались в своих беседах с жителями села:

Достаточно ли Вам доходов, чтобы ежемесячно не испытывать затруднений в приобретении всего необходимого для нормальной, с Вашей точки зрения, жизни?

Результаты по категориям:

1) Полные семьи:

«да» — 13%, в основном работники бюджетной сферы (учителя и воспитатели в детском садике);

«нет» — 87%.

⁷ Маслянинский район Новосибирской области: 90 лет. 1924–2014. Новосибирск: ЦЭРИС, 2014. С. 1.

У последних затруднения вызывают проблемы покупки бытовой техники, удовлетворения потребностей детей-школьников: компьютер, необходимый для обучения в современных условиях, планшеты, мобильные телефоны (чтобы не хуже, чем у других), оплата коммунальных услуг, заготовка топлива на зиму. Отмечают и вынужденную «скромность» питания.

Ответившие «да» имеют в основном двух работающих в семье, «нет» — те семьи, где в большинстве случаев постоянно работает один из родителей, либо «временно» не работают оба. А это «временно» затянулось на месяцы.

Но и в первом случае речь не идет о полном недостатке, а уж, тем более, о роскоши, о чем свидетельствуют такие высказывания: трудно учить детей-студентов, обеспечивая и жизнь в городе, и саму учебу. Себе отказываем во всем. Нет возможности позволить отдых в санатории, а уж, тем более, туристическую поездку: «и денег не хватит, и от огорода не откажешься, и хозяйство не бросишь».

2) Неполные семьи

«да» — 7%;

«нет» — 93%.

Сказавшие категоричное «нет» испытывают серьезные материальные трудности во всем: в нормальном питании, в покупке одежды, в приобретении предметов длительного пользования (например, при выходе из строя холодильника приходится копить на него до полугода, экономя на питании и одежде). Более или менее удовлетворены те неполные семьи, где есть пенсии на детей по утрате кормильца. Парадокс, с нашей точки зрения, но факт — умерший родитель иногда пополняет бюджет семьи успешнее, чем живой. Алименты, как правило, либо не выплачиваются, либо абсолютно формальны: от 200 до 500 рублей.

3) Пенсионеры

«да» — 29%;

«нет» — 71%.

В число тех, кто дал положительный ответ, вошли в основном так называемые «льготники»: ветераны труда, вдовы ветеранов войны и др. Перешагнувшие за 80-летний порог часто говорили о том, что «и хуже бывало» — память о голоде, имевшем не единой место в их жизни, видимо, позволяет оптимистичнее смотреть на день сегодняшний. Другими причинами положительного ответа указывались такие, как «помогают дети», «а мне многого

и не надо, ем мало, одежду не покупаю, трачу немного». Пенсионеры, давшие отрицательный ответ, жаловались, что «не хватает на лекарство, много уходит на уголь и дрова. Приходится платить за любую помощь: то распилить дрова, то уголь переносить, то снег очистить... Хочется и детям помочь, потому что живут на копейки, нет постоянной работы».

Что волнует Вас в переменах жизни деревни, происходящих в последние годы?

Нет необходимости рассматривать ответы по категориям: практически все выделили и прокомментировали одни и те же проблемы, вызвавшие только ухудшение качество жизни.

На первом месте — закрытие больницы.

«Теперь, чтобы попасть к терапевту, а уж, тем более, к специалисту — поезжай в райцентр, отстой в очередях, чтобы взять талон и лишь через неделю–месяц, может, тебя примут. Потрать каждый раз целый день, это когда и стоять-то тяжело».

«Теперь ни капельницы, ни физиолечения не получишь. В районную больницу тебя никто не положит, мест нет. А старику ездить ежедневно за 35 км в район, отлежать под капельницей, а потом до вечера маяться на автовокзале — последнее здоровье потеряешь».

«Развалили все, что давало рабочие места: фермы, колбасный цех, совхоз. Разглагольствуют о подсобном хозяйстве — а как корма добывать? Брать косу и дедовским методом? Купить негде, да и цены не по карману. Если и вырастишь теленка, поросенка — куда их? За бесценок перекупщикам? Умирает деревня. Молодежи здесь нечего делать, уезжают, хоть и в городе их никто не ждет! Да все какая-то копейка, а тут ничего хорошего».

Вот такие невеселые мысли были высказаны в беседе. Были и не столь мягкие выражения, и попытки назвать виновных. Это было откровенным отчаянием, и встречалось оно, к сожалению, довольно часто. Все респонденты убеждены в одном — «деревня умирает, она тяжело больна, а спасать ее и не пытаются». Так высказываются более 90% опрошенных. Исключением была реплика главы администрации сельсовета: «Кто хочет, может заняться фермерством». Хотя мнение людей по поводу возможного индивидуального предпринимательства оказалось созвучно и с официальной оценкой: «В настоящее время предпринимательство в Новосибирской области в большей степени ориентировано на продажу товаров или услуг для населения, в регионе в данный момент работает очень мало предприятий, которые ориентированы на про-

изводство какой-либо продукции» (Новосибирский бизнес-портал novobiz.ru).

Казалось бы, всем понятно, что деревня должна производить мясо, молоко и другие сельхозпродукты. Почему же тогда уже который год стоит заброшенным и рушится совсем недавно действовавший колбасный цех, уничтожен молокоблок, пустуют фермы, разрушен льнозавод?!

Вместе с ликвидацией акционерного общества «Салаир» (бывший совхоз «Елбанский») брошены добротные здания, оборудование, лишены работы жители села. Вроде бы и причина на поверхности: «...одной из основных проблем предпринимательства в Новосибирской области является обилие административных барьеров, которые мешают развиваться предприятиям» (novobiz.ru). Теперь в сфере производства заняты единицы. С точки зрения экономии, это оптимизация. С точки зрения интересов рядового крестьянина — пренебрежение его судьбой, будущим его детей, наконец, и жизнью самой деревни. Может, следовало бы подумать, как использовать брошенные производственные площади, на реальных льготных условиях отдать желающим заняться предпринимательством, помочь в преодолении так называемых «административных барьеров»? Но, увы... ломать — не строить! Тенденция разрушения деревень свойственна, как мы понимаем, всей России.

И поэтому выводы не получаются обнадеживающими. Деревня больна. Может, наши депутаты, принимающие самые различные законы, просто не владеют ситуацией? Или не хотят задумываться над тем, что старуха с коромыслом, согнувшись под тяжестью ведер, поднимается от речки и, качаясь, несет ее к своему дому-избушке. Таковую ли долю заслужила она, всю жизнь надрываясь на колхозно-совхозных полях? Это ей отказано фактически в медицинском обслуживании, в человеческих условиях обитания. Неужели оптимизация бюджета предполагает то, о чем с горечью говорили пожилые люди: «мы стали обузой государству»?

Мы отдаем себе отчет в том, что в своей работе взяли за очень непростую тему. Но она не могла не заинтересовать нас, потому что касается нашей малой родины, наших родных и нас самих. А по большому счету, и России, вышедшей из деревни.

«Герои колхозных полей»

Даниил Мочалов

Спасская школа, п. Вишневка, Воронежская область
научный руководитель Алла Николаевна Мочалова

В нашем Спасском поселении жили три Героя Социалистического Труда: Анна Александровна Деревенских, Мария Митрофановна Зубарева, Анна Матвеевна Подвигина. А. А. Деревенских проживала в селе Малиновка, затем переехала в Виноградовку. А. М. Подвигина и М. М. Зубарева — из села Вишневка. Высокое звание они получили в 1948 году за наивысший урожай. В нашем школьном музее есть раздел, посвященный им. А в районном центре, в парке, недавно открыли «Аллею Героев», где установили портреты всех Героев Советского Союза из нашего района (4 человека) и портреты Героев Социалистического Труда (5 человек). Среди них — наши односельчанки.

ТРУДНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Постоянным помощником в моей исследовательской работе была и остается моя мама Алла Николаевна Мочалова, учитель истории нашей школы. Но если раньше я строго выполнял все ее советы, то сейчас уже мы больше спорим; мне хочется написать по-своему, сделать все самостоятельно. Но все же без нее у меня ничего бы не получилось, потому что она знает больше и знает, куда и к кому обратиться за информацией.

Исследовательскую работу про моих героических землячек я начал давно. В нашем районном архиве нашел массу публикаций того времени. Даже в интернете есть данные об их достижениях. Встретился со старожилами села, нашел старый альбом о передовиках производства в школьном музее.

Но, к моему удивлению, во всех этих источниках было написано одно и то же, как будто переписали друг у друга.

В Муниципальном архиве Верхнехавского района Воронежской области (МАВРВО) я нашел номер районной газеты «Завет Ильича» за 13 мая 1948 года, где напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства Воронежской области:

«В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 марта 1947 года за получение высоких урожаев ржи, пшеницы, сахарной свеклы при выполнении колхозом обязательных поставок и натуроплаты за работу МТС в 1947 году и обеспеченности семенами зерновых культур для весеннего сева 1948 года присвоить звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали “Серп и молот”:

Деревенских Анне Александровне — звеньевой колхоза “Красный партизан” Верхне-Хавского района, получившей урожай сахарной свеклы 600,6 с гектара на площади 2 гектара.

Зубаревой Марии Митрофановне — звеньевой колхоза “Сила” Верхнехавского района, получившей урожай ржи 33,88 центнера с гектара на площади 9,5 гектаров.

Пешковой Анне Матвеевне — звеньевой колхоза “Сила” Верхнехавского района, получившей урожай ржи 30,74 центнера с гектара на площади 15 гектаров».

Но мне хотелось найти больше информации, потому что тема меня очень интересовала.

Долгое время работа не шла. Дети и родственники этих героинь отказывались дать мне интервью, ссылаясь на разные причины. Анна Матвеевна Подвигина умерла в 2014 году, еще можно было успеть ее расспросить, но ее дочери не допускали меня к ней, говоря, что она плохо себя чувствует, да и ничего не помнит.

Что же здесь плохого? — удивлялся я. Ведь воспоминания останутся для потомков. Например, в прошлом году мы с Женей Пучковой записывали на видеокамеру жительниц нашего села Вишневка, которые помнили войну. Даже видеофильм потом сделали — «Воспоминания наших бабушек». Одна из его героинь, Вера Алексеевна Комарова, к сожалению, умерла этим летом. А фильм с ее участием остался. У нее пять дочерей и все они благодарны за то, что сохранится эта память о матери.

Почему же дети женщин — Героев Социалистического Труда все как один не хотели ничего вспоминать?

«Лед тронулся», когда я подключил к этому делу свою бабушку — Нину Алексеевну Пучкову. Дело в том, что дочь Анны Александровны Деревенских — Валентина Николаевна Казьмина, бабушкина соседка. Я попросил поговорить с ней и убедить, что если она будет молчать, ее внуки не узнают о подробностях трудового подвига ее матери.

И вот наступил день, когда мы с Женей взяли видеокамеру и отправились снимать интервью к Валентине Николаевне Казьминой, а потом и к детям других героев.

ЧТО МОЖНО УЗНАТЬ ИЗ ИНТЕРНЕТА

Мария Митрофановна Зубарева (02.08.1898, село Большая Приваловка, Воронежский уезд, Воронежская губерния — 08.08.1972, село Вишневка, Верхнехавский район, Воронежская область).

Родилась в крестьянской семье. В 1929 году устроилась на работу в колхоз «Сила» Верхнехавского района. Была назначена звеньевой полеводческого звена. Проработала в этом колхозе 29 лет до выхода на пенсию в 1958 году.

В 1947 году полеводческое звено, которым руководила Мария Зубарева, собрало по 33 ц озимой ржи с каждого гектара. В 1948 году была удостоена звания Героя Социалистического Труда за высокие показатели урожайности зерновых.

Анна Матвеевна Подвигина (урожденная Пешкова) (24.08.1927, село Верхнее Воронежской губернии — 2014, село Вишневка, Верхнехавский район, Воронежская область).

Свекловичница, звеньевая колхозов «Сила» (1942–1960) и «Путь к коммунизму» (1960–1982) Верхнехавского района. Герой Социалистического Труда (07.05.1948). Награждена за высокие урожаи зерновых культур.

Анна Александровна Деревенских (30.03.1928, село Большая Приваловка, Воронежская губерния — 2010).

Родилась в крестьянской семье. В 1941 году начала свою трудовую деятельность в колхозе «Красный партизан» Верхнехавского района. Была назначена звеньевой свекловодческого звена. В 1947 году звено под руководством Анны Деревенских собрало 600,5 ц сахарной свеклы с участка площадью 2 га. За выдающиеся достижения в трудовой деятельности была удостоена в 1948 году звания Героя Социалистического Труда.

Села Спасского поселения с плодово-ягодными названиями Малиновка, Вишневка, Виноградовка образовались в 20-х годах XX века. Их основали крестьяне из соседнего села Большая Приваловка, переселившиеся на экспроприированные у помещиков Крашенинниковых земли.

В 30-х годах в каждом селе образовались колхозы. В 1937 году в колхозе «Сила» был организован сортоиспытательный участок на площади 86 га.

МАРИЯ МИТРОФАНОВНА ЗУБАРЕВА

В Госсортучастке работали Мария Митрофановна Зубарева и Анна Матвеевна Подвигина. Они выращивали различные зерновые культуры: пшеницу, ячмень, овес и другие. Государству сдавали урожай в семенной фонд. Поэтому семена должны были быть отборными. Их перебирали вручную.

Мария Ивановна Волостных, 1930 года рождения, жительница села Вишневка, рассказывает: «Был Госсортучасток. Там работала лаборатория. Возглавляла ее Валентина Александровна и ее помощник Иван Константинович. Женщины ходили перебирать семена. Чем было хорошо, им платили по 15 рублей в месяц деньгами, а помимо этого трудовень писали. Мама и хлеб получила, и какие-никакие деньги. Она, бедняжка, не покладала рук. А дома дети — 7 человек. Держала скотину, зимой стан ставила и ткала холсты. Из них шила нам одежду. Тяжелый у нее был труд».

В 1951 году колхозы «Сила», «22 января», «Красный партизан» объединились в Сельхозартель «Андреев». В школьном музее есть фотография, где запечатлен праздник по случаю этого объединения.

Мария Митрофановна была самой старшей из всех наших Героев. В 1948 году ей исполнилось 50 лет. В газете «Завет Ильича» я встретил многочисленные публикации, связанные с ней. Например, когда проходили выборы в Верховный Совет РСФСР, видимо, важно было написать, как именно голосовала Герой Социалистического Труда:

«День выборов в Верховный Совет РСФСР колхозники сельхозартели им. Андреева встретили большими трудовыми победами. Колхоз полностью закончил подготовку к весеннему севу. Заняв первенство среди колхозов района по урожайности в 1950 году, члены артели стремятся к новым успехам.

Зажиточно живут колхозники. Они получили на трудовень около 3 кг зерна, много сахара, денег. За все это благодарят партию, правительство и вождя трудящихся великого Сталина.

В 6 часов утра первой получает бюллетень рядовая колхоза Герой Социалистического Труда Мария Митрофановна Зубарева.

Я с радостью отдала голос, — говорит т. Зубарева, — за стахановку колхозных полей Акулину Михайловну Черных. Советская власть, партия Ленина-Сталина дали нам и нашим детям счастья. Наши колхозники живут зажиточно и культурно. Мы благодарим советскую власть, лучшего друга колхозного крестьянства Иосифа Виссарионовича Сталина. С чувством великой гордости за свою могучую Родину проголосовали труженики сельхозартели им. Андреева за Акулину Михайловну Черных, за счастье колхозной жизни, за светлое будущее — коммунизм» (22.02.1951).

Выборы были безальтернативные, голосовать обязаны были все 100% жителей, а если не пришел на выборы — могли наказать. Но об этом, конечно, не писали.

К НОВЫМ УСПЕХАМ

Листая в архиве подборку районной газеты послевоенного периода, я видел портреты Сталина, крупным планом, почти в каждом номере на первых страницах, постановления Президиума Верховного Совета и многочисленные призывы, похожие друг на друга. Я пытался найти хоть что-то о реальной жизни, происходившей на самом деле. Но все статьи были о том, как хорошо и счастливо живет при советской власти, и о том, что надо стремиться к новым достижениям. Вот, например, статья «Вперед к новым успехам!»:

«Иосиф Виссарионович Сталин в своем выступлении перед избирателями 9 февраля 1946 г. начертал величественную программу строительства коммунизма в нашей стране. Значительный вклад в укрепление могущества нашей Родины сделали за эти пять лет и трудящиеся нашего района. Поднялась культура земледелия, растет общественное животноводство, достигнуты успехи в культурном строительстве и т. д. Однако нам, советским людям, не присуща самоуспокоенность. Мы хотим большего и должны дать больше. Вся большевистскую страстность мы обязаны вложить в решение задач дальнейшего роста мощи нашего социалистического Отечества. Вперед к новым успехам!»

«Мы должны», «обязаны», «борьба», «строительство» — эти слова встречаются в каждой статье. Но особенно лживо было написано про то, что растет животноводство, поднята культура земледелия, — в год, когда, как мы знаем, был страшный голод. Наверно, советское руководство не хотело об этом говорить. А к тому, что люди умирали, уже привыкли. В войну вон сколько погибло.

Вот что вспоминает житель села Вишневка Иван Васильевич Долгих, 1932 года рождения: «Я родился в селе Малиновке. Моя семья переселилась туда в 1929 году из Большой Приваловки. В нашей семье было 5 братьев. Отец погиб в 1941 году.

Война хоть и закончилась, но было совсем не легче. У матери отдыха не было. Допоздна работала в колхозе, а ночью работала дома. В колхозе мужиков не было. Остались малолетние, женщины и старики. Лошадей тоже не было. Их забрали на фронт. Убирали урожай косами.

Вместо лошадей коров запрягали, девчонки по 16–17 лет слезы проливали, тяжело было. Появились первые трактора марки “Универсал”. Без кабины, на керосине. Заводили такой трактор с помощью рукоятки по 4–5 человек. Но все же это была техника и ей были рады.

В 1946 году засуха была, из-за плохой агротехники обрабатывать почву было трудно. Урожай собрали мизерный. Весной 47-го люди настолько голодовали, что даже опухали. Например, семья Девятовых в Малиновке. Они уезжали на Кубань, потом вернулись. У них плохо было с продуктами. И даже их младший сынишка Степа умер от голода. Весь раздулся, водянка началась. Многие тогда голодали.

И в то время было тяжело еще вот от чего: то заем, то облигация. А все участвовали. Особенно в 1946–1947 годах на восстановление ходили и собирали деньги администраторы из сельского Совета. А еще были твердые обложения. Нужно было сдать государству в год: 200 л молока, 2 ц картошки, 40 кг мяса, 200 яиц, пол кожи. Есть у тебя, нету — все должно быть выполнено. И выполняли. Сельский Совет очень жестко предъявлял требования».

В газете об этом ни слова, будто это вообще другое государство. Вся крестьянская жизнь была подчинена работе — без выходных, без отпусков, без пенсий, без паспортов. Полагалось думать только о том, как добиться высоких урожаев, об этом и писали в газете. Вот заметка «Агротехническая работа в колхозе» (25.03.1951):

«Мы на своем опыте убедились в силе передовой агротехнической науки. Она помогает нам овладеть мастерством получения высоких урожаев на больших площадях. Вот почему наши колхозники с огромным желанием всю зиму учатся на агротехнических курсах, организованных при колхозе. Партия и правительство проявляют о нас, колхозниках и колхозницах, неустанные заботы: помогают нам всем, что требуется для улучшения артельных хозяйств, дают колхозникам машины, минеральные удобрения. От-

Анна
Александровна
Деревенских

Мария Митрофановна Зубарева

Анна Матвеевна Подвигина

М. М. Зубарева выращивает элитные семена ржи на испытательном участке колхоза «Сила»

Труженики колхоза «Сила» на выставке сельского хозяйства в районном центре Верхняя Хава (А. М. Подвигина — крайняя слева в первом ряду)

крыли нам широкую дорогу для учебы, для овладения знаниями агротехники. На эту отеческую заботу о колхозах и колхозниках ответим товарищу Сталину высокими урожаями!»

Авторы этой статьи — Герой Социалистического Труда Анна Матвеевна Подвигина и колхозница Анна Максимовна Зубарева (однофамилица Марии Митрофановны Зубаревой).

Анне Максимовне Зубаревой сейчас 95 лет, она живет у нас в Вишневке, я обратился к ней с вопросами, она меня встретила и много чего рассказала. «Статьи писали, потому что колхоз был передовой. Так нужно было...»

Да, в газете писали одно. Но, когда не было «посторонних», частушки и анекдоты сочиняли совсем другие. Анна Максимовна вспоминает частушку:

Привели меня на суд,
Я стою трясуся.
Присудили сто яиц,
А я не несуся!

Или анекдот. Идет собака из Америки в СССР. На границе у нее спрашивают:

— Зачем ты идешь в СССР? Ведь в Америке хорошо, всего вдоволь.

— Нет, я в СССР хочу, — отвечает собака, — там хоть сколько брехать можно.

(7 человек работает, одному — Героя. Людям есть нечего, а говорят — счастливая жизнь. Брешут и брешут!)

Идет корова, наоборот, из СССР в Америку. У нее спрашивают:

— Ты зачем из такой страны уходишь? У вас ведь все хорошо. Надои высокие. Мяса и молочных продуктов сколько хочешь.

— Не хочу я там жить, — отвечает корова, — они мне все вымя оттянули, до самой земли волочится.

«И это все правда, — говорит Анна Максимовна. — Так оно и было на самом деле. Мы все были похожи на ту замученную корову».

Но зато как красиво говорили местные активисты: «Мы живем в свободной стране! Образование у нас бесплатное!»

Да, бесплатное. Но семилетка находилась в соседнем селе, а то и дальше. Подвозить детей запрещалось. У колхоза на это средств не было. Дети пешком ходили в школу по бездорожью несколько

километров. Школьного питания не было. Топили плохо, соломой или сушеными кизьяками из навоза. На уроках сидели в верхней одежде. Дети были вечно простужены.

Из воспоминаний жительницы села Вишневка Веры Алексеевны Комаровой, 80 лет (записано автором в январе 2015 года, Вера Алексеевна умерла летом 2015 года): «В школу я пошла в 1942 году в село Марьевку, проучилась там 4 класса, затем стала в семилетку ходить в Сухие Гаи за 5 км от дома, а потом закончила семилетку стала ходить в 10-летку в Верхнюю Хаву. Каждый день ходила за 10 км от дома. Есть было нечего, одевать было нечего.

Мама однажды купила отрез на платье белого цвета в елочку. Другого не было. Мама сшила мне платье. Ну что, я разве буду в белом платье ходить? Что делать? Мама взяла и покрасила его зеленкой. Я одела его, в школу сходила, красивое платье получилось. Когда пришла домой, сняла его, смотрю, а у меня все тело покрашено в зеленку».

АННА МАТВЕЕВНА ПОДВИГИНА (ПЕШКОВА)

Чтобы снять интервью с дочерью Анны Матвеевны Подвигиной, мне пришлось «найти подход» через ее правнука Игоря Филимонова, который учится в нашей школе в 9 классе. Он мой приятель, и я ему задал вопрос: «Что ты знаешь о своей прабабушке Анне Матвеевне Подвигиной?» Он сначала даже не понял, о ком идет речь. Но потом ответил, что знает, что она Герой Социалистического Труда. А за что она получила это высокое звание, сказать затрудняется. Через него мы связались с его бабушкой Зинаидой Петровной Моисеевой, и она поделилась с нами тем, что знала о своей матери.

Из воспоминаний Зинаиды Петровны Моисеевой:

«Мама пошла на работу в поле в 13 лет. Работала в Госсортучастке, выращивала зерновые культуры (овес, ячмень, пшеницу) на семена. Работали вручную. В 1947 году получила звание Героя Социалистического Труда за наивысший урожай зерновых культур — ей тогда было 18 лет. Мама три раза ездила в Москву на ВДНХ. Там ее награждали ценными подарками: швейной машиной, золотыми часами, приемником, пуховым одеялом, продовольственными пайками. Это было все в дефиците тогда. Многие люди завидовали. Хотели собрать собрание и пересмотреть награды. Через год она вышла замуж и потом родила четырех детей».

В «Завете Ильича» я нашел о ней такую заметку (15.03.1951):

«Женщина в колхозе — большая сила. Кем была крестьянка до революции, что она знала?

— За отцом или за мужем живет, — говорили раньше о крестьянке в деревне, — без них она бы пропала.

А вот когда зажила деревня по-колхозному, так сразу же все увидели, на какие дела богатырские способны русские женщины.

За примером далеко ходить не буду. Вот Анне Матвеевне Подвигиной, звеньевой колхоза им. Андреева за упорный труд присвоено звание Героя Социалистического Труда, она депутат Воронежского областного Совета. Большевицкая партия и советское правительство проявляют о нас, женщинах большую заботу».

Об Анне Матвеевне Подвигиной мне рассказала и Анна Максимовна Зубарева:

«В 1937 году к нам пришел Госсортучасток из Москвы. Мы стали сеять зерновые культуры: пшеницу, ячмень, овес. Сеяли, выращивали, чтобы собрать урожай на семена. Семена потом сушили, перебирали, чтобы выбрать самые лучшие и отправляли государству.

В 1947 году всем нарежали участки, нужно было следить, чтобы сора не было. У нас в ту пору у всех дома корова была. А лугов никаких не было. Негде коровок пасти. А без нее никак нельзя — пропадешь. Так вот, мы в поле на своем участке сор рвали, сразу в мешок складывали и своим коровкам носили.

Анне было в ту пору 18 лет. У нее тогда фамилия была Пешкова. Подвигиной она стала, когда замуж вышла. Она, как и все, получила свой участок и выращивала рожь на семена. Мы рядом жили и вместе работали.

Уже много лет прошло, ее уже нет. Не хочу, чтобы подумали, что я завистница. Я хочу рассказать, как было на самом деле. Анна была самой младшей в семье. У нее была «неправая» старшая сестра Таня. Она в детстве упала с печи и поломала спину, и стала горбатенькой. Но работяга была. Каждый день приходила и помогала своей сестре Анне. Посмотришь, Таня «гвоздит», аж повитель в глаза. Поэтому у Анны самый чистый участок был, и самый высокий урожай зерна. А еще она была в тот год звеньевой.

Но скажу честно, что когда Анна Матвеевна получила Золотую Звезду Героя никогда не хвасталась, не строила из себя... Понимала, какой она Герой. Она тихая была.

А бригадиром была Валентина Александровна. Она меня тоже на награждение написала. Обо мне уже в районной газете

написали. А приходит ко мне Валентина Александровна и говорит: “Знаешь что? Сказали: Боже упаси! Отец — враг народа, а дочь будет Героем Социалистического Труда. Ни в коем случае!” (Мой отец, Максим Арсентьевич Пешков, был расстрелян в 1930 году).

А еще у нас работала Зубарева Мария Митрофановна. Ей было за 40 лет. У нее тоже высокий урожай получился. Она тоже была звеньевой. Когда закончилась война, у нее было 7 детей и мужа на войне убило. А дети все один за одним меньше. Валентина Александровна устроила собрание и говорит: “Вот мы здесь все рабочие собрались. Давайте выбирать, кого к награде представим. Как вы думаете, мужа убили и детей 7 человек, можно жить? Как ей?”

И вот поэтому все согласились. Пусть тетя Маша, пусть она. На самом деле мы все ей помогли и мешки таскали, на плечо и грузим. А она у нас только подводой управляла.

Это мы ей дали, поэтому она Герой. А так нет. Потому что у нас как закончилась война, много мужиков погибло, и как нарочно, какие многодетные, не пришли с фронта мужья. Это мы пожалели. Ну, я не скажу, что она какой-то лодырь была, да кто тогда лодырь был, когда никакой техники не было. Все вручную».

САХАРНАЯ СВЕКЛА

У нас в Воронежской области повсеместно сеют сахарную свеклу. Видимо, наша область с богатым черноземом специализируется на этой сельскохозяйственной культуре.

«Сахарную свеклу начали сеять в нашем колхозе с 1930 года, — рассказала Анна Максимовна Зубарева. — Каждая колхозница на своем участке должна была вырастить свеклу. А потом сама выкопать весь урожай и сдать государству».

Надо сказать, что к копке свеклы готовилась вся деревня. Доставали двухрожковые копачи, ножи для очистки. Готовили чистые тряпочки да сумочки, чтобы заворачивать в них и носить в поле еду. Во время копки пустела деревня. Все на свекле, дома лишь старики да малые дети. Выдернутые из земли сладкие корни стаскивают в кучу. Затем ботву обрезали ножом. Готовую свеклу отвозили на телегах в свеклопункт. В конце года получали сахар за трудодни. Сахарная свекла была в то время лучшим лакомством для детей.

Из воспоминаний Веры Алексеевны Комаровой: «У меня правнучек, Артемчик, спрашивает: “Бабушка, ты любишь фантики собирать?” А я говорю: “Миленкий мой, какие же фантики? Я тебе расскажу про свои фантики”.

Однажды в детстве, подходит Новый год. Моя учительница Александра Павловна подзывает меня и спрашивает: “Верочка, твоя мама сахарную свеклу варит?” А я думаю: может, ее кто-то подослал? Тогда за сахарную свеклу судили. Свеколку воровали с поля, в пазух положат и принесут, чтобы сварить, как капусту крошат в суп, или подсушат для нас вместо конфет. Тогда за горсть зерна судили. Но обманывать не могла, сказала — варит.

— Принеси бутылочку свекольного сочку.

Прихожу домой, рассказываю маме. Мама достала чугунок из печки, хотела налить сок, кинулась, а у нас бутылки нет. Пошла к соседям, нашла у кого-то бутылку, налила сок свекольный. Я отнесла его в школу. Учителя сходили в колхоз, выпросили муки немного, добавили сахарного сочку и замесили тесто. Стаканом наделали пряники. Такие у нас были новогодние подарки. А фантиков вообще не было».

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ДЕРЕВЕНСКИХ

Благодаря моей бабушке, как я писал в начале этой работы, мне удалось расспросить об Анне Александровне Деревенских ее дочь Валентину Николаевну Казьмину.

Вот что она рассказала: «Моя мама родилась в 1928 году в селе Большая Приваловка в многодетной семье. Через год семья переселилась в село Малиновку. Здесь был организован колхоз “Красный партизан”. Во время войны жили тяжело, голодали. Ели крапиву, кашу забеливали молоком. В 46-м, после войны, была засуха. Люди с трудом выжили. В школе она училась отлично. Закончила только 4 класса. С 15 лет пошла работать в колхоз. Колхоз после войны начал выращивать сахарную свеклу. Им нарезали участок — по 2 гектара. Они должны были выращивать свеклу, ухаживать за ней, удобрять, полоть, прореживать, уничтожать вредителей, выкапывать, обрезать и сдавать государству. Все делали вручную, без всякой техники.

Все говорили, что ей равных нет. Быстрее всех полола, вовремя окучивала, вносила удобрения и собрала со своего участка самый высокий урожай. Более 600 центнеров с гектара, площадью 2 гек-

тара. Это было в 1947 году. За такой высокий урожай ее наградили званием Героя Социалистического Труда. Ей было 19 лет. Она была тогда незамужней девушкой.

Мама всегда вспоминала о том времени с радостью, говорила: «Я стремилась хорошо работать, и мне нравилось, как у меня все хорошо получается. Ночью спала всего по 3 часа, потому что придется с работы, уже поздно, обмоешься, а еще же на улицу сходить хочется, прогуляешь допоздна, а утром рано надо было вставать. И вставала, и все успевала».

Мама замуж вышла в 20 лет в село Виноградовку. У нашего отца та же фамилия была — Деревенских. Так что ей и фамилию менять не пришлось. Родила 6 детей. Мы маму почти не видели. Уходила рано, приходила поздно. А дома и корова, и другая скотина. За всем управлялись старшие дети.

Мы не бедствовали, мама всегда получала много сахара. Продавала его. Ей раз в год можно было бесплатно на поезде ездить. Мы с ней в Москву ездили перед школой. Это у нас ничего не было, а в Москве все было, и мы там все-все покупали. Я одну очередь стояла за покупками, а мама без очереди все покупала.

Тяжело стало, когда отец наш умер. Одна соседка маме говорит: «Нюрка, отдай двух последних детей в интернат, легче будет». Мама обняла нас: «Никого, никому не отдам».

Мама часто ездила на разные собрания и выступала с докладами. Завистников было много. Бывало, слышала слова вслед: «Вон герейка пошла».

Мама умерла в 2010 году в 82 года».

ОДНУ СЕСТРУ НАГРАДИЛИ, ДРУГУЮ В ТЮРЬМУ ПОСАДИЛИ

Но, не у всех жизнь складывалась удачно.

Вот что рассказал житель села Вишневка Иван Васильевич Долгих, 1932 года рождения: «За малейшую кражу сажали в тюрьму. У нас в деревне был такой случай в 1947 году. Весной стала рожь наливать, а люди голодные колоски стали рвать. За 2 кг колосков посадили Анастасию Александровну Деревенских. Ей дали 2 года тюрьмы. А дома дети малые и муж погиб. Мы все переживали за нее. Но к власти относились хорошо. Власть есть власть. Все, что скажут, — мы все выполняли. Никто не рассуждал.

А осенью этого же года собрали отменный урожай. И ее родная сестра Анна Александровна за наивысший урожай сахарной

свеклы была награждена званием Героя Социалистического Труда.

Про Анну Александровну скажу, что свеклу она вырастила отменную. Площадь, конечно, была не большой. Но трудилась она много. Уборка была 100% и никаких потерь. Вывозила весь урожай на лошадах. Я позже работал агрономом в колхозе. Анну Александровну хорошо знал. Она всю жизнь в колхозе, на свекле работала — честно и хорошо».

Не правда ли, странная история получилась. Одну сестру в тюрьму посадили, а другую наградили званием Героя Социалистического Труда.

* * *

Насколько же всемогущей была советская власть по отношению к людям. Человеческая жизнь никакой цены не имела. Кто тогда подумал о детях Анастасии Александровны? Она ведь собирала колоски из-за голода.

Причиной голода была не только засуха, но и разрушенная экономика страны. Трудоспособные мужчины погибли, не было техники и лошадей — все это привело к голоду. А советское руководство не смогло равномерно распределить продовольствие. Колхозников заставляли весь хлеб сдавать государству. Мало кто думал о людях. Поэтому советская власть не остановила голод, а еще больше его усилила из-за хлебозаготовок.

В последующие годы люди продолжали трудиться, выполняли и перевыполняли планы, соревнуясь друг с другом, получая урожай гораздо выше, чем в 1947 году, но такой высокой награды никого из наших тружеников больше не удостоили. Да и в том 1947 году работали все, а награды получили только трое. А вместе с наградами — почет и всеобщую славу, поездки на сельскохозяйственные съезды и выставки, публикации в газетах, дефицитные подарки, льготы и большую пенсию. Обидно было простым женщинам смотреть на это.

И все же, почему именно в это нелегкое послевоенное время решили наградить наших тружениц?

Думаю, чтобы стимулировать колхозников на бесплатный труд. Это особенно было актуально в условиях голода. Чтобы люди стремились хорошо работать. Чтобы они не только жили в постоянном страхе быть наказанными всевозможными начальниками, пред-

седателями, активистами, сельсоветчиками, но и верили, что их тоже за отличный труд могут так наградить. В то время использовались поощрения в виде вывешивания фотографии на доске почета, вручения переходящего Красного знамени, грамоты за победу в соревновании.

Но только три труженицы удостоены такой высокой награды за свой неженский труд. Только ли эти женщины достойны?

Думаю, эту бы награду в каждую деревенскую избу. И всем сказать доброе слово.

«Я живу на земле Новгородской,
край Батецкий, деревня Смыч...»

Николай Гавриловец

школа, п. Батецкий, Новгородская область

научный руководитель Юлия Леонидовна Киселева

*Я живу на земле Новгородской,
Край Батецкий, Деревня Смыч
Тут пейзаж твоей жизни неброский
И людей твоих судьбы, Смыч...*

Человек неотделим от своей Родины, от своего Отечества. И огромную роль играет при этом его соотнесенность с малой Родиной, с теми людьми и местами, которые ты видишь с самого детства.

Моя малая Родина — это деревня Смыч Батецкого района. Это самое дорогое и милое сердцу место на земле. Сюда я тороплюсь из школы, сюда меня тянет, когда я нахожусь в дальней дороге.

Я решил проследить историю моей деревни, судьбу ее жителей, живших ранее и нынешних, соотнести их с судьбой страны.

ЗАГЛЯНЕМ В АРХИВ...

Обычная, ничем непримечательная, как сотни других таких же, деревня. На сегодняшний день в Смыче 19 домов. Но каждый дом — это чья-то судьба. Что мы знаем о тех, кто живет рядом с нами, кроме имени и фамилии? А порой не знаем и этого... Сколько себя помню, ни разу не слышал, чтобы соседа нашего иначе как дядя Коля Пычихин кто-нибудь называл, а оказывается, он Николай Иванович Михайлов. А Пычихины это такое прозвище у этой семьи. А все потому, что дед их, когда разговаривал, как-то по особому «пыкал» будто заикался на букве «п»: «пык, пык...» Так и прозвали его — дед Пыка, а жену его — Пычиха. Так и стали они все — Пычихины.

Семья Никитиных «потеряла» свою фамилию, построив второй дом. В новый перешел жить брат Федор с родителями и своей семьей. Среди родственников жены его кто-то был фельдшером. Так и прослыли они как «Фершеловы».

А в старом доме остался жить другой брат, Михаил, с дедушкой и бабушкой. И когда он привел в дом молодую жену из деревни Войново, то и окрестили их семью «Войновские».

Анна Семеновна Неклюдова, она же, по матери, Яковлева, она же «Сенькина». Отца звали Семен, проще Сеня. Чьи дети? А их было пятеро: да Сенькины... Так и прижилось.

Главное событие, которое повлияло на жизнь деревни, на ее судьбу и судьбы ее жителей — это, конечно же, Великая Отечественная война. Она делит события на *до войны* и *после войны*. Сегодняшний день деревни начался примерно с 1988 года, когда начали наконец-то строиться в Смыче первые послевоенные дома.

Первый дом построили мои родители (мама — родом из деревни Смыч, а отец приехал в наши края из Белоруссии после окончания техникума по распределению). Начали они строить дом в 1988, а закончили строительство в 1992 году.

Сейчас в деревне Смыч 19 домов. 13 из них — это дома дачников, и лишь 6 — местных жителей. Причем, в четырех живет «костяк» деревни (6 человек, которым за 74). Самый молодой из них — мой дедушка, 1941 г. рождения. И лишь в двух, возможно, будущее деревни: хозяевам — 40–50 лет, детям да невесткам — 15–27, внукам — 2–8 лет. Но... не будем загадывать, а окунемся в прошлое нашей деревни.

СМЫЧ В 1930–40-Е

В 30-е годы в Смыче было 29 домов. И это был небольшой, первый здесь колхоз «Боевик». В хозяйстве имелись коровник, свинарник, амбары, где хранилось зерно, гумна, в которых сушили и мяли лен (одно, кстати, пережило войну — даже моя мама помнит его огромную кирпичную печь — ригу; в начале 80-х его разобрали за ненадобностью). В колхозе держали лошадей, чтобы обрабатывать землю, заготавливать да подвозить сено и дрова. Сеяли пшеницу, сажали брюкву. Каждый клочок земли обрабатывался, сено косили и на лесных полянках, и вдоль речки, и на ее островных участках. Работали от зари до зари, за трудодни, получая потом на них натуральную оплату — хочешь питайся, хочешь обменивай на что или продай...

Война, так или иначе, коснулась каждого жителя деревни Смыч, будь он местный или дачник, напрямую или через родственников.

«Я живу на земле Новгородской, край Батецкий, деревня Смыч...»

На начало войны семь домов сгорели (в основном от прямых бомбовых ударов с самолетов). 16 домов были проданы и вывезены из деревни сразу после войны или чуть позже. То есть костяк деревни — это 10 домов, повидавших войну, построенных еще в XIX веке или в начале XX века в 20-е годы. Их, конечно, ремонтировали: подрубали, обшивали, меняли крыши (кто солому на дранку, кто дранку на шифер), меняли или ставили новые окна...

ВОЙНА И СУДЬБЫ ЖИТЕЛЕЙ СМЫЧА

В 1941-м все здоровые мужчины ушли на фронт. Кто-то на этот момент был в Ленинграде. Уходил на войну оттуда.

Оставались старики, женщины и дети. В деревню быстро пришла беда. В начале войны сгорел первый крайний дом — бомба, сброшенная с самолета, угодила прямо в него. Некоторые на случай бомбежек начали рыть окопы. Назаровых, бабуку с внуком, она и настигла в их окопе: фашистский самолет будто специально пролетел между домов, сбросив бомбу прямо на них, когда они его рыли.

Анне Семеновне Яковлевой сейчас почти 80 лет. Половину из них она прожила тут, в Смыче. У нее диабет, почти пропало зрение, но память отменная. Она рассказала мне, кто где жил, где чей дом был, их судьбы. Опираясь на ее рассказ, я расспрашивал других жителей, пытаясь найти подтверждение ее словам. Когда все собралось воедино, получился этот рассказ — история моей деревни Смыч и ее жизни в XX веке.

Зайцевы: отец — Федор Николаевич, мать — Екатерина Федоровна; дети — Михаил, Иван, Петр, Василий, Дмитрий, Георгий. Зайцевы отправили на фронт пять сыновей, трое из них не вернулись: Михаил, Иван и Петр. Василий вернулся, но через год после войны тоже трагически погиб, подорвавшись на mine. Сын Дмитрий был в плену. После войны он окончил институт и всю жизнь проработал учителем истории в Псковской области, покинув родной край. Сын Георгий, 1931 г. р., вместе с родителями был угнан в Литву.

Вернулись в Смыч, а дома нет — сгорел. Их дом, кстати, был на том месте, где сейчас стоит наш. Приютили родственники, Никитины. А в 1946 году Зайцевы купили дом Анастасии Кошиной. Этот дом напротив сгоревшего был. Георгий окончил курсы трактористов после войны, привел в дом невесту и ушел служить в армию на

три года, потом, в 1952 году, они поженились. Его жена, Антонина Ивановна, по матери Антонова, 1928 г. р., — наша землячка, родом из соседней деревни. Во время войны она ушла в партизанский отряд. Совсем девочка, маленького роста, винтовка была выше ее. На боевые задания не брали, но в караулах стояла, готовить помогала, ухаживала за ранеными, хоронила вместе с другими погибших... Как хоронили? Просто складывали тела в одну яму — на низ мужчин, сверху женщин — и закапывали... Плакать — никто не плакал. Смерти видела много. Помнит груды обгорелых тел жителей деревни Доскино. Они кольями отрывали от промерзшей земли закопченные трупы, просто складывая их в кучу. Видела подлость и предательство. Партизаны жили в землянках. Однажды поздним вечером к ним в отряд пришел мужчина с сыном своим, лет 5–7; убежали из деревни от немцев, долго плутали по лесу, пока не набрали на партизан. Просились переночевать, мужчина просил обогреть хотя бы ребенка, но некто, не буду называть имени, не пустил их в землянку, мол, и без вас тесно.

Те устроились под деревом (а это было зимой, мороз ударил). В итоге отец к утру замерз, умер от переохлаждения; жизнь в мальчишке еще теплилась, но он отморозил обе ноги и стал инвалидом...

Смотрела Антонина и сама смерти в глаза не раз. Уже после войны Антонину вместе с другими девочками батецкими отправили в Литву за коровами. Три месяца они гнали стадо коров из Литвы сюда к нам, в Батецкий район. И ведь они не просто шли, коров в пути надо было доить, кормить, поить. Они часто разбегались, бывало их специально кто-нибудь пугал, потом откуда ни возьмись вбегали в стадо. Отобьется корова — местные заберут ее потом себе. А ведь поля кругом были заминированы. «Побежали коровы — мы за ними, а там мины... И коровы взлетали, и бабушка, что главный у нас был, подорвался... а меня бог сберег». Знает Антонина Ивановна, что такое голод и что такое работать. Детей в их семье было семеро, она самая старшая. Когда окончилась война, ей было полных 16 лет. Отец погиб на фронте. Мать вернулась из Литвы с остальными детьми. Кругом разруха и голод. Дети ходили на поле, ели мерзлую тухлую картошку... Мать сказала ей: «Тонька, куда тебе учиться. Надо младших поднимать. Мне одной не под силу». И Антонина пошла работать: летом в колхозе, зимой на лесозаготовках... Потом мамы не стало. Здоровая, крепкая женщина, она держалась до последнего, преодолевая боль, тянула детей — не до больницы, как их одних оставишь? Итог — гнойный аппендицит

«Я живу на земле Новгородской, край Батецкий, деревня Смыч...»

и смерть... Детей кого куда разобрали родственники, двое попали в детский дом. Тоня попала в Ленинград. Потом все вернулось на круги своя, и она, выйдя замуж, снова оказалась в Батецком районе, но теперь в Смыче.

Сейчас Антонине Ивановне почти 87 лет. Она плохо помнит, что было вчера, но спросите ее о войне — ничего не забыла...

Кругловы: родители — Петр, Мария (умерли до войны); дети: Катерина, Василий, Евдокия, Маруся, Любовь.

Старшая дочь Катерина еще в 30-е уехала в Ленинград на заработки. Оттуда ушла на фронт, где судьба свела ее с будущим мужем. Им стал Трофим Иванович Дроздов, поженились после войны. У них родился сын Борис и дочь Надежда. У Нади личная жизнь не сложилась. Она одна. Борис был женат, у него двое взрослых детей, но сейчас он тоже один. Точнее живут все вместе: отец, Трофим Иванович (ему уже почти 100 лет), и дети. Борис давно пенсионер — ему за 70, но держится молодцом. Каждое лето приезжает в Смыч к Василию Белову, своему двоюродному брату. Купается в любую погоду (утром и вечером обязательно), будь то жаркое лето или холодная поздняя осень. Он замечательный химик. Его ценят на родине и в Китае, куда он часто и надолго командирован по работе.

Евдокия вышла замуж в деревню Доскино, родила там двоих сыновей, а третьего уже тут; вместе с мужем и детьми вернулась в Смыч, в родительский дом, чтобы приглядывать за младшими сестрами.

Поподробнее о семье Евдокии, по мужу Беловой: отец — Алексей Антонович, мать — Евдокия Петровна; дети — Александр, 1936 г. р., Николай, 1939 г. р., и Василий, 1941 г. р.

Алексей, как и все, ушел на фронт, но почему-то осенью 41-го был в деревне; между собой шептались, что сбежал, наверное, а вслух спросить — не до того было. Вернулся, живой, и хорошо, значит так надо. Уже потом его сын, пытаюсь узнать правду, делал запросы, писал куда-то, но везде ответ был один и тот же: погиб в августе 1941 г.

Что случилось тогда в августе 1941, никто объяснить не смог точно, но из рассказов можно предположить, что был страшный бой и часть, в которой Алексей служил, была разбита. Как он очутился в Смыче — не было возможности прорваться к своим? Почему документы остались на поле боя? Но дезертиром и трусом он не был. Кстати, не хотел об этом говорить, чтобы не подумали о моем

предвзятом отношении к этому человеку, но все-таки скажу: Алексей Белов — мой прадед.

Действительно, он был полицаем приблизительно с апреля по июнь 1942 г. — не больше. Служить немцам он пошел не потому, что предал своих людей или изменил Родине, а из гонора, показать свое «Я», как говорится. Его младший сынок Василий, мой дед, когда выпьет — стучит себя кулаком в грудь: «Да, я — Белов», гены... Но он настоящий патриот, один из немногих, оставшихся на всю жизнь верным своей деревне Смыч. Его мечтой было, чтобы и дети, и внуки жили именно здесь. Обеим дочкам дома помог поставить (сам срубы делал), а сыну завещал свой отчий дом.

Но вернемся к прадеду. Действительно, была история с золотыми украшениями. Полицаи собирали золото у людей и сдавали немцам, но однажды Алексей оставил пару колец себе, о чем незамедлительно и донесли нацистам. Чем он так успел насолить за два месяца, кому так мешал? К тому же, как все говорят, никто всерьез его не воспринимал: «Пускай в начальника поиграет...» Но донос сработал: немцы арестовали и увезли Белова из Смыча. Все думали, что его расстреляли.

На самом деле Алексея Белова немцы отправили в лагерь в Печоры, в Псковской области. А оттуда, говорят, он попал в Литву. Там его видели уже после войны. Женщина одна из Смыча встретила случайно. Навстречу, в длинном плаще, прихрамывая, мужчина ведет за уздечку лошадь с телегой. На телеге сидит литовка. Поравнявшись, они узнали друг друга. Тот накинул на голову капюшон плаща, прыгнул на телегу и помчал... Придя в село, женщина стала расспрашивать, живут ли тут русские мужчины. Ей ответили, что есть тут один русский, хромым, что живет с литовкой. Но больше она его не встречала. А еще в 1953 году, а может, чуть позже жену его Евдокию Белову вызывали в Батецкий военкомат на допрос. Показав фотографию мужчины с лошастью, спросили: «Вы знаете этого человека?» Она так и обмерла, признав в нем своего мужа, но ответила, что не знает такого человека. Вызывали и старшего сына, но и он не признал отца. Вернувшись из Батецкой, Дуня сразу побежала к своей крестной — Екатерине Яковлевой. Ей-то она все и рассказала. И что узнала Алексея, и что боится сказать об этом. Время-то какое? Только перед смертью Катерина рассказала об этом своей дочке Анне. А потом, уже в 70-е, Антонина Зайцева случайно встретила Белова в Ленинграде. Стоял около магазина у машины — номера прибалтийские, похоже было, что кого-то

«Я живу на земле Новгородской, край Батецкий, деревня Смыч...»

ждет. Вышла женщина с покупками. Они сели в машину и уехали. Мужчина прихрамывал. Я спросил: «Столько лет прошло, может, Вы обознались, ведь он изменился, наверное». Антонина Ивановна ответила, мол, уверена в том, что видела Алексея. Она тоже шла в магазин, но от страха забыла про все и бегом вернулась домой, как же — с того света человека встретила. Долго даже мужу не говорила, в деревне вообще молчала об этом. И только два года назад Зайцева поведала об этом моей маме.

Думаю, нужно обратиться в архив военкомата, найти протокол допроса моей прабабушки и начать с этой точки отсчета. Где, когда, кем сделано фото? И, кстати, Пычихины говорят, что его уводили из деревни не нацисты, а два красноармейца, своими глазами видели, мол.

Выслушав все, мой дед Василий как будто подвел итог: «Приезжал в 60-е к нам в Смыч Василий Петрович Михеев, подполковник НКВД. Он вел дело о предателях, в частности, по деревне Доскино, всех жителей которой сожгли. Я подошел к нему с просьбой пролить свет на темное прошлое моего отца. И он, не задумываясь, ответил (дед строго взглянул на меня: пиши дословно): “Плюй всем в лицо. Он работал по нашему заданию”».

И в это можно поверить... Но что с ним случилось на самом деле? Ведь он не погиб в августе 1941 года и не хоронили его в деревне Мановка Ленинградской области, как значится в «Книге памяти» и в архивах...

Но вернемся в 1945-й. Мать Евдокия вернулась из Литвы в родной Смыч с мальчишками. Старший, Александр, женился на девушке из деревни Остров, что за рекой Лугой, а потом они вместе уехали в Мурманск. Нечасто, но навещали Смыч.

Назаровы: отец — Сергей Васильевич (18.04.1904–20.03.1937), мать — Ксения Ивановна — дожила до глубокой старости в Смыче (01.08.1905–20.12.1985), дети: Николай (помогал своей бабушке рыть окопы, а тут как раз бомбежка, погибли оба), Михаил (ходил вместе с другими мальчишками в лес, там нашел гранату, бросил ее тут же, а она взорвалась — погиб), Василий (был еще совсем маленький во время войны), дочка Нина. Четверо детей. В живых остались только двое.

Васильевы: хозяин дома — Васильев Александр Иванович, 1894 г. р., погиб на фронте; жена его умерла перед войной. Дочь Наталья жила с отцом. Вышла замуж за сына деда Юзы — Алексея. Он пришел жить в дом Васильевых. Образовалась молодая

семья: мать — Наталья Александрова; отец — Алексей Александрович — на фронте не был, так как в финскую войну ослеп. Он и два его товарища выпили спирта из цистерны, наверное, технического, те двое умерли, а он выжил, но потерял зрение; дети: сын Виктор и дочь Лиза, 1939 г. р. Семья была отправлена в Литву, все вернулись, но деревню покинули.

Ивановы: все знали их как Яровых, но почему их так прозвали, не помнят.

Родители: Анна Васильевна, Александр (погиб на фронте). Мужчин его возраста, старше 50 лет, уже не брали воевать, но его почему-то взяли. Когда уходил на фронт, купил коробку конфет и угощал всех ребятишек — раздавал, прощаясь со всеми. Это врезалось в память ребятишкам, да так, что помнят до сих пор...

Дети: сын Иван и две дочери — Мария и Антонина. Мать с детьми тоже была в Литве. Все вернулись в Смыч. Старшую, Тоню, после войны отправили на лесозаготовки — не выдержала она такой нагрузки, там и умерла. А когда не стало матери, брат и сестра поделили родительский дом, сделали разные входы с разных сторон, и стали Иван да Марья жить отдельно.

Создали семьи. Мария — инвалид с детства (одна нога была вывернута чуть ли не наоборот), работала в Теребонской больнице в столовой. Вышла замуж, стала теперь Петрова. Родила дочь Марину в 1964 году. Но мужа вскоре сбила машина насмерть. Дочку растила одна. Выручала пенсия по потере кормильца. Марина окончила Косицкую 8-летнюю школу, уехала в Новгород — там выучилась на повара-кондитера, вышла замуж и уехала с мужем на Украину. Лишь один раз навестила больную старую мать-инвалида, показав ей внучку. Даже на похороны не приезжала.

Иван женился дважды. Первая жена родила ему дочь. Работал трактористом, все было хорошо, пока не начал попивать, и жена с ребенком ушла от него. Второй раз женился он на женщине, так сказать, себе под стать. Вместе пили, друг друга били, родили двоих детей: сына Александра и дочку Анну. Но их лишили родительских прав, а детей отправили в детдом. Там они воспитывались до 18 лет. А после их отпустили к родителям. Но к тому времени тем уже ничего, кроме водки, было не нужно. Совхоз «Воронино» выделил брату и сестре жилье в соседней деревне Теребони. Саша, пусть и глуповат, но молодец, работает — не пьет совсем, деньгам счет знает. Пока был совхоз — работал на скотном дворе. Потом устроился лесником в лесничество. Сейчас в соцзащите помо-

гает одиноким старым людям воды, дров, продукты принести. Да и «подшабашивает» — то дров поколоть, то еще что-нибудь...

А сестра его, Аннушка, пошла в родителей — пьет, гуляет. Родила двух дочек: Вику и Ольгу. Вика — умственно отсталая; Ольга, слава Богу, нормальная. Детей от нее забрали, но в детский дом они не попали — хорошо, дядя Анин взял их под опеку.

Иван своими пьянками совсем угробил здоровье и умер. Вслед за ним ушла из жизни и жена Галина — замерзла пьяная на обочине дороги. Вслед за хозяевами рухнул и дом, ведь за ним никто не следил. Крыша протекала, все гнило... В общем, XXI век дом этот не встретил.

Федоровы — все их знали и звали, как Родины, так как дед их был Родион, Родя попросту, а они все Родины дети. Родители: Прасковья (Паня), Иван (у него была «волчья пасть», все звали его дядька Ваня Безнебый, на фронте из-за этого недуга не был). Дети — трое сыновей: Михаил, Николай, Василий, две дочери: Люба и Маша. Михаил был на фронте, прошел всю войну, вернулся. Затем уехал в Ленинград. Оба родителя с остальными детьми были отправлены в Литву. Все благополучно вернулись в Смыч. Дети пошли в школу. Выучившись, поразъехались из деревни. Николай подался в Ленинград, Люба оказалась в Иваново, Мария вышла замуж в деревню Остров, что напротив Смыча — по другую сторону реки Луга. Василий окончил курсы и переехал жить к жене Людмиле в деревню Теревони. У него родилось трое сыновей: Александр, Николай и Сергей.

Всю жизнь он проработал в колхозе, а затем в совхозе трактористом, умер от сердечного приступа. Жена его тоже до самой пенсии работала в совхозе дояркой. Сын Александр жил вместе с родителями и тоже, как отец, был трактористом. Это он — отец Ольги, дочери Анны Ивановны Ивановой (Яровой). Она и записана на его фамилию — Федорова. Но мать запрещала сыну приводить в их дом такую непутевую сноху (ведь все пропьет, говорила). Они стали жить отдельно в доме родных, который пустовал в той же деревне. Но вскоре Саша умер от болезни, и Анну с девочкой выгнали оттуда, а то еще дом спалит по пьяни... Ольгу брала к себе жить и бабушка, и родственники в Батецкую, но как-то не прижилась она нигде. Тогда и взял ее на опеку Николай, двоюродный брат Анны. Младший, Сергей, 1965 г. р., окончил Косицкую школу, выучился в Новгороде в ПТУ на тракториста и ушел в армию. Отслужил, как полагалось, два года и возвращался домой, да не дое-

хал — скинули с поезда парня, погиб. Третий сын, Николай, и по сей день живет и трудится в поселке Батецком. До пенсии работал шофером в Батецком ОВД, сейчас — тоже шофером, но в лесхозе. Женат. Вырастил замечательную дочку.

(Кто-то подумает: зачем это писать сейчас? Но, представляете: живет в городе девушка; знает, что родом из поселка Батецкий, дедушка с бабушкой из деревни Теребони, а прауродители, оказывается — из Смыча... Как тесен мир. А сколько людей, наверное даже не знает, что корни их тут — в нашей деревне! А мне стало очень интересно все это. Ау, смычевские, где вы, отзовитесь...)

Михайловы: родители — Евдокия, Александр (дед Юза, так его звали в деревне); дети — Феня, Петр, Александр, Алексей, Ирина.

Дочь Ирина еще до войны покинула отчий дом, выйдя замуж за Михаила Данилова, военного из Новгорода; он воевал на фронте, какое-то время был в партизанском отряде, потом снова вернулся в действующую армию. После войны у них родилось трое детей.

Сын Петр, будучи на фронте, получил ранение. Остался жить под Барнаулом, создав семью. Сын Алексей (муж Васильевой Натальи); тот, что ослеп во время финской войны, жил в Смыче отдельно от родителей. Сын Александр (зять Михайловой Аграфены Михайловны) жил в Смыче в своем доме. Родители были отправлены в Литву. Младшая дочь Феня ушла в партизанский отряд. Когда война закончилась, уехала в Ленинград. Дом их сгорел. Вернувшись из Литвы, родители поселились в доме Александра, так как тот остался жить в Литве с семьей.

Журины: задолго до войны этот дом опустел. Когда-то, еще в XIX веке там жил брат Тимофея Журина, но никто теперь уже не помнит ничего об этой семье. В начале XX века дом заняли под магазин. Там продавались продукты питания, хлеб, мыло, хозяйственные товары. Судьба дома тоже забыта, и самого его сейчас в Смыче нет.

Никитины: родители — Мария, Михаил Александрович (погиб в 1939 г. на финской войне), дети: Василий, Петр, Александр и дочь Нина. 10-летний Александр погиб в начале войны прямо в деревне — его убило осколком при бомбежке. Василий воевал на фронте, дошел до Германии, вернулся домой живой. Хвастался односельчанам, что сделал себе зубы в Германии: так прихватило, что «хоть волком вой», а немецкие доктора вылечили. В мирное время работал в милиции в Ленинграде до самой пенсии. В Смыч приезжал только в отпуск. По походке и манерам сразу было вид-

«Я живу на земле Новгородской, край Батецкий, деревня Смыч...»

но, что милиционер. Как ответственный участковый, каждый день обходил деревню — со всеми поговорит, обо всем расспросит. Где только, бывало, соберется больше двух человек — тут как тут Василий Михайлович: «Что делаем? Как? Зачем? Почему?», но тихо, спокойно, ненавязчиво...

Мать с сыном Петей и дочкой Ниной были отправлены в Литву. Вернулись обратно, и жизнь пошла своим чередом. Мать работала в колхозе, дети учились, а Нина вышла замуж, но осталась жить с престарелой матерью и привела в свой дом мужа, Владимира Преймана. Он работал трактористом, она — почтальоном. Всегда такая кроткая, улыбчивая. Никогда никому не жаловалась, все держала в себе. Бывало, муж напьется и сидит у соседей пьяный, идти уже и не может. Она придет за ним и стоит в дверном проходе, улыбается: «Володя, пойдем домой. Пойдем домой». Так и умерла она тоже тихо — от рака. Все капли сердечные пила, пока уже метастазы по всему телу не пошли. Детей у них не было.

У Василия тоже не было детей. У его жены случился инсульт, ее частично парализовало. Он ухаживал за ней, на лето привозил в деревню. Ушел из жизни раньше нее — сердечный приступ...

Единственный продолжатель рода появился у Петра — сын Александр. Жила их семья в Ленинграде, летом в отпуск приезжали в Смыч. Петр работал в трамвайном депо. Его жена, Любовь Ивановна, — на чулочно-носочной фабрике. Когда вышли на пенсию, переехали в деревню в отчий дом. Тут оба и умерли. Сын их, Александр, был женат четыре раза. Имеет двух взрослых дочерей. Недавно женился пятый раз, вероятно, последний. Ему 55 лет, ей почти столько же. Долгое время Александр работал там же, где и его отец, в трамвайном депо. Сейчас — дальнбойщик, колесит по всей России и за ее пределами. Жену Татьяну привез в Смыч. Все лето и осень она со своей матерью живет в деревне, а на зиму уезжает в Ленинград. Мечтают наконец-то пожить в деревне вместе, когда он выйдет на пенсию. Да и дом требует ремонта (надо и крышу ремонтировать, и подрубить, и фундамент поднять — просел совсем в землю, и утеплить, печь ставить новую. Лет 50 ведь дом ремонта не видел).

Феклины — сразу скажу, что это прозвище, настоящей фамилии никто не помнит. Отец Тимофей, так значит дети — Тимошкины. Семен — так Сенькины. А тут мать Феклой звали, и дети — Феклины, так и прижилось... У Феклы было две дочери. Младшая, Шурочка, в самом начале XX века уехала в Петроград, создала там семью,

выйдя замуж за Артема Шканаева. Родила двоих детей: сына Николая в 1919 г. и дочь Нину в 1922 г. Старшая дочь, Мария, всю жизнь прожила в Смыче вместе с матерью. Вышла замуж, но неудачно. У мужа произошло какое-то помутнение рассудка: еще до войны, когда сад цвел и благоухал весенней порой, когда жить бы да радоваться, он вдруг взял и повесился на яблоне. Детей у них не было. Так всю жизнь Мария и прожила одна. Все звали ее тетя Маня Царевна... Она тоже побывала, как и все смычевские, в Литве, вместе с матерью. Работала за трудодни. Вела свое хозяйство, как же без этого в деревне. Радовалась, когда к ней в гости приезжали питерские родственники: сестра с детьми. А после войны — племянница Нина со своей семьей. Именно она стала хранительницей семейного очага в этом доме.

Семья Голуб: отец — Павел Иосифович (26.05.1916–23.04.2002), мать — Нина Артемьевна, 1922 г. р.; дети — Алевтина, Николай. Всю жизнь (а сейчас Алевтине Павловне уже почти 70 лет) все в деревне называют ее Аллочка. Именно так звал ее отец и называет мать. И только в этом году случайно выяснилось, что по паспорту она Алевтина.

Николай, как и его дядя, погиб, навсегда оставшись в памяти молодым и красивым. Он получил смертельное ножевое ранение от каких-то хулиганов, возвращаясь вечером домой.

XX век для Нины Артемьевны — это, прежде всего, Великая Отечественная война. Именно она отняла отца, заморив его голодом в блокадном Ленинграде. Лишила брата Николая, не дав дожить ему до Победы всего-то несколько дней. Он дошел до Германии и погиб 27 апреля 1945 г. Но эта проклятая война, будто возмещающая утраты, подарила ей и любовь. Именно на фронте она встретила свою половинку. 13 января 1945 г. стала женой офицера и уже в 1946 г. родила дочурку. Правда, какое-то время им с мужем пришлось пожить в разлуке, и отец увидел дочку, только когда той уже исполнился годик. Но это лишь еще больше сблизило молодых. Война закалила Нину, сделала ее мужественной и стойкой. Страна отметила ефрейтора Шканаева медалью «За оборону Ленинграда», медалью «За боевые заслуги», медалью «За взятие Кенигсберга», орденом Отечественной войны. Страшные события тех грозных лет живут в памяти и по сей день. А ведь Нине Артемьевне сейчас уже 93 года.

Как и всегда, это лето она провела в Смыче, в доме своей бабушки Феклы. Сама сажала картошку (немного, всего ведро), кабачки,

«Я живу на земле Новгородской, край Батецкий, деревня Смыч...»

огурцы, укроп с луком. Сама поливала грядки и пропалывала (в ее-то возрасте!), объясняя это тем, что хочется помочь дочке: «Ведь ей одной трудно справляться со всеми делами. А я привычная».

Эта женщина работала с 14 лет. Сперва, чтобы помочь родителям; потом, чтобы дети ни в чем не нуждались. Затем, чтобы снять нагрузку с больного мужа. Сейчас, оберегая здоровье единственной дочери. «Мы живем, пока трудимся», — таков девиз ее жизни. Но, увы, дочь Аллочка — Алевтина думает иначе.

Лето 2015 года — последнее, которое мать с дочерью провели в Смыче. Осенью дом был продан абсолютно неизвестным в деревне людям.

Ивановы: мать — Федосья Гавриловна, отец — Павел Алексеевич; дети: Кира, Вера, Зина, Антонина.

Единственный дом в Смыче, в котором во время войны не было на постое немцев. Возможно потому, что глава этого семейства, Павел, стал старостой деревни. И родители, и дети были отправлены в Литву. Все, кроме Антонины. Она ушла в партизаны.

В мирное время девчата ходили в школу, помогали родителям по хозяйству и в огороде... И потихоньку, одна за другой улетали из родного гнезда. А его, кстати, Ивановым пришлось отстроить заново в 1959 году, — старый дом сопреп и жить в нем было совсем невозможно.

Разлетелись кто куда после окончания школы: Вера вышла замуж за эстонца и уехала с ним Нарву. У них родились два сына: Константин и Валерий. Сейчас Вера Павловна уже счастливая прабабушка. Здоровье не очень, но молодец — каждое лето навещает родной Смыч, сестру, племянников... Зина живет в Омске. Вырастила замечательную дочь Евгению. Родную деревню тоже любит и регулярно навещает. Киру Павловну волею судьбы занесло в Грозный. Там она вышла замуж, родила сына Евгения... И все было бы хорошо, если бы в Чечне не началась война. Было принято решение — вернуться на родину, в Смыч. Здесь они с мужем Геннадием в конце 90-х построили дом. Сын тоже переехал сюда. А невестка с внуком не пожелали жить в деревне. Но это их выбор. В деревне, действительно, нелегко жить. Антонина выпорхнула из гнезда первой, но не так далеко улетела: всего-то за 7 км от Смыча — вышла замуж в деревне Обколи за Яшу Баранкова. У нее родилось две дочери. Но счастье длилось недолго — она ушла от мужа, вернулась в родительский дом, да так и прожила здесь всю свою жизнь.

* * *

Подводя итоги, обрисую «неброский пейзаж» жизни деревни Смыч в прошлом столетии. Все, что происходило с деревней и в деревне, ее судьба и судьбы ее жителей напрямую связаны с историческими событиями, происходившими в нашей стране.

Итак, начало XX века. В деревне Смыч стоят 27 домов. Это единичные хозяйства. В каждом имеются дворовые постройки, земельные наделы. Люди держат коров, овец, коз, свиней, кур и, кто побогаче, лошадей. Сажают овощи, сеют зерно. У всех имеются фруктовые деревья (в основном яблони, груши) и кусты смородины. В домах живут деды, родители и дети, внуки. Тесновато... Люди строятся: братья Ефимовы отделились от родителей. Никитины осилили построить отдельный дом для второго сына; Назаровы и Михайловы поставили новые дома.

Но площадь самой деревни не очень-то велика. Да и земли вокруг нее немного. Посевных площадей, в общем, не хватает, чтобы вырастить достаточное количество зерна и овощей на содержание людей и скотины. Многие начинают покидать деревню: кто в поисках заработка, чтобы помочь родителям поднять младших детей; кто, чтобы просто выжить. Девочек (лет 12–15, а то и младше) пристраивали в городские семьи няньками; мальчиков — подмастерьями (тех, что помладше), а более старшие (лет 14–16) шли на заводы в Ленинград и в порт.

В 30-е годы по всей стране начали создаваться колхозы. Не обошло это явление и Смыч. Деревня в это время насчитывала уже 34 дома. Все объединились в колхоз «Боевик», начали трудиться сообща под председательством Семена Егоровича Яковлева. Построили коровник, свинарник, телятник, овощехранилище, еще несколько амбаров. Создали бригады: полеводческую, животноводческую, разнорабочую. Государство давало план: колхозники определенное количество всех выращенных овощей, зерновых должны были сдавать на специальные пункты приема. Также давались нормы сдачи мяса, шерсти, молока, яиц. За это государство выделяло деньги на развитие колхоза, например, приобретение плуга, конской грабилки... Люди работали за трудодни, за что получали натуроплату. Живых денег катастрофически не хватало на одежду, домашнюю утварь и прочее.

Люди по-прежнему продолжали покидать деревню. Кроме того, на жизни деревни сказывались и последствия тех войн, в ко-

торых принимали участие мужчины из Смыча: Первой мировой, Советско-финской. А тут началась и Великая Отечественная, которая принесла больше всего горя и разрушений в Смыч, больше всего сказалась на судьбах его людей. Уже в августе 41-го здесь горели дома и жители погибали от бомбежек. Погибали наши мужчины на фронте. А в ноябре сюда пришли немцы — больше года Смыч был под оккупантами. В конце 1943 года всех жителей деревни отправили в Литву, несколько человек ушло в партизаны. Деревня опустела. Лишь ветер завывал под крышами, да скрипели оторвавшиеся ставни.

Покидая деревню, люди закапывали свое добро и продукты в землю. Вернувшись обратно, обнаружили эти схроны разграбленными. Ни пуда зерна, ни ведра картошки, ничего... В домах пустота, окна выбиты, соломенные крыши протекали. Холодно и голодно. А 7 домов сгорели подчистую. Погорельцы первыми, помыкавшись по чужим домам, ушли из Смыча. Отстроиться сразу после войны было нереально. Большинство мужчин с фронта не вернулись, а ведь это чьи-то мужья, сыновья... Все легло на женские плечи. Кое-как латали дыры, сажали огороды, помогая друг другу.

В послевоенные годы люди тоже покидали деревню, но теперь уже навсегда. Они продавали свои дома на вывоз, то есть разбирали и перевозили в другие деревни. Всего было вывезено 16 домов. Половина — сразу после войны. Другая половина — в 60-е годы. Это объясняется тем, что дети, рожденные до войны, подросли и разлетелись кто куда.

У одних — родители умерли; у других родители стали совсем немощными, и дети забирали их жить в свои семьи, а оставшиеся дома продавали за ненадобностью. В 80-е в деревне осталось всего 12 домов. Молодежь покинула деревню за исключением шестерых. Это дети Беловых: Николай и Василий; Михайловых: Николай; Ивановых: Иван и Мария (Петрова — по мужу); Ивановых: Антонина (Баранкова — по мужу). И лишь у Беловых две дочери остались и живут по сей день в Смыче: Наталья Валь (по мужу) и Елена Гавриловец (по мужу). Отток местных жителей продолжается и сейчас.

Какие блага цивилизации, когда и как приходили в нашу деревню? Что можно сказать о ее культурной жизни? До войны, в начале XX века, в Смыче было две общие бани, магазин и часовня.

Справа от деревни (между Смычем и Покровкой) находился так называемый «ключик» — святой источник, родник, за которым

ухаживали, брали оттуда святую воду, бросая взамен монетки. Но в 70-е годы его варварски разорили — разрыли, раскорчевали, выкрали все монетки — хвастались, что нарыли целое ведро, говорят, были там монетки даже XVIII века.

Слева (250 м от нашей деревни, между Смычем и Радовежем) была сопка (XIV–XVI века, как значится в исторических справочниках), но ее тоже варварски раскопали еще раньше, в 50-е годы. Местные мальчишки лет 10–12 мечтали найти там драгоценности. Оказалось, что это было захоронение древнего воина. Сейчас там проходит дорога...

В центре деревни стояла часовня. Деревянная, с крестом, с фонарем с разноцветными стеклышками у входа, с замечательным убранством внутри. Но и часовню не пощадили — в 70-е годы ограбили, вынеся абсолютно все. Моя мама, будучи ребенком, нашла в канаве, рядом с часовней икону, которую, видимо, потеряли грабители. Потом эту икону отдали в церковь. Рядом с часовней находился магазин, который после войны хозяева продали на вывоз. Больше в Смыче никогда магазина не было.

Электричество. Когда пришло оно в нашу деревню? Оказывается, лишь в 1964 году. Моя бабушка, В. А. Белова, вспоминает, что когда в 1958 году она приехала работать медсестрой в больницу, света еще точно не было, что ее сильно удивило. А Анна Семеновна Неклюдова (в девичестве Яковлева) уточнила, что в тот год она как раз родила сына; приехала к матери в гости, а тут электричество дали. Высоковольтную линию тянул стройотряд из Челябинска, а в самой деревне — ставили столбы и тянули провода местные колхозники, в том числе и мой дедушка Василий.

Затем в дома пришло радио. Первый телевизор в деревне появился у Беловых. По вечерам вся деревня собиралась у них как диковинку посмотреть «Новости». В 70-е проложили грунтовую дорогу, немного не там, где была раньше, срезав неудобные повороты и выровняв по возможности. В 80-е дорогу покрыли асфальтом. Тогда же в домах у некоторых появились телефоны.

В 90-е годы в деревне полным ходом пошло строительство, о чем я уже говорил. И пусть большинство из построенных домов — это дачи, но хоть летом здесь будет повеселее. А то зимой в Смыче на сегодняшний день проживает всего 13 человек.

Как же культурно отдыхает наша деревня? Раньше, как и положено, с песнями, плясками, народными гуляниями. Тут были и свои гармонисты. Сейчас же дядя Коля Михайлов, когда выпьет, берет

«Я живу на земле Новгородской, край Батецкий, деревня Смыч...»

гармонь в руки у себя дома, а на улицу не выходит... Раньше все отмечали церковные праздники. Но гулянья устраивали в каждый праздник в своей деревне. Например, Казанскую гуляли в деревне Радовеж, Яблочный Спас отмечали в деревне Остров, а в Смыче гуляли в Петров день. Это был наш праздник. Но по мере уменьшения деревни все эти традиции и обычаи сходили на нет. Сейчас наш Смыч попросту вымирает...

Но что хотелось отметить относительно продолжительности жизни, люди здесь жили долго. Несмотря на тяжелые условия, голод, войну — 80–90 лет было нормой, а то и больше 100 лет жили. Хорошая экология? Другого объяснения не вижу.

Дела давно минувших дней

Дарья Гальцова, Софья Караборчева
школа, п. Новый Курлак, Воронежская область
научный руководитель Николай Александрович Макаров

ПРЕДАНЫЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Даша:

Я часто задумываюсь, что же все-таки подразумевает сочетание «давно минувшие дни». Сколько это лет назад: сто, двести, тысячу или, может быть, миллион?

Толковые словари определяют значение прилагательного «минувший» как «прошлый, прошедший». Тогда вопрос: что же такое прошлое? По сути это то, что прошло, чего нельзя вернуть. Тогда событие, произошедшее секунду назад, уже прошлое. И все, что было вчера, позавчера, неделю назад, — это тоже прошлое. Но является ли это «давно минувшим»? Конечно, нет.

Я попыталась определить, что же такое «дела давно минувших дней» не в масштабе мировой истории и не в философии, а лично для меня. 2000-е годы для меня современность, а XX век — уже история. Даже 90-е я отношу к давно прошедшему, ведь те два года, что я в них прожила, не отложились в моей памяти, я была слишком маленькая.

Для меня «дела давно минувших дней» — это все то, свидетелем чего я не была, все, произошедшее до моего рождения, о чем я могу рассуждать и рассказывать только с чьих-то слов или записей.

София:

Прошлое... Давно минувшее... Итак, что же есть прошлое для меня? В моем сознании дела давно минувших дней ассоциируются с чем-то далеким — тем, что было много лет назад. Например, одним из ярких давно прошедших событий для меня является 1 сентября 2004 года. В этот день прозвенел школьный звонок, который позвал меня на мой первый в жизни урок.

Дела давно минувших дней — это те события, которые оставили глубокий след в моей душе. Они служат фонариком, который светит мне из прошлого в мое настоящее, а соответственно, и в будущее. Поэтому я очень ценю их и дорожу ими.

Вот с такими мыслями мы начали это наше исследование. Мы поставили себе целью на примере села Новый Курлак заглянуть

в XX век, посмотреть, как жилось так называемому «простому» народу, как люди вообще смогли выжить.

Источники, которые мы использовали, — это не учебники (которые нам и в школе поднадоели), не научная литература. Нам посчастливилось отыскать воспоминания В. А. Ковалева и А. В. Звягиной. Первый из них родился далеко от наших мест, на юге Воронежской области, но большую часть жизни провел в Новом Курлаке. Вторая, наоборот, родилась здесь, а живет сейчас на западе области.

Кроме того, мы провели несколько интервью с очень интересными людьми, нашли ценные документы в архиве школьного музея.

О каждом источнике мы подробно расскажем при первом упоминании его в работе.

ДЕЛА ИСТОРИЧЕСКИЕ

Каковы основные вехи российской истории XX века? Какие события больше всего отразились на судьбах простого народа Нового Курлака?

Первой значительной вехой стали *крестьянские волнения начала века*. Для нас это важно, в первую очередь, потому, что сами мы родились и выросли в деревне. В 1902 году в Новом Курлаке произошло событие, которое в истории села стоит особняком. С тех времен прошло более ста лет, давно нет в живых очевидцев, но «из уст в уста» о крестьянском бунте и жестоком его подавлении рассказывают и сейчас. Катаклизмы всемирной истории обычно происходят в столицах, а в маленьком, затерянном в необъятной России селе они находят отражение только в смене флага над зданием волости, сельсовета, администрации. Поэтому мартовские дни 1902 года занимают такое видное место в летописи «окрестных деревень».

Опубликованные архивные источники (например, сборник документов «Крестьянское движение в Воронежской губернии в 1864–1904 гг.». Воронеж, 1964), сообщают, что крестьяне Нового Курлака обнаружили, что частью земли (16 тыс. десятин) помещик А. В. Станкевич владеет незаконно, и стали «искать свою землю». Они раздобыли карту конца XVIII века, из которой следует, что данный участок числится «казенным». Но их обращения в разные органы власти ни к чему не привели. На этом участке нахо-

дился лес. Помещик Станкевич, чтобы избежать неприятностей, решил продать этот лес на сруб. Но когда рубщики начали работу, крестьяне огромной толпой пришли туда и просто-напросто разогнали их. Вмешалась жандармерия. Жандармам удалось удалить крестьян, и рубка леса началась. Но стоило жандармам уехать, как крестьяне снова появлялись в лесу и не давали рубить. В Новый Курлак для «усмирения» крестьян приезжал вице-губернатор Хвостов, но и он ничего не смог сделать. В конце концов, был вызван батальон пехотных солдат, и 22 «зачинщика» были публично наказаны розгами, а затем семерых «главарей» судили, приговорили к штрафам, а «главный воротила» (так сказано в жандармском донесении) Андрей Сидорович Малахов был сослан на три года в Ставропольскую губернию.

Так говорят официальные документы. А в народной памяти эти события приобрели форму мифа. Нам удалось, несмотря на такой огромный промежуток времени, отыскать источники, свидетельствующие об этом событии совсем по-другому.

Мемуары Алексея Дмитриевича Панина (родился в 1926 г., умер в середине 1990-х). Новые владельцы его дома в Новом Кулаке обнаружили множество записей различного рода. Все было уничтожено, за исключением маленькой записной книжки, которая попала в архив музея школы. Несколько страниц посвящены воспоминаниям о предках автора.

«Помню прадеда Панина Прохора Анисимовича. Умер он в глубокой старости. Знаю, что он держал почту. Имел шесть лошадей (две сменные тройки почтовых). В 1905 году во время секуции получил от казаков сорок ударов розгами за то, что провез волостного писаря Малахова не обычным путем, которым всегда ездил, а через лес, чем спас его от ареста. Этот писарь нашел в архиве документ, по которому значилось, что помещичий лес когда-то принадлежал общине и незаконно им завладел князь Барятинский. И поехал с этими документами в Москву. Но у него ничего не получилось. А крестьяне самовольно лес порубили. Для усмирения крестьян были посланы казаки, которые розгами секли крестьян — порубщиков леса».

В этих записях все перепутано. «Секуция» была не в 1905, а в 1902 году, казаков в селе не было. А. С. Малахов был не писарем, а кабатчиком. От ареста ему спастись не удалось, в Москву он не ездил — только в Воронеж. Князь Барятинский никакого отношения к этому лесу не имел (он владел соседним селом Анна).

Крестьяне лес не рубили, а лишь не давали его рубить. И самое главное — Прохор Анисимович Панин в списках 22-х наказанных не числится. Может, он и принимал какое-то участие в этом событии — в лес, согласно жандармскому донесению, приходило до пятисот крестьян, но его не наказывали, да и 40 розог получил только А. С. Малахов, остальные — от 15 до 25.

Нам удалось найти праправнучку А. С. Малахова.

Любовь Александровна Уразова родилась в 1956 г. в с. Моховое. Работала учителем биологии в Новокурлакской школе. Мы беседовали с ней 10 июня 2014 г. Она пересказала нам то, что ей рассказывала ее бабушка, Елена Иосифовна Попкова (урожд. Малахова).

Любовь Александровна помнит такие слова своей бабушки: «Дедушка мой был там главный. И ему больше всех досталось. Его сразу же забрали в Бобров, а кого и отпустили сразу. Он сидел в Боброве в тюрьме. За лес. Он какие-то карты нашел. И на этих картах отмечено, что лес не станкевический, а принадлежит всему обществу. Станкевич хотел этот лес продать, чтоб избавиться от него от греха подальше».

Вот здесь семейная память сохранила достоверную информацию. И это понятно, ведь в данном случае речь идет о семье непосредственного руководителя событий.

ВЕХА РЕВОЛЮЦИЙ И ВОЙН

Следующий значимый период XX века — это революция и Первая мировая война. Завершающим аккордом стала война гражданская. И красные, и белые защищали свои интересы. Бывало, что в деревнях у сельских жителей сначала одни, а через несколько дней другие отбирали последние продукты, одежду, лошадей.

В нашем распоряжении оказались два документа, касающиеся того времени.

Первый — текст речи Ильи Макаровича Торопцева во время вручения ему ордена Ленина. И. М. Торопцев родился в 1893 г. в селе Моховое, был участником Первой мировой и Гражданской войн, событий 1917 года. Принимал активное участие в строительстве социализма, в том числе и в коллективизации. Орден Ленина ему вручили 17 ноября 1967 г. в честь 50-летнего юбилея революции. Текст своей ответной речи он подарил краеведам, теперь он хранится в музее школы. Орфография и пунктуация подлинника:

«Товарищи колхозники и колхозницы! Хотя мне сейчас 75 лет, но я хорошо помню 1917 год. В феврале месяце свергли царское самодержавие. Я был тогда на югозападном фронте, служил в царское время артиллеристом.

Но когда вспыхнула в октябре месяце социалистическая революция возглавляемая Великим вождем Лениным, нас временное правительство сняла с фронта на подавление Революции. Доехали мы до станция дно загнали эшелон в тупик, своим офицерам погоны к плечам гвоздями прибили и выбросили в подоткос, а потом организовали солдатский комитет. Избрали командиров, в том числе и меня избрали командиром артиллерийского взвода а потом двинулись на Петроград.

Мы революционные солдаты, в мести с рабочими Петрограда и Красной Гвардии, свергли власть помещиков и капиталистов. Разгромили контрреволюционный мятеж. <...>

А в августе месяце 1918 г. Бобровский комисариат призвал меня и направил станция Ртищево где формировалась отдельная конная батарея под командой командира батареи товарища Дробыша.<...> Наша Батарея влилась в Шестую конную дивизию которой командовал тов. Апонасенко. После слияния пошли бои за овладения города Воронежа где находилась белая армия под командой генерала Шкуро и Мамонтова.<...>

Белых в Воронеже рассказать вам очень трудно так как время прошло около полвека.

Товарищи я в кратцах рассказал Вам о свержении власти помещиков и капиталистов в 1917 году о гражданской войне и прошу Вас, что Ваши отцы и деды старьи большевики и революценера продолжать».

Нам этот документ показался очень любопытным. По существу, речь состоит из набора общих фраз и лозунгов. Вначале орденоносец заявляет, что хорошо помнит 1917 год, а в конце не смог ответить, как выгоняли белых из Воронежа, потому что прошло много времени. Единственный эпизод, что ярко запечатлелся в его памяти, — это как солдаты прибывали офицерам погоны гвоздями и выбрасывали их из идущего поезда. Но разве этим можно хвалиться?

Второй документ — письмо внучки брата Василия Васильевича Щетинина, от имени дедушки Николая Васильевича Щетинина, из Воронежа новокурлакским краеведам от 24.01.1967 г. (адресат письма М. М. Микляева долгие годы возглавляла краеведческий кружок Новокурлакской школы).

В. В. Щетинин был первым руководителем новокурлакской большевистской ячейки. «В начале 1918 года Василий Васильевич создал партячейку (сам он вступил в партию, как только началась революция). Василий Васильевич отбирал у кулаков хлеб и скот для нашей армии, которая в то время заняла Курлак. Он был комиссаром продовольственной части.

Василий Васильевич умер в 1933 году. Умер от тяжелой болезни».

Написано мало, а понять можно много: одно слово «отбирал» говорит обо всем. Из рукописи «История села Новый Курлак» мы узнали, что В. В. Щетинин часто запивал, а умер в доме для умалишенных. Видимо, не так это легко — отбирать не тобой нажитое добро.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Конечно, и в Новом Курлаке был создан колхоз. Об этом рассказ из следующего источника.

Мемуары Анастасии Васильевны Звягиной (урожденной Лыгиной). А. В. Лыгина родилась в 1926 г. в Новом Курлаке и жила здесь до окончания школы. Видела все, что происходило в родном селе. Сейчас проживает в Семилукском районе Воронежской области. Мемуары были написаны по просьбе родственников для младших поколений семьи и переданы в школьный музей.

«Организовали колхоз, которому дали название имени Варейкиса. Варейкис — бывший революционер. Позднее его признали врагом народа, а колхоз получил новое название “Путь к коммунизму”. Большинство не соглашалось вступать в колхоз, ведь для этого надо было отдать все: землю, корову и сельхозинвентарь. В то время сильно были распространены доносы на тех, кто добровольно не хотел вступать в колхоз». Нет ничего удивительного в том, что многие не соглашались. Несправедливо отдавать все нажитое годами в общественное пользование, тем более что и за животными, и за инвентарем там плохо смотрели.

Анастасия Васильевна продолжает: «Во время коллективизации скот из личного подворья: коровы, лошади — был передан в колхоз упитанным и ухоженным. При общем содержании животных на колхозном дворе в непригодных, деревянных, холодных сараях при плохом кормлении скот был истощен.

Моя мама из-за болезни не вышла на работу. Но получить справку из местной больницы на освобождение от тяжелого труда

было невозможно. Папа в это время работал бригадиром, поэтому его срочно вызвали к руководству района. Его могли посадить в тюрьму. Только один член комиссии предложил осмотреть маму на комиссии врачей, после осмотра ей дали II группу инвалидности, а папу освободили от наказания».

Разве правомерным было наказывать бригадира за то, что его жена, тяжелобольная, не вышла на работу? На наш взгляд, это было аморальным деянием со стороны власти по отношению к простому народу.

Один респондент рассказал нам, что вначале колхоз имени Варейкиса считался одним из лучших в округе, и объяснил причину этого.

Иван Митрофанович Попков родился в 1930 г. в селе Новый Курлак, здесь же проживает и сейчас. Работал механизатором, бригадиром тракторной бригады колхоза «Путь к коммунизму». Необычайно интересный собеседник. Мы беседовали с ним дважды — 21 июня 2014 и 4 июля 2015 г.

«Колхоз Варейкиса был самый богатый в нашем районе. А почему? Я вам расскажу. Вот где сейчас Прорехины живут, пятистенник был, и жили там муж с женой. Детей не было, и им подкинули мальчишку под окно. В холстинке. Ну, занесли его, воспитали. Выучили его, военным начальником. И он попал к Блюхеру, на Дальний Восток. И приехал дедов проведать, а что они? Коллективизация, ни жрать, ни топить. Он договорился с председателем: “Дедов обслужите, а я помогну колхозу”. И начал багажи слать военные. И колхоз пошел, пошел и стал богатеть».

Благодарный оказался воспитанник: колхоз поднял ради приемных родителей. Но в то же время получается, что если ты влиятельный человек, то можешь за близких людей попросить, взамен оказав такую огромную услугу. А ведь далеко не у всех такая возможность была. К тому же, пока он этому колхозу помогал и тот процветал, другие хозяйства, не имеющие такой поддержки, приходили в упадок. Впрочем, возможно, все это один из мифов, и никакие багажи в колхоз не присылались.

А «подкидывшем», как мы выяснили, был Петр Иванович Прокудин. Краеведы 60-х годов делали о нем запрос в управление кадров Министерства обороны СССР. Им ответили, что «майор Прокудин П. И., 1900 г. р., в октябре 1937 года был уволен из рядов Советской Армии в запас и сведений о его дальнейшей судьбе в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР не имеется».

И. М. Попков ошибся: Прокудин работал не с Блюхером, а с М. Н. Тухачевским. Нет сомнений в том, что его репрессировали.

Беседуя о коллективизации, мы еще раз столкнулись с мифотворчеством.

Валерий Петрович Матвиенко родился в 1946 г. в селе Новый Курлак, где проживает до сих пор. Работал инженером в колхозе «Путь к коммунизму», учителем технологии в Новокурлакской школе. Интервью проведено 1 июля 2014 г.

Он поведал нам такую семейную историю, относящуюся к периоду коллективизации: «На Поповке (поселок, расположенный в 15 км от Нового Курлака — Д. Г., С. К.) жили мой прадедушка Корушаев Трофим Иванович и дед Петр Трофимович. У них председатель колхоза был. И зарезали они не то трех коров, не то двух. Повезли продавать в Анну, мне кажется. А председатель говорит: “У нас деньги. Ты куда их положишь? Вот у меня портфель, кладите в портфель все деньги. А завтра мы заедем, купим хомуты, весенняя скоро”. Там, сбрую всякую, седельники, чересседельники, всякий инвентарь лошадей. Ну, ему деньги-то отдали все те колхозники. Ну, они переночевали, утром встали, а председателя-то нету. Вместе с деньгами он сбежал. И их всех судить. И членов правления судить: почему вы выбрали такого председателя? — “Да вы нам привезли”, — сказал Петр Трофимович. И их всех посажали в тюрьму. “Хищение собственности”. Две коровы. И вот с этой тюрьмы никто не пришел, кроме моего деда».

Поражает алчность председателя. Это «противное человеческому разуму» поведение председателя — один из примеров отношения власти к простому народу, который за нее горой стоит, а она действует порой исключительно в целях удовлетворения своих личных интересов. И еще: почему не попытались искать председателя, а начали судить членов правления? Что значит: «почему вы выбрали такого председателя?» В любом случае виноват он и никто больше.

А почему один дед вернулся из тюрьмы? «Мой прадед, его отец, он был писарем волостным. Отдал моей бабке, снохе-то своей, — на письмо, я написал, к Калинин. И неси в Воронеж, тут нигде не бросай. Отнесла, бросила там. И деда сняли где-то в Сибири (с поезда), у него тиф. И вот он единственный, кто вернулся из всех членов правления поповского колхоза».

Об этом же историю нам рассказала мать В. П. Матвиенко, дочь осужденного члена правления.

Александра Петровна Матвиенко родилась в 1924 г. в Новом Курлаке, постоянно проживает в Москве, но каждое лето проводит в родном селе. Работала медсестрой в Новом Курлаке и Москве. Интервью с ней проведено 28 июля 2014 г.

«Мой отец попал под статью. У нас был председатель приезжий. То есть он был какой-то там шахтер. Его председателем поставили, приехал. Сорокин такой. И он продал быков, гусей понарезал и поехал продавать на базар в Воронеж. И все денежки в карман. А тут приехала комиссия. И посадили моего отца и еще Макарова Федора Ивановича. Отец был член ревизионной комиссии. И тот был член ревизионной комиссии. Три года они отсидели. Моя мама поехала в Архангельск, написала Калинину, нашла адвоката, и тут же приходят нам письма: освободить, они невинные все».

Как же все-таки отличается одна и та же история, рассказанная двумя разными респондентами! Мы считаем, что ближе к истине А. П. Матвиенко, ведь все это произошло на ее памяти, а до Валерия Петровича история дошла уже в пересказах. Во всяком случае, председатель колхоза с деньгами сбежал, и спасение человека без вмешательства Калинина не обошлось.

РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Раскулачивание проходило практически одновременно с коллективизацией, но мы выделили его как отдельную «веху», поскольку эта правительственная мера нанесла окончательный удар не только по «кулачеству», но и по крестьянству как классу.

Обратимся к мемуарам А. В. Звягиной: «Родной брат моего дедушки, Дмитрий Григорьевич, попал в эту мялку, но ему как-то удалось избежать высылки на Соловки. Он отпустил бороду и стал скрываться по другим деревням. Жить остановился в совхозе “Михайловский”, за пределами нашего района. Ему дали крохотную хатку. Устроился работать пасечником. Его ценили как хорошего специалиста — у него всегда был хороший медосбор. Дедушка Дмитрий украдкой приносил мед с пасеки для своей больной племянницы — нашей мамы».

Все-таки можно было как-то избежать раскулачивания. Но для этого надо было скрываться, менять внешность, как будто ты опасный преступник. Но многие в селе не сумели спрятаться от властей.

Нина Николаевна Толкачева родилась в 1957 г. в селе Старый Курлак, работала учителем Старокурлакской и Новокурлакской

школ. В интервью (24 июля 2013 и 26 марта 2014 г.) рассказывала нам о своей прабабушке Прасковье Васильевне Гальцовой, 1868 года рождения, прожившей 108 лет и ставшей очевидцем истории России на протяжении большей части XX века. Не удивительно, что Нине Николаевне всегда было интересно с ней разговаривать.

«У нее (прабабушки) с мужем Кузьмой Михайловичем была своя лавка, и почему-то у них было много земли. Они ей не пользовались, старые уже были, но сдавали ее в аренду. И лошадей сдавали в аренду. Ну, и на эти деньги жили неплохо. Вот их и раскулачили. Но у нее абсолютно трезвый взгляд был на жизнь. Никакой жалости по добру, никакого сожаления, что что-то потеряли. Говорила: хорошо, что в живых оставили».

Мемуары Виктора Андреевича Ковалева. Автор родился в 1946 г. на хуторе Марьевка Богучарского района Воронежской обл., с 1976 г. живет в селе Новый Курлак, работал парторгом в местном колхозе, затем учителем ОБЖ в Новокурлакской школе. Мемуары написал для своего внука Александра. Это очень умный, необыкновенно начитанный человек. Мы были восхищены его слогом и всей манерой письма.

В. А. Ковалев показал, что и в те жестокие времена люди не совсем очерствели, были случаи борьбы за справедливость: «Моего дедушку ночью на крытой машине увезли в Миллерово как кулака. Он ведь заведовал мельницей, которая принадлежала его отцу.

Бабушка обежала всех жителей. Два самых умных мужика пошли на Ивановку, в сельсовет. Взяли справку о составе семьи, о том, что он работает на мельнице на общественных началах, и дедушку вернули обратно».

Кто же «кулачил»? На этот вопрос дал нам ответ И. М. Попков: «Тут коллективизация. Пошли гнать, борщ выливать. Пятеро ребятишек на печи сидят. А кто выливал-то? Наш брат и ходили. А Парай с пистолетом ходил. У него самого крыши не было. Солому сожгли на топку. Мы ребятишками были. Его ненавидели — он же ведь грабил ходил. Все равно ничего не нажил — работать-то не любил».

Слово «парай» в нашем селе стало нарицательным. Так говорят о недалеких людях, которые не очень любят работать. Настоящая фамилия «человека с пистолетом» — Панин. Его, как бедняка, выбрали судебным заседателем. Фамилия судьи и была Парай. Так вот Панин везде, где только можно, хвастался: вот я с Параем, я да

Парай и т. д. Он сразу же получил это прозвище, и до сих пор не совсем адекватных людей в Курлаке называют параями.

РЕПРЕССИИ

Репрессии были и до коллективизации, и после.

И. М. Попков: «17 лет мне было, меня посадили. Да. А как это так произошло? Завел голубей. А с зерном-то туго было. А я противогазную сумку — на комбайне работал — насыпал. А тогда закон был — за килограмм судили».

Закон «о трех колосках». Много мы про такие случаи читали, а все равно в голове не укладывается. Послевоенное время было очень суровым. Особенно жестоким было отношение власти к простому народу. Неужели насыпанный килограмм зерна представлял собой общественно опасное деяние? Не думаем. Просто ведь нужно было каким-то образом укреплять власть.

«Попал на север, а попал-то — ну что, мальчишка, 17 лет. Смотрю — на повале сучки таскать, снег метровой, я начал отказываться — разве я протаскаю? А там воронежский надзиратель был, старшина, — меня посадили в карцер, а он в обед выпустит в столовую — земляк все-таки. И он повел меня к начальнику колонии. Говорит: скажи, что ты грамотный. Мы тебя будем учить лес принимать. На второй день: выходи, пойдем учиться. Там браковать надо, замерять мерником особым, кубатурником. А оказалось, Николай Камсарин, брат Виктора Андрева (житель села Новый Курлак — Д. Г., С. К.), там лесничим, и он деланки принимает. Вот так встретились под Воркутой двое с Курлака. Ну, он попросил начальника, чтобы меня использовали на легких работах. А потом “немедленно освободить” пришло. Мой брат в Германии служил, какой-то капитан Шверник на прием приехал. А Николай письмо послал. И этот капитан написал письмо: “Немедленно освободить из-под стражи”. Пробыл я там два года и восемь месяцев».

Насколько массовыми были репрессии, можно проследить по судьбе одной семьи. А. Д. Панин в своих кратких мемуарах пишет о прадеде Прохоре Анисимовиче Панине: «Он же преследовался и советской властью как кулак, имевший шесть лошадей».

Сестра бабушки Варвары была раскулачена (муж ее имел ветряную мельницу), их сослали в Сибирь, где они вскоре умерли от голода и холода. Их выгрузили в лесу, где не было ни жилья, ни пищи.

Наказание крестьян, участников бунта в 1902

В. А. Ковалев. 1980-е

На колхозной свиноферме. 1950-е

Село Новый Курлак в начале XX в.

Александра Петровна Матвиенко

Валерий Петрович
Матвиенко

Виктор Андреевич и Анна Ивановна Ковалевы

Село Новый Курлак в наши дни

И. М. Попков с краеведами

Отец матери Здоров Степан Иванович был арестован в Курлаке, неизвестно за что, и сослан. После этого о нем не было никакого слуха».

Сейчас около нашей школы стоит скромный памятник жертвам политических репрессий. Это малое утешение для жертв и их родственников. Мы, школьники, внесли какую-то лепту в восстановление справедливости, а вот государство до сих пор не принесло никаких извинений. Да, Сталина давно нет, но государство и власть все равно несут ответственность за то, что произошло в те страшные годы.

ВОЙНА

Сейчас принято вспоминать только о завершении этого страшного события, о победе, и славить подвиги героев. Но от наших респондентов мы слышали нечто другое.

А. В. Звягина родилась в 1926 г., во время войны постоянно жила в Новом Курлаке. И ей врезался в память день нападения фашистов на Советский Союз: «Я вместе с подружками Клавой Корыпаевой и Машей Потаповой учились танцевать у нас на крылечке. И вдруг прибегает моя старшая сестра Мария и говорит: “Война... Гитлер!” Были проводы и в селе Новый Курлак. Верхом на лошадях, поднимая клубы пыли, скакали по дворам, вручали повестки нашим отцам и братьям. По улице шла подвода, на ней везли вещи призывников. За подвой шли призывники пешком до станции Анна, рядом с ними матери, жены, дети. Провожающие просили моего дядю Ваню спеть на прощанье. Он ответил: “Что-то не поется”. А потом, собравшись с силами, запел: “Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья”».

А потом потянулись четыре года ожидания конца войны. Вместе со своей тетей Еленой Осиповной Курзановой Настя работала, добывала пропитание для семьи: «Мы с тетей Леной были основными добытчиками денег для большого семейства бабушки Февроньи — носили продавать на рынок сливочное масло, топленое молоко и табак.

Тетя Лена несла тяжелый груз: молоко в глиняных горшках, их в Курлаке называли махотки. Они ставились в холщевые сумки, расположенные через плечо: одна впереди, другая сзади. Таким же образом и я несла две сумки. Но они были гораздо легче, ведь я несла готовый табак. Растения выращивали у нас за сараем.

Покупали соль, по цене 100 рублей за один стакан. Соль использовали очень экономно, недосаливали пищу. С тех пор наши блюда мы всегда делаем недосолёнными».

Вот таким способом и выживали во время войны, были довольны уже тем, что немцы не дошли до села, не обращали внимания на невзгоды и трудности.

Но запомнилось А. В. Звягиной и вот еще что: «В наш дом (Лыгиных), по тем временам это был большой дом, поселили следователей из особого отдела.

Разрешали находиться в доме только одной маме. Ни хозяйке, ни ее детям ночевать в своем доме не разрешали. Мама убиралась там и топила печь. Во дворе находились корова и куры. Дом охраняли солдаты.

При допросах применяли физическую силу. Обвиняемых содержали в землянке без окон около колодца напротив нашего дома. Почти всех потом расстреливали в конце улицы Красный Лог, на Кирпичне — так называлось это место».

Особый отдел 40-армии располагался в Новом Курлаке летом–осенью 1942 года. Он занимал всю улицу Красный Лог. Жители вынуждены были переселиться на это время к родственникам.

Война занимает особое место и в мемуарах В. А. Ковалева: «Отец мой, Ковалев Андрей Илларионович, 1924 года рождения, пришел домой с войны, получив инвалидность. Вероятно, поэтому я родился в селе первым — первым послевоенным. Мама говорила, что все село и хутора приходили смотреть на меня. Стоило только, по ее словам, отвлечься, то кто-нибудь норовил унести меня к себе домой. Женщины исстрадались без детей».

Да, нелегко было быть первым послевоенным ребенком... Эти «звездочки» были для остальных людей, у кого не было детей, настоящим «лучиком света в темном царстве», которым они хотели завладеть, которому хотели подарить всю накопившуюся за годы войны любовь, нежность и ласку.

Далее Виктор Андреевич рассказывает о том, как его отец выжил на фронте: «Рядом с ним был солдат, “нюхавший порох”. И у отца хватило ума буквально копировать действия этого старослужащего. И он говорил: “Ведут нас на передовую вдоль огорода или поля свекловичного, он на секунду выскочит, ухватит картофелину — и в сумку. И я тоже. В каком-то селе он себе лопату ржавую отыскал, и я. Вооружение у нас было — винтовки Мосина. Но зато противогазы были у каждого. Правда, ветеран выбросил его

через 20 минут после получения — и я тоже. Он в эту сумку набивал ту же картошку, кукурузу, свеклу, я не отставал. Когда привели на место, дали команду: окопайся. А чем? Другие выкопали ямки, только голову спрятать, а я смотрю на соседа — он роет в свой рост, и я не отстаю. Так зато после бомбежки, которой нас подвергли немцы, побежало нас всего человек 10–15, а было сначала человек 300. Бежали мы километров 70. Вот где пригодились харчи, украденные в поле».

Да, остаться живым в таких условиях — это действительно «счастье». И только опытный человек, прошедший, возможно, не одну войну, может предугадать, что окопаться будет нечем, что продукты окажутся гораздо важнее противогАЗа... Действительно, война, как говорил герой Льва Толстого, «самое гадкое дело в жизни, противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие».

Это доказывает и судьба Ивана Михайловича Шепеленко, дяди В. А. Ковалева, о котором он тоже нам рассказал:

«В Великую Отечественную служил дядя Ваня. Точнее, не служил, а прошел ее всю. И вот как это было. Это по словам мамы. Сам дядя Ваня ничего не рассказывал, кроме некоторых боевых эпизодов и замечаний. Призвали в армию его еще до войны. Служил он где-то под Ленинградом. Там же его застала война, и там он встретил фашистов.

Очень много генералов было расстреляно за то, что они отступали перед более сильным противником. Но дядя Ваня не знал, что творится “наверху”. Он знал свой участок обороны и товарищей, находящихся рядом. Двухразовое питание, вечерние фронтовые 100 г водки. Чаще не 100, а больше, так как выдавали ее на каждого бойца, а потери учитывались потом, и получалось, что ее давали и на убитых. Но многие старались все же не злоупотреблять, хотя сделать это было очень трудно.

Только представить себе: лес, чаще сосновый или еловый. Земля — на штык лопаты стоит вода. И счастливым чувствовал себя тот, кому удавалось найти пустую бочку, утопить ее в землю и сидеть только в воде, а не в грязной жиже. Дядя Ваня как-то высказывал: вот что обидно, хоть бы насморк какой-нибудь подхватить, чтобы сходить в медсанбат.

Когда ему и товарищам перестали приносить еду, они пошли искать кухню. А ее уже не было, и они пошли на восток. Никаких немцев не встретили, дошли до своих, в особом отделе рассказали, как оказались в этом районе и месте, пожили на формировании

один или два месяца и были отправлены обратно. Почти на то же место, где служили до этого.

Потом опять прекратилось питание, пошли на восток. Опять особый отдел, только теперь отправили в другое место, в другую часть. С ней он дошел до Польши, был ранен.

...Эшелон. И дядя Ваня мимо собственного дома, через всю Россию, проследовал аж до Дальнего Востока, в Маньчжурию, на войну с Японией».

Просто представить невозможно разочарование от этого события, которое испытал человек, уже строивший планы о дальнейшей мирной жизни, мечтавший увидеть свою семью.

«Там был недолго, хоть и там было страшно. Капитуляция Японии. Короткий отдых, эшелон, дорога домой. Но прямо в эшелоне были вагоны, куда приглашали отдельно. Пригласили и дядю Ваню. И напомнили ему, как он два раза, оказывается, сдавался в плен, как он два раза предавал Родину и что такой проступок требует соответствующего наказания. В общем, “военный трибунал приговаривает вас, Шепеленко Ивана Михайловича...”

Домой он приехал, как я помню, в 1954 или 1955 году».

Вот так: воевал-воевал, не жалея себя, прошел две войны и, оказывается, «предавал Родину»! Неужели те два раза, когда он с товарищами покинул место службы, затем только чтобы найти еду, считаются предательством?

Почти сразу после войны об ее участниках власти постарались «забыть». За полученные в боях награды с 1 января 1948 года перестали делать выплаты. Вот почему фронтовики отдавали свои ордена и медали на игрушки детям. Виктор Андреевич вспоминает об этом так: «На фронте был и дядя Володя, отцов старший брат, и вернулся офицером. Я сужу по тому, что в течение некоторого времени я носил его фуражку с золотым шитьем, планшетку с плексигласовым отделением и ордена. Все эти вещи я перетаскал совершенно безнаказанно».

Нам кажется, что все, что мы узнали из наших источников о войне гораздо важнее и полезнее для нас, чем ношение Георгиевской ленточки 9 мая.

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

«Лишь бы не было войны» — эти слова звучали как заклинание для послевоенного поколения. Голод 1946–1947 гг., продолжаю-

щиеся репрессии, «оттепель», «застой», «перестройка», распад СССР, «лихие 90-е» сменяли друг друга, а эта формула оставалась неизменной: лишь бы не было войны.

«Жизнь в селе продолжалась, люди искали и находили для себя отдушины для души даже в этих условиях», — пишет в своих мемуарах В. А. Ковалев. И продолжает: «Опять вынужденная ремарка. Написал: “даже в этих условиях”, а условия-то самые простые. Ничего не наблюдалось, ничего не выпячивалось, ничего особого не бросалось в глаза».

Деревенскому человеку действительно надо было мало: лишь бы не трогали. Но — все равно трогали, о спокойной жизни можно было только мечтать. Восстановление страны после войны легло опять на народ, и без того обездоленный.

А. В. Звягина так пишет в своих мемуарах о первых годах после войны: «Налоги платили все колхозники. Удивительно: деньги на заработанные трудодни не давали, а налог колхозники платили большой, и деньгами, и натурой. К примеру: надо было сдать за сезон не менее 100 л молока с каждого двора. На молоко была установлена базисная жирность 3,9%. В летний период, когда была зеленая и сочная трава, коровы давали молока много, но его жирность снижалась, да и определялась она не точно. Поэтому на молочный сепараторный пункт надо было сдать не 100 л, а значительно больше. Брали с колхозников определенную сумму на строительство и содержание клуба. Такой налог называли “на культуру”, а колхозники называли его культсбор».

Одним из самых значительных событий, всколыхнувшим жизнь буквально всей страны, стал полет в космос Ю. А. Гагарина. Забылись репрессии, не столь далекая война, нищета и нехватка самого необходимого.

В. А. Ковалев был в то время старшеклассником: «Мы в 8-м классе. В селе уже везде радио, но день, по-моему, будний. Мы, услышав сообщение, не сразу оценили, даже просто не поняли, что это значит.

Но замешательство длилось недолго, мы сделали плакаты из двух листов чертежной бумаги. Написали что-то типа “Ура! Космос наш!” А куда его девать? Пошли по улицам села, пустым улицам. Но тем, кто выходил на гомон, нами создаваемый, мы объясняли, почему и что это значит».

А люди работали, жили — «лишь бы не было войны».

А. П. Матвиенко, работавшая медсестрой, так рассказала нам о послевоенном периоде: «Работать, конечно, было тяжело. Своего транспорта не было. Я прямо в халате выхожу на дорогу. Какая бы машина ни ехала, останавливаю: умирает мужик такой-то и такой-то, ветеран войны... пошли, поможешь мне, отвезешь. А потом и машины дали. И рентген дали.

Все там было: рентген-кабинет был, автоклавная была, лаборатория была, стоматолог был, зубы рвать есть кому. А потом их всех ликвидировали, и я зубы рвала. Ну, приедет — хоть умирай, ну, вырви зуб, я умираю, я не поеду в Садовое, я не поеду в Анну. Ну что — инструмент есть. Они потом: слава Богу!»

Вот именно — слава Богу. Жизнь в селе на самом деле становилась лучше по сравнению с «темным прошлым»: появилось электричество, асфальтированные дороги. И времена стали относительно «вегетарианские».

С постоянно меняющимися и вечно пьющими председателями (сами колхозники тоже не сильно отставали) — и жили села, пережили оттепель, застой, перестройку. А вот «лихие 90-е» накрыли и колхозы.

И. М. Попков подвел итог: «Мне 85 лет, старючий уже, пережил войну, все пережил. В Старом Курлаке ничего уже нет. А у нас было 840 дойных коров. А щас на два Курлака 280 голов. Это что? 8 помещений сломали, а в Старом Курлаке все поломали. Берутся поднимать сельское хозяйство. А зачем было его разваливать? У нас в колхозе 3600 овец было, коров 800, правда, свиней в Старом Курлаке много было, у нас мало свиней было — 200 голов всего. Набольше коровы и овцы. И все продали, секции поломали — себе дома построили. У нас в Курлаке никто не построился отсюда, а все построились в районе. Я подошел, спрашиваю: куда вы кирпич-то ломаете, ребята? — Нам, говорят, дед, платят, а кому чего — мы не знаем».

Село практически вымерло. Только один наглядный пример: в нашем выпускном классе в этом году было 5 человек...

Иван Митрофанович Попков сказал во время интервью: «Сейчас историю по жизни пишут, вот пришла жизнь — и история новая. А правду никогда не пишут». Мы полностью согласны с этими словами. Историю всегда переписывают, когда меняется политическая обстановка. Да и вообще, история — это не совсем наука. Здесь трудно добиться объективности. Вот и мы, наверное, были субъективными, хотя и старались добиться истины.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

«Серость и однообразие жизни скрашивали местные достопримечательности: юродивые, гулящие женщины, острословы и шутники. Их проделки, проступки были у всех на виду и передавались от человека к человеку и даже от села к селу в течение долгого времени, а потом входили в историю села», — пишет В. А. Ковалев. Да, несмотря на знаменитую фразу «вождя всех народов» — «Жить стало лучше, жить стало веселей» — жизнь советских людей особой красочностью не отличалась. Но народ все-таки находил лазейки, отдушины, и никакой режим не был помехой.

Виктор Андреевич продолжает: «Был в Сухом Донце такой человек — Васюра, бывший фронтовик, орденосец, который веселил людей и себя. Я так полагаю, от большой своей тоски. И вот некоторые его шутки.

Зима, колхозная кузница. Как обычно, много людей мужского рода, заняты кто чем. Один мужик точит топор. При дефиците инструмента, тем более хорошего, внимание многих обращено на этот процесс. Точило ручное, то есть один вращает камень, второй работает. Заходит Васюра, немного толкается среди людей, выходит, заходит обратно, никто на него особого внимания не обращает. Процесс наводки лезвия топора заканчивается, хозяин пробует, расхваливает металл инструмента. Мол, топор перерубает гвозди на раз, легко.

Васюра высказывает большое сомнение и заводит спор на литр водки, что топор не перерубит его старого валенка, снятого с ноги. После заключения пари снятый с ноги валенок водружается на деревянный верстак, хозяин размахивается и с ужасом видит на топорнице половинку топора. Вторая откололась о болт, заложженный в валенок... Дальше уже неинтересно.

Жил Васюра в конфискованном кулацком доме в два этажа. Точнее, первый этаж — полуподвал. На втором этаже был сельский совет, а внизу с семьей и жил Васюра.

Участковый уполномоченный милиции, прибыв к Васюре по жалобе на самогонварение, требует отдать самогонный аппарат. А во дворе были сделаны ямы, обложенные кирпичом, для силосования травы — кукурузы еще не было. А саму массу в них завозили на быках даже мы, пацаны. Ямы были сгруппированы по три, имели размеры примерно 2,5х2,5х2,5 м. Васюра, не возражая, соглашается отдать самогонный аппарат, который, по его словам,

хранится в одной из этих ям. Подойдя, милиционер по лестнице спускается в указанную яму. Васюра поднимает лестницу. Милиционер в ловушке, из которой выпускается через 1,5–2 часа после обещания больше никогда не производить такие действия».

И такие «житейские истории» — это тоже часть общей истории, они же одновременно демонстрируют и политику с определенной стороны. Из наших источников мы узнали множество различных житейских историй. Прабабушка Н. Н. Толкачевой, Прасковья Васильевна Гальцова, подчеркивала, что надо не оглядываться на власти, а жить, как душе хочется. Мы не знаем точно, к какому времени относится следующая история, но, скорее всего, это произошло еще в царское время.

Нина Николаевна, улыбаясь, рассказала нам: «Бабушка, расскажи что-нибудь!» Она как захохочет: «Ну, сейчас я тебе расскажу. Поехали мы, значит, с моим кумом крестить младенца один раз в Новый Курлак. А ехать-то недалеко. Они жили тогда на Поповке, прямо у реки Курлак. Назад ехали, она говорит: давай остановимся, место хорошее. Расстелили чего-то, поставили закусить, выпить. По стакану выпили, по другому, ну и болтают. Глянули — а лошадь-то ушла. А ребенок лежит там. И вот они бегом за этой лошадью. Она идет и идет. И почти у самой деревни только догнали. Еле отдышались».

А раньше в церкви имена давали попы. И их спрашивают: «Ну, как называли девочку-то?» Они друг на друга глядят — забыли! Оба, и он, и она. И вот первое попавшееся имя и сказали: Анна. А родня говорит: о, хорошее имя. А когда вторая девочка родилась, крестить поехали, а ее тоже Анной называют.

— Как же Анна, у нас уже Анна есть.

— Нет, у вас та не Анна.

Посмотрел в книгу записей и говорит:

— Нет, та у вас Евдоксея.

Ну, они и сознались»».

Эти житейские ситуации очень важны для понимания быта и нравов простых сельских жителей.

А вот еще одна байка П. В. Гальцовой (со слов Нины Николаевны Толкачевой): «Вот рассказывает она: пришла ко мне подруга. Я раз в погреб слазила, достала там огурцов закусить, выпить. Выпили, закусили, поели, опять полезла, опять все выпили, закусили. Бабушка говорит: “Слушай, сколько же я буду лазить? Полезем прямо туда в погреб”. Там вино, капуста с огурцами. Так и полезли».

Сидят гуляют и гуляют. До вечера. Коровы идут, надо вылезать, а они не вылезут. Они еще в своем уме, разговаривают, но вылезти не могут».

Мы очень долго смеялись после услышанной истории. С одной стороны, обычная житейская ситуация: выпили — закусили. Но с другой стороны, именно в этой простой, незатейливой обстановке и раскрываются быт наших предков, их нравы.

ЧЕЛОВЕК В РОССИИ — ЩЕПКА В ОКЕАНЕ?

Судьба... время... история... Нам кажется, в мире нет такого человека, кто бы не интересовался своим прошлым. Каждый из нас так или иначе хочет заглянуть в глубину веков, узнать, какие исторические события были в тот или иной промежуток времени.

Человек и история... Эти два понятия, на наш взгляд, тесно связаны. С одной стороны, люди сами творят свою историю, а с другой — история сильно влияет на их жизни, отражается в судьбах, меняет мировоззрение.

История неумолима. Она не щадит никого, не делает скидку на возраст или происхождение. Все, кто попадает в ее жернова, оказываются искалеченными, перемолотыми, в той или иной степени разрушенными. История меняет жизнь не только интеллигенции, но и простых людей, обычных тружеников.

Всякая власть, которая творит историю, должна, на наш взгляд, стремиться к тому, чтобы люди были счастливы. Но счастье нельзя навязать силой. Счастье каждый человек ищет сам, нет его готового. И нельзя даже ради самых высоких идей жертвовать человеческими жизнями, радостями, правами, которыми человек наделен от рождения. В противном случае это приведет к печальным последствиям.

Н. Н. Толкачева сказала нам в интервью: «Да, история... И человек в ней болтается, как щепка в океане. Вот иногда скажешь: я бы прожил по-другому! А куда понесет течение, туда и покатишь».

Мы в свое время ждали перестройку. Думали, что все плохое из социализма уйдет, а все хорошее останется. Даже когда ваучеры раздавали, мы думали: будем дивиденды получать. А в итоге обманули. Так и сейчас».

Действительно, не было в России в XX веке (да и никогда не было) легких, «золотых» эпох. Каждый отдельный человек в нашей стране никогда не интересовал государство. Он входил в безликие

«массы», за которые принимали решения всемогущие «верхи», и вынужден был унижаться перед чиновниками разного ранга. Но люди в России как-то умели выживать, цеплялись за жизнь, приспособлялись к данным обстоятельствам.

Все это показало наше исследование. Мы пришли к выводу, что человек в нашей истории — это на самом деле «щепка в океане».

В событиях сегодняшнего дня, которые для наших детей станут «делами давно минувших дней», очень много такого, о чем в своих исследованиях они будут рассуждать отнюдь не в радужных тонах.

Неужели нет выхода? Неужели человек в России так и останется безвольной щепкой в океане? Скажем честно: мы не знаем ответа на эти вопросы.

Род Хетчиковых в истории деревни Огурцы

Алина Хетчикова

школа № 3, п. Абан, Красноярский край

научный руководитель Валентина Захаровна Бельская

ОГУРЦЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В наши дни на территории Абанского района зарегистрировано 64 населенных пункта. Один из них — деревня Огурцы Устьянского сельского совета, родина моих предков Хетчиковых. Деревня расположена на левом берегу реки Усолка и состоит всего из одной улицы длиной в 3 км с названием «Береговая». Примерно в 500 м от центра деревни находится кладбище, где можно увидеть старые надгробия с древними надписями. Это говорит о том, что деревня образовалась давно.

Каждый раз, когда я летом приезжаю в Огурцы к своей бабушке, то хожу с ней в лес за ягодами и грибами, купаюсь в речке, ем уху из рыбы, пойманной дедом. Во время прогулок по деревне я изучаю ее окрестности. Многие дома стоят полуразрушенными, в них никто не живет. В конце деревни когда-то была хорошая мельница, но ее больше нет. Сейчас в Огурцах нет даже магазина. Зато у многих жителей есть машины, на которых они ездят закупать продукты и товары в Устьянск, Абан, Канск. Сказать, что в деревне совсем пусто, нельзя. Около домов и в округе свободно гуляют большие выводки свиней, пасутся лошади, а в Усолке купаются дикие и домашние утки и гуси. Я насчитала 34 дома, в которых проживают 68 человек среднего и пожилого возраста, из них 19 человек по фамилии Хетчиковы.

Долгожительница деревни — моя родственница, баба Арина Хетчикова. Почти сто лет она является участницей истории Огурцов. Мне всегда нравилось слушать рассказы моей бабушки о прошлом этой деревни со смешным названием, необычными именами, говором, кличками. Например, Хетчиковых в деревне называют «Гуралями», у других жителей тоже есть клички, некоторых называют «Негры», «Хрынька», «Хас», «Невские». Только здесь я услышала, что имя Гоши (Егора) звучит, как Готя, а уху из местной речной рыбы здесь называют «шурпой». Мне стало интересно узнать историю заселения и развития деревни Огурцы.

По рассказам моих родственников, первыми поселенцами деревни Огурцы были «великороссы» (в Сибири их называли «чалдонами»). Населенные пункты Устьянск и Огурцы образовали чалдоны (великороссы), приплывшие по реке Усолке с Троицкого сользавода Тасеевской волости, чтобы основать здесь заимки для выпаса скотины и земледелия. Документ под названием «Сведения о времени образования населенных пунктов Абанского района Красноярского края» (1985) сообщает, что деревня Огурцы образовалась в 1722 году. Есть и другая дата. В «Памятной книжке Енисейской губернии» (1903) и в «Ведомости о ходе водворения переселенцев по Енисейской губернии на 1902 год» в Канском уезде Устьянской волости упоминается деревня «Огурцовская» и деревня «Хетчикова» на речке Усолке.

Деревня Хетчикова ведет свое название от переселенческого участка Хетчикова, образованного хуторянами-переселенцами Хетчиковыми в 1896 году. Таким образом, можно предположить, что нынешняя деревня Огурцы была образована как чалдонами («великороссами») в XVIII веке, так и переселенцами — «самоходами» по Столыпинской реформе в конце XIX века. Чалдонское происхождение основателей деревни можно доказать тем, что до сих пор в речи старожилов можно услышать своеобразное произношение некоторых слов и звуков: делат (делает), работат (работает), играт (играет), ишшо (еще), чо (что). Мать Михаила Егоровича Репкина, работавшего в 80-е главным редактором районной газеты «Красное знамя», пела частушку про чалдонов:

Самоходы — виноходы,
А чалдоны — рысаки,
Самоходы носят лапти,
А чалдоны — сапоги!

Я предполагаю, что деревня названа так потому, что первым жителем этой местности был некий переселенец по фамилии Огурцов.

Так как первопроходцы плыли без женщин, то им приходилось брать в жены местных асанок (жительниц прибрежных территорий речки Усолки). Одним из старожилов в «Похозяйственной книге деревни Огурцы» за 1936 год назван поляк Матвей (Матеус) Янчик, 1843 года рождения. По воспоминаниям его правнука, Виктора Антоновича Янчика, Матеус прожил 114 лет. Был он очень интересной, хитровой личностью, с яркой и веселой жизнью.

В Огурцы попал как политический ссыльный во второй половине XIX века. Про Матеуса в деревне ходили анекдоты. Я слышала, например, такую историю. Матеус, будучи ссыльным, батрачил на хозяина. Тот его обижал и не рассчитывал за работу. Матеус пас стадо коров, в котором однажды хозяин не досчитался одной коровы, хотя с поля пастух пригнал всех. Куда пропала корова — никто не мог понять, потому что нигде не было следов животного, которое украли со двора. Через много лет люди догадались, что корову увел сам пастух Янчик, обув ее в лапти. Такого никто даже предположить не мог. Продав корову, Матеус отомстил жадному хозяину и сам себе сделал расчет.

По рассказам Г. Г. Ворониной и Т. И. Добрыниной, деревенская улица длиной в 4–5 км всегда была одна и делилась на три части. От въезда до первого моста — «Хохлатчина», жило много украинцев (хохлов). Центральная часть — «Заимщина». Здесь, от первого моста через Усолку до второго моста — располагались три заимки. Третья часть деревни, от второго моста до края, где находилась мельница, называлась «Махновщина», потому что здесь жители почему-то часто дрались. Характерной особенностью деревни было то, что родственники строили дома рядом. В центре деревни находились изба-читальня, здание сельского совета, контора колхоза «Вторая пятилетка», школа. На горе на правом берегу Усолки располагалась коммуна «Политотделец». Коммуна отличалась от колхоза тем, что все имущество было общим, не только инвентарь, но и одежда. Коммунары имели общую столовую и все ходили туда есть из общего котла. Тамара Ивановна Добрынина рассказала, что на мосту через Усолку, который соединял две части деревни, «Огурцы» и «Политодел», проходили вечерки, и молодежь танцевала под гармошку и патефон. В деревне жила ее бабушка, Варвара Григорьевна. Дед, Денис Соколов, был грамотным человеком и до революции работал писарем в Устьянской волостной управе, а поэтому детей бабушки, в том числе и мать Тамары Ивановны, никто по фамилии не звал, а только по кличке — «писаршины дети». Двоюродная сестра Тамары Ивановны Добрыниной, Мария Николаевна Брюханова (Брыжова), рассказала о деревне Огурцы следующее: «Деревня Огурцы была большим селом, и являлась центром Огурцовского сельского совета. Дед, Архип Павлович Брыжов, прибыл сюда в кандалах, как каторжанин, очень молодым. Женится на местной уроженке Анне Николаевне Мордовченко. У них родилось пятеро детей. Старший сын, Иван, работал бригадиром в колхозе

«Вторая пятилетка», а на начало войны — председателем Огурцовского сельского совета. С этой должности ушел на фронт и пропал без вести».

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

В 2013 г. были записаны воспоминания старожиллов деревни Жильцовых о разделении на колхоз и коммуну, которое произошло в конце 1929 года. Это разделение произошло по имущественному положению, то есть делению крестьян на бедняков, середняков и кулаков. Самые активные и преданные советской власти бедняки и середняки переехали жить на правый берег Усолки и образовали деревню «Октябрь» и коммуну с таким же названием. Это было в 1926–1930 годах.

После 1930 года коммуна «Октябрь» была преобразована в колхоз «Красный Октябрь», а к 1935 году — в колхоз «Политотделец». Деревню называли «Красный октябрь», «Красный поселок» и «Политотдел». По данным «Похозяйственной книги» деревни Огурцы за 1936 год, до 1935 года в колхоз вступило 21 хозяйство, а в 1935 году — еще 11 хозяйств. Всего членов колхоза было 106 человек, грамотных колхозников среди взрослого населения было 6 человек, малограмотных 23, неграмотных 46. С 1932 по 1935 годы проходила коллективизация частных хозяйств, которые вошли раньше в коммуны, ТОЗы, сельхозартели. Многие хозяйства, которые к этому времени встали на ноги и окрепли, не хотели вступать в колхоз. В эти годы многие зажиточные хозяйства облагались «твердым заданием» по сдаче излишков зерна, шерсти и продуктов. Ежемесячное выполнение таких заданий было иногда не под силу крестьянам, поэтому они саботировали государственные меры по планам сдачи сельскохозяйственной продукции. В результате этого государству приходилось взимать сельскохозяйственную продукцию с этих крестьян через суд, поэтому с 1928 по 1932 год много хозяйств раскулачили, лишили избирательных прав и выслали за пределы района. По данным «Книги памяти жертв политических репрессий Красноярского края», всего из деревни Огурцы было выслано 29 семей, насчитывавших 147 человек, в том числе 76 детей в возрасте от 4 месяцев до 15 лет. Это было время людских страданий и трагедий.

К 1936 году сельхозартель «Вторая пятилетка» была преобразована в колхоз «Вторая пятилетка» (деревня Огурцы), а сельхо-

Бывший магазин в деревне Огурцы

Центральная часть деревни Огурцы

Река Усолка

Здесь был колхоз «Политотделец»

«Жители деревни Огурцы»

зартель «Политотделец» стала колхозом под таким же названием (деревня Октябрь). Согласно упоминавшейся «Похозяйственной книге деревни Огурцы 1936 г.», в колхозе «Вторая пятилетка» было 126 хозяйств, население — 460 человек, членов колхоза — 301 человек.

На территории колхоза «Вторая пятилетка» находилась контора Огурцовского сельского совета. В 1931–1932 гг. председателем Сельского совета был Основин. Его фамилия в числе фамилий коренных жителей деревни не встречается, возможно, он был из 25-ти тысячников, представителей рабочего класса, которых Коммунистическая партия направила в деревни для проведения коллективизации.

На заседании членов Огурцовского сельсовета 25 марта 1931 года (председатель сельсовета — Овсянников) постановили: к «злостно уклоняющимся “твердозадатчикам” от выполнения плана вспашки паров, принять самые жесткие меры для привлечения к Уголовной ответственности: Буянов Иван, Хетчиков Василий, Маленко Александр, Хетчиков Алексей Никитич... Постановили: изъять хлеб у граждан: Мамаева Константина, Марковского Игнатия, Хетчикова Михаила, Репкина Александра, Малышенки Матрены, Маненко Николая».

Невыполнение плана по хлебозаготовкам рассматривалось 20 ноября 1931 года на заседании членов Огурцовского сельсовета совместно с комиссией содействия по хлебозаготовкам. Такие меры приводили к озлоблению крестьян, к саботажам, протестам и даже к убийствам и образованию банд. В октябре 1931 г. на повестке дня стоял вопрос о закрытии церкви в с. Устьянском. Постановили: «Учитывая, что религия есть дурман, и мешает нашему культурному строительству, а потому закрыть таковое...»

В школе в это время училось 118 человек — детей бедняков, середняков, единоличников, колхозников. На заседании членов Огурцовского сельсовета от 25 мая 1931 года по школе постановили: признать работу среди учеников удовлетворительной, а по части ликбеза — слабой. Предложить педагогам обратить самое серьезное внимание на «ликбез поход». О школе еще говорилось, что «ученики самовольно бросают учиться, что угрожает закрытию школы. Постановили: заставить учиться всех». В период с 1930 года по 1932 год в протоколах 3 раза упоминается вопрос о работе школы.

ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Из рассказов Валентины Фарафоновны Ворониной: «Старшая сестра мне рассказывала, как принесли повестки всем парням нашей деревни. Ушли на фронт сразу все огурцовские. Павла Фарафоновича Воронина (моего брата), Григория Антоновича Хетчикова, Василия Александровича Паначева и других, забрали в июне и увезли на подводах до Канска. Брат работал в магазине, и на войну его забрали с магазина. Моя сестра, Мария Фарафоновна, еще целую неделю жила в Канске, чтобы видиться с братом. А потом с фронта пришло первое и последнее письмо, где было написано: “Идем на Неву...”»

По «Книге памяти Красноярского края» и книге «Никто не забыт...» Красноярского края я установила, что в Великой Отечественной войне принимало участие 130 человек с Огурцовского сельского совета, из которых погибло 55 человек, а вернулось живыми 75 человек.

О жизни деревни в годы войны мне рассказала Лидия Кирилловна Кузнецова: «Когда мне было 4 года, мы переехали жить из Канска в деревню Слобода Устьянского сельсовета. Родители работали в колхозе. В войну и я уже работала в колхозе “Слобода”. На конях пахала колхозные поля, возила обозы с хлебом в Абан, Малкасы, Канск. Осенью серпами жали пшеницу, вручную обмолачивали. Трактора тоже девчонки водили, еле заведут, бывало. Хлеба давали, работающим людям по 600 г в день, а работали одни девушки. Помню случай, когда мы везли зимой в Абан хлеб, а навстречу ехали сани, которые везли почту. Управляла санями женщина с наганом. Почту в то время все обязаны были пропускать, не останавливать. Но мы заплакали, так как боялись, что голодные наши кони из сугроба не вытащат воз с хлебом. Женщина все-таки уступила нам дорогу. Денег не давали, ставили трудодни, на которые давали хлеб. Но бывало, что и хлеба не было, ели гнилую картошку. На фронт отправляли сушеный картофель, вязали носки, рукавицы.

Из нашей деревни на фронт забрали 50 человек, а живых вернулось только четыре и то раненые. Хоть и было тяжело, но песни пели, на вечерках плясали под балалайку и гармошку. Клуба не было, чтобы погулять, просились к хозяевам, у которых были большие дома. На вечерки ходили и молодые, и старые. Одежды хорошей сильно не было. После войны в деревне был голод. Работать

стало некому. Кони падали от голода. Я была награждена медалью “За самоотверженный и доблестный труд”».

Из ее рассказа складывается общая картина жизни деревни во время войны, ведь так же жили и в Огурцах. Когда стали приходить с фронта мужчины, они снова взялись за работу, заменяли женщин и девушек на тракторах, в лесосеках.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

О послевоенных годах деревни Огурцы можно узнать из рассказов Анны Ивановны Хетчиковой, учительницы, которая почти 50 лет после войны учила все поколения жителей деревни Огурцы, хоть сама была нездешней. Анна Ивановна об этом времени и о своей работе говорит так: «Родилась я в 1931 году в Ярославской области. Девичья моя фамилия — Карпова. В 1952 году закончила Переяславское педагогическое училище. Училась хорошо, а поэтому в числе самых лучших 25-ти выпускников поехала по распределению в Сибирь. Мы доехали на поезде до Красноярска и жили 2 недели в гостинице, пока не приехали “покупатели” из районов, которые агитировали ехать работать к ним. Из нашей группы 8 человек выбрали Абанских район. В их числе была и я. В августе 1952 года меня отправили работать в начальную школу на Буденовскую заимку, где жили ссыльные литовцы. Там я должна была учить литовских детей. Квартиры никакой мне не дали, а поселили вместе с одной семьей колхозника, в бараке, за ширмой. Больше всего меня поразила ужасная грязь и клопы, которые жили везде и повсюду. Кусали нещадно и днем, и ночью.

В 1953 году меня отправили работать в деревню Огурцы. Поселили на квартиру к Хетчиковым. Их сын, Николай, стал моим мужем. Учеников в деревне тогда было много. Подготовки дома у них никакой не было, потому что родители работали в колхозе “Вторая пятилетка”, а дома у каждого было большое хозяйство и много детей. Деревянную школу из бревен построил колхоз, отапливалась она дровами, которые заготавливали мы сами вместе с уборщицей и родителями. Печка топилась плохо, в школе в морозы было так холодно, что замерзали чернила, но дети все равно не пропускали уроки. Для детей я организовывала чай с печеньем, кормила почти что на одни свои деньги. Из мебели стояли парты, учительский стол, классная доска. Около школы мы с детьми посадили акации, в школьном огороде выращивали овощи и картошку. За счет

средств, вырученных от продажи овощей и картофеля, мы покупали имущество для школы: спортивные принадлежности, книги для библиотечки, журналы, ведра и т. д.».

А сегодня из 69 жителей деревни Огурцы детей — 23 человека. 13 школьников возят каждый день на школьном автобусе учиться в Устьянскую среднюю школу.

К нашему удивлению, во второй день приезда в деревню мы увидели, что в одном из домов шла подготовка к свадьбе: ограда, калитка и ворота были украшены плакатами и шарами. Возможно, новая супружеская пара останется жить в деревне, как и многие молодые огурцовцы, живущие здесь за счет своего большого хозяйства. И, возможно, жизнь деревни будет продолжаться, а маленькие дети будут получать начальное образование в снова открывшейся школе, а не ездить по морозу, ветру, холоду в Устьянск.

МОИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О БУДУЩЕМ ДЕРЕВНИ

Я предполагаю, что будущее деревни зависит от ее населения. По словам моего отца, если возродится сельское хозяйство, то тогда деревня вновь станет такой, как прежде. Также важной структурой развития деревни является образование. Если бы деревня вновь могла отстроить школы, чтобы они нормально функционировали и могли вновь обучать детей, то тогда это интересное поселение обязательно бы возродилось.

В своем исследовании я изучала историю деревни Огурцы Устьянского сельского совета от периода ее образования и до современности. Деревня очень своеобразна по своему географическому положению и составу населения. Ее история охватывает период с XVIII по XXI век. За прошедший век деревня понесла много потерь во время коллективизации и Великой Отечественной войны, но потом была отстроена. Ее жители работали во всех областях народного хозяйства. На мой взгляд, Хетчиковы сыграли неотъемлемую роль в основании поселения, в защите своего Отечества от фашизма в годы Великой Отечественной войны, в трудовой деятельности деревни.

человек и его история

«Благородные по происхождению» (дворяне в истории Абанского района)

Алина Ворончихина, Анастасия Мельникова

школа № 3, п. Абан, Красноярский край

научный руководитель Надежда Васильевна Калякина

ССЫЛЬНЫЕ ДЕКАБРИСТЫ

В Сибири не было крепостных крестьян. Исключением была деревня Самойловка в Абанском районе, но подати собирали управляющие и отсылали князю Самойлову¹. Сам же он никогда не был в Сибири.

Иногда дворяне приезжали в Сибирь в качестве чиновников Енисейской администрации, как, например, князь А. С. Волконский, управляющий Почето-Абанским переселенческим пунктом в 1907–1914 годах.

Но чаще всего дворяне попадали в наш район вопреки своей воле — в качестве ссыльных. Именно так оказались у нас декабристы Вениамин Николаевич Соловьев и Александр Евтихьевич Мозалевский. Офицеры Черниговского полка были лишены дворянского звания и всех чинов и приговорены военным судом в Могилеве 22 августа 1826 года к ссылке «в каторжные работы вечно»². Через 10 лет каторжных работ на Петровском заводе друзья были разлучены. Соловьев по указу 1835 года был сослан в село Устьянск Канского острога Енисейской губернии. Мозалевский по состоянию здоровья остался на Петровском заводе. О благородстве этих людей напоминает памятник на могиле Мозалевского на устьянском сельском кладбище. Вениамин Николаевич Соловьев привез умирающего друга в Устьянск, устроил на лечение в Канскую больницу, а потом его похоронил в Устьянске, поставив необычное для села гранитное надгробие на могиле. По известным источникам трудно восстановить, какими были отношения устьянских декабристов с местным населением. Но в метрической книге Устьянской церкви от 21 июня 1848 года есть запись, что В. Н. Соловьев присутствовал в качестве восприемника при крещении ребенка

¹ Драпаков С. В., Калякина Н. В. Становление Земли Абанской. Абан, 2006. С. 33.

² Архивы школьникам. Декабристы в Енисейской губернии, Красноярск, 1996. С. 18–19.

поселенца Минякина³. Если местные крестьяне брали человека в кумовья, то есть в родню, то значит, считали своим земляком и достойным человеком.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ВОЛКОНСКИЙ

О князе Волконском, управляющем Почето-Абанским переселенческим пунктом в период столыпинской аграрной реформы, можно прочитать в книге С. В. Драпакова и Н. В. Калякиной «Становление Земли Абанской». В ней приведены воспоминания старожилов, собранных краеведами в 50–60-е годы XX века. Эту должность с 1905 по 1914 год занимал князь Александр Сергеевич Волконский. Старожилы вспоминают о князе как о человеке высокообразованном и благородном. Так, он привез в Абан свою глухую мать, о которой заботился. Помогал многим абанцам материально. Акзам Фаттахович Шамсутдинов, проживший в Абане 103 года, вспоминал, что Волконский дал денег на дорогу его отцу, чтобы тот съездил в Татарию выбрать там невесту и привезти ее в Абан. С именем Волконского связано строительство в Абане школы, церкви, больницы. «Литературные» названия деревень в нашем районе: Шар-Лермонтово, Пушкино, Чехово, Гоголевка, Тургеневка — это тоже его след.

В Первую мировую войну он ушел добровольцем на фронт и погиб за Россию в 1914 году. Жена опознала его труп в братской могиле по фамильному кресту и привезла в Абан. Народная память сохранила картину похорон князя Волконского. Когда в Канске гроб сняли с поезда, то его уже ждали абанские жители, и всю дорогу от Канска до Абана (60 км!) траурная процессия сопровождала телегу с гробом⁴. Этот факт можно считать красноречивым доказательством признания абанским обществом роли А. С. Волконского в истории района.

А в 2014 году Абанским муниципальным музеем были получены новые документы и фотографии, связанные с семьей князя Александра Сергеевича Волконского. В музее мы нашли фотографию похорон князя Волконского. На новом кладбище он построил церковь Святой Лидии, где в склепе похоронил свою 3-летнюю дочь. Мы предполагаем, что существовало завещание, чтобы

³ Там же.

⁴ Драпаков С. В., Калякина Н. В. Становление Земли Абанской, Абан, 2006. С. 33.

там похоронили и его самого. Возможно, когда-нибудь абанцы обозначат памятным знаком место захоронения Волконских в Абане.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ТОЛСТАЯ

В течение 8 лет краеведческий клуб «Земляки» вел поиски документов о судьбе отбывавшей ссылку в нашем районе внучатой племянницы русского писателя Льва Толстого графини Екатерины Сергеевны Толстой, умершей в 1975 году. Найдены были документы о принадлежности ее к роду Толстых, ее старинные фотографии, которыми она «расплачивалась» (как и фамильными тарелками с графским гербом) за помощь в ведении домашнего хозяйства. Нашли и ее могилу, долгое время стоявшую безымянной.

Мы до сих пор продолжаем сбор воспоминаний о жизни графини Толстой в Абане. Старожилы рассказывают, как Екатерина Сергеевна, работая в Абанской прокуратуре простым секретарем, помогала грамотно «вести дела» работникам прокуратуры, а обычным абанцам помогала оформлять судебные иски. В поисках информации о князе Голицыне мы записали воспоминания Тамары Петровны Московской; она рассказала, что у ее сына Андрея хранится книга «Слепой музыкант» В. Г. Короленко с личной подписью графини Толстой. Графиня пообещала, что если он закончит 3-й класс на одни пятерки, то она сделает ему подарок. Так он получил эту книгу. «С пенсии Екатерина Сергеевна всегда покупала детские дорогие книги и конфеты, которыми угощала встречных ребятешек. У нее всегда в карманах лежали дорогие шоколадные конфеты. Ей их в посылках присылала из Москвы няня», — вспоминает Тамара Петровна.

Тамара Петровна жила с сестрой, которая работала в райкоме КПСС, она-то первая и привела Екатерину Сергеевну в их дом. «С первой встречи я обратила внимание, как графиня грамотно говорила, как прямо сидела, спину ровно держала. Внешне даже походкой выделялась, и была очень образована. С ней многие учителя общались. Ее соседи старались позвать на обед. Не отказывалась, но ответно в гости к себе не звала. Признавалась, что даже кисель у нее клецками получался. Не чуралась и простых людей. Абанцы умели помочь. Ее огород граничил с огородом Красногоровых, которые для нее и картошку растили, и избу белили. А Мелен-

тина Даниловна была классной портнихой, шила платье Екатерине Сергеевне».

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА АФАНАСОВА

Нина Александровна Афанасова, хирург с французским медицинским образованием, сотрудница Ленинградского онкологического института, тоже отбывала ссылку в нашем районе — об этом рассказано в книге ее воспоминаний. Она вернулась из эмиграции в дни убийства Кирова, когда начались аресты «чуждых элементов». Молодая женщина жила ожиданием встречи с Россией, «мечтала о возвращении на родину», «готова была расцеловать пограничника», спешила «побыстрее попасть домой, увидеть маму, Тамару, друзей»⁵. Но чтобы получить паспорт с ленинградской пропиской и устроиться на работу ей пришлось проявить настойчивость и много усилий. Придирались ко всему, связанному с ее дворянским происхождением: «диплом не заверен Советским консульством в Париже», «гор-здрав не может предоставить вам работу на основании иностранного диплома»⁶. Ей предложили сдать государственные экзамены вместе со студентами 5-го курса при одном из мединститутов Ленинграда. Готовилась к экзаменам, проходила акушерско-гинекологическую практику со студентами, «ездила в далекое Полюстрово в Онкологический институт, смотрела на операции», устроилась (деньги уже заканчивались) на работу в московской районной поликлинике. Экзамены Нина сдала на «отлично» и ее сразу зачислили в штат Онкологического института. Но и ее настигли репрессии. В поселок Почет Абанского района она приехала, уже пройдя тюрьму и лагеря. И здесь опять встретила недоверие: в больницу взяли медсестрой, потом из-за доноса понизили до санитарки. Тем не менее, «санитарка» нашла в себе смелость оперировать лесоруба с разбитой головой. Своей самоотверженностью Нина Александровна заслужила признание сибиряков и добрую память о себе.

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ГОЛИЦЫН

В районной газете «Красное знамя» в 2008 году была опубликована статья Галины Яруловой о Дмитрие Петровиче Голицине,

⁵ Афанасова (Колюбакина) Н. А. Жизненный путь, СПб, 2005. С. 88.

⁶ Там же. С. 89.

учителе Долго-Мостовской школы, дворянского происхождения⁷. О своем классном руководителе она оставила самые восхищенные воспоминания. Но досадно нам было, что она не сообщала никаких сведений о его судьбе, хотя читала «дело» Голицына в архиве КГБ.

Свой поиск мы начали в местных архивах, хотя сделали запрос и в архив МВД, тайно надеясь, что через 50 лет что-то можно было уже и рассекретить. Решили начать с работы в архиве РОНО и сбора новых воспоминаний о нем.

Тамара Петровна Москова работала в Абанском ЗАГСе, а ее родная сестра Валентина Петровна Филатова в начале 60-х годов заведовала Абанским РОНО. Тамара Петровна подтвердила дворянское происхождение Д. П. Голицына, вспомнив, что когда встал вопрос о назначении бывшего репрессированного учителем в школу, ее сестра делала запрос в органы КГБ дважды. Первый запрос не дал результата, потому что в запросе она не указала полный титул — «светлейший князь». Наша собеседница тоже не могла объяснить, почему различие между просто «князем» и «светлейшим князем» имеет такое значение. В интернете мы прочитали, что в России титул «светлейший» был пожалован в петровское время лично А. Д. Меншикову и Д. К. Кантемиру за особые государственные заслуги. Позже наследственный титул жаловался как вместе с княжеским (графы М. И. Кутузов, И. Ф. Паскевич), так и отдельно от него (потомственные князья П. М. Волконский, Д. В. Голицын). По «Учреждению об Императорской фамилии» до 1886 года титул «светлость» присваивался младшим детям правнуков императора и их потомству в мужском поколении, а после 1886 г. всем правнукам и нисходящим мужским законным потомкам членов Императорского Дома.

В Долгом Мосту старожилы помнят Дмитрия Петровича и говорят, что знали о его княжеском происхождении. Учитель истории местной школы Лилия Владимировна Береговская опросила по нашей просьбе живущих в селе выпускников школы 60-х годов, которых Дмитрий Петрович учил. Ученики вспоминают его как очень интеллигентного, всегда выдержанного человека, которого ничто не могло вывести из себя. Учившийся у него Юрий Евгеньевич Мариинский со слов своего классного руководителя знает, что дядя Голицына был депутатом первой Государственной думы. Родственники после революции эмигрировали, так как его

⁷ Ярулова Г. Автограф учителя // Красное знамя. 28.03.2008.

отец был белогвардейским офицером. Дмитрия Петровича увезли ребенком.

Дмитрий Петрович родился в 1912 году в Санкт-Петербурге⁸. Можно предположить, что воспитывали его и в эмиграции патриотом России, если после Второй мировой войны, по воспоминаниям его ученика, Дмитрий Петрович добился разрешения возвратиться в Россию. Хотя его предупреждали, что он наверняка будет репрессирован, он не отказался от решения вернуться на родину. Своим взрослым ученикам учитель в доверительной беседе рассказывал, как его сняли с поезда, осудили на 10 лет лагерей, а после смерти Сталина сослали на поселение в Абанский район. В «Учетной карточке» к военному билету (серии КА № 743391), выданному 09.05.56. в графе «особые отметки» записано, что Голицин был осужден 18.08.1945 по статьям 58-2, 58-8, 58-11 УК РСФСР. А освобожден по приказу генерального прокурора СССР 02.04.56.

Из воспоминаний старожилов нам стало известно, что до 1955 года Дмитрий Петрович работал в Долго-Мостовском химлесхозе в поселке Лобазково. Записи в учетной карточке подтверждают это. В архивном документе указана его гражданская специальность: инженер-химик, а в химлесхозе он работал вздымщиком. Видимо, сбор живицы (сосновой смолы) по тяжести труда сравнить можно было только с жизнью в лагере, откуда его раньше срока освободили. В учетной карточке указан его рост — 175 см и 44-ый размер обуви. Судя по фотографиям и воспоминаниям, Дмитрий Петрович был щуплого телосложения, а орудием труда вздымщиков был 6-метровый шест. Старожилы рассказывают, что со своей женой Ниной Аркадьевной Дмитрий Голицин познакомился во время сбора живицы. Говорят, что она была сослана из Западной Украины (местные их всех называли «бандеровцами»). Обычно спецпоселенцы работали в химлесхозах на подпочке (так называется добыча живицы). Живицу собирали с ранней весны до поздней осени и в любую погоду. Технология вроде простая — нужно было делать особую насечку на стволе сосны специальным резаком на длинном шесте (в просторечии — «хаком») и повесить под место стока смолы жестяную воронку — «приемник». А потом в течение всего сезона нужно было снимать эти воронки, выливать смолу в ведра и обратно прицеплять приемники на место. У каждого рабочего был свой участок сбора, где

⁸ Архив военкомата Абанского района. Учетная карточка Д. П. Голицина.

ставилась пустая бочка. Рабочим выдавались ведра и деревянные ножи для очистки приемника от смолы. «Вот и бегаешь от одного дерева к другому весь день, — вспоминает Мария Дмитриевна Власова, — ведро тяжелое от налипшей смолы, так натаскаешься, что к вечеру рук не поднять. И зверя боязно. Кричим, шумим, с соседками перекликаемся, чтоб медведя отпугнуть»⁹. Будущую семейную пару поставили на один участок. Мужчины обычно работали хаком, а женщины в ведра живицу собирали. У Голицыных, возможно, и не было большой любви, если соседи вспоминали, как его жена сомневалась, что после получения наследства князь ее с собой возьмет. Но Дмитрий Голицин семью не бросил, «воспитание не позволяло». Уехали на юг России, а не за границу, как соседи думали. А в Долгом Мосту Голицыны жили в «четвертушке» учительского дома. Их бывшая соседка Раиса Кирилловна Козлова вспоминает, как Нина Голицына получала из Москвы посылки с вещами, которые им перепродавала: «Все учителя у нее одевались». Сын Голицыных Петя учился с сыном Раисы Кирилловны. Наша попытка установить имя и фамилию жены, год рождения их сына Пети через архив ЗАГСа не удалась: нет среди записей о рождении, выданных в конце 50-х — начале 60-ых годов, детей с такой фамилией. Видимо, ребенок был зарегистрирован на фамилию жены, а с Дмитрием Петровичем они были не зарегистрированы. В те годы это было обычным делом.

В ходе поиска нам помогали не только родители, но и одноклассники. Подтвердить, что Дмитрий Петрович работал учителем, могли только его коллеги. Преподавательница биологии Раиса Кирилловна Козлова уточнила, что Голицын вел в Долго-Мостовской средней школе химию и немецкий язык. Первые слова, которые она сказала о нем: «Он был очень-очень-очень образованнейшим и порядочным человеком». Дмитрий Голицын окончил Венгерский технический университет в 1941 году и в совершенстве владел семью языками! В Учетной карточке к военному билету № 743391 в стандартной графе уместилась запись только трех языков. Раиса Кирилловна рассказала, как однажды обратилась к нему с просьбой что-то объяснить ей непонятное в курсе биологии; он так четко и просто объяснил, что она на всю жизнь запомнила. О его профессионализме вспоминает старейший учитель Почетской

⁹ *Калякина Н. В.* Островки Гулага в Абанском районе // Красное знамя. 22.02.2008.

средней школы, историк Мария Николаевна Брюханова. Слава о долгомостовском учителе химии дошла и до их поселка Почет. Ее подруга Мария Николаевна Дудко работала в 60-е годы завучем в Долго-Мостовской средней школе и пригласила коллег на «открытый» урок Голицына. Молодые учителя поехали на его «открытый» урок за 150 километров «по бездорожью на перекладных». В телефонном разговоре Мария Николаевна образно описала нам внешность и манеру поведения на уроке Дмитрия Петровича: «Среднего роста, со славянским типом лица, красивым профилем, прямой осанкой, он не делал лишних движений. Речь была ровной, четкой, спокойной. Объяснения были просты и понятны. В его позе, манере говорить чувствовалось уважение к ученикам, какое-то благородство, интеллигентность». А Георгий Федорович Шалейников приехал работать в Турово в 1962 году и не вспомнил такого учителя в их школе. Мы сначала предположили, что тогда Голицын уже уехал в Долгий Мост. Но в Похозьяйственной книге дата отъезда указана только августом 1965 года. Шалейников вспомнил его как учителя Долго-Мостовской средней школы — на совещаниях в Абане они встречались. «Я, как сейчас, вижу его. Всегда подтянутый, в хорошо сшитом костюме, в коричневых лаковых штиблетах он даже какой-то аристократической внешностью обращал на себя внимание». Валентину Захаровну Бельскую Голицын учил немецкому языку в 6 классе в Туровской школе. Вот что ей запомнилось необычное в его внешности: он не смотрел в глаза, отводил взгляд, смотрел поверх голов. Почему? «А мальчишки его постоянно обманывали, списывая и пользуясь шпаргалками, а он “верил”, что они сами перевод текста сделали. Озорных не ругал и никогда ни на кого не кричал. И еще всегда ходил в туфлях, а другие и в грязных сапогах на уроки приходили».

В газетной статье Яруловой опубликованы 3 фотографии. Нам показалось, что есть сходство между человеком на них и одним из лиц на коллективной фотографии педагогов Туровской школы, которая вместе с другими документами после закрытия школы в 2011 году была передана в наш школьный Музей народного образования Абанского района. Валентина Захаровна опровергла это предположение, узнав на фото своего учителя Петра Алексеевича Шишулина. Однако его внучка, Елена Петровна Шишулина, которая работает учителем географии у нас в школе, подтвердила нашу правоту. Наша находка — единственное пока фото Дмитрия Петровича Голицына, который жил в 1963–1965 годах в Турово, но в школе мог

уже не работать.

Просмотрев Книги приказов Долго-Мостовского и Абанского РОНО (в 1962 году их объединили в один район) с 1955 по 1965 годы, мы не нашли ни одного приказа с упоминанием имени учителя Дмитрия Петровича Голицына. Если ему платили зарплату, то приказы о приеме или о переводе должны были быть. Могли вырвать лист?

Это противоречие объяснила нам учитель-ветеран Мира Кирилловна Собенина. Она училась в 5–7 классах в 1952–1956 годах в Абанской семилетней школе на улице Пушкина и считает, что любовь к театру ей привил ссыльный Евгений Яковлевич Хорон. Он закончил Берлинскую консерваторию и преподавал у них музыку и вел танцевальный кружок. А устроен был истопником и жил при школе. Техничкой была устроена на работу в этой же школе его жена, балерина из Москвы Маргарита Александровна Снеговая. А Надежда Александровна вела хор, но оформлена была сторожем. И еще Мира Кирилловна вспомнила, как их директор школы Сухотин прикладывал палец к губам, если кто-то из учеников этих ссыльных называл учителями. Дети понимали тревогу директора, но своих интеллигентных учителей любили беззаветно. «В школу я бежала с широко открытыми глазами, ожидая чуда от встречи с этими чудесными людьми», — сказала Мира Кирилловна. Она пояснила, что ссыльных было в Абане очень много, но абанцы не просто с сочувствием относились к этим бедно одетым людям, живущим в каких-то халупах, бравшимся за любую работу, чтобы прокормиться, но относились с большим уважением к ним и помогали им, чем могли. Сибиряки всегда оценивали человека не по статусу, а по его душевным качествам. Мы понимали, что многие репрессированные люди не рассказывали о своем дворянском происхождении. Голицын не скрывал этого. Связь с родом своим в душе берег, назвав сына в честь деда.

Сопоставив воспоминания старожилов, мы нашли некоторые приказы по Долго-Мостовскому РОНО, которые косвенно могли подтвердить, почему в 1955 году Д. П. Голицина могли взять на работу в Туровскую среднюю школу. В 1955–1956 учебном году осуществлялся переход на новые программы. В приказе № 134 записано: «завуча Туровской средней школы Борисову Надежду Николаевну с 25 августа 1955 года считать учителем немецкого языка 8–10 классов с нагрузкой в 12 часов». А в приказе РОНО от 17 октября этого же года записано, что в связи с уходом в де-

кретный отпуск директора школы В. А. Радзиевской «с 24 октября Борисову Н. Н. назначить и. о. директора Туровской средней школы, а Михайлову В. И. — и. о. завуча»¹⁰. Вакансия учителя немецкого языка могла быть причиной экстренного поиска человека на должность учителя. Но взять в школу ссыльного (он будет реабилитирован только через год) — для этого нужна была гражданская смелость. Значит, Голицына знали как «хорошего человека», знало начальство и о его высшем образовании. В воспоминаниях Ярулова назвала председателя Долго-Мостовского райсовета Михаила Архиповича Лемешевского, отца ее одноклассника Михаила, инициатором приема Голицына в школу. Она предполагает, что Голицын стоял на учете и должен был отмечаться в местных органах власти; возможно, там они познакомились. Чиновник предложил школе взять на работу «неблагонадежного». «В Сибирской ссылке возникали моменты высочайшего духовного подъема, который власть не успевала контролировать»¹¹.

¹⁰ Архив Долго-Мостовского РОНО. Книги приказов 1954–1962.

¹¹ Ярулова Г. Автограф учителя // Красное знамя. 28.03.2008.

«Бархатный орешек
с металлом внутри»:
Исаак Моисеевич Зальцман
в Челябинске. 1941–1949 гг.

Мария Передок
школа № 59, г. Челябинск
научный руководитель Марина Сергеевна Салмина

Герой нашего исследования — Исаак Моисеевич Зальцман. Пять лет мы собирали информацию о нем. Сначала мы изучили, какой он был директор, потом — что сделал для нашего города за восемь лет пребывания в нем. Собрал воспоминания людей, знавших его лично, попытались составить его портрет, затем попробовали выяснить, за что и почему он попал в немилость, параллельно изучив вопрос о его руководстве трудмобилизованными бойцами из Средней Азии. Мы пытались реализовать социальный проект — установить памятную доску на доме, где проживал Исаак Моисеевич.

Сразу хотим отметить, что пять лет назад, в то время, когда наше исследование только начиналось, информация об И. М. Зальцмане была ограниченной: как в литературе, так и в интернете чаще всего пересказывались одни и те же сюжеты, зачастую искаженные и домысленные авторами. Нам кажется, это связано с тем, что долгое время упоминание имени нашего героя не поощрялось в связи с его опалой, начавшейся в 1949 году.

Источники, которыми мы пользовались, можно разделить на три вида: изданные в советские годы, в постсоветский период и современные. Первые личность И. М. Зальцмана делают блеклой, искаженной; вторые можно охарактеризовать как дискуссионные, с попытками разобраться и оценить масштабы личности. Но вот наступил современный этап, связанный с появлением молодых историков. Нам понравились работы кандидата исторических наук А. Н. Федорова¹ — они выверены и взвешены. Но вот с работами свердловских историков А. В. Сушкова и Н. А. Михалева² нам труд-

¹ Федоров А. Н. Перестройка партийных органов Урала в 1948–1949 годах // Вестник ЮУрГУ. № 7 (47). 2005.

² Сушков А. В., Михалев Н. А. «Зальцману законы не писаны, у Зальцмана свои законы»: Коррупция на Челябинском Кировском заводе во второй половине 1940-х годов // Вестник Челябинского государственного

но согласиться — слишком они тенденциозны, показывают только одну сторону деятельности И. М. Зальцмана. Называя его «коррупционером», авторы не приводят ни одного факта преступлений самого директора, лишь его окружения. Такое ощущение, что извечное соперничество в том, какой завод был более значимым в годы войны — Челябинский Кировский или Нижне-Тагильский, разгорается вновь.

Спустя десятки лет герой нашего исследования продолжает притягивать к себе тех, кто желает понять прошлое, да еще в такое грозное время, как война.

ЧАСТЬ 1. ВЗЛЕТЫ

Начало жизненного пути

Исаак Моисеевич Зальцман родился 26 ноября (9 декабря) 1905 г. в поселке Томашполь Ямпольского уезда Подольской губернии в семье портного и домохозяйки, был самым старшим из семи детей.

«Тяжелым и безрадостным было мое детство, — писал он в своих воспоминаниях³. — Постоянная нужда, тяжелая борьба за кусок хлеба были каждодневными спутниками нашей семьи. С большим трудом родители смогли дать мне начальное образование. В 1919 г. я окончил двухклассную народную школу. С 14-летнего возраста начал свою трудовую жизнь». Работать Зальцман начал на свекловичных плантациях, а позже на сахарном заводе. В 1922 г. вступил в комсомол.

Вместе с другими комсомольцами, работавшими на сахарном заводе, Исаак Зальцман был мобилизован в специальный отряд ЧОН (части особого назначения). Отряду довелось не раз участвовать в боевых операциях — осенью 1922 г. отражать налет банды на их населенный пункт, сопровождать обозы с хлебом и обороняться от нападений на них. В одной из таких поездок Исаак Заль-

университета: История, № 22, 2014; Сушков А. В. «Талантливый танкостроитель, один из лучших людей нашей страны»: Избрание И. М. Зальцмана депутатом Верховного совета СССР в 1946 году // Гороховские чтения: Сб. материалов VI региональной музейной конференции. Челябинск: Челябинский гос. краевед. музей, 2015.

³ Зальцман И. М. Срочное задание // Т-34. Путь к Победе: Воспоминания танкостроителей и танкистов. Киев: Политиздат Украины, 1989.

цман был ранен. Отец, искалеченный петлюровцами, скончался в 1928 г., а из всей большой семьи в последующие годы осталась одна сестра — Мария Моисеевна, которая проживала в Виннице.

Вероятно, храбрость и убежденность молодого комсомольца Зальцмана сделали его заметной фигурой среди товарищей: «В 1927 г. мне доверили работать культпропом и избрали секретарем комсомольской организации города Брацлава Винницкой области». В 1928 г. он был принят в партию. Далее был направлен в сельскую местность с главной целью — создавать колхозы.

Карьера нашего героя могла быть совсем иной — он вполне мог стать известным партийным деятелем на Украине. Но не стал. А все потому, что одновременно с комсомольской работой он закончил профтехшколу, получил среднее образование и профессиональное — специальность токаря, после чего в 1929 г. был направлен на учебу в Одесский политехнический институт, который успешно окончил в 1933 г.

Дальнейший его путь лежал в Ленинград: «По окончании Одесского института, я был направлен на работу на легендарный завод “Красный путиловец” на должность мастера. Здесь начало моего становления продолжилось по пути: заместитель начальника цеха, начальник турбинного цеха, главный инженер завода, а в 1938 г. мне был доверен пост директора Ленинградского Кировского (Путиловского) завода». В город на Неве Исаак Моисеевич поедет вместе со своей супругой. В 1928 г. он женился на Ханне Иосифовне Бронштейн. Впоследствии она окончит Агрономический институт, будет работать в Ленинграде на гидролизном заводе.

В разгар Большого террора обвинения во «вредительстве» послужили основанием для чисток на Кировском заводе, которые коснулись, прежде всего, руководства предприятия, что затем позволило ряду управленцев, в том числе и И. М. Зальцману продвигаться вверх по служебной лестнице.

Нам очень хотелось увидеть, каким он был в эти годы. Рассматривая фотографию работников Кировского завода 1940 г., диву даешься — худощавый, интеллигентного вида молодой человек в окружении солидных мужчин — инженера, рабочих, парторга. На их фоне он так хрупко выглядит! Но именно его назначили директором крупнейшего в стране промышленного производства. Значит, что-то в нем было такое, что отличало от многих.

И. М. Зальцман уверенно шагал по карьерной лестнице, потому как, безусловно, обладал выдающимися организаторскими спо-

собностями. Это подтверждают и награды, полученные им в этот период: орден Ленина за № 4469 за успешное освоение и выпуск новых типов танков, пушек и тракторов (1939), орден Трудового Красного Знамени (1940).

Ленинград. Производство. Война

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1941 г. за выдающиеся заслуги в обеспечении Красной армии танковой техникой в трудных условиях военного времени И. М. Зальцману присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и молот». Он был двадцатым человеком в стране, получившим это звание, и это была самая главная из всех его наград. В начале войны Кировский завод оказался практически на линии фронта, всего в 4 км от врага. Ни днем, ни ночью Зальцман не покидал стен предприятия. Завод продолжал делать танки в соответствии с планом. В июле 1941 г. первые девять дней завод обязан был «сдавать военпредам под пломбу» по три танка в день, все последующие дни — уже по четыре. И. М. Зальцман в своей автобиографии утверждает, что завод к концу июля стал выпускать по 10 танков в день. Зачастую из кабинета директора с оружием в руках кировцы шли защищать подступы к своему заводу. Враг приближался к городу, и крупнейшее производство военной техники стали готовить к переброске в тыл страны. 16 июля 1941 г. для Кировского завода было выделено 1000 единиц подвижного состава для эвакуации оборудования. Перед этим, на второй день войны в ЦК партии были вызваны директор Кировского завода И. М. Зальцман и главный конструктор Ж. Я. Котин. Им сказали: «Вылетайте в Челябинск, выясните возможность организации там в короткий срок массового производства танков. Вылетайте завтра. Когда вернетесь, доложите свои соображения Политбюро»⁴. Через несколько дней в ЦК уже было известно мнение кировцев: если Челябинскому тракторному заводу оказать необходимую помощь людьми и оборудованием, то через два–три месяца он сможет давать фронту 15 тяжелых танков в сутки.

И. М. Зальцман решил не торопиться с эвакуацией и до предела использовать действующее танковое производство в Ленин-

⁴ Челябинск. Челябинск, 1976. С. 89–90.

граде. Тем временем в Челябинске местные и прикомандированные специалисты должны были развернуть грандиозный, невиданный в мире комбинат тяжелых танков. Постановлением ГКО от 1 июля 1941 г. был утвержден график выпуска танков «КВ-1» на челябинском заводе с постоянным наращиванием мощностей: если в июле требовали 25 танков, то в декабре уже 175! Известна телеграмма Сталина, направленная на Уралмашзавод, в начале которой он просит «честно и в срок» поставить для челябинского завода корпуса для танков «КВ», а заканчивает так: «Если вы окажетесь нарушителями своего долга перед родиной, начну вас громить как преступников, пренебрегающих честью и интересами своей родины». Но на постоянную работу директор и значительная часть коллектива завода придут позже, эвакуировавшись из осажденного Ленинграда самолетами.

Танкоград. И. М. Зальцман в Челябинске

В октябре 1941 г. Зальцман становится руководителем Челябинского Кировского завода и одновременно заместителем наркома танковой промышленности СССР.

По пути из Ленинграда в Челябинск И. М. Зальцман и Ж. Я. Котин были приняты И. В. Сталиным. В ходе разговора выяснилось, что многие рабочие отказываются выезжать на Урал. Сталин спросил, как называется местный завод? «Челябинский тракторный завод имени Сталина», — ответил Зальцман. «А вы назовите его Кировским заводом на Урале», — посоветовал Сталин⁵. Что и было вскоре выполнено. В приказе Народного комиссара танковой промышленности В. Малышева от 6 октября 1941 г. говорится о смене названий заводов, в том числе о переименовании ЧТЗ им. Сталина в Кировский завод, а также об образовании Комбината по производству танков «КВ», состоящего помимо ЧТЗ из нескольких уральских заводов. Директором этого Комбината был назначен И. М. Зальцман с оставлением его в должности руководителя Кировского завода. В выписке к этому приказу говорилось об эвакуации оборудования и кадров Кировского завода в Челябинск. И уже 11 октября 1941 г. среди приказов директора завода под № 469 появляется запись о принятии руководства заводом И. М. Зальцманом.

⁵ Устьянцев С. Элита российской индустрии: Челябинский тракторный завод. Екатеринбург, 2008. С. 47.

Коллектив, которым предстояло руководить, был колоссален. Сам Исаак Моисеевич в автобиографии, назвав цифру 75 тыс. работников, перечисляет то, из каких коллективов сложился легендарный «Танкоград»: ЧТЗ, Ленинградский Кировский завод, Московский завод «Красный пролетарий», Московский завод шлифовальных станков, часть Сталинградского тракторного завода, Харьковский дизельный завод и множество мелких предприятий.

Рассказывают, что, прилетев в Челябинск, Зальцман сразу пошел по цехам, а закончив обход поздним вечером, он распорядился собрать командный состав и ведущих специалистов. Встав возле края стола президиума, он безо всяких предисловий обратился к присутствующим: «Работаем мы пока что плохо. Мало, очень мало даем танков Красной Армии. Я хочу, чтобы вы все зарубили себе на носу одно: чем хуже вы работаете, тем больше пользы принесите Гитлеру».

Известно и другое его высказывание: «Товарищ Сталин дал мне приказ раскрутить производство танков, и я гусеницами раздавлю каждого, кто попытается мне мешать»⁶.

В эти годы вопрос дисциплины был ключевым. Исаак Моисеевич, блюдя дисциплину сам, требовал этого и от своих подчиненных. Приказ директора ЧКЗ от 20 октября 1941 г. касался трудовой дисциплины руководящих работников:

«1. Всем начальникам цехов и отделов в любое время дня или ночи сообщать в мой секретариат о месте своего нахождения. В случае пребывания на территории завода вне своего отдела или цеха, об этом в любое время должен знать секретарь начальника отдела или цеха.

2. По моему вызову являться из любого места в течение 5–7 минут. За опоздание по моему вызову буду немедленно увольнять с завода»⁷.

Согласно приказам директора, в январе 1942 г. было отдано под суд 12 человек, а в феврале уже 524⁸. Причинами сурового наказания в годы войны становились чаще всего нарушения

⁶ *Сергийчук В.* Танковый король России. Киев: Ничлава, 2005.

⁷ ОГАЧО, ф. Р-792, оп. 5, д. 11, л. 127.

⁸ *Салмина М. С., Ерохина Т. В.* Труд по законам военного времени (Кировский завод в годы Великой Отечественной войны) // Исторические чтения: Материалы научной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Неизвестная война: малоизученные страницы Великой Отечественной», 2004. Вып. 9. Челябинск, 2005. С. 37.

трудоустрой дисциплины: опоздания и невыходы на работу. Когда вчитываешься в эти приказы, понимаешь, что зачастую люди нарушали «по необходимости». Однажды нам встретился документ, в котором человек объяснял причину невыхода: ранняя весна, распутица, до завода приходилось идти по жуткому бездорожью (дорога была разбита танками, проходившими на испытательный полигон и обратно), а у человека элементарно не было обуви. Так и работали...

А Москва все требовала танки. Первый заказ на большую партию танков KB-1 для нужд фронта поступил на Челябинский Кировский завод 17 октября 1941 г. Поставленную задачу он выполнил — в течение одного месяца весь завод перестроился на производство новых машин. Считается, что технически это невозможно. Зальцман доказал: возможно. Через месяц с территории завода вышел первый челябинский танк «KB». «К концу октября производство тяжелого танка «KB» стало серийным, в начале 1942 г. массовым», — отмечал Исаак Моисеевич в своих воспоминаниях.

Многие исследователи пишут о нестандартных производственных решениях директора Кировского завода. Например, как в кризисных условиях битвы за Москву сборка танков завершалась на ходу. Это было связано с тем, что доставка пусковых двигателей, производившихся эвакуированными предприятиями, задерживалась. И. М. Зальцман принял решение отправлять танки эшелонами в Москву, где они будут дожидаться пусковых двигателей в самой столице.

О другом нестандартном решении проблемы И. М. Зальцман упоминает в своей автобиографии. В ноябре 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования требовала от завода наращивания темпов. Завод к этому времени смог выйти на показатель 15 танков в день, чего было недостаточно. Но и сделать больше — затруднительно, так как сказывалась нехватка рабочей силы. Тогда нашли выход: стали приглашать на сборку танкистов запасного полка, ожидающих танки. Они заодно повышали свои знания и навыки перед отправкой на фронт.

Важно отношение нашего героя к кадрам. Ему довелось много лет работать вместе с такими выдающимися конструкторами, как Ж. Я. Котин, Н. Л. Духов, И. Я. Трашутин и многими-многими другими людьми, чьи имена известны во всем мире. Как тепло, высоко их оценивая, отзывался Исаак Моисеевич о конструкторах Кировского завода.

Помимо главной производственной задачи, решал директор в конце 1941 — начале 1942 гг. и массу текущих проблем работников. Форсированное строительство жилья, проблемы с обувью, здоровьем, отдыхом, питанием рабочих — все эти вопросы также лежали на плечах директора. И это только малая часть того, что решал директор в первые годы войны.

Между Тагилом и Челябинском

В феврале 1942 г. Исаак Моисеевич по заданию Сталина был направлен в Нижний Тагил для организации массового производства средних танков.

Помимо фактического руководства двумя заводами, 14 июля 1942 г. И. М. Зальцман был назначен наркомом танковой промышленности СССР.

Современные историки признают, что выдающаяся роль И. М. Зальцмана в Нижнем Тагиле заключалась в том, что он в поразительно короткие сроки сумел организовать поточное производство танка «Т-34» на конвейере Уралвагонзавода. Леонид Бородихин описывает, как Зальцман впервые появился там и увидел, что конвейер был завален артиллерийскими «передками» — ящиками для снарядов: «Заводское начальство, которое трепетало перед всемогущим Лаврентием Берией, курировавшим артиллерию, безропотно исполняло волю его военпредов в ущерб сборке танков. А Зальцману Сталин предоставил неограниченные полномочия и право принимать решения самостоятельно с последующей передачей информации в Центральный Комитет партии. Потому первое, что сделал новый директор (предварительно убедившись, что запас для артиллеристов создан намного вперед), распорядился отправить “передки” к такой-то матери. Уже через несколько часов эта тема “всплыла” на самом высшем уровне. Однако Верховный принял сторону танкового замнаркома»⁹.

Эту историю И. М. Зальцман любил рассказывать сам, вспоминая, как одержал победу. Потому что после решения о «передках» в его кабинете по приказу Л. П. Берии появились «соответствующие товарищи» и заявили, что он арестован. Тогда Зальцман вызвал охрану и попросил удалить пришедших его арестовывать

⁹ Бородихин Л. Эхо Великой Победы: Берия до танкового наркома не добрался [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru>

с территории завода. После этого позвонил сам Л. П. Берия. Исаак Моисеевич рассказывал сыну, что большего матерщинника он никогда не слышал. А когда Берия выговорился, Зальцман привел свои доводы, ну, а затем вмешался Сталин.

Возвращение в Танкоград

Решив производственные проблемы с выпуском военной техники в Нижнем Тагиле, в июле 1943 г. И. М. Зальцман по приказу Л. П. Берии, приехавшего в Челябинск, был возвращен на должность директора Челябинского Кировского завода.

Прошел еще год войны. Нужны были новые танки. Решили в режиме строгой секретности выпустить три пробных танка. В испытаниях участвовали и все те люди, которые предлагали его к выпуску: «Помню, — пишет первый секретарь Челябинского обкома партии Н. С. Патолитчев, — собирались мы ночью у директора завода. Затем И. М. Зальцман, С. Н. Махонин, Ж. Я. Котин, Н. Л. Духов, другие конструкторы и я шли в цех, садились в танки и уезжали за город, в степь. С рассветом начинались испытания. Вечером возвращались в Челябинск. Испытания продолжались, пока не убедились, что танки готовы. Все показатели были превосходны»¹⁰.

4 сентября 1943 г. ГКО принял решение о начале серийного производства танка ИС-1. Стала крылатой фраза, приписываемая Сталину: «На этих танках и будем заканчивать войну». В том же 1943 г. под руководством И. М. Зальцмана в течение 52 дней завод освоил выпуск новых танков ИС-2. Историк С. Нетребенко приводит воспоминания немецкого танкиста Отто Кариуса, который писал о том, что танк ИС-2 являлся единственным достойным соперником немецкому «Тигру». Немецких танкистов их командование заставляло уклоняться от открытых боев с этим танком, нужно было действовать только из засад¹¹. Летом, 1944 г. за массовый выпуск новых тяжелых танков, артсамоходов и новых дизель-моторов правительство наградило Челябинский Кировский завод орденом Красной Звезды, а директора — орденом Трудового Красного Знамени.

¹⁰ Патолитчев Н. С. Испытание на зрелость. М.: Политиздат, 1977. С. 259–260.

¹¹ Лурье Л. Зальцман – король танков [Электронный ресурс].

URL: <http://www.5-tv.ru>.

Наряду с решением насущных проблем, 21 марта 1943 г. И. М. Зальцман издает весьма любопытный, выбивающийся из общего ряда, приказ. Приказ был направлен на «воспитание навыков личного примера в одежде для мастеров завода», по которому руководящему составу завода предписывалось носить рабочую одежду определенного образца, установленного директором. Униформа была обязательна для начальников цехов и их заместителей, для начальника цеха по производству, начальников участков, мастеров, начальников смен, механиков и энергетиков цехов. Был наложен запрет на ношение верхней одежды внутри цехов — Зальцман хотел добиться аккуратного вида тружеников завода.

За выдающиеся заслуги в освоении нового типа танка в 1945 г. Зальцман был награжден орденом Кутузова II степени а также орденом Суворова I степени. В том же году ему присвоено звание генерала-майора инженерно-танковой службы СССР. В 1946 г. Исаак Моисеевич — лауреат Сталинской премии. Еще бы! Ведь всего за годы войны Танкоград под его руководством освоил выпуск семи типов танков и САУ, шести типов танковых дизелей, было отправлено на фронт 18 тыс. танков и САУ, 48,5 тыс. моторов.

Победа

9 мая 1945 г. наступил день долгожданной Победы. Н. С. Патоличев вспоминает: «В кабинете первого секретаря обкома становится все теснее и теснее. <...> Вихрем врывается Исаак Моисеевич Зальцман. Сияющий, радостный, порывисто обнимает каждого из нас, что-то громко кричит и... плачет»¹².

10 мая 1945 г. газета «Челябинский рабочий» опубликовала ряд материалов, посвященных Победе. В статье «Вклад танкостроителей» И. М. Зальцман писал: «Пример самоотверженного труда, высокого умения и организованности показали тысячи людей завода. Заслуженной славой пользуются на заводе главный конструктор генерал-майор инженерно-танковой службы Духов, конструкторы тт. Трашутин, Балжи, главный технолог т. Хаит, начальники цехов тт. Чечерский, Мамонтов, Страковский, Сударкин, Коф, Либерман, Гай. Мастера тт. Тарасов, Акулов, Мирский, Козин, Хрисанфов, Прокудин, стахановцы: зуборезчица т. Андриевская, шлифовщица

¹² Патоличев Н. С. Цит. соч.

т. Седнева, сверловщица т. Ломова, сборщица т. Камалова, токарь Лукин, расточник т. Швецов, слесарь т. Наумов и сотни, тысячи других...»¹³. Кажется, что директор желает упомянуть каждого! В статье также подробно рассказывалось обо всех результатах работы Танкограда.

Еще одну причину успеха Танкограда И. М. Зальцман назвал в 1980-х гг., отметив решающую роль высочайшей концентрации научно-технических кадров, наличие в структуре завода многочисленных научных и конструкторских подразделений. На каждых 5–6 рабочих приходился один инженер. По его убеждению, ЧКЗ военной поры был прообразом научно-производственных объединений 1970-х–1980-х гг.

Зальцман — челябинцам

Не меньше Исаак Моисеевич сделал и для работников завода, и для города Челябинска в целом. Для улучшения положения работников предприятия директор настоял на организации торговли хлебом и другими продуктами питания на территории завода.

Директор заботился и о здоровье рабочих завода. За все военные годы он не допустил эпидемии сыпного тифа. По его приказу были построены бани. Многих жителей Челябинска Исаак Зальцман в буквальном смысле спас от смерти. Каждый месяц он делал обход в медико-санитарной части завода и решал все имевшиеся организационные вопросы.

Особо директор завода следил за рабочими-подростками. Он приказывал перевести подростков на 6-часовой рабочий день, запретил сверхурочные и ночные (позже 22.00) работы, работу в выходные дни, запретил привлекать их к тяжелым и «вредным» работам, приказал полностью оплатить подросткам все задолженности. И. М. Зальцман обязал начальников цехов и мастеров обеспечить подростков трехразовым питанием, обеспечить «условия для правильного использования» их труда, заниматься повышением их квалификации, обеспечить рабочих-подростков жильем, обувью, одеждой, следить за соответствием их здоровья и выполняемой работой. В конце приказа от 27 августа 1943 г. содержалось грозное предупреждение: «Начальникам цехов, отделов, отделений и мастерам учесть, что виновные в нарушении законодательства по

¹³ Зальцман И. М. Вклад танкостроителей // Челябинский рабочий. 10.05.1945.

труду подростков будут привлекаться к строгой ответственности. Директор завода Зальцман».

Тем не менее, нарушения в отношении рабочих-подростков продолжались. 23 декабря 1943 г., то есть всего через четыре месяца после строгого приказа об искоренении нарушений, в докладной записке помощника директора Д. Кривицкого говорится о том, что за восемь ночей было задержано 324 человека, большинству из них было от 15 до 17 лет¹⁴. Главными причинами ночевки на территории завода были названы: «совершенно разутые (без обуви) 25 чел., с обувью, негодной для носки (т. е. порванные ботинки, сапоги) — 175 чел., не имеют верхней одежды — 100 чел. и 34 чел. потому, что было холодно на улице (морозы)»¹⁵. Далее Д. Кривицкий описывает ужасающую картину их облика: «Все задержанные имеют внешний вид — грязные, оборванные, разутые, завшивленные, нестриженные, некоторые из них в цехах живут по несколько месяцев и столько же времени не ходили в баню. Никто из них не имеет сменного белья». А ведь это были «квалифицированные рабочие завода», на что указывает автор докладной записки!

В военные годы было очень тяжело добираться до завода, кругом бездорожье. Рабочие приходили на смену вымотанными в борьбе с непролазной грязью. Один из ветеранов ЧТЗ рассказал журналисту Е. Францевой: «Между малой проходной ЧТЗ и там, где сейчас высится храм Василия Великого, в войну стояли танки, грязь была непролазная. И вот женщины пожаловались директору завода, что дорога на работу для них — мучение. “Посадил Зальцман в “эмку” заводских руководителей, привез на это место. Открыл дверку, предложил выйти из машины. Сам — в сапогах, а “товарищи” — в туфлях. Но полезли в грязь»¹⁶.

Асфальтовый завод выпускал мало продукции, и директор распорядился выпустить за счет брака чугунные плиты и из них сделать пешеходные тротуары на 2-м, 3-м и 5-м участках. А улицу Спартак (ныне проспект Ленина) распорядился заасфальтировать на всем протяжении¹⁷.

¹⁴ Тогда была война... 1941–1945: Сборник документов и материалов. Челябинск: Книга, 2005. С. 45.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Францева Е. Загадка Зальцмана // Челябинский рабочий. 22.12.2001.

¹⁷ Ерусалимчик Г. И. Разные судьбы – общая судьба (из истории евреев Челябинска). Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 1999. С. 133.

В 1944 г. руководством завода была намечена широкая программа жилищного и культурно-бытового строительства. Много заводчан продолжало жить в бараках, подвалах, остро требовалось жилье. Еще острее вопросы жилья встали после окончания войны. В городе было много эвакуированных, большая часть которых хотела вернуться домой.

Особо обсудили вопрос о поселке Кировского завода. На дирекцию посыпалась критика: «Теперь, на 1945 год принять надо план благоустройства поселка на Кировском заводе, потому что ничего в этом году не сделали, и поселок остается неблагоустроенным: стоят большие дома и больше ничего. Он не приобрел ни типа города, ни типа поселка. Уж если город, так в городе асфальтовые тротуары, озеленение. <...> Это результат небрежного отношения к культурным вопросам на Кировском заводе. Думаю, что вообще руководству завода, партийному комитету, строительным организациям, бытовым организациям надо, чтобы Кировский завод имел такие же успехи в культурно-бытовом строительстве и благоустройстве жилья, быта, как и в производственных вопросах»¹⁸.

В итоге решение жилищных проблем стало первоочередной заботой руководства завода. В 1945 г. активизировалось строительство городка Кировец, за который была получена III премия на строительном-архитектурном конкурсе РСФСР. Кварталы двух- и трехэтажных кирпичных и шлакоблочных домов возводили своими силами. В течение первого послевоенного 1946 г. было сдано под заселение 17 двухэтажных домов. Дома Кировского городка были домами из шлакоблоков, имели все удобства, во дворе которых были даже сараи для разведения кур и поросят¹⁹.

В это же время начался «самстрой» — организованное планомерное возведение индивидуальных домов на специально выделенных участках. Будущие жильцы строили их сами, временно оставляя цехи и переходя в специальный участок УКСа; денежные кредиты, необходимую технику и материалы также выделял завод. Так были заложены поселки Первоозерный и Плановый. Всего в 1945–1946 гг. были построены 43 дома. Плановые поселки сохраняются и до наших дней.

В первые послевоенные годы в Тракторозаводском районе создается детский парк. О том, каким образом Зальцман приложил

¹⁸ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 42, д. 24, л. 363–369.

¹⁹ *Ерусалимчик Г. И.* Цит. соч. С. 133.

руку к созданию парка, имеется две версии, одна из которых описывается в летописи района: «Комсомольцы во главе с комсоргом Любой Запольской (в замужестве Ханутиной) решили на пустыре при выезде в Ленинский район разбить Зеленый городок. Он поддерживал и словом, и делом. <...> Воскресники и субботники по другим делам, когда нужно было, переводил сюда. Выделял по необходимости транспорт. Кстати, он где-то достал (тогда-то!) и саженьцы, до 30 видов разных пород, строго-настрого приказав коммунальщикам поливать, чтобы прижились. Затем огородил территорию решетками со Спартаком и пустил охрану, чтобы не ломали, не топтали»²⁰. А согласно другой версии, высказанной ветеранами завода, сам Зальцман приехал однажды на этот пустырь, на котором была настоящая свалка. Тогда он заставил всю территорию разбить на квадраты, к каждому прикрепил цех, заставил высадить деревья таким образом, чтобы они не повторялись — местный дендрарий решил создать. Потом все было огорожено и два года туда никого не пускали²¹.

Парк сохранился до наших дней. Хотя сейчас он не выдерживает конкуренции с более крупными парками нашего города, он очень любим жителями района и используется для прогулок с детьми, для отдыха ветеранов, которые по-прежнему зовут его «Исакиевский парк» или «Зальцмановский сад».

В том же 1946 г. по идее Исаака Моисеевича был реставрирован Театр ЧТЗ. Вместо здания, построенного в стиле конструктивизма, появился роскошный дворец. И. М. Зальцман очень любил творческих людей, все делал, чтобы дать таланту пробиться. Поэтому на базе театра был создан драматический кружок, который впоследствии вырос в театральную студию. Зальцман даже возглавил художественный совет дворца культуры.

Исаак Моисеевич также помогал строить художественную и музыкальную школы. На первом этаже театра была открыта заводская библиотека, ставшая гордостью города.

На ЧТЗ еще до войны уделялось повышенное внимание спорту, завод держал безусловную пальму первенства в городе по спортивным достижениям. Легендарный спортсмен Виктор Шувалов вспоминал: «Когда на фронте стало чуть легче, на заводе организовали

²⁰ Моисеев А. П. Это нашей истории строки... Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. С. 114.

²¹ Материалы В. Г. Борисова о И. М. Зальцмане в Фондах Челябинского государственного краеведческого музея.

первенство по футболу. Тогда была большая тяга к спорту, люди соскучились по игре. Я выступал за цех МХ-2, который производил коробки скоростей для тяжелых танков. Отработаешь смену, покрутишь стальные болванки в 80 кг, и после такой “силовой подготовки” — на стадион. Быстро переоделся, побегал, забил пять–шесть голов. Совсем другое настроение...»²²

Еще в годы войны дирекция Кировского завода начала организовывать отдых для подростков, работавших на заводе. Так, в докладной записке секретаря челябинского обкома ВЛКСМ В. Г. Зайцева об использовании подростков на заводах и предприятиях области от 4 ноября 1944 г. говорится следующее: «На Кировском заводе имеется 15-дневный дом отдыха, где за лето побывало 700 подростков. Комитет комсомола завода совместно с парткомом организовал на базе пионерлагерей дом отдыха подростков на 200 чел. с двухнедельным пребыванием»²³.

Сколько всего было сделано при участии этого человека! Город, в котором Исаак Моисеевич Зальцман прожил около восьми лет, который стал для него родным. В одном из писем в Челябинск он написал пронзительные строчки: «Челябинск — город, где прошли самые важные, самые значительные в моей жизни годы... это... скажу откровенно... звездные часы моей жизни»²⁴.

ЧАСТЬ 2. ПАДЕНИЯ

Трудности конверсии

В период конверсии военного производства карьера директора И. М. Зальцмана пошатнулась. Прежде всего, по причинам, которые понимали как он, так и руководители. Министр транспортного машиностроения В. А. Малышев в письме к И. М. Зальцману от 4 ноября 1946 г. подверг глубокому анализу состояние дел на предприятии, показал причины серьезных неудач легендарного коллектива. Современные историки считают, что причинами стали переоценка своих сил и недооценивание послевоенной перестройки, штурмов-

²² Лютов В., Вепрев О. В. Забытые тайны Южного Урала. Челябинск: Книга, 2011. С. 198.

²³ Эти детские военные годы 1941–1945: Сборник документов и материалов. Челябинск: Иероглиф, 2000. С. 110.

²⁴ Пушкарёва Т. П. Зальцман И. М.: 100 лет со дня рождения [Электронный ресурс]. URL: <http://chelreglib.ru>.

щина, за которую выплачивались крупные денежные премии, распространение аккордных форм работы, отсутствие экономических расчетов, военно-командные методы управления. Из-за неправильного распределения внимания и ресурсов директорский корпус стал подвергаться критике руководителей министерств.

А недовольство и рабочих, и инженеров, и партийных деятелей, как следует из документов, нарастало: «Директор завода тов. Зальцман решение парткома о ремонтной службе на заводе не выполнил». Старший военпред Храмцов остро поставил вопрос о качестве продукции: «Я хочу заявить партийному комитету о том, что машины, выпускаемые Кировским заводом, низкого качества. И это качество не будет высоким, если директор завода, главный инженер, главный конструктор завода не изменят своего мнения, что это машины первоклассные».

Критика директора завода специфическим образом выплеснулась и в ходе проведения выборов в депутаты Верховного Совета РСФСР в феврале 1947 г., когда прямо на бланках бюллетеней избиратели выражали свое мнение: «Голосовать мы голосуем, а жизни хорошей не видим. А т. Исаака выбрали, а он как птичка в клетке сидит и не выходит. Даже огня на участок не дает, злится. Это просто вредитель нашего участка. Он, т. е. Исаак, запарился в своем доме, и вообще кто живет в инорсовских домах, те люди счастливые, у них тепло, а в простых домах нас закалывают, и нет никакой правды, и не найдешь ее на 7-ом участке, и так продолжаем мерзнуть»²⁵.

Весной 1948 г. начались перебои с продуктами, в частности, с хлебом. В Информации парткома Кировского завода от 6 марта 1948 г. приводится ряд фактов. В столовой № 16, которая обслуживала 15 цехов, отпускали хлеба по 300 г, многие рабочие остались до утра, так как не выдали хлеба, а потом ворвались в столовую. Одна из работниц заявила: «У меня семья второй день без хлеба, вчера в магазине в очереди чуть не насмерть задавило мою дочь 8-летнюю, разве я могу спокойно работать?» «Молодые рабочие ЦТА [Цеха топливной аппаратуры — М. П.] собравшись в столовую, и увидев появившегося начальника цеха между собой говорят: “Вот стукнуть бы ему в голову, то появился бы хлеб и очереди прекратились бы, виноваты в этом вот такие начальники”». С окончанием войны для работников завода, для жителей города ожидаемых изменений не произошло.

²⁵ Борисов В. Г. Голоса из-под земли // Опорный край. 30.08.2001.

Информаторы парткома Кировского завода сообщали еще об одной проблеме: некоторые рабочие отказывались участвовать в сборе средств III-го государственного займа, проводившегося весной 1948 г. Главные причины крылись в социально-бытовой сфере: «дайте квартиру, подпишемся»; «работают, но не получали квартиры»; «не помогают в ремонте квартир»; «не отпускают домой»; «заработка не хватает и цены очень высокие, особенно на жиры и мясо»; «низкий заработок»; «непомерно большая сумма квартплаты в общежитиях — 50 руб, когда условия жизни в общежитиях исключительно скверные»; «подпишемся на заем тогда, когда отпустят в Ленинград» и т. п.²⁶

В одной из партинформаций указывалось на прямую ответственность И. М. Зальцмана за решение жилищного вопроса: «В цехе № 300 рабочий Яковлев с женой живет в общежитии, заявил: “Дайте мне комнату, подпишусь на полуторамесячный оклад. Зальцман обещал на активах еще в 1945 г. обеспечить всех рабочих жильем, однако до сих пор ничего нет”»²⁷.

В итоге директор И. М. Зальцман, выступая на всевозможных конференциях и совещаниях, был вынужден признать, что предприятие не справилось с подготовкой мощностей для увеличенного плана, задолжало свыше 3 тыс. тракторов. Завод получил на 1948 год задание — довести выпуск тракторов до 65–75 штук в сутки. Между тем по проекту мощность завода к концу пятилетки, к 1951 г., должна была составлять лишь 50 машин в сутки. «После 2-х летнего невыполнения заводом программы по спецпроизводству, Зальцман в 1948 г. решил выполнить программу любой ценой и в середине ноября 1949 г. в цехе была объявлена штурмовщина», — говорил начальник БТК цеха МХ-2 Варзов²⁸.

Заводчане, прежде всего руководители среднего звена, принимавшие в годы войны жесткий зальцмановский стиль и оправдывавшие его неизбежные издержки суровостью военного времени, в новых, мирных условиях не склонны были мириться с перегибами.

Судилище

И вот наступил 1949 год. В. Д. Тарасов, работавший референтом И. М. Зальцмана, 10 апреля записывает в своем дневнике:

²⁶ ОГАЧО, ф. П-124, оп. 1, д. 824, лл. 70–83.

²⁷ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 11, д. 192, лл. 37–40.

²⁸ ОГАЧО, ф. П-124, оп. 1, д. 904, л. 39.

«Вчера с завода пришел очень поздно: готовили материалы Зальцману к его выступлению на активе в министерстве <...>. Наш Зверев Арсентий Мартемьянович написал большое письмо в Москву и оклеветал завод, облил грязью его руководство, хотя в некоторой части я сам присоединяюсь к его высказываниям. Надо признать, что несправедливость подчас даже вопиющая, имеет место у нас на заводе». Уже 20 апреля в дневнике появилась запись о том, что на завод приезжала комиссия из министерства, «проверяли факты, изложенные в письме т. Зверева т. Сталину. Сделаны предварительные выводы, не очень приятного для завода содержания». Итогом всего стало Постановление ЦК ВКП(б) о непартийном поведении И. М. Зальцмана.

Спустя несколько десятилетий, Исаак Моисеевич рассказывал журналисту А. Гервашу о том, как его в июне 1949 г. вызвали в Москву, в Комитет партийного контроля (КПК). Войдя в кабинет заместителя председателя КПК М. Ф. Шкирятова, И. М. Зальцман понял, что дело серьезное. Рядом с другими членами Комитета он увидел секретарей ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова и М. А. Сулова. Шкирятов без предисловий заявил: «В бывшем ленинградском руководстве оказались враги народа. Ты многих знаешь. Поэтому должен помочь нам и написать, что тебе известно об их преступных замыслах и действиях». И. М. Зальцман вспомнил и неприятную для него встречу с Л. П. Берией в 1948 г., который посоветовал ему не общаться с А. А. Кузнецовым. Бывая по делам в ЦК партии, И. М. Зальцман ненадолго заглядывал к А. А. Кузнецову; однажды в коридоре его остановил Л. П. Берия: «К кому это ты ходишь? У кого был?», и, пригласив Зальцмана в кабинет, сказал: «Нашел себе генерала! Хочешь, сниму ему погоны? Хочешь, опять тебя наркомом назначу? Ты это запомни: нечего к нему ходить...»²⁹. А на заседании КПК в 1949 г., тщательно обдумывая каждую фразу, Исаак Моисеевич на нескольких страницах изложил примеры совместной работы в военные годы с лидерами ленинградских коммунистов, не вспомнив ничего из того, что указывало бы на их враждебные действия против партии и советской власти, добавив: «Об этих людях ничего плохого не знаю, можете меня расстрелять, но больше мне сказать нечего».

В челябинском архиве в фонде П-124, оп. 1 хранится дело № 904 под названием «Стенограмма собрания партийного актива по об-

²⁹ Герваш А. Танковый нарком // Труд. 13.10.1988.

суждению постановления ЦК ВКП(б) «Об антипартийном поведении Зальцмана» от 19 июля 1949 г. Внимательно читаем стенограмму и видим, какого свойства выдвигались обвинения директору, в какой форме они звучали. Парторг Орлов начал выступление с того, что снятие Зальцмана с работы признал «безусловно правильным» и убежденно сказал, что «партийный актив сегодня одобрит это решение». В качестве аргументов он назвал грубейшие ошибки в руководстве, нарушения советских законов, «большие нарушения в партийности»: «Зальцман загнил в таком здоровом партийном коллективе, какой мы имеем». Старый большевик Белостоцкий (он учился в школе Лонжюмо, встречался с В. И. Лениным), начальник цеха металлоконструкций: «Зальцман считает, что мы ничто, вроде неполноценной нации, если сравнивать со взглядами фашистов»³⁰.

Проанализировав сам документ, можно выделить причины снятия директора. Во-первых, недовольство рабочих Зальцманом (грубое отношение, «штурмовщина», зажим критики, невыполнение заданий по улучшению жизни рабочих, оскорбления и т. п.). Во-вторых, экономическая проблема. В-третьих, производственная причина (невыполнение заводом плана выпуска тракторов, срыв планов). Нужно сказать, что полностью доверять данному делу мы не можем, так как в нем есть необъективные высказывания и моменты, связанные, например, с личными обидами.

Партийный актив завода осудил поведение своего бывшего директора, предложив исключить его из партии, в которой он состоял с 1928 г.

А далее — по инстанции. В сентябре 1949 г. вопрос о И. М. Зальцмане рассмотрела Комиссия партийного контроля, в результате чего 10 сентября 1949 г. появилась записка М. Ф. Шкирятова, адресованная Г. М. Маленкову, в которой приводился список «прегрешений» И. М. Зальцмана. Это были установленные факты его недостойного поведения (издевательство, хулиганство, оскорбления, унижения, высокомерие, зазнайство и прочее). Его обвинили в том, что «находясь в связях с бывшими ленинградскими руководителями, в 1945 г. он принес Кузнецову А. А. отделанную золотом и драгоценными камнями маршальскую шашку, изготовленную по специальному заказу за счет средств завода»³¹. Непонятно, что

³⁰ ОГАЧО, ф. П-124, оп. 1, д. 904, лл. 42–43.

³¹ М. Ф. Шкирятов – Г. М. Маленкову о «деле Зальцмана». 10.09.1949
[Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org>.

более взволновало в этом факте Комиссию — то, что это подарок А. А. Кузнецову, или то, что за счет заводских средств.

Кроме того, как заявил Попков при допросе, «Зальцман в 1945 г. преподнес ему, Кузнецову А. А. и Капустину золотые часы. За изготовление четырех маршальских шашек и других изделий Кировским заводом было уплачено Златоустовскому заводу 141 тысяча рублей»³².

Особое обвинение касалось также неверной подборки и расстановки кадров — Зальцмана критиковали за покровительство «лицам с еврейскими фамилиями». «Политически бесчестным» посчитала Комиссия и взаимоотношения с Антифашистским еврейским комитетом, хотя Зальцман заявил, что никаких связей с ним не было и никого из этого комитета он не знает. Но Комиссия выяснила, что в 1946 г. Зальцман бывал в Москве у Михоэлса, и к делу была приложена телеграмма: «Уважаемый Соломон Михайлович, Вашу телеграмму получил. С удовольствием помогу театру. Прощу выслать представителя. Благодарю за горячий привет. Сердечно приветствую вас. Жму вашу руку. Зальцман». После чего, «в мае 1946 г. Зальцман отгрузил с завода в адрес Московского еврейского театра 5 вагонов леса, 3 тонны железа, 800 кг красок и другие материалы. Эти факты свидетельствуют о том, что Зальцман был в близких отношениях с Михоэлсом и что-то скрывает от партии»³³.

Опираясь на все вышесказанное, Бюро КПК приняло решение об исключении его из партии.

Вопрос о причинах «падения» И. М. Зальцмана с занимаемых высот не закрыт по сей день. В этом вопросе остается ряд невыясненных моментов. К сожалению, доступ к московским делам возможен только при согласии детей И. М. Зальцмана, а они очень настороженно относятся к тем, кто желает изучить эти документы. И мы их понимаем — столько грязи, пустого очернительства деятельности их отца было за все годы. И они, как дети, имеют право чтить светлую память родного им человека. На причины снятия у них имеются собственные суждения.

О «недовольствах отцом» вспоминает сын Исаака Моисеевича — Леонид Зальцман: «Были и другие недовольные, что особенно проявилось в связи с Ленинградским делом (1949 год). Многие

³² Там же.

³³ Там же.

представители высшего звена в Ленинграде были расстреляны или репрессированы. Были задеты люди и на периферии, особенно те, кто находился в тесном контакте с Ленинградской партийной организацией. В их числе оказался и отец. Сначала на отца оказывалось давление. Угрозами и посулами (предлагали посты вплоть до министра) хотели добиться от него показаний против А. А. Кузнецова. Но отец отказался. Тогда было сфабриковано партийное обвинение. Затем последовали снятие с работы и перевод в генералы запаса, исключение из партии, направление мастером на небольшой завод в город Муром и потом перевод в том же качестве в Орел. При этом отцу не было предъявлено ни одного юридического обвинения!»³⁴

Сам Исаак Моисеевич в некоторых интервью и в своей автобиографии, написанной в мае 1987 г., не обходит стороной вопроса о своей отставке: «В 1949–1955 гг. мне пришлось пережить тяжелое время, я был сурово наказан по партийной линии в связи с так называемым “Ленинградским делом”. Оставаясь депутатом Верховного Совета СССР II-го созыва, это также не коснулось моих званий и правительственных наград. Это был период безответственных решений, вседозволенности, нарушений Устава партии и всякой социалистической законности».

В ходе работы нам встретилось утверждение, что, несмотря на все, что с ним случилось, по прошествии многих лет И. М. Зальцман продолжал с уважением отзываться о Сталине и о стиле его работы, а свою опалу относил за счет интриг сталинского окружения. Хотя в 1980-е гг. в составленной им автобиографии он высказывает свою признательность многим руководителям, но вот фамилии Сталина и Берии в этом списке отсутствуют.

Личность

Теперь же поговорим об Исааке Моисеевиче как о человеке, о личности. Посмотрим на него глазами других людей.

Высказываний о его горячности, непредсказуемости в поступках, грубости — нами в ходе исследования было встречено предостаточно. Говорили, что он был скор на расправу с теми, за кем видел вину. Его горячность проявлялась порой весьма оригинально.

³⁴ Зальцман Л. И. Смелость, честность, человечность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proatom.ru>.

Бывало, соберет директор начальников цехов, производственных служб. Те сидят, ждут. Директор встает со стула, отходит от стола, молча смотрит на всех, а потом вдруг: «Вон из кабинета!»³⁵

Многие приписывали ему манию величия. Достаточно жесткие высказывания последовали на заседании Партийного актива Тракторозаводского райкома партии в августе 1946 г. Секретарь партбюро Цеха топливной аппаратуры по фамилии Донец заявил, что директор мнит из себя вождя, при его появлении на различных собраниях все должны вставать и приветствовать его. В этом же выступлении директора обвинили в том, что вместо решения вопросов строительства домов, он занят личными делами: «вопросами дачи, а на даче коров значительное количество, вопросы рысаков, вопросы отъезда на курорт — надо было организовать на аэродроме прощальный бал»³⁶. Сначала и мы подумали, что возможно, что парторг прав. Но, изучая личную учетную карточку И. М. Зальцмана, хранящуюся в Музее ЧТЗ, мы обнаружили только две записи о том, что Исаак Моисеевич находился в отпусках. Это было в 1946 и в 1948 гг. А в Челябинске И. М. Зальцман работал с 1941 г.! Поэтому, в такой долгожданный отпуск, как нам кажется, можно и нужно было отправляться под звуки оркестра.

Когда на собрании партактива весной 1946 г. И. М. Зальцману «указали на его ошибки», прежде всего, на грубость, то он признал и пообещал исправить их. Впоследствии его «предупреждали» в райкоме, в горкоме, в обкоме партии. Но характер и стиль выковывался годами, да при этом военными годами. И ему было трудно изменить себя.

Прочитав сотни воспоминаний о директоре Кировского завода, мы поняли, как его боялись. Рассказы о его угрозах пистолетом регулярно всплывали перед нами.

Слухи о директоре касались и его национальности. Л. А. Тростенцова в своих воспоминаниях в 1996 г. указывала, что как только прибыл И. М. Зальцман на завод, сразу «снял всех русских с начальствующих должностей и поставил евреев»³⁷.

Обратимся к более надежным источникам, к воспоминаниям тех людей, которые не в пересказах, а на основе собственного

³⁵ Кондратенко А. Король танков [Электронный ресурс].

URL: <http://www.orp.orel.ru>.

³⁶ Борисов В. Г. Голоса из-под земли // Опорный край. 30.08.2001.

³⁷ Материалы В. Г. Борисова о И. М. Зальцмане в Фондах Челябинского государственного краеведческого музея.

мнения говорят о И. М. Зальцмане. Н. С. Патоличев вспоминал в 1970-е гг. о нем осторожно, очень специфически (другим директорам заводов и ключевым фигурам в годы войны дается отдельная подробная характеристика): «Случается, что хорошее иной пытается подгрести под себя, а плохое отталкивать на других. Могу твердо сказать, что на Челябинском не было таких. Разумеется, были и там производственные стычки, особенно на утренних летучках, когда И. М. Зальцман иногда чрезмерно резко критиковал начальников цехов. Однако какой же это был великолепный организатор! Критикуя, он не перекалывал все на их плечи, он многое делал не только в организации производства, но и в налаживании быта рабочих»³⁸.

И. М. Зальцман умел разговаривать с разными людьми: от Верховного Главнокомандующего до рабочего, стоящего у станка.

Ветеран завода В. В. Гусев о своем директоре: «На заводе он знал все до мелочей. Обход по цехам делал один, правда, при оружии, но без сопровождающих. В любое время мог оказаться в самой отдаленной точке завода и по-простецки поговорить с рабочими, получить от них нужную информацию. <...> На его плечах лежало не только огромное производство, но и вопросы быта»³⁹.

Ради выполнения производственного задания директор проявлял чудеса изобретательности и находчивости. С. Шулькин описал несколько таких эпизодов, чему был свидетелем. Когда в очередной раз потребовали дать дополнительно какое-то количество танков, а резервы были исчерпаны, Зальцман пришел в сборочный цех и поставил в конце конвейера ящик с маслом, сказав, что та бригада, которая соберет последний танк, получит этот ящик. «Стоит ли говорить, как рвались к этому последнему танку рабочие». В другой раз, когда из-за массовых заболеваний остановился один из сборочных конвейеров, Зальцман приказал вызвать пожарную команду. Когда они прибыли со словами: «Где горит, товарищ генерал?», то он ответил: «План горит, всю команду на конвейер!»⁴⁰. С. Шулькин поясняет, какой это был риск, потому что случись в это время настоящий пожар, особенно на военном объекте, даже Зальцману пришлось бы туго.

Зальцман был очень разным: мог снять с должности и назначить бригадиром грузчиков начальника УКСа за то, что тот воз-

³⁸ Патоличев Н. С. Цит. соч.

³⁹ Попов Л. А. Годы, опаленные войной. Челябинск: Книга, 2011.

⁴⁰ Шулькин С. Броня крепка [Электронный ресурс].

URL: <http://thefireofthewar.ru>.

ражал против переброски 100 рабочих на уборку стружки. Мог щедрой рукой платить футболистам заводской команды за каждый забитый гол. И в то же время проигнорировать просьбу администрации цеха поощрить при уходе на пенсию отработавшего 47 лет на Кировском заводе рабочего⁴¹.

И. М. Зальцман обладал хорошим чувством юмора, умел разрядить обстановку. Вспоминает ветеран завода: «Вскоре после Победы танкоградцы-ленинградцы засобирались домой. Но теперь Родине понадобились тракторы, и отпускать людей запрещали. На заводе возник стихийный митинг, страсти кипели нешуточные. Слово взял директор:

— Жилые дома строим?

— Да!

— Театр построили?

— Построили!

— Стадион?

— Да!

— Хотите, я вам Исаакиевский собор построю?!

Раздался дружный хохот. Затем договорились, что уезжать ленинградцы станут постепенно, подготовив себе замену. Никого после митинга не арестовали — директор не позволил⁴².

Любил Исаак Моисеевич произвести эффект на окружающих. Рассказывают историю о том, как находясь в ссылке в Муроме, опальный Зальцман, который, кстати, пришелся ко двору новому коллективу, приходил в выходной день в парадной форме в городской ресторан и заказывал три стопки по сто грамм: за Героя Зальцмана, за генерала Зальцмана и за наркома Зальцмана⁴³.

Известно, что незадолго до своей смерти в 1988 г. Исаак Моисеевич попросил своих детей сделать так, чтобы на его могильной плите обязательно были изображены: проходная Кировского завода, где он начинал работать мастером, заводская труба, определившая его судьбу, и танки, сделавшие на весь мир известной фамилию Зальцман. Дети постарались выполнить просьбу отца. Умер Исаак Моисеевич Зальцман 17 июля 1988 г.

⁴¹ Кондратенко А. Король танков [Электронный ресурс].

URL: <http://www.orp.orel.ru>.

⁴² Арсенина И. Исаак Зальцман – властный и страстный [Электронный ресурс].

URL: <http://www.mediazavod.ru>.

⁴³ Сергийчук В. Три по сто за Исаака Зальцмана [Электронный ресурс].

URL: <http://www.ostrovforum.net>.

Память

Каким же удивительным оказался герой нашего исследования! Все у него было непросто... Так же обстоит дело и с памятью об этом человеке. Мировой «король танков», «российский Форд» — его имя известно за рубежом. А у себя дома, на родине, он на долгие годы был забыт. Сначала секретность производства, затем снятие с работы, исключение из партии и последовавшее за ними забвение. Мы пытались найти книги о нем — и нашли только две. Мы пытались найти его имя в фильмах, ведь тема Великой войны в советские годы всегда была актуальна, — чаще всего это короткие эпизоды. В киноэпопее «Блокада» (режиссер М. Ершов) показан Кировский завод, нашлось место нашему герою и даже называется его фамилия. Но это лишь эпизоды.

В 2003 г. режиссером В. Огородниковым был снят художественный фильм на военную тему «Красное небо. Черный снег». Уральская общественность не смогла принять этот фильм из-за многочисленных искажений действительности: «Фамилия Зальцман, хорошо известная каждому челябинскому труженику тыла, здесь неуместна. Директор завода показан каким-то маленьким, вертлявым, запуганным, загнанным в пятый угол»⁴⁴.

Российские режиссеры не обошли стороной и послевоенную судьбу И. М. Зальцмана. В 1961 г. режиссером В. Басовым был снят фильм «Битва в пути», в котором противопоставляются линии двух людей: директора «сталинской закалки» Семена Вальгана (прообразом которого стал И. М. Зальцман) и главного инженера Дмитрия Бахирева. В основу фильма легли послевоенные события на ЧКЗ, снятие директора. Время «оттепели» было удачным для критики сталинских директоров.

В 1984 г. режиссерами П. Коганом и П. Мостовым был снят по роману И. Герасимова многосерийный фильм «Предел возможного», в котором И. М. Зальцман стал прообразом главного героя. Ему даже инициалы сохранили и в фильме зовут Игнат Матвеевич Ремез. Нам понравилась игра актера Виталия Соломина, которому вполне удалось образ директора и его характер. Но исторические события показаны весьма приближенно к действительности, и линия жизни Исаака Моисеевича показана, можно сказать, пунктирно.

⁴⁴ Белозерцев А. Глумление: Какую правду о войне показывает «Красное небо»? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sovross.ru>.

Документальное кино также не баловало героя нашего исследования, ограничиваясь эпизодическими обращениями к его биографии и делам. Единственным исключением можно назвать посвященный персонально И. М. Зальцману фильм Льва Лурье, созданный на Санкт-Петербургской студии телевидения.

А что же Челябинск? Как в нашем городе сохранена память о легендарном человеке, который прожил здесь около восьми лет и успел так много сделать для него?

Во-первых, его всегда помнили и помнят люди, которым довелось знать его. Со многими жителями Челябинска он продолжал дружить и после отъезда, например, с Е. В. Мамонтовым, прошедшим путь от конструктора до главного инженера ЧТЗ, бывшего секретарем Челябинского горкома и обкома КПСС. За высоченный рост и гремучий бас И. М. Зальцман любовно называл Евгения Васильевича «Мамонтом». Челябинцы навещали своего бывшего директора в Ленинграде — это были его сослуживцы и друзья, журналисты, краеведы, даже представители поисковых отрядов школьников, как, например ученики 107-й школы в 1983 г. Сам Исаак Моисеевич в одном из писем писал: «Очень надеюсь, что до смерти смогу еще повидать Челябинск, славный Танкоград»⁴⁵.

Но, как сказала дочь Исаака Моисеевича Татьяна: «Он не мог себе позволить приехать в Челябинск по частному приглашению, он ждал приглашения от завода, но так и не дождался...»⁴⁶

Оказалось, что покинув город в 1949 г., он покинул его навсегда. Его имя в Челябинске долго оставалось известным, хотя многие люди произносили его шепотом. Заводчане не приглашали его на юбилеи, удалялось упоминание его фамилии из книг, журнальных и газетных статей (за редким исключением), заменялось словом «директор». Вместе с тем, отношение челябинцев к Исааку Моисеевичу было разным: жители города им восхищались и возмущались одновременно, но, как нам кажется, все без исключения понимали, что это Личность.

В эпоху гласности имя И. М. Зальцмана осторожно стало появляться на страницах челябинских газет. Иногда этому сопутствовали горячие споры. Большинство ветеранов завода горой встали за своего директора, и это говорит само за себя.

⁴⁵ Командармы индустрии: Архив южноуральского журналиста: В 3 кн. Кн. 1. М.: Дело, 2004.

⁴⁶ Штанько-Зальцман Т. И. На всю оставшуюся жизнь // Городской романс: Сборник. Челябинск: ЮУКИ, 1996. С. 192.

Первым официальным памятным знаком И. М. Зальцману в Челябинске стала мемориальная доска, открытая в 1995 г. на здании заводоуправления ЧТЗ. На открытии был сын Исаака Моисеевича — Леонид. Все присутствующие прослушали звуковое приветствие челябинцам, записанное И. М. Зальцманом к 50-летию завода в 1983 г. В фондах нашего школьного музея «Наследие» хранится аудиокассета, которую мы, раздобыв старый магнитофон, полностью расшифровали. С каким теплом о бывшем директоре говорили те, кому выпала возможность общаться с ним. И вспоминали они о нем в официальной обстановке впервые с 1949 г.!

В 2007 г. на окраине города в микрорайоне Чурилово появилась улица, носящая его имя, а вот на доме, в котором он жил, нет даже памятной доски.

Некоторые материалы можно увидеть в музеях города: в Музее ЧТЗ; в музее «Наследие» нашей школы (руководитель С. В. Нефедова) хранятся документы и фотографии, воспоминания ветеранов завода, газетные статьи, аудиозаписи. Об этих документах мечтали многие — и Музей ЧТЗ, и Государственный архив, и Краеведческий музей... Но решение Ефима Григорьевича, годами формировавшего этот комплекс документов, было непреклонным, и мы ценим его решение, стараемся, чтобы об этих уникальных материалах узнало как можно больше челябинцев.

В ГУ ОГАЧО также можно познакомиться с целым пластом документов и фотографий, а также с личными вещами И. М. Зальцмана — сотрудники архива бережно хранят генеральские погоны, часы, записную книжку и удостоверение начальника участка.

Своеобразной памятью, но не персонифицированной, можно считать памятник на Комсомольской площади нашего города — на высоком постаменте стоит танк ИС-3, созданный в то время, когда директором завода был Исаак Моисеевич. И надпись на постаменте: «Уральцы — вам, чьи руки золотые, ковали здесь Победу над врагом» в полной мере можно отнести к герою нашего исследования. Памятью об И. М. Зальцмане можно считать и выставку военной техники в Саду Победы, расположенном в Тракторозаводском районе города Челябинска. Многие экспонаты, находящиеся на выставке, сделаны заводчанами в грозное военное время.

Челябинские пенсионеры, идущие отдохнуть и погулять в парк имени В. Н. Терешковой, по привычке зовут его «Зальцмановский сад», и, возможно, проходя мимо гипсовых скульптур или знаменитых решеток-ограждений, сохранившихся с того времени, так

же вспоминают легендарного директора, подарившего горожанам этот парк.

В 2006 г. И. М. Зальцман был выдвинут на народную премию «Светлое прошлое», которая ежегодно вручается Фондом известного барда О. Митяева знаменитым челябинцам, тем, кто прославил Челябинскую область в стране и за рубежом. Правда, самому Исааку Моисеевичу получить ее не удалось, за него это сделала дочь Татьяна Исааковна.

К 70-летию Победы, с апреля 2015 г. в городе появились автобусы, троллейбусы, трамваи, на которых были изображены выдающиеся земляки, чьими усилиями приближалась великая Победа. Информацию для транспортников, как мы выяснили, готовили сотрудники областного архива. В том числе там был и портрет И. М. Зальцмана. Подобный портрет поместили и на школьных тетрадях.

* * *

Итак, в ходе нашего пятилетнего исследования мы попытались на основе разнообразных источников собрать воедино факты из биографии И. М. Зальцмана, относящиеся к периоду жизни в городе Челябинске. Исаак Моисеевич, обладая незаурядными способностями и организаторским талантом, смог объединить тысячи людей трудившихся бок о бок (по разным оценкам в годы войны на заводе работало 75–80 тыс. человек более чем 50 национальностей), прибывших на Урал из разных мест (Ленинградский Кировский, харьковские дизелестроительный и станкостроительный заводы, московские заводы «Красный пролетарий» и шлифовальных станков, цехи завода «Динамо», Воронежский завод резинопаронитовых изделий и часть Сталинградского тракторного завода).

Но также мы установили и тот факт, что его жесткие методы управления, которые годились для экстремальной военной ситуации, в мирное время не срабатывали, что ускорило отставку в 1949 г. Начался период «падений»: причиной тому стал целый комплекс проблем. Это и неудачи в производственной деятельности, проблема личностных взаимоотношений, политическая конъюнктура.

Наиболее трудной для нас стала глава, рассказывающая о личности Исаака Моисеевича. Его так трудно «уловить», понять, сфор-

мировать четкое о нем представление как у нас самих, так и у тех, кто будет знакомиться с нашей работой...

Во многих статьях, посвященных И. М. Зальцману, приводят слова, сказанные советской писательницей Мариэттой Шагинян: «Зальцман — бархатный орешек с металлом внутри». Какая емкая характеристика! Мы тоже не раз задумывались, изучая его фотографии, о том, как не сочетается его внешний вид с характером, делами и поступками. На снимках — улыбчивый, обаятельный, трогательный, в жизни — волевой, жесткий, порой доходящий до жестокости, ради достижения цели идущий на все. Таков наш герой.

Протоиерей Георгий Эдельштейн и советская религиозная политика

Александр Филиппов

лицей № 1, г. Волгореченск, Костромская область
научный руководитель Денис Леонидович Лапин

Протоиерей Георгий Михайлович Эдельштейн родился 20 июля 1932 г. в семье с русскими, еврейскими и польскими корнями. В возрасте около 20 лет принял крещение в Русской православной церкви. В 1965 г. Эдельштейн, будучи еще мирянином и аспирантом Московского областного педагогического института, участвовал в редакции текста открытого письма Патриарху Алексию I, которое подробно рисовало картину противозаконного подавления органами государственной власти СССР прав и свобод верующих. После создания в 1976 г. Московской Хельсинкской группы, стал одним из ее членов.

Георгий Эдельштейн долго добивался рукоположения, и лишь 24 ноября 1979 г. был рукоположен в сан священника, после чего решением управляющего Курской и Белгородской епархией Хризостома назначен настоятелем церкви Иоанна Богослова в село Коровино Волоконовского района. С 1992 года — настоятель храма Воскресения Христова в селе Карабаново Костромской области; снят с этой должности в конце 2015 г. по причине преклонного возраста и состояния здоровья.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХРАМА В КАРАБАНОВО

Примерно в 1991 г. отец Георгий Эдельштейн побывал у своих друзей в Соединенных Штатах. В Вашингтоне его пригласили в одну протестантскую общину — это была церковь методистов. Члены общины сообщили, что хотят помочь восстанавливать православные храмы в России и готовы оказать финансовую поддержку в размере 30 тыс. долларов. С этого момента, воодушевившись поддержкой американских методистов, отец Георгий стал искать храм, нуждающийся в восстановлении. Хотел поехать в Кадынский район — там, на берегу Волги, есть место, где жил отец Андрея Тарковского — Арсений. В этом месте отец Георгий и хотел изначально восстановить храм, однако отказался от этой идеи. Прежде всего, потому, что материал для строительства достать в непосредственной

близости было трудно, а привезти из Костромы было делом более чем сложным. В итоге он пришел к правящему архиерею, Владыке Александру, ныне митрополиту, и попросил благословения восстановить какой-нибудь разрушенный храм в епархии.

Владыка предложил ему выбрать любой из пятидесяти, нуждающихся в возрождении. В итоге отцом Георгием был выбран храм в деревне Карабаново, и этот выбор стал неслучайным, как выяснилось потом. В деревне Иконниково, которая находится недалеко от Карабаново, жил некий Борис Волин, отец которого, Павел, этот храм закрывал и разорял. А иконы из храма он принес домой и колот их на лучины, для растопки печи. Бабки из Карабановского храма просили его: «Пашка, отдай нам иконы!» А он отвечал им: «Нет! Нечего распространять темноту и невежество! Из этих икон я буду делать улы для пчел! Из этих ваших поганых икон!»

В итоге Павел храм закрыл, а его сын решил папины безобразия загладить. Несколько раз ездил в Москву в Совет по делам религий и, наконец, добился разрешения на восстановление храма. Но разрешение есть, а храма нет: три стены без окон и крыши. Северная стена отсутствует, потому что в здании какое-то время была тракторная мастерская, и чтобы трактор мог въехать в помещение, стену сокрушили. Но тракторная мастерская не самое страшное. В конце 80-х гг. в храме был склад минеральных удобрений: их был избыток, и ценные удобрения свалили сюда. Храм открыт, крыши нет. Снег и дождь — все попадало на удобрения. В итоге на полу образовалась зловонная жижа. Приехав сюда, в магазине о. Георгий встретил местных бабушек. Предложил им вместе зайти в храм.

— А ты, батюшка, там был?

— Нет, не был. Пойдемте вместе?

— Нет, батюшка, не пойдем. Ты туда раза четыре зайдешь — сапоги развалятся!

Отец Георгий зашел в то, что осталось от храма. Действительно, — зеленое вонючее болото. Он достал элитон, достал полотенце, расстелил его на подоконнике, положил на полотенце крест и Евангелие, спел Пасхальный канон: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его».

Пришло время начинать восстановление, но обещанных денег методисты не выслали. Рассчитывая на эти деньги, отец Георгий занял тысячу, потом другую. Третью ему уже не дали, потребовали отдать сначала те две...

К счастью, приехали его друзья из Норвегии, жившие недалеко от Костромской епархии, и примерно дней десять работали — помогли отцу Георгию начать восстановительные работы. Уехали, и через месяц прислали ему сумму денег, которая позволила священнику рассчитаться с долгами, починить своды и сделать кровлю.

Кирпич в колоннах, удерживающих своды, рассыпался в пыль — так на него действовали вредные удобрения. Батюшку предупредили: будешь восстанавливать своды, которые ни на чем не держатся, — рухнет на тебя.

Ну, рухнет, так рухнет... Сварили каркасы для столбов из металла, залили их бетоном — ничего не упало. Очистили храм от грязи, восстановили северную стену, сделали кровлю. Вонь от удобрений стояла года три. Сейчас, вроде бы, зловонный запах исчез.

Примерно за три года здание храма было восстановлено. Отец Георгий был горд, что положили кирпичи на место... Но потом он быстро понял, что класть кирпичи на место намного проще, чем восстанавливать человеческие души. Первый урок в этой связи был для него таким: приезжают его друзья норвежцы, утром по обыкновению читают из Библии. Среди них — лютеранский священник, он после чтения рассказывает что-то. И только после этого они приступают к работе. Бабушки спрашивали о Георгия: «Чего это читают?» Отвечает им: «Библию читают». Они еще интересуются: «А этот чего им рассказывает?» Говорит: «Проповедь читает, разъясняет прочитанное в Библии». Бабушки в недоумении: «Батюшка! Так ты же говорил, что они по-русски не понимают?!» «Так вы и сами видите, — не понимают». Бабушки продолжают: «Так как же они Библию читают?! Она же по-русски написана!» Они были твердо уверены, что Иисус Христос — наш, российский мужик, и что Библия существует только на русском языке, так, стало быть те, кто русского не понимают, и Библию читать не могут.

В конце концов, деньги норвежских друзей отца Георгия закончились, а работа еще не была закончена. Потихоньку продолжали укладывать кровлю.

В какой-то момент появился человек. Он сидел на лавочке перед храмом и наблюдал, как рабочие затаскивали наверх огромное бревно. А это бревно необходимо затащить наверх во что бы то ни стало. Специальной техники, разумеется, нет, потому что нет денег. Мужчина видит, что происходит, и вдруг кричит по-английски: «Так нельзя! Вы неправильно делаете, бревно может сорваться вниз и перебить стоящих внизу!» Затащили бревно — ничего

страшного не произошло. Так как отец Георгий был единственным из всех, кто понимал по-английски, объяснил ему: «Взять подъемный кран негде, да если и возьму, то нет денег, чтобы оплатить его аренду». Они разговорились, оказалось, что приезжий — инженер-строитель, баптист по вероисповеданию.

Так он сидел на лавочке в течение четырех дней, приезжая каждый раз из города и наблюдая за тем, как люди работают. А потом подошел к батюшке снова и сказал, что хочет работать в детской колонии близ Васильевского шоссе, как работал некогда в Канаде, — читать и объяснять Библию малолетним заключенным. Как выяснилось, в Москве ему подсказали, что в Карабаново есть священник, который хорошо знает английский, поэтому он и приехал и предложил: «Давайте мы днем будем работать в Карабаново, а ночью — здесь. Я буду читать и говорить, а Вы станете переводить».

Тогда отец Георгий познакомил его с начальником колонии Сорокиным, сказал, что человек хочет быть полезным, но по-русски при этом не говорит. В итоге этому баптисту, конечно, запретили просвещенческую деятельность такого рода. Он еще пару дней посидел у храма в Карабаново, потом достал кошелек и извлек оттуда столько же денег, сколько в прошлый раз прислали норвежцы. После этого он исчез и больше никогда не появлялся. Отец Георгий говорит, что «до сих пор не знает, кто он и откуда взялся, но этот человек оказался одним из тех, кто помог достроить храм».

Прошло два года. Зимний храм был восстановлен, но осталась необходимость восстановить и летний.

Добрый знакомый отца Георгия, директор Кестонского института Лоуренс Юззелл, путешествовал на теплоходе по Волге. Миновав несколько городов и увидев, что его спутники немного устали от однообразия видов вокруг, он предложил им сойти на берег в Костроме: «Сойдем здесь, я отвезу вас в сельский храм, и вы своими глазами сможете посмотреть, как живет сельский священник». Вместе с ним почти вся группа путешественников приехала в Карабаново, и среди этой группы был невысокого роста человек, который, по словам отца Георгия, совершенно извел его своими бесконечными вопросами. Он спросил у Ларри, кто это такой, оказалось, что католический священник из Ирландии.

Пробыв в Карабанове полдня, путешественники уехали. Позже этот священник помог общине деньгами, на которые она смогла восстановить летнюю часть храма. С отцом Георгием у него завязалась дружба и они не раз бывали друг у друга в гостях, а студенты

из Московского педагогического университета бывали у него в Ирландии, принимали там участие в археологических экспедициях. К сожалению, его уже нет в живых.

Удивительно, но таким образом на деньги норвежских лютеран, канадского баптиста и католического падре был восстановлен православный храм во имя Воскресения Христова в селе Карабаново.

А что же обещанные деньги американских методистов? Они интересовались тем, что происходит. Пообещали один раз, пообещали другой, прислали своего эмиссара, который осматривал окрестности. Но до сегодняшнего дня денег они отцу Георгию так и не прислали. Вместе с тем батюшка им и очень благодарен — по его словам, «если бы не их обещание, я бы никогда не решился с совершенно пустыми карманами начать восстановление храма. Именно они дали мне веру в успех моего предприятия»¹.

СОВЕТСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В 1960-е гг. И ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПАТРИАРХУ АЛЕКСИЮ I

Антицерковный курс, заявленный и неукоснительно проводимый в период правления Н. С. Хрущева, был продолжен людьми, отстранившими его от власти. Конечно, крайности этого курса были смягчены. Откровенный и жестокий пропагандистский и административный нажим на Церковь не укладывался в стратегию послехрущевской «номенклатурной стабилизации». Вместе с политическим режимом должны были стабилизироваться и государственно-церковные отношения, причем на условиях, выгодных власти. Новое советское руководство не собиралось отказываться от завоеваний своей «церковной реформы». Поэтому так много сил было потрачено на то, чтобы не допустить обсуждения вопроса о последствиях «церковной реформы» на Поместном Соборе 1971 г. Курс на изоляцию Церкви, на уменьшение ее влияния был в этот период доминирующим. По сути, власть от открытого, агрессивного противоборства перешла к скрытому, но от этого не менее разрушительному противостоянию.

Власти вели пристальный контроль за влиянием Церкви на верующих через богослужения. Как правило, это касалось тех богослужений, на которых собиралось самое большое количество молящихся — праздников Пасхи, Рождества Христова, дней поминовения усопших. О проведении праздничных богослужений в эти дни,

¹ Алексеев И. Честный свидетель // Хлеб жизни. 2016. № 2. С. 10–23.

количестве прихожан, наличии среди них детей и молодежи, фактах нарушения законодательства о культах чиновники составляли подробные отчеты. Для слежки за верующими в храмах находились специальные осведомители, в задачу которых в первую очередь входило следить, есть ли среди прихожан молодые люди, дети, члены коммунистической партии, а также следить за содержанием проповедей. Приведем свидетельство одного из таких людей, притянутого партийным руководством к выполнению подобных обязанностей, в настоящее время уже верующего православного христианина В. Д. Яблочкина: «После окончания школы при поступлении в институт в характеристике моей значилось: антирелигиозный пропагандист. Заведующий оргметодотделом Князев сообщил, что мы будем работать в комиссии по делам Православной Церкви. В наши обязанности входит: посещение храмов, идеологический анализ церковных проповедей и контроль по регистрационным корешкам вероятности участия в церковных Таинствах членов КПСС...»²

На Пасху вокруг храмов устанавливались милицейские оцепления, формально, конечно, для недопущения правонарушений и для охраны верующих. Но очень часто под предлогом охраны общественного порядка милиционерам давался приказ не пропускать на богослужения молодежь. По словам профессора Московской духовной академии А. К. Светозарского, «чтобы войти перед началом пасхальной службы в храм, нужно было обмануть так называемых дружинников — это были не дружинники, а работники райкома комсомола. Я запомнил в один год, что у них были особые комсомольские значки с золотой веточкой, так называемый “ленинский значок”. Мимо них надо было идти твердым шагом, делая вид, что ты идешь мимо храма, и прямо у ограды резко свернуть в ворота и пройти. Надо сказать, что это удавалось, а на территории они уже не хозяйничали. В храме однозначно не подходили, а во дворе начинали брехать: “Мы вас дождемся”. Но они не дожидались — у них потом было другое мероприятие»³.

Важной датой стало 21 ноября 1965 года, когда московский священник Николай Эшлиман и дмитровский священник Глеб Якунин направили Открытое письмо Святейшему Патриарху Алексию I.

² Яблочкин В. Д. Мой путь к Богу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russdom.ru/node/1832>.

³ Это было небо на земле: Воспоминания прот. Максима Козлова и проф. Алексея Светозарского о праздновании Пасхи в советское время [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/print38201.htm>.

Оно было написано в результате продолжительной работы большой группы людей. Первоначальный, очень краткий вариант подготовил писатель Анатолий Краснов-Левитин. Он был существенно переработан и расширен о. Николаем Эшлиманом при участии Георгия Эдельштейна. По словам последнего, «сначала идея была крайне неопределенна, но вскоре выяснилось, что в Москве подобную идею поддерживают, как минимум, 10–15 священников. Первоначальный вариант предполагался небольшим — страниц 5–6. Потом подумали и решили, что нужно страниц 20, чтобы изложить подробно суть дела»⁴. Эта рукопись составила основу первой части окончательного варианта, над которым еще несколько месяцев работали миряне Феликс Карелин, Лев Регельсон и Виктор Капитанчук. Заслуга подписавших данный документ священников заключается, прежде всего, в том, что они поставили свои подписи и отказались в дальнейшем снять их, несмотря на оказываемое давление. Сначала предполагалось, что это будет совместное письмо епископов, священников и возможно нескольких диаконов (мирян не хотели включать) — своего рода соборное обращение к Патриарху. Но затем почти все из 15–20 выразивших предварительное согласие священнослужителей отказались дать свои подписи. Первоначально предполагалось, что документ подпишет и архиепископ Гермоген Голубев.

Письмо было размножено в 100 экземплярах и разослано всем правящим архиереям Московской Патриархии. И некоторые из них, например, митрополит Суражский Антоний (Блюм) прислали одобрительные телеграммы. А 15 декабря они направили копии письма председателю Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному, председателю Совета министров СССР А. Н. Косыгину и генеральному прокурору СССР Руденко. Уже в начале 1966 г. Открытое письмо было переведено на несколько иностранных языков, транслировалось по радио, в том числе и в СССР. Тема гонений на Церковь в Советском Союзе с тех пор стала одной из дежурных в западных публикациях, хотя, конечно, на Западе хорошо знали о них и ранее⁵.

Обращение затрагивало ряд вопросов:

— о незаконных действиях руководителей и уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, преступно нарушающих основные законодательные установления советской вла-

⁴ Интервью протоиерея Георгия Эдельштейна, записанное автором работы 20.12.2015 (см. Приложение).

⁵ Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. М.: Изд-во Срегенского монастыря, 2008. С. 512–513.

сти, определяющие отношение советского государства к Церкви; о насильственном закрытии храмов в 1959–1964 гг.;

— о неправомерном вмешательстве представителей государственной власти во внутрицерковную жизнь: «...за период с 1957 по 1964 гг., под личным давлением Хрущева, допустившего “субъективизм и администрирование в руководстве”, впоследствии осужденные Коммунистической Партией и Советским правительством, Совет по делам Русской Православной Церкви коренным образом изменил свою природу, превратившись из официального органа-посредника в орган неофициального и незаконного управления Московской Патриархией. Ныне в Русской Церкви создано такое положение, при котором ни одна сторона церковной жизни не свободна от активного административного вмешательства со стороны Совета по делам РПЦ, его уполномоченных и местных органов власти, вмешательства, направленного на разрушение Церкви!»⁶ Достаточно сказать, что правящий епископ в своей епархии не мог назначить настоятеля прихода без одобрения местного представителя Совета по делам религий⁷;

— о том, что Церковь теперь не соборная, ведь если епархия не избирает епископа, то он не может ее представлять, — что было написано именно под влиянием владыки Гермогена. В 1970-х годах Глеб Якунин будет сожалеть о том, что они обратились к нему за помощью, характеризуя его как человека мягкого, постоянно ищущего компромиссов, поэтому нужно было сделать упор на архиепископа Павла (Гольшева), как человека более твердых убеждений⁸.

24 декабря 1965 г. Патриарх Алексей подписал резолюцию об Открытом письме, коей поручалось преосвященному митрополиту Крутицкому Пимену указать составителям на незаконность и порочность их действий, направленных на соблазн Церкви, и на соответствующем докладе преосвященного иметь о священниках Николае Эшлимане и Глебе Якунине «особое суждение».

В мае 1966 г. митрополит Крутицкий Пимен вызвал к себе авторы нашумевших документов. Вскоре оба были запрещены в свя-

⁶ Открытое письмо Святейшему Патриарху священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М.: Профили, 1995. С. 54–60.

⁷ Справка о регистрации духовенства от 23 мая 1961 года № 14.

⁸ Интервью протоиерея Георгия Эдельштейна, записанное автором работы 20.12.2015 (см. Приложение).

ценнослужении впредь до раскаяния. Тогда священник Николай Эшлиман распространил второе письмо, которое содержало причины отказа от покаяния (по словам отца Николая, от них требовали раскаяния не в нарушении церковной дисциплины, а в «очернительстве советской действительности»). Тон объяснения был резким, но не «развязным». Всем было ясно, что не Святейший Патриарх и не митрополит Пимен требовали покаяния.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИНТЕРВЬЮ ПРОТОИЕРЕЯ ГЕОРГИЯ ЭДЕЛЬШТЕЙНА, ЗАПИСАННОЕ АВТОРОМ РАБОТЫ 20 ДЕКАБРЯ 2015 ГОДА

— *Кем Вы были на момент создания Открытого письма Святейшему Патриарху Алексию I?*

— Я был простым алтарником у отца Николая Эшлимана, когда он еще служил около станции Монино в селе Богородское. Кроме того, я одновременно учился и в аспирантуре. На момент нашего знакомства мне было 31–32 года. В свое время я прочитал в одном из церковных журналов проповеди отца Александра Меня и с тех пор желал с ним познакомиться. В конце концов, мне это удалось сделать через нашего общего знакомого — врача-психиатра Анатолия Добровича. Таким же образом познакомился я и с отцом Николаем Эшлиманом, причем с ним у меня установились довольно серьезные отношения, он для меня был духовным отцом, наставником, всегда я обращался к нему на «Вы», тогда как с Александром Менем сложились отношения скорее дружеские, неформальные, мы легко общались и на «ты».

— *Какие мотивы подвигли Вас к участию в создании этого письма? Какие мотивы, Вы считаете, двигали другими авторами письма?*

— Отец Николай Эшлиман чуть ли не с первой нашей встречи говорил о том, что Церковь находится в неравноправном положении, в неконституционном пространстве. Ведь официально по Конституции СССР Церковь была отделена от государства, а на деле оно постоянно вмешивалось в ее дела, ограничивая свободу религии, а церковное начальство, Святейший Патриарх и Синод РПЦ, к сожалению, не препятствуют этому незаконному процессу.
<...>

Отец Николай хотел собрать группу единомышленников, чтобы написать открытое письмо к Святейшему Патриарху и Синоду.
<...> Отец Николай тогда уже служил недалеко от Москвы в Греб-

нево, в Подмоскowie. И вот однажды прибежал рыжий, всклокоченный Глеб Якунин, с каким-то огромным желтым чемоданом (помнится, он носил в нем все подряд — даже и белье, и веники для бани), и сказал, что в нем имеются какие-то секретные документы. После долгой, примерно трехчасовой беседы с отцом Николаем Глеб опять прибежал, взял свой чемодан и пошел на электричку <...> Затем отец Николай обратился ко мне и прочитал мне текст письма, попросив не говорить об этом Глебу. Прочитав письмо, он спросил, каково мое мнение — я ответил, что писал его, скорее всего, Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин, долгое время принадлежавший к обновленцам. Отец Глеб говорил, что действовать нужно быстро и решительно, опубликовав письмо до Пасхи. Однако я рекомендовал отцу Николаю, что в данном виде документ ему подписывать не стоит, с чем тот и согласился. Дополнительно я сказал, что в случае необходимости я готов помочь в написании новой редакции Письма, но быть при этом только техническим исполнителем. Дня через 2–3 мы поехали на ул. Пушкинская (сейчас Большая Дмитровка), где было единственное в Москве место продажи печатных машинок. Отец Николай приобрел самую дорогую модель, затем все поехали к нему домой, где создали несколько копий Письма.

Подписали Письмо в новой редакции священники Николай Эшлиман и Глеб Якунин. Предполагалось, что свои подписи поставят и другие священнослужители — прежде всего, Александр Мень, Николай Ведерников, Владимир Рожков и владыка Гермоген (Голубев), митрополит Волгоградский — однако затем они все отказались сделать это.

Надо сказать, что владыка Гермоген с глубоким уважением относился к Святейшему Патриарху Алексию, и написал ему свое письмо, однако в конфиденциальном виде, не публикуя текст, как это сделали Глеб Якунин и Николай Эшлиман.

— *Каков Ваш вклад в создание этого документа?*

— Я не его создатель — скорее, я всего лишь технический исполнитель. Причем редактировал я не больше трети всего текста. Кроме того, именно я убедил отца Николая Эшлимана в том, что Письмо должно быть авторским, тогда как отец Александр Мень считал, что оно должно быть анонимным или, по крайней мере, быть подписанным под чужими именами. Вообще данное Открытое письмо — первый открытый документ правозащитного толка в СССР.

— Отец Георгий, раз Вы участвовали в редакции текста Открытого письма, почему Вы его не подписали? Потому, что Вы не имели священнического сана, или потому, что Вас пытались уберечь?

— Нет, меня не пытались уберечь, ведь я сам настаивал на том, что подписывать текст Открытого письма должны лишь священники, тогда как я на тот момент священнического сана еще не имел.

— Как Вы могли бы охарактеризовать священника Николая Эшлимана?

— Отец Николай был очень близким другом с отцом Александром Менем, несмотря на то, что во многом они были совсем разными людьми. Отец Александр восхищался «вдохновением» о. Николая, говоря, что, несмотря на все его способности проповедника, он не идет с Николаем ни в какое сравнение. Отец Александр был размерен, строг, логичен, последователен, тогда как отец Николай за 5 минут до проповеди не знал, о чем будет говорить, но затем он становился словно соловей, завораживая всех глубиной своей проповеди. Отец Александр ни на минуту не ошибался в своей службе, проповеди, отец же Николай, служа, забывал обо всем на свете, полностью погружаясь в Богослужение — вдохновение захватывало его всего. Даже на каждом отпевании у него была своя новая проповедь.

Отец Николай был, конечно, настоящим священником. К примеру, он мог ехать в вагоне и, увидев цыган, подойти к ним и всю дорогу свидетельствовать им о Христе.

Умер отец Николай, когда я уже был рукоположен в священники. Отпевали его, как ни странно, по чину как простого мирянина — то было указание Святейшего Патриарха, которому, в свою очередь, приказали из Совета по делам религий. Но отец Владимир Рожков затем подошел ко мне и сказал, что нужно отпеть его как священника — что я и сделал с двумя певчими. На могиле отца Николая около полугода даже не было креста, так что нам пришлось его раздобыть и поставить крест на могиле.

<...>

— Почему так предсказуемо повело себя руководство РПЦ в отношении авторов документа? Не был ли здесь применен принцип «Бей своих, чтобы чужие боялись» или церковная верхушка имели какие-то свои соображения?

— Руководство РПЦ не воспринимало в принципе инициативу и, тем более, критику «снизу». Но самое страшное, что, по-моему,

было во время и хрущевских, и брежневских гонений — это архиерейский собор 1961 года, когда в день памяти преподобного Сергия Радонежского после Литургии всех архиереев направили на собрание, в ходе которого был изменен Устав РПЦ от 1945 года. <...> По сути, Церковь пошла на сотрудничество с государством...

— *И напоследок, скажите, как Вы видите будущее нашей Матери-Церкви, если сейчас так сильно выражена тенденция к усилению власти епископата?*

— Нам нужно знать историю нашей Церкви, так как тот священник, кто ее не знает, просто не имеет права быть священником. Необходимо в любом случае сохранять единство — ведь на каждом Богослужении мы молимся о единстве Церкви. Любое разъединение — это сектантство, разделение Ризы Христовой и, по моему глубокому убеждению, — антихристианское действие. Но самое главное, во-первых, нам нужно оставаться православными, во-вторых, не лгать. Это беда не РПЦ, а Московского Патриархата. Среди апостолов от 12-ти и 70-ти были и грешники, и предатели, и еретики. Так было и так будет. Нужно говорить правду, ведь главная отличительная черта христианства — свидетельство его об Истине. Когда наши церковные иерархи боролись за мир — это было простой пропагандой. Сейчас же Церковь и формально, и фактически отделена от государства, что позволяет нам свободно выбирать — говорить правду или же лгать.

* * *

В советский период Русской Православной Церкви был нанесен серьезный урон. Сократилось число приходов, ухудшилось их материальное обеспечение. Государство, где господствовал атеизм, стало культивировать негативное отношение к Церкви и верующим. Советская власть хотела покончить с религией раз и навсегда, но благодаря гибкой политике клира и преданности вере Церковь сумела выжить даже в это трудное для нее время. Именно в эти тяжелые для Церкви дни и начинал свой путь священника протоиерей Георгий Эдельштейн, кроме того, ему довелось принять косвенное участие в создании Открытого письма Патриарху Алексию I, авторами которого были священники Николай Эшлиман и Глеб Якунин. Текст этого документа вызвал большой общественный резонанс как в Советском Союзе, так и за его пределами. Несмотря на это, отец Георгий смог и дальше находиться в преде-

лах СССР, приняв затем священнический сан. Кроме того, он смог стать видным общественным деятелем, в частности, членом Московской Хельсинской группы, объединявшей в себя часть известных диссидентов.

Значение Церкви резко возросло в послевоенном советском обществе, и это свидетельствует о неэффективности проводимой ранее советским государством антирелигиозной политики. Но отношения государства и Церкви в этот период еще требуют глубокого и всестороннего исследования.

Они войну не выбирали (мои земляки в Чечне)

Светлана Зверева

Тверской государственный медицинский университет,
г. Лихославль, Тверская область

научный руководитель Светлана Владимировна Зверева

«Они были прокляты и убиты там. И забыты здесь. И еще неизвестно, что страшнее», — эти слова сказаны участником Афганской войны, кинорежиссером Сергеем Говорухиным, но они как нельзя лучше подходят к тем, кто был участником другой войны, которая также проходила в XX веке.

Как бы ни называли те события в Афганистане и Чечне — интернациональным долгом или контртеррористической операцией, локальным конфликтом или борьбой с бандформированиями, — это войны. Войны, где пролилась кровь наших граждан, где многие российские солдаты и офицеры проявили героизм и самоотверженность.

В нашей школе есть музей «Дорогами Афгана и Чечни». В прошлом году, когда я еще училась в школе, к нам в музей пришла женщина и стала рассматривать фотографии в витрине. А потом с обидой сказала: «Где вы взяли такую неудачную фотографию моего мужа?» Как потом оказалось, перед нами стояла жена погибшего в Чечне Игоря Филатова. Потом мы долго сидели в классе, и Наталья Васильевна рассказывала о своем муже. После этого я поняла, что должна написать не только о тех, кто был в Чечне, но и о тех, кто ждал их возвращения дома. Все лето я встречалась с теми, кто проходил службу на территории Чечни, а также с работниками полиции, которых отправляли в служебные командировки.

В этом году исполнился 21 год со дня ввода федеральных войск в Чечню. 11 декабря в Твери впервые были официально проведены торжественно-ритуальные мероприятия в Суворовском парке у Мемориала воинам, погибшим в Афганистане и других «горячих» точках.

Мама рассказывала, как боялась за отца, который в то время работал в милиции, что его отправят в командировку в Чечню, тем более, что отправляли каждые три месяца. В 1999 году, когда мне был всего год, папа собрался ехать туда, но мама непустила. Он был единственным сотрудником отдела, имевшим пятерых ма-

леньких детей. Правда, отец возмущался и ругался с мамой, говорил, что он «за ползунки детские спрятался». Но когда из командировки вернулся контуженный сосед и начал потихоньку спиваться, папа обижаться перестал.

Шесть человек из нашего подъезда служили в милиции и все они, за исключением моего отца, побывали в командировках, а некоторые по несколько раз. Я редко вижу их: кто-то уже вышел на пенсию и поменял работу, а кто-то продолжает служить уже в полиции. В прошлом году мы похоронили соседа, ему было чуть больше сорока, и его жена, плача, сказала, что это Чечня его догнала.

В память о дяде Сереже, который приходил к нам в класс, рассказывал о своих друзьях, с которыми ездил в командировку, и совсем мало говорил о себе, я и хочу написать свою работу. Постараюсь рассказать не только о милиционерах, выполняющих свою работу по наведению порядка, но и о тех, кто проходил срочную службу. А еще я хочу рассказать о мамах и женах, которые дома ждали возвращения мужчин из далекой Чечни.

СРОЧНИКИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Не секрет, что разговорить участников современных военных конфликтов сложно, но, к моему удивлению, те, к кому я обращалась, соглашались встретиться и ответить на мои вопросы.

Уже после второй встречи я поняла, что в воспоминаниях солдат, прошедших срочную службу в армии, много общего.

Саша М. родился в 1976 году. Окончив девять классов и не желая уезжать из родного дома, поступил учиться в профессиональное училище на газосварщика, успел получить и автоправа. Получив диплом в 1994 году, с удовольствием пошел служить в армию, тем более что старшие братья уже отслужили, а в семье простых рабочих, где вырос Саша, даже не возникал вопрос — служить или не служить.

Свою службу Александр начал в Московской области, в поселке Софрино, во внутренних войсках. Сразу же стало известно, что ребят готовят к командировке на юг, правда, куда именно, сначала не говорили. Прослужив меньше года, ребята стали поговаривать о том, что командировка может быть в Чечню. А потом стало известно, еще в декабре в Грозный были отправлены старослужащие из их части. Сашин призыв готовили отправить вторым эшелоном. В части молчали о потерях, которые понесла часть, поэтому никто из солдат не отказывался ехать.

Они войну не выбирали (мои земляки в Чечне)

Вот как об этом вспоминает Саша: «Ночью подъем, приказали построиться на плацу. Командир зачитал приказ, поехали в аэропорт, загрузили в самолет и полетели в Осетию, а из Осетии в аэропорт Северный в Грозном. Потом погрузили на машины и отправили в свою бригаду, которая находилась в Грозном в 5–10 минутах от центра. В марте 1995 года город был уже разрушен, дом правительства, девятиэтажки разрушены, оставался частный сектор. Трудно было представить, глядя на руины, что где-то шла мирная жизнь».

Сначала ребятам сказали, что они едут на три месяца, потом пребывание в Чечне продлили до девяти месяцев. Разместили на территории бывшей автобазы, в палатках и землянках. Никаких условий для жизни не было. Быт налаживали сами. Палатки отапливались сварными буржуйками. Воду привозили в цистернах, поэтому ее приходилось экономить. Из-за невозможности вовремя помыться (баню построили позже), появились вши, которые завелись даже в матрасах. Их было очень трудно вывести. «Мы прибывали к себе на базу, после очередной операции, сразу в баню спешили, хотелось грязь смыть. После бани, когда чистое белье одевали, такое блаженство испытывали, правда, недолго. Стоило лечь на матрас, и вши не давали спать. Ведь выводить было некогда, на следующий день опять операция».

Александр Т. был призван в ноябре 1994 года, служил в дивизии имени Дзержинского (отдельная дивизия оперативного назначения). Он признался, что попал в специальный набор; отбирали ребят одного роста — 180 см и обязательно хорошо физически подготовленных.

Запомнилось распределение, кто куда пойдет служить. Офицер ходил вдоль шеренги и на руке писал: «спецназ», «разведка», «авторота». Саша оказался в спецназе. Потом полгода проходил «курс молодого бойца».

«Постоянные, каждодневные нагрузки, марш-броски 10–15 км почти каждый день с полной выкладкой. Несколько раз были ночные тревоги, нам сразу сказали, в любой момент могут отправить в командировку, правда, куда, не говорили, но мы уже догадывались, что это будет на юг, тем более что партию наших отправили в Чечню еще в декабре».

5 мая 1995 года подняли ночью по тревоге, приказали взять вещмешки, приготовленные заранее, и повезли на аэродром. Через 2,5 часа были уже в Моздоке. 5-часовая тренировка, а вечером в аэропорт Северный, в Грозный.

«Встречали нас деды на “Уралах” и ЗИЛах. Полк располагался в 15 км от Грозного в заводском микрорайоне. Пока по Грозному ехали, видели разрушенные дома, трупы, а в жилых домах окна мешками с песком завалены, словно оказались во время Великой Отечественной войны. Разместили нас в полуразрушенной школе. В бывших классах были установлены двухъярусные кровати, это был пункт дислокации, а остальное время все были на блокпостах. Матрацы, одеяла, подушки собирали по разрушенным домам после обстрела. Из-за того, что мыться особенно было некогда да и негде, развелись вши — так много, что когда снимали белье, казалось, что оно шевелится. Мы одежду вымачивали в керосине или солярке, да и сами нередко окунались в керосин, чтобы убить всю эту живность».

Но когда наступало лето, солдат отправляли в поля, где они жили в палатках. Перед тем как поставить палатку, нужно было обязательно выкопать углубление в земле, а она была твердая, так что иногда до крови мозоли набивали. Во время дождя палатку часто заливало и приходилось вылезать через окно наверху палатки.

На мой вопрос, как обстояло с продовольствием, оба Саши отметили, что с продуктами было туго.

«Обычно все получали сухой паек, им и питались, иногда готовили на полевой кухне, — вспоминает Саша М. — У многих наших ребят после таких командировок начинались болезни желудка. Надо признаться, иногда с голодухи воровали скот у местных. Просто останавливали машину у того места, где паслись коровы или овцы, одну подстреливали, бросали в машину и увозили на блокпост. Бывало, что продуктов в пункте дислокации части не было совсем».

Саша Т. тоже признался, что продуктов было мало, за хлебом ездили в ближайший город, за 18 км. «За забором школы в здании больницы был размещен батальон внутренних войск, мы иногда ночью забирались и воровали сгущенку. Однажды во время обстрела подстрелили корову, наделали с нее шашлыков, стали жарить, но были такие голодные, что полусырое мясо съели». А когда были на задании и жили в окопах, так макароны, которые взяли в качестве сухпайка, отсырели и заплесневели. «Мы макароны промывали, потом сушили и варили. Зато когда пришли на базу и нас накормили гороховой кашей, мне казалось, что ничего вкуснее я никогда не ел».

Саша М. рассказал о том, чем они занимались. Почти каждый день ездили на операции — освобождали аулы от боевиков, прово-

Они войну не выбирали (мои земляки в Чечне)

дили «зачистки» — выявляли боевиков, извлекали наркотики, оружие. Иногда за один такой выезд теряли своих товарищей.

«Освобождали мы как-то Аргун. Дело в том, что боевики вырезали весь внутренний отдел, держали весь город в своих руках. Наше подразделение участвовало в освобождении. Перебежками бежишь к дому и краем глаза видишь, как бежавший рядом с тобой падает. Но в тебе уверенность, что с тобой такого не произойдет, словно ты заговоренный. Достаточно недели, чтобы пропал страх, не верили, что в восемнадцать лет ты можешь погибнуть. Поэтому спокойно ходишь и собираешь тела убитых товарищей». Многие из Сашиных сослуживцев погибли, самое трудное было сообщать родным о гибели их сына. Сам он ни разу не ездил сопровождать «груз 200».

У Саши Т. служба была похожей, те же зачистки, патрулирование, ведь в Грозном с 22.00 начинался комендантский час, а домой возвращались местные жители, многие боевики сбрасывали бороды, так что наши солдаты должны были выявить их. Саша признался, что определяли очень просто: у кого подбородок незагорелый — боевик.

Запомнились Александру подготовка и празднование 9 мая 1995 года. «В ночь на 9 мая всем раздали боекомплект, объявили боеготовность. Обстреляли ночью школу. Русские на парад пришли празднично одетые, а чеченцы были злые, потому что ночью во время боя их дома подожгли сами же боевики. На парад привезли ветеранов, усилили охрану, мы контролировали те дома, которые казались подозрительными, но выстрелы прозвучали, правда, обошлось без жертв».

Саша признался, что они постоянно были в боевой готовности; как только узнавали, где проходило нападение, их сразу же отправляли на этот блокпост, собирали раненых, а иногда и тела убитых. В Гудермесе попали под обстрел, командир был ранен, солдат осталось всего 15 человек. Им приказали продержаться два дня, паек выдали, а получилось, что нужно было держать оборону две недели. Продукты из сухпайка сначала отсырели, потом заплесневели, но других продуктов не было, поэтому промывали и варили в котелке.

Недалеко от Грозного была расположена радиовышка, которую Сашин взвод должен был охранять. В высохшей земле выкопали блиндажи. Глубина была всего полметра, потому что копать было очень трудно. Когда начался обстрел, один из снарядов провалил плащ-палатку.

«А мы смотрели и думали: взорвется или нет? Да вообще много чего страшного было. Наш блокпост отделяло от “зеленки” (зеленка — это деревья с зелеными листьями, где легко было спрятаться боевикам) минное поле. Боевики перед наступлением гнали овец, коров, которые взрывались на минах. Карт у нас не было, поэтому расположение трупов животных определяло, где поля заминированы, а где уже нет».

Когда были на высоте, солдатам не хватало продуктов, иногда «вертушка» сбрасывала два мешка макарон, их и ели. Нужно было на чем-то варить эти макароны, поэтому за дровами ходили по узкой тропинке в небольшой лесок. Иногда боевики устанавливали растяжки, которые назывались «лягушки» — длинная банка подлетала приблизительно на метр и на уровне пояса взрывалась. «Так у нас один солдат погиб, семь было ранено. Очень опасными были “двухэтажные” мины, когда на заложенную поглубже мощную мину насыпали тонкий слой земли, а сверху ставили вторую мину. При неосторожном разминировании, раздавался сильный двойной взрыв. Иногда погибали по глупости. С поста менялись через 3 часа, до казармы всего 500 м по открытому месту, прежде чем меняться — мы ракетницу пускали, чтобы проверить, не успели ли боевики растяжки поставить. Мы слышали, что иногда на блокпостах “духи” наших вырезали, поэтому ночью, как только слышали шорох, тут же в темноту начинали стрелять, могли и своих подстрелить... а иногда это просто ежик был. Перед тем как отправиться на задание, патроны приносили ведрами, засыпали, куда только можно, боялись, что попадем в засаду, а у нас боеприпасов не хватит, вот и запасались».

Меняли нас через месяц. Мы за это время уже привыкали к обстрелам, а новенькие не знали, куда бежать, как лучше прятаться. Поэтому мы перед отъездом на базу проводили что-то вроде курса молодого бойца, рассказывали, где прятаться. Но как только мы уехали, нашу высоту накрыли огнем из минометов, так что наша учеба не помогла и не спасла никого».

В июне 1995 года небольшой город Буденновск в Ставропольском крае подвергся нападению банды под руководством Шамиля Басаева. По телевизору постоянно показывали в новостях репортажи с места событий, но, по мнению Александра Т., там на самом деле и 30% правды не показывали, все было гораздо страшнее. Александр вместе со своими ребятами охранял коридор для спецназа, когда те прибыли освобождать заложников. «Еще нам пору-

Они войну не выбирали (мои земляки в Чечне)

чили охранять встречу, где подписывали документы о разоружении. Место было открытое, боевики все вооружены, в зеленых повязках, были на встрече и старейшины. Мы их называли “нохчи”, или “чехи”, им верить никак нельзя. Мы политикой не занимались, даже не думали; нас куда отправляли, туда мы и ехали. Иногда мы в горы, а они с гор. Встречались у колодца; мы фляги наполняли колодезной водой, замечали, что “духи” одеты хорошо, а пили они не простую воду, а разводили порошок “юпи”, — мы такой первый раз видели, а тех снабжали из-за границы».

Меня интересовал вопрос взаимоотношений с местным населением, и опять в воспоминаниях моих собеседников было много общего.

Как рассказывал Александр М., с чеченцами общались мало, но, бывало, помогали местному населению продуктами, медикаментами. «Надо признать, что местные на нас смотрели, как на собак. Нас предупредили, как только мы в Чечню приехали, что местные могут днем называть тебя братом, другом, защитником, а вечером или ночью обстрелять блокпост. Помню, нам дали задание срочно выехать на помощь нашим в Аргун. Но, проезжая через одно из сел, мы увидели вооруженных мужчин, которые вышли на улицы и заблокировали дорогу. Стали спрашивать, куда мы направляемся, командир соврал, что мы выезжаем домой, тогда нас пропустили. Но потребовали, чтобы мы ехали не напрямую, через Аргун, а по окружной дороге. Вот тогда мы страху и натерпелись, ведь они в любую минуту могли нас перестрелять».

Саша Т. вспомнил, что в июле у них началась настоящая снайперская война. Каждый вечер от пули снайпера погибал солдат. Никак не могли выяснить, где же прячется снайпер и как он проходит так близко к расположению, казалось бы, все уже примелькались, и посторонних просто не было. «А потом оказалось, что снайпера мы очень хорошо знали. Дело в том, что рядом с нашей школой дедушка ходил, лет 60, вежливый такой, часто подходил к нам, спрашивал, какие фрукты любим, скушаем ли по дому, а как только вечер наступал — начиналась стрельба. Наши разведчики прочесывали окрестности, никак не могли найти, к деду этому тоже заходили, он тихий, в тапочках сидит, спокойно разговаривает. Поймали его совсем случайно, он не успел в огороде установку гранатомета спрятать. И так многие — днем мирные жители, улыбочивые, а как стемнеет — оружие в руки. Вообще я хочу сказать, что и взрослые и дети не хотели, чтобы мы находились в Чечне. Чуть что, крича-

ли: «Убирайтесь!», особенно, когда мы колонной за хлебом в Хасавьюрт ездили».

Александр М. с благодарностью вспоминал своих офицеров, с которыми были хорошие отношения, они всегда понимали солдат. В их части не было такого, чтобы кого-нибудь продали на работу, как случалось в других частях. Никто из офицеров не был замечен в продаже оружия и боеприпасов. Если кто-нибудь из солдат поздно возвращался с базара (после 8 часов вечера комендантский час, по движущемуся предмету могли стрелять), так офицеры в любое время выезжали забирать своих.

Александр Т. тоже повезло. «Офицеры у нас очень хорошие. Андрей Елисеев крест получил (он приравнивался к медали за боевые заслуги), так после одного боя, он свою награду солдату вручил. Правда, некоторые, как только приезжали в Чечню, переодевались в солдатскую форму, чтобы не стать мишенью для снайперов».

Каждый, кто был в Чечне, независимо от того, на какой срок отправляли, на полгода или на девять месяцев, хотел побыстрее вернуться домой. Александр М. признался, что никаких «боевых» выплат солдаты не получали. Как и во всех армейских частях, начисляли только 160 рублей. Из них 120 рублей в месяц перечисляли на счет и 40 рублей выдавали на руки.

Александр Т. тоже «не разбогател» на войне: «В полку объявили, что нам льготы положены — 50% стоимость проезда, 50% ЖКХ, но после демобилизации дома заявили, что никаких льгот, в области денег нет».

В декабре 1995 года оба Александра были демобилизованы. На мой вопрос, хотели ли бы они вернуться в Чечню, оба ответили, что если бы 10 лет назад предложили, то согласились бы, а сейчас нет, ведь у каждого семья. А спокойствие и безопасность семьи для них — самое главное!

Ученик нашей школы Максим Б. тоже служил срочную службу в Чечне. Его призвали в армию, в спецнабор, 3 июля 1999 года. Он прошел курс молодого бойца в Тульской десантной дивизии. О командировке в Чеченскую республику командиры говорили с первого дня, а отправили после ноябрьских праздников. Служил он в течение 9 месяцев. Рассказывать о службе категорически отказывается, но его мама передала три письма, остальные он сжег, когда вернулся из армии. Из писем видно, что служба была трудная, правда, Максим старался родителей не расстраивать, поэтому писал в основном общие фразы.

Они войну не выбирали (мои земляки в Чечне)

«Со мной все нормально, жив, здоров, погода у нас + 30. Скоро наш батальон уезжает на “Чеченско-грузинскую” границу, но вы не волнуйтесь, все будет хорошо, но толком еще ничего неизвестно. Или на границу или нас грузят в вертушки, и мы летим на высоту 2000 метров. А так тут красиво, кругом горы, вот буквально дня три назад распустились деревья, как тут говорится, началась зеленка, сейчас снайперы будут работать, зимой было видно за 300 метров, а сейчас и за 30 ничего не разглядеть, так что эти уроды будут теперь вплотную подкрадываться, вот такие здесь дела». (Я уже упоминала, что «зеленка» — это распустившиеся деревья, а за листьями легко могли спрятаться боевики, которые хорошо знали местность).

Удивительно, мне всегда казалось, что в армии все письма перечитывают и писать о боевых операциях нельзя, но вот в письме, датированном апрелем 2000 года, читаю: «Вы, наверное, уже в курсе, что нашу колонну обстреляли. Но это все было подстроено, потому что когда пацаны ехали обратно, то все блокпосты были сняты и был изменен маршрут. Так что вот так, и в Тулу поехало 16 цинков. Колонну начали обстреливать, где-то часов в (в письме три точки и пропуск — С. 3.) вечера. Сначала хотели наш взвод кинуть на подмогу, но не кинули, потому что мы на следующий день улетели в горы на вертушках на высоту 1600 метров. Там на высоте мы пробыли всего 4 дня, теперь мы опять в полку. Но вы не беспокойтесь, со мной все будет нормально».

Письма Максима — обычные для двадцатилетнего юноши, он спрашивает о здоровье родителей, о сестренке, о друзьях, о даче, на которую раньше ездил с родителями. Читая его письма, понимаешь, что, несмотря на то, что пришлось пережить в Чечне, он все еще мальчишка. «У меня все нормально, погода стоит жаркая до 40 градусов. Сегодня получили сухпай на 5 суток, послезавтра в горы. Также вчера получил письмо от Анюты, ей я тоже ответ написал. Вы главное не расстраивайтесь, все будет хорошо. Передавайте всем большой привет. Вы пишете, что видели меня, как я сидел на броне, вам, наверное, показалось, потому что к нам в горы корреспонденты не прилетают, они только на равнину ездят, сюда они боятся прилетать. Тут к нам какие-то артисты прилетали, хотели концерт дать, артиллерия как начала стрелять, они сразу же сели в вертолет и улетели. Вот такие дела. Как мне тут уже надоело, скорее бы к вам домой».

Когда Максим вернулся из армии, он старался не вспоминать о том, что ему пришлось пережить, но бросил курить, хотя начал

курить еще в 8-м классе, объяснил просто: «для боевиков огонек сигареты — отличная мишень и многие ребята погибли из-за того, что закурили в темноте на посту».

При встрече с чеченцами, которых в нашем маленьком городке достаточно, мрачнел, на скулах начинали ходить желваки, кулаки сжимал так, что косточки белели.

1995 год для нашего района запомнится тем, что в поселок Калашниково и деревню Вески пришли «похоронки». Как необычно в наше время звучит «похоронка»...

В семье Сухаревых из поселка Калашниково росли два сына. Младший Дима рос веселым, общительным мальчиком, у него всегда было много друзей. Отличался настойчивостью, принципиальностью, развитым чувством собственного достоинства. В характеристике в райвоенкомат классный руководитель написал: «Неформальный лидер класса». Он хорошо ходил на лыжах, любил с мальчишками играть в хоккей, занимался легкой атлетикой, в районе на соревнованиях занимал призовые места. С 3-го класса занимался в поселковом духовом оркестре, очень любил гитару, писал стихи.

Когда Дмитрию исполнилось 18, он ждал повестку в армию. И отец и мать переживали за сына, просили его поступить в вуз, чтобы получить отсрочку, а он только отмахивался, повторяя: «Все мои ребята уйдут, а я по поселку ходить буду? Как я в глаза их матерям смотреть буду? Что будет, то и будет!»

9 июля 1994 года Дмитрий был призван Лихославльским райвоенкоматом в армию. Попал служить в учебную часть во Владимире. Учили на механика-водителя тяжелых и средних танков. Служба проходила неплохо, получал благодарности, увольнения. Когда родители приезжали в часть, от офицеров слышали о сыне только хорошие отзывы.

После нескольких месяцев службы признался родителям: «Вы были правы — надо учиться». В декабре 1994 года ему присвоили звание сержанта.

На Новый год прислал письмо, что на праздники обещают отпустить домой. Но 28 декабря вдруг всех отправили в Тверь, сказали, что на месяц, ремонтировать танки. Однако на полигоне в Мигалове (район в городе Твери, где расположены воинские части) их переучивали.

Из танкиста он стал пехотинцем. Неоднократно просился, чтоб его перевели в танкисты, но отвечали, что они не нужны.

Александр М. (третий слева) с сослуживцами

Сотрудники милиции в Курчалое

Александр Т. во время срочной службы

Александр Т.
(первый
в первом ряду)

Они войну не выбирали (мои земляки в Чечне)

Его назначили командиром БМП. В ночь с 14 на 15 января в составе 166-й мотострелковой бригады Дмитрий был отправлен эшелоном в Чечню. Около двух недель находился на учениях в горах Осетии. Оттуда написал родителям: «Я вас очень люблю. Берегите себя. А я приеду живой и здоровый. В конце января идем на Грозный». Это было его последнее письмо домой.

Погиб Дима в Грозном 5 февраля 1995 года (в извещении — 6 февраля) от пули снайпера.

Родителям пришло письмо от офицеров 5-й мотострелковой роты: «Ваш сын Дмитрий был командиром 1-го отделения 3-го взвода и командовал машиной № 257. Мы все знали и уважали его как хорошего человека и командира. И мы, поверьте, пишем так не потому, что о погибших плохо не говорят. Его уважали во взводе. И его друзья были с ним до конца. 1 февраля мы вошли в Грозный и заняли оборону на юго-западной окраине города в районе студенческого городка. 3 февраля два взвода, в том числе и 3-й, получили задачу занять оборону в здании бывшей картонажной фабрики. Оно было двухэтажным.

Отделение Дмитрия с остальным взводом обороняло 2-й этаж. Здание фабрики постоянно обстреливалось, днем снайперами, а ночью подходили группы боевиков. Отделение Дмитрия, под его командой, успешно отражало их атаки. 5 февраля около 15 часов Дмитрий получил задачу занять позицию на крыше фабрики. Взяв оружие и гранаты, он поднялся на крышу, но не успел сделать и несколько шагов, как был сражен пулями снайпера. Откуда он стрелял, никто не видел. В этот же день вечером мы ушли с фабрики в другой район... Дмитрий был настоящим мужчиной».

Диму нашли на следующий день, на крыше здания, с гранатой в руке. А родители узнали о гибели сына от тверских женщин, которые были недовольны объяснением сотрудников военкомата: «Ваш сын пропал без вести» и поехали искать сами. Так они узнали о гибели Димы и сообщили Сухаревым. А в военкомате даже 18 февраля твердили, что Дмитрий жив-здоров, а в боевых действиях не принимал участия.

Хоронить Дмитрия Сухарева 1 марта 1995 года в Калашникове пришли все жители.

Рядом с портретом Д. Сухарева в музее «Дорогами Афгана и Чечни», который располагается в школе, где я училась, есть портрет еще одного бойца, погибшего в Чечне. Это Игорь Геннадьевич Филатов.

Игорь Филатов переехал в наш район в 80-е, в годы перестройки, когда сложно стало с работой в Удмуртии. В семье росли двое детей, но так как в совхозе «Лихославльский» тоже начались перебои с зарплатой, Игорь пошел в районный военкомат и подписал контракт на службу. Как вспоминает жена Наталья, он был уверен, что сможет заработать деньги и семья ни в чем не будет нуждаться. Наталья очень боялась, что мужа отправят в Чечню, но он успокаивал, говорил, что он же не «желторотый юнец», а уже отслуживший, знающий все военные премудрости.

В Чечне он пробыл с 19 января до 23 февраля 1995 года, служил в отдельном танковом батальоне 166 мотострелковой бригады. Подробнее о том, что произошло в день гибели старшины Игоря Филатова, я нашла запись в блоге очевидца, майора Вадима Лященко, начальника связи 245 полка (aventure56.livejournal.com).

«Предположительно 20–22 февраля 1995 года под Гойтами подразделения 245 полка стояли долго. Позиции нашей роты были сильно растянуты. Ближайшее к нам второе отделение находилось справа от нас возле дороги, идущей в Грозный.

Слева от нас сначала вообще никого не было, чуть позже там заняли позицию подразделения 166 Тверской бригады. Парни даже приходили к нам знакомиться. Хорошо, что днем пришли и громко орала, когда подходили. Пообщались, договорились друг друга по ошибке не пострелять.

23 февраля танкисты 166 бригады, во второй половине дня поехали на разведку на двух танках. Экипаж командира танкового батальона майора Куракова Олега Анатольевича и второй танк экипаж командира 2 танковой роты капитана Топоркова Андрея Александровича.

Группа танков возвращалась через боевые порядки 245 полка. Контрактники, сидевшие в траншее, не были предупреждены об этом, не разобравшись в обстановке, приняли два танка за атаку дудаевцев. До 23 февраля в этом районе была тяжелая обстановка. Три чеченских танка вели обстрел санроты 245 полка. Вот эти два танка и приняли за них.

Машину комбата подожгли первым же ПТУРОм, детонировал боекомплект, поэтому никого из горящей машины спасти не пришлось. Танк Топоркова подбили через несколько минут. Экипаж погиб весь. Боя как такового не было, все было очень быстро».

Получается, что экипаж танка, в котором был и мой земляк И. Филатов, подбили наши же бойцы!

Они войну не выбирали (мои земляки в Чечне)

Почему такое бывает? Кто виноват, что дети Игоря Геннадьевича и других бойцов росли без отцов?

Срочную службу в Чеченской республике проходили многие из моих земляков. Но только двое из них согласились подробно рассказать о службе. Остальные были немногословны, ссылаясь на то, что вспоминать нечего или что боятся за свои родных.

КОМАНДИРОВКИ РАБОТНИКОВ МИЛИЦИИ В ЧЕЧНЮ

Александр М., о котором я уже рассказала, снова оказался на территории Чечни в 2001 году, теперь в качестве бойца сводного милицейского отряда. Он ехал с определенной целью — заработать, чтобы купить квартиру. К тому времени он успел жениться, в семье подрастала маленькая дочь, а собственного жилья не было. Правда, вместо обещанных 90 тысяч рублей за шестимесячную командировку ему выплатили около 25 тысяч, которых на квартиру хватить не могло. Пришлось вступить в ипотеку и долгое время он жил с семьей в однокомнатной квартире. Только два года назад, после рождения сына, удалось поменять с доплатой однокомнатную квартиру на двухкомнатную. Кроме того, после командировки Александр получил язву двенадцатиперстной кишки, да и нервным стал, по мнению родных.

Вспоминая эту командировку, Саша признался, что на собственные деньги покупал патроны к автомату, потому что выданных не хватало. Он говорит, что нередко бойцы погибали по глупости, только потому, что не знали, как себя вести в экстремальной обстановке. А еще возмущала плохая почтовая связь, по телефону можно было поговорить с женой всего одну минуту в неделю, а письмо от нее вообще получил только через неделю после того, как вернулся домой из командировки.

На 300 человек был один душ, и, как и в первую командировку, пока баню сами не построили, боролись со вшами. Когда появилась возможность мыться в бане и стирать, стало легче. Кормили ужасно. Те, кто готовил, кидали в котел все подряд, кое-как очищенное: лук, картошку, капусту. Получалось нечто, что невозможно было есть. Поэтому готовить пытались сами.

Саша с обидой рассказал, как его встретили в отделе в первый день приезда из командировки в Чечню. Оказалось, что он должен был вернуться только через неделю, но по невнимательности в штабе перепутали бойцов с одинаковыми фамилиями и отправи-

ли не того. Когда Саша встретился с начальником отдела, тот спросил: «А ты что так рано приехал? Может, тебя выгнали? Натворил что-нибудь?»

Евгений И. тоже побывал в командировке в Чечне как сотрудник милиции. К тому времени многие из его сослуживцев вернулись из Курчалоя, где был размещен временный отдел. Главными задачами были наведение порядка и охрана мирного населения. Так как Женя приехал не самым первым, то быт был уже налажен, имелись стационарные баня и столовая. Но, как и Саша, Женя отмечал плохую связь с домом, тем более что перед отъездом его отцу поставили диагноз «онкология». Женя просил, чтобы ему дали возможность перенести командировку на более позднее время, чтобы побыть последние недели с отцом, поддержать мать, но начальство навстречу не пошло. Так отец и умер, а его даже на похороны не отпустили. Равнодушие начальников настолько поразило Женю, что он стал злоупотреблять спиртным. Только поддержка жены и матери помогла справиться с этой проблемой, но второй раз в командировку он не поехал.

Следующим моим собеседником был еще один Саша — Александр В. Он пробыл в Чечне полгода, с июня по декабрь 2007-го. Когда устраивался на службу в райотдел, его сразу предупредили, что командировка в Чечню — обязательна, даже несмотря на то, что в семье двое маленьких детей. Так что родные были готовы к тому, что их ожидает.

Его направили в Курчалой. По рассказам Саши В. я поняла, что это небольшое село, примерно как половина нашего города Лихославля, одноэтажные частные домики, никакого производства.

Я спросила, что входило в обязанности милиционеров, которых отправляли в Курчалой? Саша признался, что главным в их службе было выявление и ликвидация бандитских групп, а также оказание помощи чеченской милиции. «Обучали, помогали в работе с документами, выезжали на “зачистки”, официальных боевых действий не было, проводили адресные мероприятия, если было сообщение о том, что кто-то скрывается. Каждую ночь с июля по октябрь выезжали на засады в местах появления бандитов, с целью задержать их или ликвидировать. В мою командировку, слава богу, нападений на наш отдел не было. Так, что ни один патрон не пригодился».

А с местным населением нужно было постоянно быть начеку. «Казалось бы, относились внешне лояльно, однако ночью я бы ни с кем не остался один на один, ощущалась скрытая угроза. В горах

Они войну не выбирали (мои земляки в Чечне)

постреливали, чаще столкновения происходили с войсками. Мы стояли в оцеплении. Наши солдаты при мне участвовали в 3–4 боях, потери были и с нашей стороны и с их».

Запомнилось Саше, как отмечали профессиональные праздники: День милиции, День уголовного розыска. Было торжественное построение, где вручали боевые награды, поощряли отличившихся бойцов. Потом всех ждал праздничный обед по подразделениям. Кроме того, к тверским милиционерам приезжали журналисты из Твери, а еще композитор и исполнитель своих песен — Леонид Телешев. «Для нас это выступление было очень важным, ведь это была весточка из дома, кроме того, все наши бойцы очень уважали Телешева — друга Михаила Круга. Поэтому места свободного не было, все с удовольствием слушали знакомые песни, ведь у каждого милиционера обязательно были записи этого певца».

Я уже писала о том, что в нашем подъезде проживало шесть сотрудников милиции (сейчас — полиции), из них только мой папа не был в командировке в Чечне, все остальные побывали.

Для Николая П. командировка была обычной поездкой. По его словам, он сидел в штабе и оформлял документы, ни в одном боевом выезде не участвовал, но все льготы получил, и доплату получает, когда вышел на пенсию.

А для Сергея О. командировка стала причиной болезни, из-за которой пришлось уволиться из органов. Он никогда не страдал эпилепсией, а после командировки, особенно после напряженной смены, вдруг начинались приступы. Он был водителем дежурной машины и однажды, во время приступа, стал виновником аварии. Начальство предложило написать заявление по собственному желанию. Уволился без пенсии — в возрасте, когда трудно найти работу. Сейчас смотреть на него больно: он опустился, живет случайными заработками, жена ушла, забрав дочь. Когда выпьет, рассказывает, как грузил на машину части тела бойцов, которые подорвались на заложенных боевиками минах.

В 2001 году 11 лихославльских милиционеров в составе сводного отряда Тверской области были направлены в Курчалой. Среди них был капитан Сергей Т. Работа, обычная для милиционеров: проверка паспортного режима, зачистка аулов от боевиков, поиски «схронов» с оружием и наркотиками. Так как федеральные войска были выведены, то милиционеры остались без прикрытия. Поэтому боевики начали настоящую охоту на сотрудников милиции, убивая не только милиционеров, но и чеченцев, которые были

лояльны к федеральной власти. Сергей Т. рассказал, что чеченку, которая предупредила о заложенной на дороге mine, позже нашли убитой.

Сергей руководил группой наших милиционеров, когда на блокпост напали боевики, которые стреляли не только из стрелкового оружия, но и из гранатометов. 8 часов шел обстрел. Контужен и ранен был Николай С., но пост не оставил, а продолжал вести бой. За этот бой он был награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка».

Милиционерам под руководством капитана Сергея Т. пришлось отражать еще одну атаку. 23 февраля 2002 только металлическая решетка спасла их от прямого попадания в блиндаж, где они находились. Всю ночь шел обстрел под грозные крики «Аллах акбар!». У каждого милиционера приклад был обмотан резиновым жгутом, чтобы после ранения перетянуть рану и остановить кровь, а на крайний случай имелся один патрон «для себя». Всего за время его командировки 9 милиционеров были ранены.

В 2001 году прапорщик Юрий С. был направлен в командировку милиционером-водителем. Сначала был даже доволен, ведь его дело — только баранку крутить. О нем я нашла публикацию в лихославльской газете «Наша жизнь». Зоя Соловьева, написавшая свою статью ко дню милиции, познакомила и с послужным списком Юрия, и рассказала о командировке, где он был ранен. Случилось это 2 декабря 2001 года, когда машина, которую вел Юрий, вблизи поселка Мескер-Юрт попала под обстрел боевиков. Кроме него в машине находились руководители Курчалоевского РОВД. Юрий погнал машину на большой скорости, чтобы боевикам было труднее прицелиться. Однако на выезде из стоящего на пути аула слева из кустов ударили очереди: сначала по колесам, потом выше, по ногам, чтобы ранить и взять в плен. Юрий С. получил огнестрельное ранение обеих ног. С простреленными ногами, истекая кровью и преодолевая боль, на ободах и резиновых ошметках вместо колес, он вывел машину из-под интенсивного обстрела и спас жизнь товарищей. За свой подвиг Юрий С. был награжден орденом Мужества (должна заметить, что свою награду он получил только в 2006 году, спустя пять лет после совершенного подвига).

Сергей С. дважды побывал в командировке, участвовал в боевых операциях. Был всегда подтянут, внимателен, все свободное время проводил с женой и сыном. И вдруг, как снег на голову: умер от сердечного приступа. А ему не было и 40 лет. Его жена считает,

Они войну не выбирали (мои земляки в Чечне)

что это командировки дали о себе знать, ведь все, что происходило с ним и с его товарищами, он тяжело переживал.

С братьями С. мы живем в одном подъезде. Дмитрий С. был в Чечне более 10 раз, последний раз командиром отряда. Александр — 14 раз. Оба не видят в своей работе ничего необычного. Удивительно, но мирная жизнь для них скучна и сложна — приходится контактировать с разными людьми, ладить с ними. В Чечне же, с оружием в руках, все решается, по их мнению, просто. А в мирной жизни они теряются.

Александр С. признается: «Там легче. Может, я уже привык там. Я же там служил и в армии, и после армии много раз бывал. Просто там живешь своей жизнью! Приходишь с поста или приезжаешь с операции к себе в кубрик, одни и те же пацаны, одни и те же люди. Здесь надо о многом думать, а там все решается просто. Приказали — выполнил! Выполнил — иди поешь, поспи. Вот и все! А здесь бывает, что самый простой вопрос решить невозможно».

Дмитрий тоже во время разговора был немногословен, но согласился, что и его тянуло в командировки.

Последние годы братья в Чечню не ездят. Денег заработали, у каждого по трехкомнатной квартире, по дорогой машине, младший женат, семья ждет пополнения, казалось бы, можно спокойно жить, только не дает покоя осознание того, что из-за их командировок, умерла мама. Ее сердце не выдержало постоянной тревоги за сыновей. Ведь не успеет наговориться с одним сыном, который вернулся оттуда, а уже нужно провожать другого. Она часто приходила к нам, особенно когда не было сотовых телефонов и ей звонили из Чечни на наш городской телефон. Атеистка, она вдруг поверила в Бога, заставила своих мальчиков креститься, сама крестилась, по выходным ходила на службу. В своей комнате устроила настоящий иконостас, молила Бога увести беду от сыновей. Один из братьев признался, что если бы они были бы поумней, не ездили бы за адреналином в Чечню, не свели бы мать в могилу.

БЛИЗКИЕ И РОДНЫЕ

В отдельную главу я выделила свои беседы с родственниками тех, кто пережил службу и командировки в Чечню.

Муж Елены С. был отправлен в командировку как водитель (так в 2001 году требовалось по разнарядке). «Ничего хорошего от этой поездки не ждали, поэтому изо всех сил пытались отговорить от

поездки. Использовали все, что можно: и слезы, и помощь родителей, и болезни детей. Страх потерять любимого человека преследовал меня на протяжении всей командировки».

Елена пожаловалась, что связь была очень плохая, письма приходили редко. Последнее письмо от мужа пришло, когда он уже был дома. Она и о ранении мужа узнала чисто случайно. «А я уже в декрете была, пошла на наш местный рынок. Вдруг слышу, в очереди говорят о том, что в Чечне наши милиционеры под обстрел попали, есть убитые. Я онемела и слово сказать не могу. Почему-то подумала, что несчастье с Юрой произошло. Побежала в отдел, а мне в ответ: никакой информацией не располагаем. А по тверскому телевидению объявили, что, действительно, наши попали в засаду. Не знаю, может из-за этого, может просто оттого, что нервничала, но попала в больницу. В общем, ребенка я потеряла. Врач сказал: “Мама выдержала, а ребенок — нет”».

После ранения мужа из госпиталя выписали на костылях, добирался до дома он самостоятельно. Повезло, что рядом в вагоне хорошие люди оказались, они ему и помогали, кто чай принесет, кто поесть купит на остановке, кто сигарет.

Мать Максима Б. очень переживала, узнав, что сын находится в Чечне. Поначалу она была спокойна, ведь сын служил в Туле, только волновало, что он стал десантником, как и мечтал.

Перед армией Максим женился, но как только он ушел служить, жена нашла другого мужчину. Его отпустили домой для оформления развода. И вдруг, как обухом по голове, Светлана Васильевна узнает, что сын написал заявление, чтобы его отправили в Чечню. За месяцы, которые сын был в командировке, она постарела, в 40 лет ее черные волосы поседели. Часто повторяла: вернется сын, и все ему будет позволять, ни в чем он отказа не будет видеть. Была счастлива, когда вернулся! Максим привез из армии боевые, тогда это были 2 тысячи долларов. Она их вложила в очередную пирамиду, надеялась, что разбогатеет, но, как и другие вкладчики, осталась ни с чем. Потом плакала, что заработанные с таким трудом деньги не принесли пользы. Да и у сына жизнь не сложилась. Стал недоверчивым, с девушкой, которая ему в армию писала, расстался, долго не мог устроиться на работу.

Л. И., мать Максима Ш., — тоже выпускника нашей школы, очень переживала, когда узнала, что ее сына отправили служить в Чечню. Вместе с ней переживала за Максима и его молодая жена (свадьба была за несколько месяцев до повестки в армию). Сна-

Они войну не выбирали (мои земляки в Чечне)

чала письма приходили регулярно, то матери, то жене, а потом — тишина.

Мать — в военкомат, там, как всегда, «ничего не знают», она в областной центр, и там молчат, правда, один из сотрудников заявил: «Что зря пороги обиваете? Езжайте сами, ищите сына». Она так и сделала, собрала деньги на дорогу, купила продукты, взяла теплые вещи и отправилась в Чечню, по адресу, что на почтовом штемпеле. Оказалось, что части уже на том месте нет, кроме нее приехали еще матери, которым предложили опознать своих сыновей среди трупов. Л. И. заявила, что даже смотреть не будет, потому что уверена, что ее Максим жив.

Узнав, куда перевели часть сына, и заплатив деньги одному военному, поехала по новому адресу. Когда дорогой ехала, встретили колонну военных, ей показалось, что на одной из боевых машин — ее сын. Как потом оказалось, это действительно был он, их часть переводили на новое место службы.

Несколько недель Л. И. скиталась по Чечне в поисках сына, а когда нашла, то ей разрешили десять минут с ним поговорить, и в бой. Для Максима этот бой был роковым, он получил тяжелую контузию, последствием которой стали сильные головные боли и частые немотивированные приступы агрессии. А когда вернулся из армии, его ждало новое испытание: его жена попала в автомобильную катастрофу, получила повреждения, несовместимые с жизнью, и умерла. Прошло почти 20 лет, но Максим больше не женился, работает охранником, нередко его можно увидеть пьяным.

В период проведения активной фазы боевых действий в Чечне с декабря 1994 года по сентябрь 1996 года и с августа 1999 года по март 2004 года погибло 146 воинов-тверичан, все они занесены на памятные доски мемориала.

Прочитав еще раз воспоминания моих собеседников, совсем юных призывников и более зрелых милиционеров, я поняла только одно: в нашей современной России есть люди, которые в минуту опасности могут встать на ее защиту, а еще есть и то, что не всегда наша страна ценит тех, кто ее интересы защищает. Мало того, что боевые выплачивали не всегда и не в полном объеме, мало того, что ни каких квартир прослужившие в горячих точках не получили, им еще и нередко приходится выслушивать циничные замечания в свой адрес, вроде тех, что слышали советские «афганцы».

Андрей Веселов служил в Чечне с 1998 по 2000 год. Участвовал в боях за Грозный, где необстрелянные мальчишки нередко

становились мишенью для снайперов. Именно там был первый раз контужен, второе ранение получил уже в феврале 2000 года, потерял сознание, из ушей и носа потекла кровь, но когда сознание вернулось, попытался вытащить чеку из гранаты, чтобы подорвать себя, считая, что его несут «духи», а плен для солдата хуже смерти. И только услышав, как несущие его ребята начали ругаться матом, чтобы он не взорвал себя и их, понял, что среди своих. Самое тяжелое ранение было третье — осколочное по ногам. После госпиталя его демобилизовали. Обещанной квартиры не получил, а от льгот отказался сам, после случая, произошедшего в городе Вышний Волочек. Зная о льготах при проезде на транспорте, Андрей показал свое удостоверение кондуктору и услышал гневный окрик, который был слышен на весь автобус: «Такую книжечку можно в Москве в любом подземном переходе купить. Да на тебе пахать нужно, а ты мне платить не хочешь, фуфло какое-то в нос суешь!»

Почему такое возможно в нашей стране? За что мальчишки, которые в 18–20 лет видели смерть товарищей, да и сами могли погибнуть в любой момент, должны выслушивать подобное? Ведь в автобусе за Андрея никто не заступился!

В интернете я нашла книгу Александра Хвостова, члена Союза журналистов России, «Ребята, мы вас не забудем». Автор написал о своих земляках из Тамбовской области, но его слова подойдут и к моим землякам:

«О них вообще старается никто не вспоминать, дабы не обременять себя лишними рассуждениями. Но давайте не будем равнодушными. Помните о погибших. Берегите живых. Это пока единственное, что мы можем сделать, чтобы хотя бы на минуту остановить приближение предстоящей войны. В которой, к сожалению, могут погибнуть наши близкие...»

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится Международным обществом «Мемориал» совместно с Союзом краеведов России, Международным благотворительным фондом им. Д. С. Лихачева и Кафедрой региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета с 1999 года.

В жюри конкурса входят известные российские ученые, писатели, общественные деятели.

Цель конкурса — способствовать сохранению исторической памяти и сближению поколений. Его задача — привлечь школьников к изучению российской повседневности, региональной и семейной истории.

Молодые люди находят темы и материалы для своих работ, записывая рассказы о прошлом, работая в региональных архивах и школьных музеях, изучая семейные фотографии и документы.

Работу школьников направляют педагоги — учителя школ, руководители краеведческих и исторических кружков.

За семнадцать лет существования конкурса в архиве Международного «Мемориала» собрано более 38 тысяч исторических работ. Около трети из них прислано из региональных центров. Остальные — из малых городов и деревень.

Лучшие работы прошедших исторических конкурсов опубликованы в семнадцати сборниках на русском языке. Это «Человек в истории. Россия — XX век» (2000, 2001, 2002, 2003), «Время местное, прошедшее» (2006), «Верх по реке времени: Российские школьники об истории XX века» (2012), «По крупицам: Российские школьники об истории XX века» (2013), а также восемь тематических сборников: «Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников» (2004), «Цена победы: Российские школьники о войне» (2005), «Мы все с одной деревни: Школьники села Новый Курлак Воронежской области о судьбах своих земляков» (2006), «Полустертые следы: Российские школьники о еврейских судьбах» (2006), «Как наших дедов забирали: Российские школьники о терроре 30-х годов» (2007), «Круг семьи и колесо истории: Российские школьники о судьбах своих семей» (2008), «Пути следования: Российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века» (2011), «Пишет вам ваш сын и брат: Человек, общество, армия в работах российских школьников» (2014), «Век двадцатый — век необычайный: Российская история XX века глазами школьников» (2014), «Вырвать век из плена: Российская история XX века глазами школьников» (2015).

На немецком языке был издан сборник лучших работ нашего конкурса «Russlands Gedächtnis. Jugendliche entdecken vergessene Lebensgeschichten» («Память России. Молодые открывают забытые страницы биографий», издательство Edition-Koerber-Stiftung, 2004). В том же издательстве в 2006 году вышел сборник «Unruhige Zeiten» («Смутные времена»), включающий работы российских и немецких школьников, победителей конкурсов «Человек в истории. Россия — XX век» и аналогичного немецкого конкурса. Сборник «Быть чеченцем» переведен на норвежский («Å være tsjetsjener Vitnesbyrd fra krigens barn», издательство «Humanist forlag», 2006), итальянский («La Cecenia dei bambini. I giovani raccontano la tragedia del Caucaso», издательство «Einaudi», 2007) и немецкий («Zu wissen, dass du noch lebst», издательство «Aufbau», 2007) языки.

Конкурс проводится при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (ФРГ) в Российской Федерации, Фонда Кёрбера (ФРГ).

В 2016 году при реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 г. № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Движением «Гражданское достоинство» (<http://civildignity.ru>).

С 2001 года конкурс входит в сеть европейских исторических конкурсов Eustory.

Адрес оргкомитета конкурса:
127006, Москва, улица Каретный Ряд, 5/10
Тел. 495 699 65 04
E-mail: konkurs@memo.ru
www.urokiistorii.ru/konkurs

САЙТ «УРОКИ ИСТОРИИ»

В мае 2009 г. был открыт сайт «Уроки истории» (www.urokiistorii.ru). Это консультационный и методический портал для подготовки исторических исследований, дискуссионная площадка для обсуждения проблем отечественной истории. Сайт освещает актуальные события, касающиеся современного состояния культуры памяти и исторической политики, развития исследований истории XX века.

На сайте размещены сборники работ участников конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», информация о российских и международных конкурсах, выставках, аннотации учебников, книг и научных статей, рецензии на фильмы, теле- и радиопередачи, затрагивающие историческую тематику.

Жюри конкурса

Людмила Евгеньевна Улицкая

председатель Жюри конкурса
писатель, Москва

Даниил Александрович Гранин

писатель, Санкт-Петербург

Александр Юльевич Даниэль

директор программы «История инакомыслия в СССР»
Международного Мемориала, Москва

Сергей Аркадьевич Иванов

историк, профессор НИУ ВШЭ, Москва

Ирина Владимировна Карацуба

историк, доцент МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Александр Валерьевич Кобак

исполнительный директор Международного благотворительного
фонда имени Д. С. Лихачева, Санкт-Петербург

Владимир Фотиевич Козлов

заведующий кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ,
председатель Союза краеведов России, Москва

Ксения Андреевна Ларина

журналист, обозреватель радиостанции «Эхо Москвы», Москва

Мария Александровна Липман

главный редактор журнала «Pro et contra», Московский центр Карнеги,
Москва

Александр Давидович Марголис

генеральный директор Международного благотворительного фонда
спасения Петербурга-Ленинграда, Санкт-Петербург

Арсений Борисович Рогинский

председатель Правления Международного Мемориала, Москва

Никита Павлович Соколов

заместитель исполнительного директора Президентского центра
Б. Н. Ельцина по научной работе, Москва

Ирина Лазаревна Щербакова

председатель Оргкомитета конкурса, руководитель молодежных просветительских программ Международного Мемориала, Москва

Ирина Евгеньевна Ясина

вице-президент фонда «Либеральная миссия», Москва

БЫЛИ И ЖИЛИ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

Редактор-составитель Ирина Щербакова

Редактор Николай Гладких

Корректор Николай Гладких

Верстка Жанна Махмутова

Международный Мемориал

127006, Москва

Каретный Ряд, д. 5/10

e-mail konkurs@memo.ru

www.urokiistorii.ru/konkurs

495 650 78 83

Подписано в печать

Формат 60x90 1/16

Гарнитуры Charter, FranklinGothicBook

Объем 18,5 условных печатных листов

Бумага офсетная

Печать офсетная

Тираж 1000 экз

Распространение бесплатное

Заказ

Отпечатано в ООО «Печатный Салон «Еврографика»

121471, г. Москва, Можайское шоссе, д. 21, корп. 3

495 276 00 76

www.egf.ru